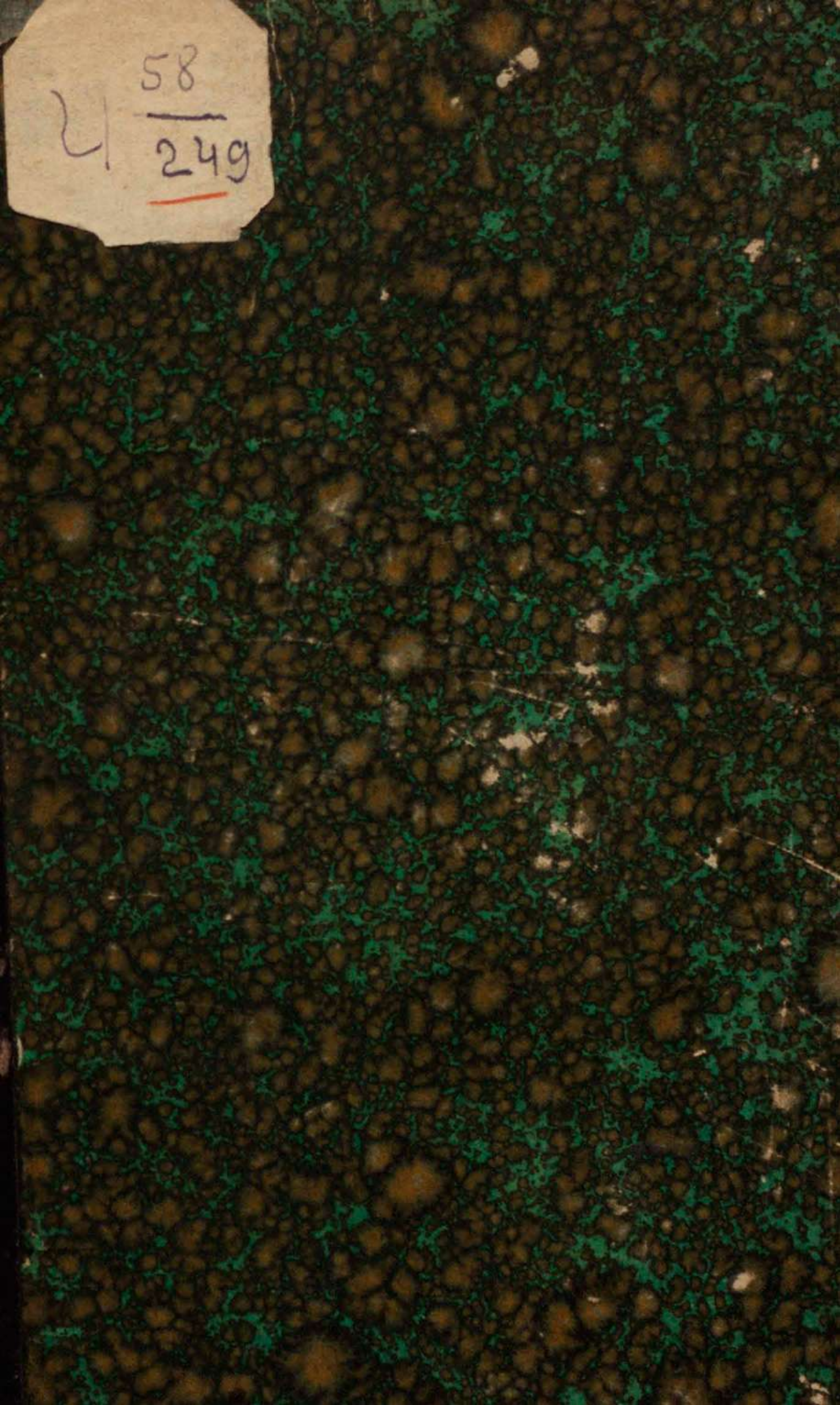

4 58
249

У ИСТОЧНИКА
ЖИЗНИ
КНИГОИЗД-СТВО
·ОСВОБОЖДЕНІЕ·
СПБ
Г. НАРБУТЪ 09

У ИСТОЧНИКА ЖИЗНИ.

Настольная книга по половому воспитанію.

Результатъ конкурса, устроеннаго союзомъ имени Дюрера.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
А. Полоцкой.

Съ предисловіемъ проф. **А. П. Нечаева** и вступительной статьей женщины-врача **Л. В. Писаревой.**

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ОСВОБОЖДЕНІЕ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Т-во Художественной Печати“, Спб., Ивановская, 14.

У ИСТОЧНИКА ЖИЗНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ.

Регулировать чувства, связанныя съ пробужденіемъ половыхъ инстинктовъ, безъ нарушенія чужихъ человѣческихъ правъ и безъ нравственныхъ компромиссовъ съ самимъ собою—одна изъ труднѣйшихъ и въ то же время благодарнѣйшихъ задачъ человѣчества. Далеко не всѣ справляются съ этой задачей. Немногіе даже ставятъ ее себѣ. Но тѣмъ не менѣе она стоитъ передъ нами, и воспитатель, который не пожелалъ бы подготовить своихъ питомцевъ къ ея серьезному жизненному рѣшенію, не можетъ считать себя успѣшно сдѣлавшимъ свое дѣло.

Какимъ путемъ подготовить человѣка къ борьбѣ со всякими впечатлѣніями, ведущими къ половой распущенности и нравственной развращенности?

Конечно, было бы наивнымъ думать, что въ данномъ случаѣ могутъ помочь одни только разсужденія о серьезности половыхъ отправленій и болѣе или менѣе своевременныя и умѣлыя разъясненія волнующихъ ребенка вопросовъ о происхожденіи ему подобныхъ. Сообщеніе подобныхъ знаній можетъ имѣть педагогическое значеніе только тогда, когда оно идетъ рука объ руку съ цѣлымъ рядомъ цѣлесообразныхъ воспитательныхъ мѣръ. Можно легко себѣ представить ребенка, которому своевременно и въ очень подходящей формѣ разсказали тайну бытія и тѣмъ не менѣе совсѣмъ не предохранили его отъ вліянія нравственной грязи. Съ другой стороны, возможны нравственно - чистыя дѣти, которыя, несмотря на очень позднее знаком-

ство съ вопросомъ о половыхъ отношеніяхъ, умѣютъ найти для себя подходящій исходъ въ борьбѣ съ окружающими соблазнами. Итакъ, правильная постановка всего воспитанія, укрѣпленіе всей нравственной личности воспитанника — вотъ гдѣ главная основа рѣшенія вопроса и о средствахъ борьбы съ половой распущенностью.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, въ числѣ воспитательныхъ мѣръ, направленныхъ къ выработкѣ нравственнаго самосознанія дѣтей, серьезное значеніе могутъ имѣть и умѣло поставленныя бесѣды, затрагивающія вопросъ о происхожденіи человѣка.

Какъ и когда вести эти бесѣды? Зачѣмъ онѣ нужны? Какую пользу онѣ могли бы принести въ отдѣльныхъ случаяхъ?

Если воспитательные пріемы вообще требуютъ индивидуализаціи, то въ данномъ случаѣ такое индивидуализированіе является особенно важнымъ. И въ этомъ отношеніи родителямъ и воспитателямъ, которые пришли къ убѣжденію о необходимости побесѣдовать съ дѣтьми по половому вопросу, предлагаемая книга дастъ обширный матеріалъ для размышленія и критики.

Проф. А. Нечаевъ.

Вступленіе.

Великіе по значенію вопросы сексуальнаго воспитанія дѣтей съ давнихъ поръ уже привлекали къ себѣ вниманіе лучшихъ умовъ Западной Европы. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ Ж. Ж. Руссо, призывая въ своей борьбѣ противъ крайностей раціоналистическаго характера просвѣщенія возвратиться къ естественнымъ отношеніямъ природы, работалъ надъ вопросами сексуальной педагогики и находилъ нужнымъ своевременное ознакомленіе дѣтей съ этой стороной жизни человѣчества. Съ теченіемъ времени интересъ къ вопросамъ сексуальной педагогики становился все болѣе общимъ, все большіе круги людей задумывались надъ ними, многіе выдающіеся педагоги, какъ, напр., Базедовъ, Solzmann, Campe и др. посвящали свое время и трудъ изученію ихъ, и въ настоящее время на Западѣ, особенно въ Швеціи, Германіи и Англіи, по этимъ вопросамъ уже имѣется богатая литература.

Наша Россія въ этомъ отношеніи очень отстала. Вопросы сексуальной педагогики въ нашей литературѣ замѣтнымъ образомъ обозначились только во второй половинѣ прошлаго столѣтія, такимъ образомъ, не болѣе 30—40 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ интересъ къ нимъ время отъ времени всплывалъ волнообразно подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ явленій общественной или литературной жизни. На нѣкоторое время этотъ интересъ становился широкимъ, по крайней мѣрѣ, что касается педагогическихъ и врачебныхъ круговъ; читались доклады и рефераты, велись жаркія пренія, появлялись статьи и замѣтки, затѣмъ снова все затихало вплоть до новаго подъема. Такъ было дѣло, напр., съ докладомъ А. М. Калмыковой: „Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половой жизнью человѣческаго организма“, прочитанномъ въ Родительскомъ кружкѣ въ 1892 году.

Послѣдняя волна совпала въ своей послѣдовательности съ появленіемъ на русскомъ языкѣ и съ постановкой на сценѣ „Пробужденія весны“ Ведекинда. Но это произведеніе только одно изъ звеньевъ цѣлаго ряда другихъ причинъ, причинъ, главнымъ образомъ, общественнаго характера, возбудившихъ интересъ къ половому вопросу вообще и вызвавшихъ въ художественной литературѣ появленіе „Санина“ Арцыбашева, въ научно-философской переводовъ Вейнингера, Миллера и др. Но я отмѣчаю „Пробужденіе весны“ потому, что это литературное произведеніе, какъ и общественное явленіе „огарчества“, подошло къ половому вопросу въ его наиболѣе близкой связи съ половой жизнью дѣтей и юношества и собственно съ задачами сексуальной педагогики. И мы замѣчаемъ, что послѣдніе два года, соотвѣтственно волнѣ поднявшагося интереса къ вопросамъ сексуальной педагогики, значительно обогатили нашъ книжный рынокъ соотвѣтствующей литературой, правда, почти исключительно переводной.

Въ настоящее время мы имѣемъ десятка три небольшихъ брошюръ въ 1½, 2, много 3 печатныхъ листа, около того же числа статей въ нашихъ педагогическихъ журналахъ и три, четыре болѣе объемистыхъ труда. Количество, какъ видно, очень незначительное, по содержанію же еще бѣднѣе. Оставляя въ сторонѣ литературу, касающуюся только одного изъ вопросовъ сексуальной педагогики, именно, онанизма и борьбы съ нимъ, изъ которой наилучшей на русскомъ языкѣ является книга Роледера „Онанизмъ“, остановлюсь нѣсколько дольше на литературѣ, касающейся всѣхъ вопросовъ сексуальной педагогики вообще и, въ частности, ознакомленія дѣтей съ явленіями половой жизни. Я сказала, что эта литература очень бѣдна, я прибавлю — потому что очень однообразна. Стоитъ прочесть одну изъ этихъ брошюрокъ и можно впередъ сказать, о чемъ и какъ говорится во второй и третьей. А нѣко-

торыя, буквально, являются почти точными копіями предыдущихъ, даже примѣрные факты изъ жизни приведены одни и тѣ же. Во всѣхъ этихъ брошюркахъ послѣ перечисленія различныхъ гигіеническихъ мѣръ, требуемыхъ раціональнымъ воспитаніемъ полового инстинкта (забота о физическомъ укрѣпленіи организма, раціональная одежда, питаніе, серьезный и интересный трудъ, развитіе воли и т. д.), строго опредѣленныхъ и относительно которыхъ нѣтъ никакихъ разногласій, авторы обычно переходятъ къ вопросу о своевременномъ ознакомленіи дѣтей съ половыми процессами. Установивъ необходимость послѣдняго, авторы ставятъ вопросы: „когда, кѣмъ и какъ" должно производиться таковое освѣдомленіе дѣтей. Не на всѣ вопросы авторы отвѣчаютъ солидарно. Такъ, по вопросу „когда" начинать ознакомленіе дѣтей съ явленіями половой жизни, авторы значительно расходятся въ своихъ отвѣтахъ, тѣмъ не менѣе всѣ ихъ разногласія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ: одни считаютъ желательнымъ ознакомить дѣтей съ половыми процессами какъ въ растительномъ и животномъ царствѣ, такъ и у людей, какъ можно раньше, до пробужденія полового инстинкта, тогда, когда дѣти могутъ воспринять эту тайну размноженія еще совершенно просто, безъ особыхъ специфическихъ ощущеній, какъ всякій другой новый для нихъ фактъ изъ жизни. Другіе же, наоборотъ, боятся своими объясненіями преждевременно натолкнуть ребенка на мысли, настроенія и чувства, связанныя съ половой сферой; эти послѣдніе считаютъ необходимымъ уловить моментъ пробужденія полового инстинкта и тогда дать свои объясненія.

Отвѣчая на второй вопросъ, „кто" наиболѣе пригоденъ дать требуемыя знанія дѣтямъ, всѣ авторы возлагаютъ эту обязанность и на родителей, и на школу, расходясь только въ частностяхъ.

Что же касается третьяго вопроса: „какъ", въ какомъ

порядкѣ и въ какой формѣ должно произойти ознакомленіе дѣтей съ явленіями половой жизни, вопроса болѣе важнаго, чѣмъ вопросъ о томъ, кто возьметъ на себя это дѣло и не менѣе сложнаго и труднаго, чѣмъ вопросъ „когда", то отвѣты авторовъ брошюръ на этотъ третій вопросъ далеко не удовлетворяютъ читателя. Общій планъ распредѣленія матеріала въ смыслѣ постепенности ознакомленія у всѣхъ одинаковъ, всѣ сходятся на томъ, что объясненіе половыхъ процессовъ надо начинать съ царства растеній, переходить къ животнымъ и затѣмъ уже давать понятіе о половой жизни человѣка. Противъ этого возраженій почти нѣтъ*), да едва ли и могутъ быть существенныя. Неудовлетворительной же является та форма, въ которой преподносятся соотвѣтствующія объясненія дѣтямъ. Общій недостатокъ всѣхъ такихъ примѣрныхъ объясненій—ихъ схематичность и сухость. Это—теоретическіе шаблоны, не одухотворенные индивидуализированнымъ жизненнымъ опытомъ. И потому всѣ эти примѣрные разговоры съ дѣтьми, объясняющіе половыя отношенія въ природѣ и въ жизни человѣка, при чтеніи поражаютъ своей грубостью, и надо удивляться, что находятся авторы, предлагающіе тѣмъ изъ родителей, которые не считаютъ себя способными устно дать требуемыя объясненія, прочесть эти книжки своимъ дѣтямъ.

Мнѣ кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что самая простая, безыскусственная рѣчь неопытной матери, можетъ быть, очень нескладная по формѣ, но живая рѣчь и къ тому же согрѣтая теплымъ, искреннимъ чувствомъ, будетъ во много разъ цѣннѣе всѣхъ этихъ книжныхъ шаблоновъ. Я говорю, конечно, о такихъ

*) Насколько мнѣ извѣстно, противъ высказывается только Ферстеръ, который находитъ, что при такомъ порядкѣ объясненія „человѣческая жизнь ставится слишкомъ близко къ растительной и животной жизни, что затушевываетъ облагораживающую мысль о превосходствѣ человѣка надъ животнымъ".

матеряхъ, которыя считаютъ необходимымъ обращать вниманіе на сексуальное развитіе своихъ дѣтей, а такое сознаніе уже предполагаетъ наличность въ нихъ извѣстной степени интеллектуальнаго и моральнаго развитія.

Но родителямъ, готовящимся взять въ свои руки освѣдомленіе дѣтей съ огромнымъ значеніемъ функцій половой сферы въ природѣ и въ жизни людей, важно ознакомленіе съ опытомъ другихъ родителей, уже исполнившихъ эту свою обязанность, и, мнѣ кажется, именно въ этомъ направленіи должна развиваться въ дальнѣйшемъ литература, затрагивающая вопросы сексуальной педагогики.

Вопросы поставлены, общія схемы отвѣтовъ намѣчены, и теперь дѣло за массовымъ опытомъ, за провѣркой этихъ схемъ въ жизни, и нѣтъ сомнѣнія, что жизнь, широко внеся элементъ индивидуализаціи, расширитъ, углубитъ и утончитъ эти схемы. Пока въ нашемъ распоряженіи имѣются только единичныя цѣнныя въ этомъ отношеніи статьи, появившіяся въ періодической прессѣ, такъ, напр. въ журналѣ „Вѣстникъ Воспитанія" за 1908 годъ было напечатано сообщеніе матери о томъ, какъ она ознакомила съ явленіями половой жизни свою дочь и своего племянника *). Укажу еще на интересную статью В. Азрума, анализирующую съ точки зрѣнія полового воспитанія дѣтей и юношества факты изъ русской дѣйствительности недавняго прошлаго **).

Именно съ этой же точки зрѣнія, главнымъ образомъ, слѣдуетъ привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ и предлагаемой русскимъ читателямъ книги „Am Lebensquell, только что изданной союзомъ имени художника Альбрехта Дюрера (Dürerbund) въ Германіи.

Dürerbund—союзъ имени художника Альбрехта Дюрера—образовался въ 1902 году, въ настоящее время

---

*) „Опытъ освѣдомленія въ половомъ вопросѣ дѣвочки и мальчика". Вѣстникъ Воспитанія, мартъ 1908 года.

**) Азрумъ В. „Виноваты ли огарки". Вѣстникъ Воспитанія IX 1908 года.

состоитъ изъ громаднаго числа (свыше 200) входящихъ въ него различныхъ германскихъ союзовъ и многихъ отдѣльныхъ лицъ. Этотъ союзъ, будучи построенъ на вполнѣ безпартійныхъ основаніяхъ, ставитъ своей цѣлью и считаетъ своей задачей улучшеніе условій жизни въ эстетическомъ отношеніи. Свое вліяніе союзъ стремится распространить на всѣ стороны жизни. Къ своей цѣли союзъ идетъ путемъ организаціи выставокъ, петицій, докладовъ и рефератовъ, помощью, совѣтами различнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ, а также изданіемъ печатной литературы, какъ періодической въ видѣ листковъ, такъ и болѣе солидныхъ трудовъ, однимъ изъ которыхъ является данная книга. Какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, написаннаго предсѣдателемъ д-ромъ Авенаріусомъ, въ 1908 году Dürerbund'омъ былъ объявленъ конкурсъ на преміи произведеній по вопросу объ освѣдомленіи дѣтей съ сексуальной жизнью, и данный трудъ представляетъ собой обработанный результатъ этого конкурса. Всѣ статьи этого сборника за единичными исключеніями заключаютъ въ себѣ лично пережитые авторами факты и наблюденія окружающей дѣйствительности, и въ этихъ то послѣднихъ и лежитъ цѣнность даннаго труда; пусть отдѣльныя частности его встрѣтятъ тѣ или иныя возраженія,но его цѣнность —цѣнность коллективнаго труда многихъ, цѣнность опытныхъ данныхъ самой жизни; пусть нѣкоторыя частности его носятъ чуждый намъ русскимъ оттѣнокъ національнаго нѣмецкаго характера, но, лишенные совершенно подобнаго опыта въ условіяхъ нашей русской дѣйствительности *), мы должны начинать учиться на иностранныхъ образцахъ.

Женщина-врачъ **Л. Писарева.**

---

*) За исключеніемъ одной статьи „Опытъ освѣдомленія дѣвочки и мальчика въ половомъ вопросѣ“, о которой я говорила выше.

Литература

(на русскомъ языкѣ).

Книги и брошюры:

Блохъ, Иванъ. Половая жизнь. 1909 г.

Браунъ. Онанизмъ. 1895 г.

Бушъ. Долой сказки объ аистахъ. 1908 г.

Викторовъ. Гигіена и этика брака въ связи съ вопросомъ о половой жизни юношества. 1904 г.

Виреніусъ, д-ръ. Бесѣда по вопросу о борьбѣ съ половыми аномаліями. 1902 г.

Д-ръ мед. Вудъ-Алленъ. „Что надо было знать дѣвочкѣ". Изд. Заруднаго. 1908 г.

Вяземскій. О половой зрѣлости съ педагогической точки зрѣнія. 1906 г.

Вегенеръ, Гансъ. Грядущее поколѣніе. 1909 г.

Геймъ, проф. Половая жизнь съ точки зрѣнія естественной исторіи развитія.

Герценъ, Алекс. Наука и нравственность. 1896 г.

Геллеръ, Конрадъ. Половой вопросъ и школа. 1908 г.

Дрентельнъ. Аномалія развитія полового чувства у дѣвочки.

Жаринцева. 1. Объясненіе полового вопроса дѣтямъ 2. Какъ все на свѣтѣ рождается. 1905 г.

Зоргенфрей. Вопросы современной школы. 1907 г.

Золотаревъ. Опасный врагъ юности. 1906 г.

Золотаревъ. Родительскія заботы I и II вып. 1899 г.

Золотаревъ. Родителямъ для сыновей. 1893 г.

Золотаревъ. Родителямъ для дочерей. 1899 г.

Зигертъ. Грѣхи юности. 1897 г.

Ильинскій, В. Переутомленіе и сексуальный вопросъ въ школѣ. 1908 г.

Коппъ, проф. Половой вопросъ въ воспитаніи.

Лишневская, Марія. О половомъ воспитаніи дѣтей. 1908 г.

Моллъ *) Альб. Половая жизнь ребенка. 1909 г.

---

*) Только что появившаяся въ печати книга, въ которой авторъ въ научно-серьезной формѣ анализируетъ всѣ проявленія полового инстинкта у ребенка, начиная съ самаго ранняго возраста. Въ связи съ этимъ анализомъ авторъ разсматриваетъ и различныя мѣры раціональнаго воспитанія полового инстинкта у дѣтей.

Наживинъ. Письмо къ молодежи о половомъ вопросѣ.
Океръ-Бломъ. У дяди доктора въ деревнѣ. 1907 г.
Подоба, Э. Современная школа въ связи съ извращеніемъ полового вопроса и возможный путь къ моральному оздоровленію школы. 1908 г.
Покровская. Вопросы воспитанія. 1902 г.
Розенблюмъ. Онанизмъ.
Рюле, Отто. О половомъ воспитаніи.
Рюле, Отто. Объясненіе половыхъ отношеній дѣтямъ. 1908 г.
Ролёдеръ. Онанизмъ. 1901 г.
Симоновъ. Школа и половой вопросъ (для преподавателей кадетскихъ корпусовъ). 1909 г.
Сидоровичъ К. Дѣти и половой вопросъ. 1909 г.
Труды съѣзда по педагогической психологіи въ Петербургѣ. 1906 г.
Докладъ. С. Шохеръ-Троцкаго. О періодѣ полового созрѣванія и его требованія съ точки зрѣнія педагогической психологіи.
Тайный порокъ. Изд. Посредника. нѣсколько выпусковъ.
Уффельманъ. Руководство частной и общественной гигіены ребенка. 1890 г.
Форель, Август. Половой вопросъ. 1906 г. и 3-ье изд. 1909 г. К-во „Освобожденіе“. Спб.
Фурнье. Для нашихъ сыновей, когда имъ будетъ 18 лѣтъ. 1904 г.
Филипповъ, пр.-доц. Гигіена дѣтей. 1909 г.
Хотумъ. О половомъ вопросѣ. 1908 г.
Штиль. Одна изъ обязанностей матери. 1905 г.
Шепердъ. Молодымъ дѣвушкамъ и матерямъ для дочерей. Изд. Посредника.
Шепердъ. Мужчина и женщина. 1907 г.
Шепердъ. Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. 1902 г.

Художественныя произведенія, въ которыхъ затронуты вопросы сексуальной педагогики.

Андреевъ, Леонидъ. Въ туманѣ.
Бріе. Испорченные.
Ведекиндъ. Пробужденіе весны.
Ибсенъ, Генрихъ. Призраки.
Михайловъ. Кадетскіе годы Сергѣева.
Оленинъ. Какъ онъ жилъ.
Потапенко. Исторія одной молодости.

Журнальныя статьи и замѣтки.

Половцова. Половой вопросъ въ жизни ребенка. Вѣстникъ Воспитанія. XII. 1903 г.

Лозинскій *). Проблемы сексуальной педагогики. Вѣстн. Восп. I и II. 1904 г.

Лебединцевъ. Наша молодежь и вопросы половой этики. Вѣст. Восп. VIII. 1907 г.

Яковенко. Вопросы полового воспитанія на III съѣздѣ Германскаго Общества борьбы съ половыми болѣзнями въ Маннгеймѣ 24-25 мая 1907 г. Вѣстн. Восп. Дек. 1907 г.

Е. Л. Современное воспитаніе и половая нравственность (по Паульсену). Вѣстн. Восп. VI. 1908 г.

Яковенко. Половая жизнь. Вѣстн. Восп. I и II. 1908 г.

Опытъ освѣдомленія съ половымъ вопросомъ дѣвочки и мальчика. Вѣст. Восп. III. 1908 г.

Азрумъ В. Виноваты ли огарки. Вѣст. Восп. IX. 1908 г.

Веселовскій. Литературные отголоски „Пробужденія весны". Вѣстн. Восп. I. 1908 г.

Канель. Половой вопросъ въ жизни дѣтей. Вѣст. Восп. IV. 1909 г.

Калмыкова А. Къ вопросу о задачахъ воспитанія въ области явленій, связанныхъ съ половой жизнью человѣческаго организма. Русская Школа. IV. 92 года.

Вирениусъ **). Періодъ полового развитія въ антропологическомъ, педагогическомъ и соціальномъ отношеніи. Русская Школа. X, XI, XII. 1902 г.

Житомірскій. Къ сексуальному вопросу въ педагогикѣ. Русская Школа. VII и VIII. 1905 г.

Зоргенфрей. О половомъ просвѣщеніи. Русская Школа. X. XI. 1905 г.

М—аго. Борьба съ половой распущенностью въ школѣ. Русская Школа. VII, VIII. 1907 г.

Аграевъ. Фракція огарковъ. Русская Школа. X. 1907 г.

Аграевъ. Недугъ молодежи. Русская Школа. VII и VIII. 1908 г.

---

*) Рекомендуемъ эту обстоятельную статью вниманію читателей, желающихъ ознакомиться съ тѣми вопросами, которые ставитъ на разрѣшеніе сексуальная педагогика, и съ тѣми отвѣтами, которые даетъ на нихъ современная теорія.

**) Въ этой статьѣ авторъ знакомитъ читателей съ интересными взглядами проф. туринскаго университета Ант. Марро на половое развитіе.

Острогорскiй. Педагогическiя экскурсiи въ область литературы. Русская Школа. III. 1908 г.

Лалаевъ. Ахиллесова пята современнаго воспитанiя. Педагогическiй Сборникъ. 1893 г.

Cohn. Что можетъ сдѣлать школа противъ онанизма школьниковъ. Педагог. Сборникъ. 1894 г. Докладъ на 8 международномъ конгрессѣ гигiены.

Изъ бесѣдъ воспитателя со своимъ отдѣленiемъ. Педагогич. Сборникъ. IV. 1902 г.

Виренiусъ. Жизненные соблазны и борьба съ ними съ точки зрѣнiя гигiены и педагогiи. Педагогич. Сборникъ. XI и XII. 1904 г.

Виренiусъ. Половая распущенность въ школьномъ возрастѣ. Врачъ № 41. 1901 г.

Предисловіе.

Ребенокъ любопытно и радостно заглядываетъ въ гигантскій волшебный міръ, и говорливый ротикъ спрашиваетъ безъ конца. «Мама, откуда пришло солнце?» Оно спало за горой. «А откуда берется снѣгъ?» На небѣ ангелы встряхиваютъ постели! «А откуда я взялся?» Тебя принесъ аистъ! — Ребенокъ видитъ все, что живетъ, смѣется и сіяетъ, въ освѣщеніи дѣтскихъ лѣтъ человѣчества: въ свѣтѣ сказки. Но серебристый утренній туманъ мало - помалу разсѣивается, изъ него сначала неувѣренно и неясно, затѣмъ яснѣе и кое-гдѣ уже совсѣмъ отчетливо выступаютъ формы и краски, а съ ними связаны мысль и познаніе. «Откуда ты явился? Тебя принесъ аистъ!» — «Аистъ?»—«Да, аистъ!»—«Этого не можетъ быть!»—«Это такъ!» Теперь между родителями и ребенкомъ сказка уже не прядетъ нитей изъ аромата и свѣта—нѣтъ: теперь между родителями и ребенкомъ начинается ложь.

И ложь производитъ свое дѣйствіе. Нѣчто, о чемъ нельзя говорить, стоитъ между тѣми, кто не долженъ былъ-бы имѣть тайнъ другъ отъ друга. Нѣчто, говорить о чемъ было-бы мучительно для обѣихъ сторонъ. Одна ложь родителей передъ ребенкомъ ведетъ за собой другую, сотни, тысячи другихъ, и вызываетъ такую-же ложь и умалчиванія со стороны ребенка. Затѣмъ на сцену выступаютъ случайности, испорченные товарищи, скверная прислуга. «Ваши родители обманываютъ васъ, и вы, конечно, знаете, почему они такъ поступаютъ: это грязно, но они все-таки дѣлаютъ это. Потому что хотя это и грязно, но дѣлать это очень пріятно». Благословено дитя, которому удается сохранить свою чистоту, хотя ее охраняетъ только случай! Благословено дитя, сохраняющее любовь къ родителямъ, хотя они и молчатъ, когда должны были-бы говорить! Они не знаютъ, что дѣлаютъ, потому что не знаютъ, что должны дѣлать.

И дѣйствіе лжи распространяется далеко за предѣлы семьи. Мы, вмѣстѣ со многими другими, убѣждены, что утаиваніе, замалчиваніе, ложь въ этихъ вещахъ является однимъ изъ главныхъ источниковъ лживости всей нашей цивилизаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это одинъ изъ гибельнѣйшихъ источниковъ ложной оцѣнки важнѣйшихъ благъ. «Дающія намъ жизнь прекрасныя чувства»—право, если-бы они не открывались тѣмъ, кто еще здоровъ и силенъ, въ здоровомъ инстинктѣ чистой юношеской любви или все преодолѣвающей мужской страсти, то нашему безумному методу воспитанія удалось-бы совершенно обезцѣнить ихъ въ сознаніи людей. То, что дѣлается для охраны чистоты, въ дѣйствительности ведетъ къ загрязненію. Не только душа, но и тѣло мститъ за старый обманъ. И не только душа и тѣло отдѣльной личности, но и душа и тѣло дѣтей и внуковъ. Все это такъ окутано облаками тумана, что мы можемъ подозрѣвать подъ прекрасной дымкой самое пріятное. Но стоитъ намъ вступить въ область тумана и заглянуть въ глубину, какъ передъ нами при каждомъ новомъ шагѣ открываются новыя картины подземнаго міра, которыя въ лучшемъ случаѣ могутъ заставить задуматься, въ худшемъ—ужаснуться. Во всякомъ-же случаѣ привести къ сознанію, что пора сдѣлать что-нибудь.

Семья, народъ, раса призываютъ къ повороту на новый путь.

Соображенія, изложенныя въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ, побудили годъ тому назадъ Союзъ имени Дюрера объявить конкурсъ на тему «Разъясненіе дѣтямъ полового вопроса». Это разъясненіе только часть того, что должно содѣйствовать разрѣшенію вопроса; рѣчь идетъ о воспитаніи половой жизни вообще. Даже эта послѣдняя является только однимъ органомъ въ общественномъ организмѣ, въ которомъ дѣйствуютъ самые различные органы. Но однимъ изъ важнѣйшихъ.

«Никогда», писали мы тогда, «человѣкъ не жаждетъ знанія больше, чѣмъ въ періодѣ созрѣванія; ничто не ка-

жется болѣе заманчивымъ, чѣмъ то, что окутано дымкой, ничто не дѣйствуетъ соблазнительнѣе, чѣмъ то, что идетъ навстрѣчу первымъ безсознательнымъ побужденіямъ. Въ эту жизненную пору тотъ, кто явится разъяснителемъ,— кто-бы онъ ни былъ и какъ-бы ни говорилъ — найдетъ самую благодарную почву, какую только можетъ найти сѣятель. И не только его зерно взойдетъ, взойдутъ и всѣ тѣ ростки, которые пристанутъ отъ его рукъ къ зерну. Благородныя и здоровыя натуры преодолѣютъ ихъ, если они вредны; слава Богу, не у всѣхъ молодыхъ людей восходятъ плевелы, если вмѣстѣ съ зерномъ попали и они. У нѣкоторыхъ они истребляются самовоспитаніемъ, лучшимъ кругомъ знакомства и, въ особенности, самой природой, когда она требуетъ мѣста для первой чистой любви. «Рубецъ» остается большей частью и тогда. И во всякомъ случаѣ одно упущено: тѣсная связь сильнѣйшихъ душевныхъ переживаній переходнаго возраста съ чистыми чувствами. При теперешнемъ веденіи дѣла мы не только даемъ доступъ низменнымъ чувствамъ, но и преграждаемъ его чувствамъ возвышеннымъ. И мы, старшіе, родители, дѣлаемъ это, тогда какъ могли-бы навсегда связать воспоминаніе нашихъ дѣтей о драгоцѣннѣйшемъ расширеніи ихъ жизненнаго кругозора съ воспоминаніемъ о насъ самихъ.

Ибо прежде всего призваны говорить мы, а не учителя и учительницы, какъ таковые, не школа, какъ таковая: она должна дѣлать это только тогда, когда родители не исполняютъ своего долга, часто лишь потому, что не могутъ исполнить его. Отъ школы можно требовать только одного: чтобы въ младшихъ классахъ, дѣтямъ «нечувствительнаго» къ половымъ вопросамъ возраста, давалось совершенно объективное, кажущееся ребенку «безразличнымъ» объясненіе. Это надо дѣлать для того, чтобы потомъ нечистымъ разсказамъ могъ отвѣтить дѣтскій смѣхъ: «Что-жъ тутъ такого? Вѣдь это намъ уже объясняли въ классѣ!» Позднѣе, намъ кажется, въ этихъ объясненіяхъ надо уже больше напирать на чувство; мы хотимъ сказать,

что надо возбудить чувство въ ребенкѣ, онъ долженъ, какъ естественное слѣдствіе того, что онъ узнаетъ и какъ онъ это узнаетъ, чувствовать возвышенно то, что есть возвышенно. Такимъ образомъ, несмотря на естественно-научный предметъ, передъ нами эстетическая задача, одна изъ самыхъ тонкихъ и благородныхъ эстетическихъ задачъ, какія могутъ встрѣтиться въ жизни человѣка.

И эта задача, несомнѣнно, не можетъ быть разрѣшена по схемѣ, хотя-бы даже по «художественной». Ея рѣшеніе должно имѣть тысячу формъ, соотвѣтственно особенностямъ родителей и дѣтей!

Поэтому то мы опять издали призывъ, который такъ существенно помогъ намъ въ другихъ областяхъ: художники, сюда! Но только въ данномъ случаѣ мы обращались не къ «профессіональнымъ» писателямъ и писательницамъ, какъ таковымъ. Дилетантомъ въ плохомъ смыслѣ былъ въ этой области только тотъ, кто не зналъ души дѣтей, положенія дѣла, словомъ предмета изъ собственнаго опыта. Опытъ здѣсь все. Намъ нужна правда, серьезно и искренно изложенная. «Намъ не нужны обманъ, игра темой, забава. Намъ не нужны наскоро сдѣланные очерки ловкихъ мастеровъ, ни кое-какъ склеенныя умышленныя мудрствованія, намъ нужны дары творческой любви къ дѣтямъ. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, приложимо изреченіе Гете о «поводѣ». Самое простое слово можетъ здѣсь открыть смыслъ жизненнаго явленія. Кромѣ того, научная форма можетъ тоже быть художественной: намъ очень желательны примѣры того, какую форму можетъ принять въ томъ или иномъ случаѣ сообщеніе фактовъ, чистое объясненіе. Но повторяемъ: все должно возникнуть изъ любви къ правдѣ и къ юношеству, и все должно быть основано на опытѣ».

На конкурсъ поступило, вмѣстѣ съ запоздавшими, больше пятисотъ статей.

Для насъ было большой радостью, что почти всѣ, кто является вожатыми на этомъ пути, тоже откликнулись на нашъ призывъ. Но нужда ощущается уже далеко за пре-

дѣлами круга тѣхъ, кто говоритъ о ней публично. Мы получили цѣнныя посланія отъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ партій, всѣхъ сословій и исповѣданій, отъ учителей и отъ протестантскихъ и католическихъ священниковъ, отъ врачей и юристовъ, отъ офицеровъ и крестьянъ, отъ состоятельныхъ и привилегированныхъ, какъ и отъ ремесленниковъ, а среди матерей, подѣлившихся своимъ опытомъ, были княгини и работницы. Цѣнныя посланія, я имѣю право сказать это. Въ то время какъ обыкновенно на конкурсахъ значительно перевѣшиваетъ макулатура, здѣсь опытъ почти всегда вкладывалъ даже и въ неудовлетворительную форму какое-нибудь живое зерно.

Мы оставили за собой право раздѣлить имѣющуюся въ нашемъ распоряженіи сумму на отдѣльныя преміи; мы скоро увидѣли, что раздача нѣсколькихъ большихъ премій была-бы несправедливостью по отношенію къ остальнымъ участникамъ конкурса; поэтому мы распредѣлили тридцать премій меньшаго размѣра. Носителей этихъ отличій мы не хотѣли-бы называть здѣсь еще разъ: мы увѣрены, что всѣ заинтересованные согласятся съ нами, если мы попросимъ смотрѣть на отдѣльныя работы не какъ на самостоятельныя произведенія, а оцѣнивать ихъ по ихъ значенію, какъ частей цѣлаго. Къ жюри союза принадлежали д-ръ Фердинандъ Авенаріусъ, д-ръ Францъ Дидерихъ, фрау Н. Л. Гебгардтъ, Робертъ Гензелингъ, фрау д-ръ Эльза Силландъ. Конечно, работы членовъ жюри были исключены изъ участія въ конкурсѣ. Составленіе книги, которая должна была соединить важнѣйшія работы, было поручено главнымъ образомъ Францу Дидериху и Эльзѣ Силландъ, окончательная редакція преимущественно Авенаріусу.

Цѣль союза имени Дюрера—практическая работа. Этой книгой онъ тоже стремится принести практическую пользу. Онъ желаетъ, чтобы она стала настольной книгой.

Какъ ни богата литература по этому вопросу, предлагаемая книга, все-таки, насколько мы знаемъ, первая въ своемъ родѣ. Прежде всего потому, что она даетъ

избранное, что возможно только при конкурсѣ. Затѣмъ потому, что здѣсь теорія и практика идутъ рядомъ. Теоретическихъ книгъ по этому вопросу у насъ много и превосходныхъ, но «сѣрый цвѣтъ» не цвѣтъ жизни, онъ даже отпугиваетъ многихъ матерей. А тамъ, гдѣ его не боятся, ему, все-таки, недостаетъ способности нагляднаго примѣра возбуждать непосредственно. Въ нашей книгѣ непрерывно чередуются разсужденія и примѣры; они ссылаются другъ на друга, дополняютъ другъ друга. Мы думаемъ, что съ этой книгой въ домъ войдетъ другъ, который будетъ поучать, но въ то-же время и бесѣдовать, который будетъ возбуждать мысль, но при случаѣ можетъ и пошутить. Другъ, который нуженъ бѣднымъ и богатымъ, большимъ и малымъ, дому и школѣ; онъ попытается сдѣлать тѣснѣе связь между этими обоими царствами нашихъ дѣтей; онъ освѣтитъ родителямъ, въ особенности матерямъ, путь дѣтской души отъ пробужденія до зрѣлости: онъ покажетъ имъ, какъ ихъ собственная рука можетъ иногда, невѣдомо для нихъ, дать дѣтямъ свѣтъ или мракъ, тепло или холодъ. Но и въ душу самихъ взрослыхъ устремляетъ этотъ другъ испытующій взглядъ. Наша книга хочетъ будить и напоминать. И хочетъ научить открыто смотрѣть на великую, освѣщенную солнцемъ жизнь, на нашу общую родину, природу, которая можетъ излечить все больное.

Мы просимъ читателя принять въ соображеніе, что въ предлагаемыхъ статьяхъ и разсказахъ ему не разъ придется имѣть дѣло только съ отрывками. Само собой разумѣется, что въ пятистахъ работахъ по одному и тому-же вопросу не могли не повторяться многіе факты, наблюденія и мысли; напечатаніе полностью хотя-бы только премированныхъ работъ утомило-бы читателя повтореніями; между тѣмъ конкурсъ и обнародованіе его результатовъ потеряли-бы свое воспитательное значеніе, еслибы наша книга не приковывала и не волновала. Опрошенные, съ достойной благодарности скромностью, подчинили свои личныя желанія общей задачѣ, позволивъ намъ взять выдержки изъ ихъ

работъ. Правда, этимъ повторенія не были окончательно устранены, такъ какъ сказанное другими иногда было неразрывно связано съ еще несказаннымъ. Но не было помѣщено ни одной статьи, которая не освѣщала-бы какого-нибудь пункта особеннымъ свѣтомъ. Размѣщены статьи и разсказы совершенно свободно, мы заботились только о томъ, чтобы не утомлять.

Пожелаемъ теперь, чтобы эта книга была правильно использована! Чтобы въ ея статьяхъ не видѣли «предписаній» или «рецептовъ»! Мы не думаемъ, чтобы чтеніе ея могло принести даже самой молодежи больше вреда, чѣмъ пользы; думаемъ скорѣй, что даже такое «разъясненіе» было-бы полезнѣе никакого, и знаемъ, что его во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть случайному просвѣщенію съ его опасностями. Но хорошіе результаты могутъ быть достигнуты только естественнымъ приспособленіемъ къ отдѣльному случаю, а лучшіе только собственнымъ творчествомъ. Освободить отъ тормозящаго внушенія, которое тяготѣетъ надъ нами, воспитанными на старый ладъ, разрѣшить языкъ для естественной рѣчи,—таково, надѣемся мы, будетъ лучшее дѣйствіе нашей книги на многихъ. Обиліе примѣровъ должно показать обиліе возможностей, какъ мы указали еще въ нашемъ призывѣ. «Если мы знаемъ десять путей, то увидимъ и одиннадцатый, если знаемъ сто, то увидимъ еще сто и тѣ, которые могутъ служить намъ самимъ. Вся область представленій придетъ въ движеніе». Тогда мы сами, освободившись отъ смущенія, сможемъ быть для нашихъ дѣтей тѣмъ, чѣмъ должны быть. А послѣдующимъ поколѣніямъ уже не нужно будетъ освобождать правду отъ обмана, искаженія и униженія, потому что тѣ дѣти выростутъ уже въ естественномъ общеніи, рука объ руку съ ней.

СОЮЗЪ ИМЕНИ ДЮРЕРА.
Предсѣдатель Комитета
Фердинандъ Авенаріусъ.

Эротика и родительскій долгъ.

Мы, взрослые, обладаемъ совершенно опредѣленной моральной системой, которая въѣлась въ насъ, благодаря воспитанію и привычкѣ. Совершенно инстинктивно и механически мы разсматриваемъ все подъ угломъ зрѣнія опредѣленныхъ моральныхъ представленій и положеній. Мы имѣемъ на это право и въ извѣстномъ смыслѣ даже обязанность. Но мы совершаемъ ту ошибку, что считаемъ эти моральныя положенія чѣмъ-то вѣчнымъ, ненарушимымъ и врожденнымъ ребенку, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они, какъ недавно замѣтилъ одинъ остроумный врачъ, представляютъ собой лишь сумму ограниченій, которымъ индивидуумъ долженъ былъ подвергнуть себя въ интересахъ общества. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе этого нашего взгляда. Маленькій ребенокъ въ дѣйствительности ни мораленъ, ни неморaленъ; онъ амораленъ, онъ не знаетъ добра и зла. Съ признаніемъ этого факта падаетъ главное препятствіе для полового просвѣщенія. Опредѣленныхъ, окрашенныхъ морально представленій въ этомъ направленіи еще не существуетъ. Слѣдовательно, ихъ нельзя разрушить или повредить. Если, несмотря на это, такія поврежденія происходятъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, то только потому, что поясняющій подходитъ къ своей задачѣ съ моральными представленіями, нравоученіями и опасеніями и

такимъ образомъ самъ создаетъ препятствія и возможность опасности для себя и для ребенка. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ подходить къ задачѣ; только такимъ образомъ и можно рѣшить ее безъ малѣйшей опасности вреда для ребенка.

Воспитатель долженъ только стать на точку зрѣнія ребенка, которому, когда онъ смотритъ открытыми глазами на міръ, все кажется одинаково новымъ, одинаково чудеснымъ и естественнымъ. Прежде всего онъ долженъ совершенно отрѣшиться отъ того, что, родившись изъ опыта, превратилось въ міровоззрѣніе и необходимость и перешло къ намъ въ качествѣ моральныхъ представленій и положеній. Въ особенности-же онъ долженъ отрѣшиться отъ часто очень странныхъ формъ и масокъ, которыя приняло окаменѣвшее въ религіозную догму познаніе. Понятіе о наслѣдственномъ грѣхѣ, сладострастіе съ одной стороны, аскетизмъ и такъ называемое умерщвленіе плоти съ другой: какъ далеко ушли они отъ своего исходнаго пункта—познанія природы, превратившагося въ средство охраны общества! Весь этотъ балластъ мы должны выбросить за бортъ, если хотимъ стать учителями и руководителями ребенка въ области половой жизни. Изъ всего этого долженъ остаться только тотъ простой фактъ, что человѣческій организмъ ни органически, ни функціонально не отличается существенно отъ всего того, что существуетъ въ окружающемъ насъ мірѣ растительной, а въ особенности животной жизни. Духовно-нравственныя силы высшаго порядка, которыя, хотя и обоснованныя матеріально и ограниченныя, выдѣляютъ человѣка изъ міра остальныхъ животныхъ, на первое время не должны имѣть никакого отношенія къ нашему объясненію.

Если мы поступимъ такъ, весь вопросъ просвѣщенія сразу получитъ новую физіономію. Онъ станетъ предметомъ преподаванія, не моральнымъ, и не антиморальнымъ, а просто необходимымъ для изученія и вступитъ въ органическую цѣпь другихъ научныхъ свѣдѣній, которыя, со-

отвѣтственно обширности познаній и способности воспріятія ребенка, постепенно сообщаются ему.

Насъ, старшихъ, учили смотрѣть на обширную область половой жизни, какъ на царство дьявола, какъ на прямое преддверіе ада. Намъ создавали, какъ говорится въ брошюрѣ «Половое воспитаніе дома и въ школѣ», «искусственную противоположность между тѣломъ и духомъ; духъ считался возвышенной, тѣло-же—низменной и гибельной силой. Такъ произошелъ разрывъ въ природной цѣлостности человѣка, и инстинктъ, который въ солнечномъ свѣтѣ свободы могъ бы развиться радостно и могуче, превратился въ изнурительный ядъ, который роковымъ образомъ пропитываетъ человѣческое тѣло и унижаетъ и губитъ поколѣніе за поколѣніемъ».

Такимъ образомъ наша ближайшая и важнѣйшая задача заключается въ томъ, что мы сами должны перевоспитать себя. Мы сами должны начать смотрѣть на міръ чистыми и наивными глазами ребенка. Мы должны стараться забыть все то, что, благодаря нашей косности и вѣковому лицемѣрію, казалось намъ въ этой области педагогически вѣрнымъ и необходимымъ.

Выяснимъ себѣ, наконецъ, совершенно откровенно и безъ предвзятыхъ мнѣній суть даннаго вопроса. Исторія и собственный опытъ доказываютъ намъ, что эротическій инстинктъ является могучимъ стимуломъ для развитія всѣхъ формъ высшей жизнедѣятельности. Мать, защищающая свое дитя отъ міра, герой, отправляющійся въ путь, чтобы завоевать міръ для своего рода, трубадуръ, поющій пѣсни во славу любви, художникъ, изливающій пылъ своего сердца въ вѣчныхъ памятникахъ искусства, юноша, для котораго надежда на завершеніе любовныхъ желаній служитъ могучимъ побужденіемъ къ работѣ и самоутвержденію: всѣ они провозвѣстники и борцы мірового движенія, въ центрѣ котораго стоитъ Эросъ. Но и несчастный бракъ, ломающій человѣка и дѣлающій его негоднымъ для жизненной борьбы, и распутникъ, похоти котораго заполнили всю его жизнь,

и вырождающійся, которому отравляютъ жизнь грѣхи отцовъ, и слабовольный и погибшій по собственной винѣ, у котораго употребленный во зло Эросъ отнялъ руль его жизненнаго корабля: и они свидѣтели той страшной силы, отъ которой зависитъ возвышеніе и паденіе личности, семей и народовъ.

Если мы вполнѣ, какъ это необходимо, проникнемся этимъ сознаніемъ, если, съ другой стороны, мы установимъ, что въ половой сферѣ прежде всего дѣло идетъ не объ этическихъ абсолютахъ или отношеніяхъ, а о естественныхъ процессахъ, которые въ послѣднемъ счетѣ не моральны, не антиморальны, а аморальны (внѣ морали), тогда всѣ здоровыя и нормальныя явленія половой жизни будутъ для насъ естественны и нравственны и въ то же время серьезны и отвѣтственны.

Такимъ образомъ мы нашли почву, на которой должно быть воздвигнуто зданіе полового воспитанія и просвѣщенія. Оно можетъ совершаться въ двухъ формахъ, которыя я, по главному отличительному признаку, назову инстинктивной и интеллектуальной.

При инстинктивной формѣ полового воспитанія понятіе разъясненія надо совершенно вычеркнуть. Разъяснять—значитъ дѣлать яснымъ, отчетливымъ и понятнымъ то, что въ какомъ-нибудь смыслѣ темно или неясно, непонятно. Инстинктивная форма полового просвѣщенія не требуетъ этого. Оно начинается въ самую раннюю пору жизни, когда все одинаково ясно и неясно, одинаково свѣтло и темно. Въ то время, когда душа еще представляетъ бѣлый листъ, и понятія только начинаютъ образовываться. Тогда надо пользоваться каждымъ представляющимся случаемъ, чтобы ввести ребенка въ доступную его пониманію область половой жизни съ такой-же естественностью и простотой, какъ это дѣлаютъ съ другими предметами знанія и фактами жизни. Надо дать расти и развиваться пониманію этого такимъ-же образомъ и въ той-же степени, въ какой растетъ и развивается въ ребенкѣ все остальное. Точно такъ-же, какъ ре-

бенку мало-по-малу становится ясно, что между нимъ и родителями существуютъ совершенно особенныя отношенія, отличающіяся отъ всѣхъ другихъ отношеній къ окружающему міру, точно такъ-же, какъ онъ узнаетъ изъ опыта, что яблоки растутъ на деревьяхъ, а рѣпа въ землѣ, точно такъ-же естественно и постепенно онъ можетъ и долженъ узнать, какъ обстоитъ дѣло съ рожденіемъ человѣка.

Надо, какъ я уже сказала, пользоваться для поясненія каждымъ представляющимся случаемъ. Искать-же случаевъ не слѣдуетъ. Поле зрѣнія и способность пониманія ребенка должны быть расширены постепенно. Такъ-же солнечно и сказочно, какъ открываются передъ нимъ другія жизненныя чудеса, должно открыться передъ нимъ и это чудо. Позднѣе, такъ-же научно и объективно, какъ ему сообщаются другія знанія, и лишь въ заключеніе, лишь тогда, когда имѣются для этого органическія и психическія предпосылки, надо придать картинѣ краски и глубину, освѣтивъ ее свѣтомъ душевныхъ переживаній и нравственной отвѣтственности. Мы должны твердо помнить только одно: сказка не должна быть ложью, а объясненіе не должно быть механическимъ доктринерствомъ. Мы должны дать ребенку правду. Столько правды, сколько онъ можетъ воспринять въ данный моментъ, и въ самой прекрасной формѣ, на какую способна наша душа.

Если ребенокъ выросъ въ такомъ пониманіи и привыкъ смотрѣть на это, какъ на нѣчто естественное, нисколько не отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ важныхъ вещей, то будетъ совсѣмъ нетрудно постепенно такъ расширить и углубить соотвѣтствующій кругъ представленій, что ребенокъ, сохранивъ безусловную чистоту тѣла и души, станетъ знающимъ, подготовленнымъ къ пониманію и самаго послѣдняго, способнымъ и готовымъ найти свой путь и нести отвѣтственность.

Таковъ инстинктивный методъ. Онъ исходитъ изъ природы и не покидаетъ ея; какъ-бы далеко такое объясненіе ни заходило, оно всегда остается среди природы, ея естественной чистоты и красоты.

Теперь, покончивъ съ теоріей, дадимъ практическія указанія, поскольку можно говорить о практическихъ указаніяхъ въ этой области.

Многіе хотѣли-бы прежде всего знать, когда слѣдуетъ начать такого рода поясненія. Уже въ этомъ пунктѣ, который является только порогомъ ко всему остальному, приходится отказаться отъ отвѣта. Границы здѣсь нельзя провести. Единственный ребенокъ можетъ достигнуть школьнаго возраста, и въ головѣ у него не появится ни одной мысли о возникновеніи человѣка. Наоборотъ, можетъ легко случиться, что двухлѣтній карапузъ уже спроситъ мать, откуда она знаетъ, что скоро появится братецъ или сестрица. Такому ребенку можно спокойно разсказать, что въ тѣлѣ матери готовится великое чудо созданія человѣка, что мать бережно охраняетъ ребенка, пока онъ не станетъ достаточно большимъ и сильнымъ, чтобы быть въ состояніи дышать и жить отдѣльно отъ нея.

Этотъ фактъ ребенокъ приметъ, какъ всякое новое знаніе. И, какъ уже указывалось съ многихъ сторонъ, этимъ можно будетъ воспользоваться, чтобы съ ранняго дѣтства развить въ ребенкѣ заботливость, любовь и преданность.

Во всякомъ случаѣ ребенокъ, выросшій съ знаніемъ о происхожденіи человѣка, будетъ предохраненъ отъ ложныхъ и двусмысленныхъ представленій и вліяній. Или, вѣрнѣе, они будутъ скользить по немъ, не принося вреда. Впослѣдствіи нужно будетъ только съ растущей зрѣлостью ребенка постепенно расширять этотъ кругъ представленій. Одинъ вопросъ будетъ вести за собой другой, одинъ отвѣтъ другой. Къ знанію о ростѣ ребенка въ тѣлѣ матери присоединится, хотя, можетъ быть, лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, вопросъ, какимъ образомъ ребенокъ попалъ туда. Въ этомъ случаѣ можно воспользоваться аналогіями оплодотворенія изъ жизни растеній и животныхъ. Для окончательнаго объясненія, какъ только оно окажется необходимымъ, можно въ поясненіе внести этически-эротическіе моменты, важность которыхъ не слѣдуетъ оцѣнивать слишкомъ

низко. Ребенку, признанному достаточно зрѣлымъ для этого *), можно сказать, что, какъ онъ знаетъ изъ собственнаго опыта, хочется быть совсѣмъ близко только къ тому, кого очень любишь. Какъ ребенокъ охотнѣе всего прижимается къ матери и сливается съ ней въ объятіи, такъ и перенесеніе сѣмени на яйцо, которое можетъ совершиться только при самой тѣсной близости двухъ людей, произойдетъ только тогда, когда мужчина и женщина такъ любятъ другъ друга, что имъ хочется быть совсѣмъ близко другъ къ другу. Къ этой совершенно понятной для ребенка предпосылкѣ взаимной любви, горячаго чувства взаимной принадлежности слѣдуетъ присоединить выводъ, что, какъ при отношеніи между матерью и ребенкомъ, только искренняя, большая и сильная любовь можетъ и должна вызвать такую тѣсную близость. Этимъ будетъ переброшенъ мостъ къ большимъ чувствамъ и пониманію.

Но здѣсь-же представится случай и поводъ показать подростающему ребенку, дѣвушкѣ или юношѣ, и оборотную сторону. Указать имъ, какую отвѣтственность налагаетъ зарожденіе ребенка. Отвѣтственность въ физическомъ, духовномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніи. Надо пояснить, что поэтому только взрослые, совершенно созрѣвшіе и способные нести отвѣтственность люди имѣютъ право призвать къ жизни новаго человѣка. При этомъ представляется поводъ и возможность для родителей указать на собственную жизнь со всѣми ея тяготами, заботами и отвѣтственностью и такимъ образомъ сдѣлать яснымъ ребенку на собственномъ примѣрѣ, какая любовь и вѣрность, какая способность къ работѣ и отвѣтственности, сколько знанія и умѣнія необходимы для того, чтобы про-

*) Мы избрали неопредѣленное выраженіе „признанный зрѣлымъ" потому, что здѣсь тоже нельзя опредѣлить границъ. Одному ребенку придется сказать уже въ 9—10 лѣтъ то, что другой пойметъ только въ 14. Поэтому здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, надо предоставить чутью родителей, когда и какъ они найдутъ нужнымъ говорить.

ложить своему ребенку дорогу черезъ жизнь, къ ея полнотѣ.

Съ другой стороны представится возможность или необходимость показать опасности, которыя можетъ повлечь за собой злоупотребленіе или слишкомъ раннее пробужденіе половой функціи. Опасность вреда для тѣла и жизни мужчины и женщины, пониженіе тѣлесныхъ, духовныхъ и нравственныхъ способностей, никогда не исчезающая опасность полнаго паденія—все это слѣдуетъ примѣнить въ качествѣ союзниковъ для борьбы противъ преждевременной половой зрѣлости и гипертрофіи. Венерическія болѣзни и тяготы, трудности и заботы внѣбрачнаго материнства. Все это, какъ ужасающая противоположность тому, что при правильномъ воззрѣніи и пользованіи ведетъ къ высотамъ достойнаго человѣка существованія.

Мы изложили въ нѣсколькихъ словахъ ходъ развитія многихъ лѣтъ. Но, чтобы предотвратить всякое недоразумѣніе, скажемъ еще разъ, что это разъясненіе нельзя начать въ заранѣе опредѣленное время. Это должно рѣшаться въ каждомъ случаѣ отдѣльно, и чутью воспитателей надо предоставить найти надлежащій моментъ и использовать его надлежащимъ образомъ. Подробныхъ предписаній здѣсь нельзя давать. Да, здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, становится ясно, что все, что мы можемъ сказать и посовѣтовать, слишкомъ грубо и тяжеловѣсно и совсѣмъ не попадаетъ въ суть того, что надо сказать и сдѣлать. Слова, слова, только слова тамъ, гдѣ хотѣлось-бы отдать все сердце, все чутье, все чистое знаніе.

Поэтому становится все болѣе и болѣе ясно, что всѣ умныя рѣчи и любвеобильныя желанія не ведутъ къ цѣли, что нужно что-то другое. Это другое—полное довѣріе между родителями и ребенкомъ, взаимная любовь и пониманіе, для котораго сказанное слово служитъ только дополняющимъ аккордомъ. Это единственный путь, по которому мы можемъ вести своихъ дѣтей здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, черезъ всѣ трудности и диссонансы навстрѣчу гармоніи пол-

ной радости и работы жизни. Но какъ трудно найти слово для того, къ сердцу котораго не переброшенъ мостъ отъ нашего сердца, мимо котораго наши слова проходятъ, не задѣвая его! И какъ легко понимать и быть понятымъ тамъ, гдѣ довѣріе, любовь и вѣрность служатъ посредниками.

Поистинѣ, только это и нужно. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, самыя краснорѣчивыя объясненія останутся мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ. Тамъ, гдѣ оно есть, и трудное станетъ легкимъ, и невыразимое понятнымъ.

До сихъ поръ я основывалась на томъ, что назвала инстинктивнымъ методомъ полового воспитанія и просвѣщенія. Но все, что можно было сказать о немъ, совершенно совпадаетъ съ требованіями другого метода, который мы назовемъ интеллектуальнымъ.

Разница заключается только въ томъ, что инстиктивная форма полового просвѣщенія начинается вмѣстѣ со всей остальной работой воспитанія уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и, идя вмѣстѣ съ ней впередъ, органически сливается со всей системой воспитанія. Въ грядущіе болѣе счастливые дни она, можетъ быть, будетъ считаться самой естественной и потому исключительной формой воздѣйствія.

Теперь дѣло обстоитъ не такъ. Мы, современные родители, еще не достигли той прекрасной естественности, изъ которой выростаетъ нравственная ясность и свобода и въ этихъ вещахъ. И какъ-бы намъ ни хотѣлось перевоспитать себя, большинство изъ насъ безвозвратно утратило внутреннюю простоту, точку зрѣнія чистаго, которому все чисто. Мы, современные родители, въ этомъ пунктѣ были почти всѣ ложно воспитаны. Чувство привитаго намъ стыда не оставляетъ насъ и тогда, когда мы сознали, что это ложный стыдъ, точно такъ-же, какъ мы не можемъ сейчасъ-же отказаться отъ любви или надежды даже, когда нашъ разумъ призналъ ихъ недостойными или неосновательными. Затѣмъ насъ угнетаетъ сознаніе несоотвѣтствія между тѣмъ, что мы считаемъ идеаломъ, абсолютнымъ требованіемъ, и нашимъ собственнымъ образомъ жизни.

Пріобрѣтенное нами познаніе не требуетъ, чтобы мы совсѣмъ отказались отъ стыда. Стыдъ—драгоцѣнное благо, цвѣтъ высшей культуры. Но онъ не долженъ быть равнозначущимъ лицемѣрію и жеманству; чувство стыда, которое мы хотимъ привить своимъ дѣтямъ—это отвращеніе тонко чувствующаго человѣка къ тому, чтобы говорить на площади о естественныхъ жизненныхъ отправленіяхъ съ одной стороны, и о самыхъ интимныхъ, тонкихъ и деликатныхъ чувствахъ и ощущеніяхъ съ другой. Мы не хотимъ обнажаться передъ толпой ни физически, ни душевно, и никогда не испытываемъ большаго стыда, какъ открывая душу передъ тѣми, въ комъ не находимъ отклика.

Несомнѣнно, эротика больше, чѣмъ что-либо другое, является той областью, въ которой, при правильномъ пониманіи, ищетъ выраженія самое сокровенное, глубокое и лучшее въ насъ. Слѣдовательно, здѣсь рѣчь идетъ объ области, которую мы, поскольку она является нашимъ личнымъ дѣломъ, вполнѣ вправѣ выдѣлить изъ сутолоки общей жизни и хранить въ святынѣ нашей внутренней жизни, нашихъ частныхъ дѣлъ. Отношеніе человѣка къ эротикѣ можно даже считать мѣриломъ его душевной культуры. Женихъ и невѣста, выражающіе другъ другу свою нѣжность на глазахъ у всѣхъ, внушаютъ отвращеніе; съ другой стороны пріятное и утѣшительное впечатлѣніе производятъ мужъ и жена, у которыхъ, послѣ многолѣтняго брака, въ рукопожатіи, взглядѣ или словѣ проявляется эротически опредѣленное чувство продолжающейся любви.

Только такъ надо понимать стыдъ, въ физическомъ и психическомъ смыслѣ, такой стыдъ необходимо ввести въ мышленіе и чувства нашихъ дѣтей, и не только въ эротической области.

Но это не имѣетъ ничего общаго съ разъясненіемъ полового вопроса, опирающимся на естественные и, если имѣются предпосылки внутренней и внѣшней зрѣлости, нравственно безупречные процессы. Здѣсь нужны правда и ясность. Они будутъ въ то-же время красотой и благомъ

и избавятъ много юныхъ созданій отъ ненужныхъ заботъ, мученій и самообвиненій.

Однажды слѣдующій случай произошелъ, такъ сказать, на границѣ половой области. Мать узнала, что подругѣ ея четырнадцатилѣтней дочери запретили встрѣчаться съ ней. Когда она спросила плачущую дѣвочку о причинѣ, оказалось, что ученицы говорили о менструаціяхъ одной товарки, и она по настоянію подруги тоже разсказала ей объ этомъ новомъ странномъ фактѣ. За этимъ и послѣдовало упомянутое запрещеніе. Мать успокоила дѣвочку: «Не огорчайся, что Лизѣ не позволяютъ приходить къ тебѣ. Явленіе, о которомъ вы говорили, наступаетъ въ жизни каждой здоровой дѣвочки приблизительно въ вашемъ возрастѣ. Этого нечего стыдиться. Но, мое милое дитя, объ этомъ, какъ и о другихъ естественныхъ процессахъ, не слѣдуетъ много говорить. Какъ тонко чувствующіе люди не говорятъ подробно о томъ, что они ѣли и пили и обо всемъ относящемся сюда, такъ-же не слѣдуетъ говорить часто и много объ этомъ, хотя это такъ-же естественно и чрезвычайно важно». У дѣвочки точно камень съ души свалился. Изъ-за этого нелѣпаго запрещенія она чувствовала себя виноватой и боялась строгости чувствительной въ такихъ вещахъ матери. Ея кроткое успокаивающее объясненіе было для дѣвочки настоящимъ освобожденіемъ.

Быть можетъ, было-бы хорошо, если-бы мать предупредила ненужное огорченіе. Но мы уже указали на то, какъ трудно намъ, родителямъ старой школы, въ этомъ случаѣ справиться съ самими собой. Тѣмъ не менѣе мы не должны успокоиться, пока это не удастся намъ. И что въ сущности намъ надо побѣдить? «Предразсудокъ и только!» какъ мѣтко говоритъ Зальцманъ. Если только намъ удастся избавиться отъ него, то все остальное окажется дѣтски-легкимъ и простымъ. Одинъ девятилѣтній мальчикъ, замужняя сестра котораго пришла къ нимъ съ ребенкомъ, спрашиваетъ: «Откуда у Маріи ребенокъ? Что она положила на окно сахаръ, чтобы аистъ принесъ ей ребенка, я не вѣрю.

Я вообще не вѣрю, что аистъ приноситъ дѣтей. Можетъ быть, она снесла яйцо, и изъ него вышелъ ребенокъ»?

«Нѣтъ, милый Гансъ, она не снесла яйца, но и аистъ не принесъ ей ребенка, въ этомъ ты совершенно правъ. Ребеночекъ выросъ у нея въ тѣлѣ. Помнишь, ты мнѣ недавно показалъ цвѣтокъ буквицы и объяснилъ, какъ цвѣточная пыльца падаетъ на пестикъ, и тогда завязь, которая находится внизу, разбухаетъ, потому что внутри нея образуется плодъ и становится все больше. Помнишь»?

Гансъ радостно киваетъ головой.

«Ну, хорошо. Такъ и въ тѣлѣ матери образуется такой ребеночекъ и становится все больше и сильнѣе, пока не станетъ такимъ большимъ и сильнымъ, что можетъ жить отдѣльно. Тогда онъ появляется на свѣтъ».

«Да, мама, но откуда-же знаютъ, что появится ребенокъ? Вѣдь дѣти являются большей частью совсѣмъ неожиданно?»

«Нѣтъ, это не такъ. Только такіе малыши, какъ вы, не знаете этого. Мать-же знаетъ»...

«Ага, потому что у нея только тогда появляется ребенокъ, когда она хочетъ его», горячо и радостно восклицаетъ Гансъ.

«Это вѣрно», задумчиво и не совсѣмъ увѣренно говоритъ мать. «Если двое людей любятъ другъ друга и очень хотятъ ребенка, то большей частью онъ и появляется у нихъ. Но мать знаетъ это еще и по другимъ признакамъ. Видишь-ли, какъ разбухаетъ завязь, такъ разбухаетъ и тѣло матери, когда внутри находится ребенокъ».

«Ахъ, значитъ, и у господина Бельцера (очень толстый учитель мальчика) скоро будетъ ребенокъ?»

«Глупый мальчикъ», смѣется мать, «только у женщинъ бываютъ дѣти».

«Ахъ, вотъ какъ! Какъ-же дѣти выходятъ изъ тѣла?» Мать и на это даетъ правдивый отвѣтъ, успокаиваетъ мальчика, который заявляетъ, что если матери должны такъ мучиться и могутъ даже умереть отъ родовъ, то было-бы лучше, чтобы дѣти совсѣмъ не рождались, и кончаетъ бе-

сѣду просьбой не болтать объ услышанномъ ни въ школѣ, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Все это слишкомъ серьезно и важно, чтобы болтать объ этомъ. Пусть лучше это пока останется тайной между ними двумя. Но одно мальчикъ долженъ обѣщать ей: если онъ узнаетъ отъ кого-нибудь что-либо новое или совсѣмъ другое объ этомъ, то непремѣнно придетъ къ ней, только къ ней, и спроситъ у нея, правда-ли это.

Мальчикъ радостно убѣгаетъ, разсказываетъ братьямъ и сестрамъ кое-что о новой истинѣ и скоро забываетъ обо всемъ, кромѣ одного: теперь онъ еще гораздо больше любитъ мать, показываетъ ей это всѣми способами и даже, когда она не сейчасъ находитъ отвѣтъ на одинъ изъ его многочисленныхъ вопросовъ, восклицаетъ съ упрекомъ: «Мама, вѣдь мы съ тобой одно, и ты должна была бы всегда знать, чтò я спрашиваю и почему».

Мать же эта бесѣда научила тремъ вещамъ. Во-первыхъ, тому, насколько легче, проще и прекраснѣе такое объясненіе, чѣмъ она себѣ представляла. Основываясь на своихъ собственныхъ превратныхъ чувствахъ, она думала, что ребенокъ испугается или застыдится и т. под. Оказалось, что онъ принялъ это, какъ всякое другое свѣдѣніе, которое сообщалось его любознательному уму. Оно заинтересовало и заняло его, какъ и всякое другое удивительное открытіе, не меньше, но и не больше, а вѣдь удивительное открытіе— все новое, что входитъ въ жизнь ребенка.

Во-вторыхъ, она узнала великую морально-воспитательную силу, заключающуюся въ этой правдивости и искренности. Къ матери, которая перенесла изъ-за него столько страданій, ребенокъ чувствуетъ гораздо большую любовь. А увѣренность, что онъ найдетъ у нея отвѣтъ на всѣ вопросы, приведетъ его къ ней—это было ей ясно—во всѣхъ сомнѣніяхъ и огорченіяхъ его юной жизни. Она завоевала его и со стороны духовно-моральной жизни, и онъ будетъ принадлежать ей всегда, какъ-бы далеко ни забросили его волны жизни.

Наконецъ она сдѣлала еще одно важное открытіе. Она боялась, что своимъ объясненіемъ вызоветъ въ сынѣ мысли, представленія и ощущенія, которыя были и должны были остаться чуждыми его возрасту. Къ своей радости она увидѣла, что ошиблась. Новое свѣдѣніе, не больше. Ни слѣда полового чувства. Она съ облегченіемъ убѣждается въ большомъ заблужденіи, въ которомъ находилась, въ которомъ находятся вмѣстѣ съ ней многія тысячи.

Конечно, есть ненормальныя дѣти, въ которыхъ преждевременно пробуждаются половые инстинкты. Мы съ ужасомъ узнаемъ каждый день о такихъ явленіяхъ вырожденія изъ судебныхъ отчетовъ, газетъ и т. д. Съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія, что есть немало легкомысленныхъ родителей, преждевременно возбуждающихъ половые инстинкты дѣтей тѣмъ, что слишкомъ часто доставляютъ имъ сомнительныя удовольствія городской жизни: вывозятъ ихъ на балы, вечера, водятъ въ театръ и на концерты, въ рестораны и т. д., наряжаютъ, какъ маленькихъ обезьянъ, даютъ имъ алкоголь и не слѣдятъ за ихъ чтеніемъ. Богатая и безъ того фантазія ребенка чрезмѣрно возбуждается, любовь къ природѣ и ея простой, согрѣвающей душу красотѣ заглушается въ зародышѣ, источникъ непринужденнаго веселья, который нигдѣ не бьетъ обильнѣе, чѣмъ въ неизвращенномъ, неиспорченномъ ребенкѣ, искусственно закрывается. Эти недостатки воспитанія и грѣхи небрежности не имѣютъ ничего общаго съ нашей постановкой вопроса. Наоборотъ, можно предположить, что родители, которые такъ осторожны, вдумчивы и искренне озабочены вопросомъ полового просвѣщенія, какъ этого требуетъ серьезность предмета, будутъ поступать заботливо, осторожно и соблюдать законы естественности и во всѣхъ другихъ вопросахъ воспитанія. Но одно не подлежитъ никакому сомнѣнію: такія разъясненія, какъ приведенное нами выше, никогда не будутъ возбуждать половыхъ инстинктовъ, пока не даны физическія и психическія предпосылки половой возбудимости. Даже больше. Та-

кое простое, основанное на знакомыхъ фактахъ объясненіе будетъ служить защитой противъ нечистыхъ вліяній черной лѣстницы, передъ которыми при нынѣшней системѣ наши бѣдныя малютки совершенно беззащитны и безоружны. Когда-же наступитъ пора зрѣлости, то знающему, и притомъ знающему благодаря чистымъ объясненіямъ, ребенку будетъ гораздо легче, чѣмъ такому, чувства котораго были отравлены еще прежде, чѣмъ ему стала и могла стать ясна внутренняя связь темныхъ чувствъ и ощущеній. Чистый-же ребенокъ и не почуетъ здѣсь вины и грѣха, а совершенно просто обратится за разъясненіемъ туда, гдѣ всегда встрѣчалъ правду, ясность и любовь. И тогда будетъ пора—мы не разъ уже объясняли, что естественно-научное объясненіе служитъ только подготовкой — провести линіи дальше въ будущее.

Дать здѣсь примѣры и подробныя указанія невозможно. Если вы не чувствуете этого, вы никогда этого не достигнете! Правда и ясность! Любовь и пониманіе! Это и начало и конецъ. Кто даетъ тебѣ любовь и довѣріе, тому ты обязанъ вѣрностью и исполненіемъ его ожиданій.

Но необходимо сказать еще слѣдующее. При всемъ, о чемъ здѣсь была рѣчь, мы предполагали норму, считали данной ту линію развитія, которую намъ было-бы желательно видѣть у нашихъ дѣтей. Но можемъ-ли мы такъ облегчать себѣ задачу? Не приложимы ли здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, слова поэта: Легко уживаются мысли, но жестоко сталкиваются въ пространствѣ вещи.

Что, если, не смотря на всю любовь, на всю заботливость, ребенокъ захочетъ пойти и пойдетъ въ страну эротики своими собственными, можетъ быть, дикими путями? Тѣми путями, которые, какъ мы боимся, ведутъ къ пропасти или кончаются въ сыпучихъ пескахъ обыденности, пошлости и тупости? Имѣемъ-ли мы тогда право отвернуться презрительно и гнѣвно или хотя-бы только равнодушно? Или умыть руки съ фарисейскимъ самодовольствомъ, съ сознаніемъ, что мы всегда исполняли свой долгъ и не отвѣт-

ственны за заблужденія нашихъ питомцевъ? «Господи, я сдѣлалъ свое!»— И если имѣемъ право, то хотимъ-ли мы этого? Сдѣлали-бы мы это именно здѣсь? Здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ—повторимъ опять—этого нельзя повторять достаточно часто,—о возвышеніи или паденіи, о жизни и смерти въ истиннѣйшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ слова?

Но съ другой стороны: имѣемъ-ли право и можемъ-ли мы руководить тѣми, кто вышелъ изъ-подъ нашего руководства?

Это серьезный вопросъ, и отвѣтить на него трудно. Но отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Если мы заложили жизненный фундаментъ нашихъ дѣтей такъ, какъ мы говорили въ этой статьѣ, тогда мы должны вѣрить, что наши дѣти достаточно крѣпки, чтобы устоять и противъ сильнаго напора; мы должны вѣрить, что они поступаютъ правильно, даже когда ихъ поступки не соотвѣтствуютъ нашему пониманію вещей. Но если мы сдѣлали все, чего должны были требовать отъ себя и чего вправѣ требовать отъ насъ наши дѣти, тогда мы должны, будь что будетъ, отпустить ихъ изъ-подъ надежной охраны родительской воли на свободу самостоятельной отвѣтственной жизни. Мы должны постараться забыть, что мы были строителями, выстроившими это жизненное суденышко, и по крайней мѣрѣ въ своихъ поступкахъ отрѣшиться отъ ревностной и ревнивой любви, которая хотѣла-бы вѣчно держать его подъ опекой и руководствомъ своей воли, просвѣтленной и укрѣпленной опытомъ. Это не значитъ отказаться отъ любви, которая со страхомъ и надеждой обвивается вокругъ поступковъ и мыслей дѣтей. Это значитъ отказаться только отъ того, чтобы превратить эту заботливую любовь въ принужденіе и насиліе надъ жизнью ребенка. Выборъ пути и рѣшеніе нашего ребенка должно быть для насъ чѣмъ-то даннымъ, ненарушимымъ. Мы должны быть для нашихъ дѣтей вѣрными друзьями и совѣтниками, соотвѣтствуетъ-ли ихъ образъ жизни обдуманному и приготовленному нами плану или нѣтъ.

Пояснимъ это примѣромъ. Одна молодая, чистая и не-

обыкновенно ясно и самостоятельно мыслящая дѣвушка выражаетъ намѣреніе, если обстоятельства потребуютъ этого, принадлежать избранному мужчинѣ безъ гражданской и религіозной санкціи. Мать, сама поборница высшей нравственности, основывающей союзъ не на внѣшнихъ формахъ, а на внутренней необходимости, испуганная мыслью, что какой-нибудь негодяй можетъ воспользоваться этой наивной чистотой и довѣрчивостью и погубить ея ребенка, отвѣчаетъ ей: «Дитя мое, я сама всегда боролась за желанную тебѣ нравственную свободу и отвѣтственность, центръ тяжести которой заключается не во внѣшнемъ принужденіи. Конечно, я не имѣю права осуждать твои взгляды и намѣренія. Но я хотѣла-бы поставить тебѣ одно условіе: если ты когда-нибудь будешь стоять передъ такимъ шагомъ, обѣщай мнѣ, что ты раньше...».

— «Приду къ тебѣ и скажу тебѣ объ этомъ!»

— «Больше я ничего и не хочу, и значитъ, все хорошо!»

Эту-же мать спросили, какъ-бы она отнеслась, еслибы одна изъ ея дочерей вернулась домой съ незаконнымъ ребенкомъ.

«Въ виду существующихъ предразсудковъ мнѣ это было-бы тяжело изъ-за остальныхъ дѣтей. Кромѣ того, я жалѣла-бы объ этомъ еще потому, что бракъ, если только это истинный бракъ, представляетъ гораздо лучшія жизненныя гарантіи въ матеріальномъ, моральномъ и душевномъ отношеніи. Но, не смотря на все это, я не оставила бы своего ребенка и, можетъ быть, любила бы его еще больше, потому что онъ еще больше нуждался-бы въ этой любви».

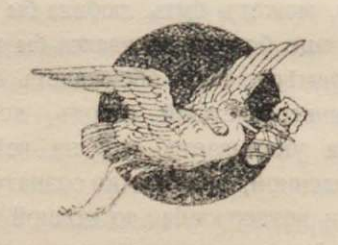
Еще одинъ примѣръ. Мать обсуждаетъ съ сыномъ, уѣзжающимъ въ университетскій городъ, вопросъ полового воздержанія. Она указываетъ ему на всѣ преимущества морально установленной, эротически сознательной и отвѣтственной жизни и воздержанія до полной жизненной зрѣлости. Она настойчиво предостерегаетъ его отъ физическихъ, психическихъ и духовныхъ опасностей полового разврата. Но затѣмъ она прибавляетъ: «Мой дорогой мальчикъ, возможность полового воздержанія до 25 или 30 лѣтъ

вопросъ темперамента и организаціи. Нельзя уложить все на прокрустово ложе односторонняго, заранѣе составленнаго пониманія. Воспитатель, который въ этомъ случаѣ осудитъ, не понявъ, заслуживаетъ тяжелыхъ упрековъ. Тѣ, которые остаются побѣдителями здѣсь, имѣютъ основаніе надѣяться побѣдить и въ жизненной борьбѣ. Но тѣ, кто терпитъ пораженіе, отъ этого не становятся ни плохими, ни недостойными. Они только созданы иначе и должны были остаться въ рамкахъ своей природы. Старайся изо всѣхъ силъ принадлежать къ первымъ—побѣдителямъ надъ собой и жизнью. Ты знаешь, что это означаетъ, и что здѣсь стоитъ на картѣ. Но если ты все-таки сдашься, то мнѣ будетъ больно за тебя и твою будущность. Но ты можешь быть увѣренъ въ моей любви и участіи. Теперь иди и старайся стать человѣкомъ!»

Такъ близки мы должны быть всегда къ своимъ сыновьямъ и дочерямъ. Должны возвышать ихъ и укрѣплять ихъ силу воли и вѣру въ себя, но и не оставлять ихъ, когда они падаютъ. Помогать имъ, поддерживать и защищать ихъ и преисполнить ихъ увѣренностью, что мы готовы нести и дѣлить съ ними все, все, побѣду и пораженіе, надежду и отчаяніе, возвышеніе и паденіе.

Генріетта Фюртъ.

Франкфуртъ на Майнѣ.



Дѣло не только въ знаніи.

Дѣло не только въ знаніи. Это роковое заблужденіе той просвѣтительно-воспитательной работы въ половой области, которую я назвала-бы положительной. Когда Элленъ Кей утверждаетъ, что въ теперешнемъ тяжеломъ нравственномъ положеніи юношества виноваты старыя понятія цѣломудрія и грѣха, то я должна самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчить ей. Стараго метода съ его подчеркиваніемъ отрицательной стороны ни въ какомъ случаѣ нельзя совершенно отбросить; здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, отъ стараго не слѣдуетъ отказываться окончательно, его нужно только превзойти, воздвигнувъ на немъ новое. И поскольку въ старомъ методѣ заключалось намѣреніе создать ребенку атмосферу, въ которой онъ могъ-бы развиваться спокойно, безъ помѣхъ извнѣ, постольку въ немъ заключается воспитательный принципъ, который никогда не потеряетъ своего значенія.

Что значитъ въ сущности воспитывать, какъ не давать расти и развиваться? Никогда не удастся вложить въ живую душу чуждое содержаніе, придать человѣческому духу не ту форму, которая ему свойственна. Мы можемъ только развивать и подавлять, усиливать хорошее и ослаблять дурное въ ребенкѣ. Это и есть воспитаніе.

Для этого больше всего нужна атмосфера чистоты, доброты и любви; только въ ней ребенокъ можетъ развиться въ сторону добра. Одинъ великій воспитатель сказалъ: «хорошія привычки—вотъ единственное, что мы можемъ дать нашимъ дѣтямъ». Этихъ словъ мы не должны забывать и при половомъ воспитаніи; при объясненіяхъ необходимо указывать на роль воли; когда приходится имѣть дѣло съ

подростающими дѣтьми, эти указанія должны даже стоять на первомъ мѣстѣ. Чувства мы можемъ развить почти незамѣтно, посредствомъ цѣлаго ряда цѣлесообразныхъ воздѣйствій, въ особенности-же съ помощью искусства. Но волю мы можемъ закалить только упражненіемъ, и мы должны у болѣе взрослыхъ дѣтей совершенно сознательно и намѣренно призвать ее для борьбы съ изнѣженностью и страстью къ физическимъ и духовнымъ наслажденіямъ и распущенности. Здѣсь намъ не обойтись безъ отвергаемыхъ Элленъ Кей понятій старой школы; одного объясненія вредныхъ послѣдствій безнравственности недостаточно, такъ-же, какъ и указаній на обязанности нынѣшняго поколѣнія передъ будущимъ. Чистота и цѣломудріе, даже понятіе о грѣхѣ не должны стать для нашего юношества пустыми словами и старомодными понятіями. Въ нихъ выражается та серьезность, которая подобаетъ этой сторонѣ жизни, они даютъ понять дѣтскому разуму все величіе этого явленія и связанную съ нимъ отвѣтственность. Для каждаго ребенка наступаетъ пора, когда имъ овладѣваетъ напряженное состояніе, вызванное развитіемъ новой жизненной потребности; въ этомъ переходномъ состояніи онъ долженъ имѣть ясныя понятія, которыя могли-бы служить мѣриломъ для его неясныхъ чувствъ, и сильное оружіе, которымъ онъ могъ-бы бороться съ знойными порывами. Конечно, пусть молодежь знаетъ, какой долгъ лежитъ на ней передъ будущимъ поколѣніемъ, но пусть она прежде всего знаетъ, какой долгъ лежитъ на ней передъ самой собой и своей личной духовной чистотой!

Такимъ образомъ по моему мнѣнію половое воспитаніе должно напирать на то, что здѣсь предстоитъ вести борьбу, добиться не для всѣхъ легкой цѣли. Только этимъ можно вызвать воодушевленіе и мужество. Было-бы поверхностно думать, что здоровый, наивный, но знающій ребенокъ совершенно естественно научится владѣть своими инстинктами. Борьба должна быть, безъ нея нѣтъ сознательной власти надъ собой въ этой области, нѣтъ вообще

истинной зрѣлости; и ребенокъ долженъ знать, что ему придется бороться, и изъ-за чего именно,—какъ-бы осторожно и постепенно его ни подготовляли. Онъ имѣетъ полное право на разоблаченіе тайнъ физической жизни, но онъ не долженъ никогда приступать къ этимъ тайнамъ безъ сознанія, что для этого нужно чистое сердце. Этого можно добиться не объясненіемъ, а многолѣтнимъ воспитаніемъ и самовоспитаніемъ. Поэтому нельзя говорить объ объясненіи, какъ о чемъ-то независимомъ и самостоятельномъ; это просто современная потребность, которую мы, воспитатели, должны включить въ общую систему воспитанія, если хотимъ, чтобы наши дѣти здорово чувствовали и соединяли въ себѣ цѣломудріе и знаніе.

Берта Герингъ.

Эрфуртъ.

Работа въ народной школѣ.

> Только если ты любишь этихъ дѣтей, ты имѣешь право сказать имъ объ этомъ. Тогда ты и сможешь это. Въ противномъ случаѣ я хотѣлъ-бы, чтобы ты молчалъ, иначе ты зажжешь пламя, которое не грѣетъ, а опустошаетъ.

Пишущій эти строки не художникъ, но онъ хотѣлъ-бы научить понимать работу надъ дѣтьми, какъ искусство. Онъ такъ понимаетъ и все больше учится понимать ее. Но не каждому дано быть художникомъ.

Сегодня я говорилъ дѣтямъ о своемъ дѣтствѣ... О буковомъ лѣсѣ на моей родинѣ, о красногузкѣ надъ заборомъ сосѣдняго сада, объ отцѣ, который дарилъ мнѣ кроликовъ, о матери, которая по цѣлымъ днямъ пряла... Пятьдесятъ паръ глазъ не отрывались отъ моего лица. Дѣти слушали, забывъ обо всемъ, что гнететъ уже многихъ изъ нихъ. Я долженъ завоевать этихъ дѣтей. Здѣсь, въ этой комнатѣ, они должны принадлежать мнѣ. Мнѣ одному. Какъ можно чаще. И путь къ ихъ сердцамъ лежитъ только черезъ любовь.

Я пошелъ къ нимъ—идите и вы къ нимъ—и хотѣлъ увидѣть, какъ они живутъ. И я увидѣлъ. И испугался. Я узналъ запахъ нищеты. Много высокаго и много низкаго, какъ и въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ общества. Я хотѣлъ узнать обстановку, въ которой живутъ дѣти, узнать ихъ горе, ихъ счастье. Все это я долженъ былъ научиться видѣть, понимать, чувствовать. Если я хочу завоевать ихъ сердца, я долженъ умѣть утѣшить

ихъ, если они плачутъ или страдаютъ тайно, и я долженъ умѣть радоваться вмѣстѣ съ ними, какъ дитя. Если я этого не могу, то мои слова «мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій».

Вы находите, что мнѣ пора перейти къ дѣлу? Я о дѣлѣ и говорю. Я хотѣлъ только сказать, что въ нашемъ школьномъ дѣлѣ недостаетъ сердечности. Безъ нея нельзя сдѣлать изъ дѣтей «людей». Поменьше метода, побольше сердечности! Поменьше бюрократизма, поменьше вѣры въ значеніе распоряженій и предписаній, побольше личной инициативы, побольше свободы! Дайте мѣста! Еслибы поняли, что воспитаніе есть искусство, предполагающее точное знаніе драгоцѣннаго человѣческаго матеріала—ребенка, знаніе всѣхъ его внутреннихъ особенностей и лишь на самомъ послѣднемъ планѣ его методическихъ, техническихъ, формальныхъ способностей, то требованіе включенія въ планъ занятій разъясненія дѣтямъ половыхъ отношеній въ рамкахъ естественно-научнаго преподаванія навѣрно не было-бы поставлено.

Я отношусь совершенно отрицательно къ включенію въ планъ занятій объясненія дѣтямъ половыхъ отношеній, но это не значитъ, что я вообще отрицаю необходимость такихъ разъясненій.

Призывъ, который мы слышимъ, это вопль испуганнаго общества. Видящіе ясно сознаютъ это. Теперь, когда въ котлѣ экономическихъ отношеній такъ и кипитъ,—когда мы стоимъ передъ бездной потрясающей смертности грудныхъ младенцевъ—когда народная сила истощается эксплоатаціей слабыхъ дѣтскихъ силъ,—когда у насъ, въ Германіи, ежегодно насчитываютъ пятьдесятъ тысячъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, а другія пятьдесятъ тысячъ дѣтей и подростковъ приходится отдавать въ исправительныя заведенія,—теперь на общество наваливаются все новыя задачи, грозящія почти разрушить его,—и теперь должна помочь и школа. А между тѣмъ она въ своемъ теперешнемъ видѣ совершенно не приспособлена къ рѣшенію такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о половомъ воспитаніи.

Да, если бы столько учителей не должны были быть «колесами» въ школьномъ производствѣ, если бы техника преподаванія не убивала лучшаго въ нихъ, если бы — но я не хочу жаловаться. Я спрошу только объ одномъ: гдѣ семинаріи и образовательныя учрежденія для учителей и учительницъ, которыя передавали бы требованія общества и преисполняли души той нѣжностью, той сердечностью, той безграничной вѣрой въ хорошее въ ребенкѣ, въ человѣкѣ, которая необходима, чтобы покорять сердца? А въ вопросѣ полового воспитанія рѣчь идетъ именно объ этомъ. — Или болѣе молодые учителя не должны имѣть права давать такія разъясненія? — А въ 30 — 40.000 сельскихъ училищъ преподаютъ почти исключительно молодые учителя, потому что бѣгство воспитателей изъ деревень продолжается. Да, недостатокъ въ учителяхъ увеличивается количественно и качественно. И общество принимаетъ на себя все большую и большую вину передъ дѣтьми, будущими носителями культуры.

Пусть не ожидаютъ многаго отъ школы. Для ея реформированія теперь былъ бы нуженъ Бисмаркъ народной школы, который обладалъ бы духомъ Гете и сердцемъ Песталоцци, и рядомъ съ которымъ стоялъ бы любезный министръ финансовъ. И все-таки надо и можно работать. Да, я того мнѣнія, что среди нѣмецкаго учительскаго персонала уже есть очень значительное количество мужчинъ и женщинъ, которые чувствуютъ пульсъ времени. И они знаютъ, что нужно дѣтямъ. И у нихъ нѣтъ никакого желанія, чтобы планъ занятій подрывалъ въ корнѣ жизненность и радость ихъ работы надъ дѣтьми. Но сколько людей, судящихъ о работѣ въ народной школѣ, не имѣютъ больше или не имѣли никогда способности оцѣнить учительскую работу, какъ работу художниковъ, какъ работу надъ душой! Они никогда не знали глубокой радости въ счастливый часъ прижать къ сердцу пятьдесятъ душъ дѣтей.

И, конечно, только въ такіе часы и можно рѣшиться разъяснить дѣтямъ половыя отношенія. «Вѣтеръ дуетъ, куда

хочетъ».—Не какъ предписываютъ планъ занятій и распредѣленіе уроковъ.—«И ты слышишь его свистъ, но не знаешь, откуда онъ доносится». Да, если наступитъ такой счастливый часъ, когда ты буквально чувствуешь, что на любовь отвѣчаетъ любовь и на довѣріе довѣріе, когда души дѣтей покорно лежатъ у твоихъ ногъ, тогда ты можешь дерзнуть заговорить съ ними о любви матери и силѣ отца... Устанавливать опредѣленные часы для разъясненія полового вопроса — это ядовитое дерево изъ педагогической теплицы.

Я не всегда рѣшался особенно останавливаться въ своемъ классѣ надъ евангельскими словами: «Женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ». Недавно это мнѣ опять удалось. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. Хорошо, что въ это время не явился ревизоръ; онъ, пожалуй, нашелъ-бы, что я недостаточно подготовился.

Какъ это мнѣ удалось, можно въ сущности такъ-же мало объяснить, какъ можетъ объяснить художникъ, почему въ извѣстный день ему удалось его лучшее произведеніе, и легче-ли онъ при этомъ водилъ кистью, чѣмъ обыкновенно. Но пусть читатель почувствуетъ, какъ я внятно говорю пятидесяти мальчикамъ, которые знаютъ меня, и я знаю ихъ: «Такъ говоритъ Іисусъ своимъ ученикамъ: «Женщина, когда рождаетъ... человѣкъ въ мірѣ». Онъ хочетъ этимъ сказать, что женщина всегда стоитъ одной ногой въ могилѣ, когда даетъ жизнь ребенку. Тебя тоже родила мать. Съ несказанной скорбью родила она тебя. Она думала, что умретъ за тебя. Она думала, что наступилъ ея часъ. Она кричала въ страхѣ сердца своего. Она молилась за себя и за тебя. И Богъ оставилъ жизнь вамъ обоимъ. Тогда она дала тебѣ первый поцѣлуй. Когда-нибудь ты дашь ей послѣдній поцѣлуй. Говорю вамъ, мнѣ пришлось уже сдѣлать это, и на душѣ у меня было такъ, какъ будто сердце у меня перестало биться. Но это перестало биться другое сердце... И глаза уже никогда

не взглянутъ съ лаской на тебя. И рука уже не погладитъ Фрица или Франца по головѣ... Мальчики, этотъ часъ придетъ и для васъ. — Только женщина, имѣющая дѣтей, знаетъ все, что дѣлаетъ мать. Но вы уже теперь можете понять своими здоровыми головами, что значитъ каждую ночь вставать десять-двадцать разъ къ маленькому невѣжѣ, когда вы — ты тоже когда-то, милый Робертъ, а ты-то ужъ навѣрно — кричите, какъ телята, когда ихъ рѣжутъ. И потомъ я не знаю хорошенько, были-ли вы, маленькіе поросята, Арнольдъ проститъ мнѣ это выраженіе, опрятны всѣ уже въ два года. У кого есть маленькіе братья и сестры? Совсѣмъ маленькіе?.. Гмъ, ну, такъ вы можете облегчить матери работу. Ну, тише. У васъ и теперь еще ненасытные рты. Вы и теперь еще ревете: «Мама, хлѣба, мама еще!» Прежде вашъ крикъ былъ похожъ на ревъ маленькихъ королей пустыни. Впрочемъ, тѣ ревутъ мелодичнѣе. Но маленькія дѣти должны кричать, — это здорово для легкихъ. И, кромѣ того, мать знаетъ, чего ты хочешь, маленькое ненасытное животное. На тебѣ, толстый Отто, еще и теперь видно, что ты обязанъ своей силой своей здоровой матери. Ты былъ хоть разъ боленъ? «Нѣтъ!» Вотъ видишь, это оттого, что мать выкормила тебя грудью. Теперь у тебя въ жилахъ здоровая кровь. Отецъ далъ силу, мать любовь. Подумайте, васъ выносила любовь, которая хотѣла для васъ умереть.

Мальчики, я не считаю ни одного, ни одного единственнаго изъ васъ негодяемъ. Вы всѣ славные ребята. Если-бы я могъ подумать, что между вами есть такой жалкій низкій негодяй, который смѣется, когда мы читаемъ о матери, производящей на свѣтъ ребенка, я сказалъ бы ему, что онъ свинья. Мальчики, вы были всегда славные ребята, не заражайтесь-же тѣмъ, что вы сами называете «гадостью». Говорить о зарожденіи ребенка родителями и о рожденіи его не грязно. Грязно это только для грязнаго. Вспомните, что ваша мать хотѣла умереть за васъ, за тебя.

Вы знаете, что бабочки порхаютъ по цвѣтамъ и опло-

дотворяютъ ихъ, оставляя цвѣточную пыльцу на рыльцѣ. Если-бы только знать, какъ это собственно возможно, что послѣ такого опыленія образуется плодъ! Конечно, онъ образуется; но какъ и почему, это загадка, какихъ много въ природѣ. И къ глубочайшимъ тайнамъ природы принадлежитъ и возникновеніе ребенка. Такъ велика тайна того, что изъ силы отца и любви матери возникаетъ плодъ двухъ людей, что взрослые не рѣшаются сказать дѣтямъ правду и говорятъ обыкновенно, что ихъ принесъ аистъ. Вы, мои милые мальчики, уже не такъ малы, чтобы я не могъ сказать вамъ, что ваша мать родила васъ въ смертельномъ страхѣ, что ваша мать молилась: «Оставь мнѣ жизнь, Господи, и моему ребенку тоже! О, оставь жизнь моему ребенку, вѣдь я носила его подъ сердцемъ!» Маленькимъ этого еще нельзя сказать, они еще не могутъ понять этого. Но было-бы т о ж е гораздо лучше, если бы имъ сказали: дѣтей Богъ даетъ родителямъ, когда они очень любятъ другъ друга. И если тебя спроситъ какой - нибудь маленькій ребенокъ, твой братецъ или твоя сестрица, скажи имъ только это, потому что если, в ы сами такъ-же мало понимаете возникновеніе человѣка, какъ и я, то какъ могутъ понять его малютки. Развѣ они могутъ его понять?— «Нѣтъ!»

Но ты долженъ и можешь знать, что тебя создали сила отца и кровь сердца матери. Они создали тебя здоровымъ, чистымъ и сильнымъ,—а кто утратилъ все это, долженъ опять стать такимъ. Кто знаетъ, отчего нѣкоторые глядятъ такъ робко... Мальчики, не давайте уговорить себя дѣлать «гадости», мальчики, если кто-нибудь предложитъ вамъ «гадости», дайте ему такую пощечину, чтобы у него искры посыпались изъ глазъ. Вы понимаете меня. Больше вамъ ничего не скажу,—ахъ, да, еще одно: то же самое, что сказалъ Матій Квавдій своему сыну на смертномъ одрѣ: «Не дѣлай зла дѣвушкамъ и помни, что твоя мать тоже была дѣвушкой». Если кто-нибудь причинитъ зло твоей сестрѣ, что ты сдѣлаешь ему?

«Я дамъ ему такую пощечину, что у него искры посыпятся изъ глазъ».

«Ты можешь это сдѣлать, мой мальчикъ».

Такъ «училъ» я. Или лучше не будемъ употреблять этого слова. Скажемъ, такъ вкладывалъ я это въ души моихъ мальчиковъ. Этому никто не сможетъ подражать механически. Этого нельзя повторить. Все зависитъ отъ того, какія отношенія царятъ между учителемъ и учениками. Знаютъ-ли они другъ друга. Любятъ-ли они другъ друга. Дѣвочка должна узнать это во всякомъ случаѣ изъ устъ женщины. Ахъ, если-бы у насъ были матери! Ахъ, если-бы онѣ были у насъ повсюду. «Мать» могла-бы сказать это и сыну, потому что ни одному человѣку въ мірѣ, даже самому лучшему воспитателю, ребенокъ не вѣритъ такъ, какъ ей.

Но я лишь изрѣдка касаюсь «древа познанія». Когда я читаю съ моими мальчиками «Телля», они, конечно, замѣчаютъ «непристойность» (1 д. 1 с.). Это одинъ примѣръ изъ многихъ.

Дѣйствительная и чрезвычайно необходимая подготовка— я не всегда, какъ я уже упоминалъ, начиналъ съ нея—заключается въ особаго рода «признаніи учителя». Что это означаетъ? Только то, что учитель говоритъ дѣтямъ: «Въ сущности, ничто не можетъ быть прекраснѣе маленькаго двух-трехлѣтняго мальчика, который бѣгаетъ по комнатѣ голенькій и смѣется». Часть дѣтей, а именно тѣ, которые знаютъ меня еще недавно—сначала поражены. Это видно по глазамъ. «Голый» значитъ для нихъ «плохой». Школьное понятіе.

Въ этомъ заключается основное препятствіе. Его нужно уничтожить. Мальчикамъ должно стать ясно, они должны почувствовать, что маленькій голый мальчуганъ—величайшее художественное произведеніе Господа Бога. Въ описаніи такого ребенка я стараюсь каждый годъ превзойти самого себя. Я пробовалъ это уже цѣлые годы и нашелъ, что мальчики бываютъ точно околдованы. Какъ велико по-

ниманіе нѣкоторыхъ дѣтей, можетъ показать дополненіе одного двѣнадцатилѣтняго мальчика: «Вы не сказали, какъ красиво, когда такой мальчуганъ нагибается». И давъ дѣтямъ «предчувствіе искусства», я всегда спрашиваю: «Ну, теперь скажите мнѣ, какіе штаны и башмаки надо надѣть малышу, чтобы художникъ могъ изобразить его во всей его красотѣ?»

Дѣти такъ естественно высмѣиваютъ меня, они находятъ такимъ несомнѣннымъ, что малышу не надо надѣвать никакихъ штановъ, никакихъ башмаковъ, если хотятъ хорошо («невинно и прекрасно») изобразить его,— что я всегда впадаю въ старое заблужденіе: считаю дѣтей гораздо лучшими, чѣмъ представляютъ ихъ себѣ взрослые,— какъ «наслѣдственныхъ грѣшниковъ» Мои мальчики—подъ этимъ я всегда подразумѣваю своихъ учениковъ—затѣмъ начинаютъ понимать и то, что скульпторъ можетъ изобразить «борца», «наѣздника», «танцора», «женщину, несущую воду» нагими; они чувствуютъ и понимаютъ, что обнаженная красота сіяетъ чистотой. Планомѣрными уроками всего этого, конечно, не достигнешь. И тотъ ревизоръ, который вмѣшался-бы въ работу учителя и этимъ испортилъ-бы все, совершилъ-бы большую глупость. Тамъ, гдѣ авторитетъ, хотя-бы и очень маленькій, ставитъ ногу на затылокъ художника, связывая его грубыми предписаніями о пяти минутахъ или казарменными понятіями, тамъ всегда уничтожается самое лучшее.

Написанное мною о художественныхъ занятіяхъ относится къ ученикамъ высшаго класса многоклассной народной школы. Повторяю: я говорилъ о своей работѣ надъ своими мальчиками. Какъ-бы я художественно поучалъ дѣвочекъ, я тоже знаю. Здѣсь я чувствовалъ бы себя совершенно увѣреннымъ.

Другое дѣло объясненіе половыхъ отношеній въ классѣ дѣвочекъ. Не говорю уже о томъ, что учитель и безъ того легко подвергается опасности быть непонятымъ 12—14 лѣтними дѣвочками. Я говорю прямо, что въ классахъ

дѣвочекъ о такихъ вопросахъ должна говорить только женщина, и только опытная женщина, вторая мать. Ухаживать за розами и почками не то-же самое, что взращивать деревья. И если и для послѣдняго нужны осторожность и заботливость, то тѣмъ болѣе для перваго.

Въ заключеніе я долженъ еще указать на одинъ фактъ, который заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Я видѣлъ, что въ Стокгольмѣ мужчины и мальчики купаются вмѣстѣ совершенно безъ костюмовъ. Когда я сказалъ своему проводнику, стокгольмскому учителю, что взрослый, который въ Германіи купался-бы такъ въ общественномъ купальномъ заведеніи вмѣстѣ съ мальчиками, могъ-бы легко навлечь на себя обвиненіе въ оскорбленіи общественной нравственности, онъ былъ немало удивленъ. А когда я сказалъ, что въ Германіи усомнятся въ достовѣрности моего разсказа, то онъ только пожалъ плечами и замѣтилъ: «Этого я не понимаю! Вѣдь мальчики тоже будутъ мужчинами.—И какіе упреки, какія замѣчанія «образованныхъ» читателей получалъ я—анонимно—потомъ! «Но вѣдь это граничитъ съ безнравственностью!» «Это ложь!»—«Тоже нѣчто пикантное?»—«Это, конечно, фантастическая картина?»

Что я хочу сказать этимъ?—Въ общественныхъ взглядахъ на пониманіе естественнаго долженъ произойти переворотъ. Онъ можетъ совершиться только постепенно. Въ томъ случаѣ, если это вообще возможно. Въ томъ случаѣ, если паденіе еще не слишкомъ глубоко. Онъ долженъ произойти.

Школа, конечно, должна принимать участіе въ этой работѣ. Но не въ формѣ предписанной премудрости, а прежде всего сознаніемъ истинныхъ воспитателей. Тѣмъ, которые уже на пути къ тому, чтобы стать ими, надо дать свободу. Но настойчиво обращаю вниманіе на то, что всѣ должны быть только скромными сотрудниками. Они должны работать при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, о которыхъ я говорилъ. Итакъ, только сотрудничество. Больше ничего.

Въ литературѣ по этому вопросу развивается характерный дилетантизмъ. Люди, которые знаютъ, какъ обстоитъ дѣло, отдѣлываются красивыми фразами—вмѣсто того, чтобы углубиться въ соціальныя и экономическія причины. Профессора не составляютъ исключенія. Больше искренности, больше правды! И затѣмъ: Высшіе и низшіе—вернитесь къ природѣ! Вѣдь это не всегда лицемѣріе, часто это честная глупость или убѣжденность. «Больше свѣта»!

Конрадъ Агадъ

Риксдорфъ

Существуетъ только одна нравственность,— правда.

Мои родители были простые люди, не знавшіе даже о существованіи книгъ о половомъ воспитаніи. Я думаю также, что они никогда не ломали себѣ головы надъ тѣмъ, когда и какъ дать наставленія мнѣ и моимъ братьямъ и сестрамъ; для нихъ это было дѣломъ инстинктивнаго чутья! Въ то время, когда большинство людей считали видъ нагого тѣла чѣмъ-то нечистымъ, мы привыкли спокойно показываться нагими своимъ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, но тѣмъ не менѣе мы чувствовали, что не слѣдуетъ обнажаться непристойнымъ образомъ. Съ самаго ранняго дѣтства намъ былъ знакомъ процессъ родовъ у нашей домашней кошки. Для насъ это было важнымъ событіемъ: у Мице родились дѣтеныши! Какъ заботливо мы обращались тогда съ животнымъ, въ теченіе этого времени оно было въ безопасности отъ поддразниваній и травли. На цыпочкахъ подходили мы къ корзинѣ, когда намъ позволяли взглянуть на маленькихъ животныхъ. Мы внимательно смотрѣли, какъ котята сосали мать. Они были такіе маленькіе, безпомощные и слѣпые, что не могли найти сами миски съ пищей; поэтому было такъ естественно, что мать кормила ихъ. Въ десять лѣтъ мнѣ было ясно, что процессъ рожденія одинаковъ у всѣхъ млекопитающихъ. Но я еще не зналъ ничего о рожденіи человѣка, да никогда и не задумывался надъ этимъ. Мнѣ шелъ одиннадцатый годъ, когда произошелъ случай, познакомившій меня и съ этимъ.

Надъ нами жила гладильщица. Однажды мы вмѣстѣ съ матерью стояли передъ дверью нашего дома; въ это время фрау Іорданъ—такъ звали ее—вернулась домой съ большой корзиной бѣлья. Она шла очень медленно, видно было,

что ей очень трудно. Моя мать побѣжала на встрѣчу ей, взяла у нея корзину и, какъ мнѣ показалось, побранила ее. Она говорила о томъ, какъ легкомысленно въ такомъ положеніи носить такія тяжести, что она можетъ сдѣлать себя несчастной на всю жизнь и что она должна думать о ребенкѣ.

Мы съ сестрой ничего не понимали. Затѣмъ мать велѣла намъ отнести корзину наверхъ. Намъ это доставило большое удовольствіе, хотя корзина была порядочно тяжела. Но зато мы были очень горды, когда вернулись къ матери и объявили ей, что сами внесли ее на четвертый этажъ. Моя сестра, которая была немного старше меня, спросила: «Мама, развѣ фрау Іорданъ больна, что она не можетъ нести корзину?»

— «Больной ее нельзя назвать», сказала мама колеблясь, но затѣмъ рѣшительно продолжала: «У фрау Іорданъ скоро будетъ ребенокъ». На нашихъ удивленныхъ лицахъ, очевидно, выразился нѣмой вопросъ: Откуда ты знаешь? Мама немного подумала и затѣмъ сказала: «Видите-ли, дѣти, мать знаетъ заранѣе, что у нея будетъ ребенокъ; прежде, чѣмъ ребенокъ появляется на свѣтъ, онъ долго спитъ въ тѣлѣ у своей матери. Онъ лежитъ тамъ въ теплѣ, свернувшись въ клубочекъ, онъ не можетъ ни видѣть, ни ѣсть, ни пить. Мать должна охранять ребенка въ своемъ тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ достаточно большимъ и сильнымъ, чтобы жить на воздухѣ. Но если-бы фрау Іорданъ заболѣла, то и ребенокъ, который она носитъ въ себѣ, тоже заболѣлъ-бы или даже умеръ. Поэтому она должна теперь быть очень осторожна. Она не должна такъ напрягаться и носить корзину наверхъ, потому что это могло-бы сдавить ребенка, онъ могъ-бы умереть, и фрау Іорданъ, пожалуй, тоже».—Мама нѣжно погладила насъ по волосамъ и сказала своимъ милымъ, теплымъ голосомъ: «Такъ и вы, прежде чѣмъ появились на свѣтъ, были во мнѣ, и вы спали у меня подъ сердцемъ, и я охраняла васъ, пока вы не стали достаточно сильными, чтобы жить отдѣльно».

Послѣ смерти матери отецъ заботился о насъ вдвойнѣ, стараясь во всѣхъ отношеніяхъ не дать намъ почувствовать отсутствія матери. Все свое свободное время онъ посвящалъ намъ. Прекраснѣе всего его высокая душа открывалась на вечернихъ прогулкахъ, которыя мы совершали почти ежедневно въ поле или въ лѣсъ. Тогда мы говорили обо всемъ, что встрѣчается человѣку въ жизни, и обо всемъ отецъ умѣлъ говорить разумно.

Однажды—мнѣ было тогда лѣтъ 15—въ теплый іюньскій вечеръ мы шли по полю среди цвѣтущихъ, вышиной въ человѣка, колосьевъ. Я не помню, какъ вышло, что мы заговорили о матери и о томъ, что я унаслѣдовалъ отъ нея темные волосы и ротъ, а отъ отца голубые глаза и носъ. Я выразилъ удивленіе, что возможно такое смѣшеніе.

Тогда отецъ сказалъ: «Вѣдь ты знаешь, мой мальчикъ, что тебя родила твоя мама, не правда-ли? Но тебѣ, вѣроятно, еще не совсѣмъ ясно, что я, твой отецъ, былъ причиной твоего рожденія? Женщина одна не можетъ зачать ребенка, такъ-же, какъ и мужчина одинъ. Для этого нужны и мужчина, и женщина. У насъ, людей, это происходитъ такъ-же, какъ у животныхъ и растеній. Какъ въ мужскомъ цвѣткѣ образуется цвѣточная пыль, такъ и мужчина производитъ жидкость, которую мы называемъ сѣменемъ. Когда женщина достигаетъ возраста, въ которомъ теперь находится твоя сестра, въ ея тѣлѣ тоже происходитъ удивительная перемѣна: въ немъ развивается яйцо. Но только тогда, когда мужчина соединяется съ женщиной, можетъ быть зачатъ ребенокъ. Поэтому мужчина ищетъ себѣ жену, которую любилъ-бы. Они соединяются, и мужчина вводитъ сѣмя въ тѣло женщины. На это нельзя смотрѣть легко: оба, мужчина и женщина, должны дать всѣ лучшія силы, какими только обладаютъ ихъ тѣла, чтобы создать здороваго ребенка. Ты мало-по-малу созрѣваешь и превращаешься въ мужчину и, если ты останешься здоровымъ, наступитъ время, когда и въ тебѣ разовьется это сѣмя и пробудится желаніе найти себѣ жену, чтобы зачать съ ней дѣтей. Но

это счастье будетъ суждено тебѣ только тогда, если ты въ періодъ развитія держалъ себя въ рукахъ, если ты ждалъ, пока не созрѣешь настолько, чтобы взять себѣ жену.

Мы остановились. Отецъ говорилъ тихо, но горячо и убѣдительно. Онъ взялъ мои руки, сжалъ ихъ такъ крѣпко, что я чуть не вскрикнулъ, и искалъ въ темнотѣ моихъ глазъ. Я почувствовалъ его взглядъ. «Сохрани свое тѣло чистымъ и никогда не думай низко и грязно о женщинахъ», сказалъ онъ, повысивъ голосъ.

Я былъ взволнованъ его торжественностью; въ эту ночь я долго не могъ заснуть. Его слова звучали у меня въ ушахъ, и я со священнымъ пыломъ принялъ самыя лучшія рѣшенія. Часто окружающіе и горячая кровь вводили меня въ искушеніе, я готовъ былъ подчиниться низменному желанію, но воспоминаніе объ этомъ часѣ было достаточно сильно, чтобы опять вернуть меня на истинный путь.

Пауль Гофманъ.

Дрезденъ.

Знаніе о зарожденіи человѣка.

«Мама, мама! Вотъ прелесть! У Сереновъ родилась новая сестричка. Серенъ самъ разсказалъ это Гильдѣ, когда приходилъ утромъ рубить дрова. Можно намъ пойти посмотрѣть на нее, мама?»

Глаза мальчика сіяли совершенно особеннымъ блескомъ и счастьемъ, когда онъ при этомъ вопросѣ съ умоляющей улыбкой взглянулъ на мать. Но мать колебалась.

«Я боюсь, что Софи еще не совсѣмъ здорова, и ей это будетъ трудно, мой мальчикъ; вы лучше подождите нѣсколько дней».

«Да, Серенъ сказалъ, что Софи плохо себя чувствуетъ и просилъ, чтобы папа пришелъ. Такъ мы немножко подождемъ, но *потомъ* можно будетъ пойти?»

«Да, конечно, мой мальчикъ, какъ только она оправится». И какъ велика радость, когда всѣ вмѣстѣ отправляются посмотрѣть на маленькаго пришельца, и каждому изъ дѣтей позволяютъ принести что-нибудь для Софи, которая была такъ больна. «Нѣтъ, мама, ты не можешь себѣ представить, что за прелесть новая сестричка! У нея совсѣмъ, совсѣмъ маленькія ручки и *настоящіе* пальцы и, подумай только, у нея густые, черные *настоящіе* волосы! Ливъ *) взяла ее на руки, и она открыла глаза, но не сказала ничего».

Ребенокъ инстинктивно окружаетъ сіяніемъ святой чистоты появленіе новой жизни.

Безсознательно, и, быть можетъ, въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ отражаетъ его маленькая душа это великое чудо

*) Ливъ—норвежское женское имя.

природы, которое связуетъ въ одно цѣлое все живущее и дѣлаетъ каждаго звеномъ безконечной цѣпи развитія.

Конечно, ребенокъ не понимаетъ сущности этого процесса, но онъ предчувствуетъ ее, какъ только пробуждается къ сознанію и мышленію, и это предчувствіе проявляется въ той удивительно тонкой и стыдливой манерѣ, съ которой неиспорченныя дѣти дѣлятся своими чувствами и мыслями съ тѣми, кто имѣлъ счастье пріобрѣсти ихъ полное довѣріе.

Лишь тогда, когда душа ребенка омрачена и загрязнена грубостью, неправдой и легкомысліемъ окружающихъ, наступаетъ смятеніе, и начинаются дѣйствительныя трудности при моральномъ воспитаніи.

Если столько родителей и воспитателей разбиваются объ этотъ подводный камень: моральное воспитаніе, и не знаютъ, какъ взяться за дѣло, то, по-моему, основная причина этого заключается въ двухъ вещахъ. Во-первыхъ, въ печальномъ фактѣ недостатка довѣрія, который такъ часто господствуетъ между родителями и дѣтьми, и, во-вторыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что зарожденіе и размноженіе всегда окружены для дѣтей таинственнымъ мракомъ: это есть нѣчто, о чемъ дѣти не должны ничего знать. Но то, что зрѣетъ въ нашей душѣ во мракѣ, останется больнымъ и уродливымъ въ жизни, какъ растеніе, которое изъ года въ годъ стоитъ въ погребѣ и пускаетъ длинные, блѣдные ростки.

Въ сущности, я никогда не могъ хорошенько понять этой непреодолимой для многихъ трудности говорить съ дѣтьми о зарожденіи жизни. Возможно, что мнѣ очень помогли условія жизни въ деревнѣ. Уединеніе, въ которомъ часто приходится жить въ сельскихъ общинахъ Норвегіи, сильно сближаетъ родителей и дѣтей, вызывая взаимное довѣріе и общеніе, а великая природа, окружающая здѣсь человѣка, говоритъ съ нимъ на своемъ простомъ, чистомъ языкѣ съ возвышенной красотой. И больше всего помогаетъ она ему при объясненіи и освѣщеніи вопроса о зарожденіи

жизни. Цвѣты, деревья, птицы, животныя и люди—все это ступени одной лѣстницы, такъ непрерывно и нормально поднимающiяся вверхъ, что этотъ путь никому не можетъ представится труднымъ.

Мнѣ кажется, что нашъ долгъ передъ людьми, которымъ мы даемъ жизнь, объяснить имъ, каковъ ихъ собственный долгъ передъ жизнью.

Мы обязаны помочь имъ и сдѣлать ихъ способными прожить жизнь, которую мы имъ дали, какъ можно болѣе прекрасно, чисто и счастливо.

Мы обязаны сдѣлать ихъ способными управлять силами природы, которыя вложены въ нихъ, и противостоять искушенiямъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ, которыя встрѣтятся имъ въ этой области. Но, чтобы быть въ состоянiи сдѣлать это, мы должны съ самаго начала быть безусловно искренни съ нашими дѣтьми и понимать движенiя ихъ пробуждающейся душевной жизни. Мы должны стараться проникнуться всѣми ихъ мыслями, ихъ первыми зарождающимися стремленiями. Мы должны оберегать ихъ стыдливую чувствительность, и если они открываются намъ, смотрѣть на это, какъ на самое дорогое благо.

Но, какъ и все высокое въ мiрѣ, эта цѣль не достигается безъ труда. Прiобрѣсти полное довѣрiе ребенка часто гораздо труднѣе, чѣмъ думаютъ. Это требуетъ со стороны родителей чрезвычайнаго такта и большого чутья, также какъ и тонкаго пониманiя всѣхъ тѣхъ прекрасныхъ чувствъ, которыя шевелятся въ дѣтской душѣ.

Я часто съ грустью замѣчалъ, какъ мало близости между родителями и дѣтьми въ окружающихъ насъ семьяхъ. Обѣ стороны часто живутъ рядомъ такъ, какъ будто имъ совсѣмъ нѣтъ дѣла другъ до друга, и заняты только тѣмъ, что касается ихъ лично. Можно подумать, что они живутъ на разныхъ концахъ земного шара. Одиноко, каждый по своему, борются они со своими сомнѣнiями и душевными тревогами, и довѣрiе не соединяетъ ихъ душъ.

Но, чтобы руководить нравственнымъ воспитанiемъ дѣтей

и объяснить имъ самое трудное: зарожденіе жизни, первымъ условіемъ является именно это довѣріе. Каждый, кто имѣлъ дѣло съ дѣтьми, знаетъ, какъ часто они боятся обнажить себя физически и душевно. Часто они предпочитаютъ хранить втайнѣ свое горе или маленькое интимное страданіе, если матери не удастся вызвать ихъ на откровенность и заговорить съ ними на дѣтскій ладъ объ ихъ заботахъ.

Даже о самыхъ безразличныхъ вещахъ родители и дѣти часто не говорятъ другъ съ другомъ. Можетъ быть, это народная особенность, что намъ, норвежцамъ, такъ трудно выказать и пріобрѣсти довѣріе. Но, конечно, въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго. Ахъ, сколько горя причинило уже молчаніе—все, о чемъ мы умалчиваемъ—въ нашихъ семьяхъ! Сколько хорошихъ, благородныхъ сѣмянъ замерло въ душахъ дѣтей, потому что они не нашли у отца и матери теплой почвы пониманія!

Поэтому первое условіе для руководства нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей—научиться пріобрѣсти ихъ довѣріе. Въ особенности-же это необходимо въ такомъ тонкомъ, деликатномъ вопросѣ, какъ вопросъ размноженія.

И если что-нибудь можетъ наиболѣе тѣсно связать родителей и дѣтей, то именно тѣ тихіе интимные часы, которые мы проводимъ съ нашими дѣтьми въ ихъ первомъ, кладущемъ основу возрастѣ.

Какъ тѣло ребенка въ первые годы его жизни расцвѣтаетъ подъ уходомъ матери, такъ и его душа съ ея стремленіями и вопросами развивается подъ заботливымъ уходомъ, и мать сможетъ мало-по-малу влить свѣтъ истины въ воспріимчивую душу ребенка. Но если мы ничего не посѣемъ, то ничего и не пожнемъ. Кто хочетъ обладать душой ребенка и его довѣріемъ, тотъ долженъ взамѣнъ дать свою собственную душу. Необходимо дать ребенку свое довѣріе и свою искренность, только тогда ребенокъ будетъ вѣрить вполнѣ. Тѣмъ, что мы дадимъ ему наше, мы пріобрѣтемъ его довѣріе. Ребенокъ долженъ понимать, что мы питаемъ къ нему довѣріе. Довѣріе къ его само-

обладанію, къ его пониманію и его благоразумію. Ничѣмъ нельзя такъ обидѣть ребенка, какъ высмѣиваніемъ его, потому, что онъ «только ребенокъ»; напротивъ, ничто не укрѣпитъ больше его вѣры въ отца и мать, чѣмъ тотъ фактъ, что они съ самаго ранняго дѣтства разговариваютъ съ нимъ дружески и довѣрчиво.

Одна немолодая, образованная, интеллигентная дама воспитала сама своего единственнаго сына. Она была не только его матерью, но и его няней, пока онъ настолько выросъ, что не нуждался больше въ ея помощи. Купая, моя его, слѣдя за его здоровьемъ, она мало-по-малу пріобрѣла его полное довѣріе и сдѣлалась его лучшимъ другомъ. Когда онъ подросъ, и тѣло его развилось и стало сильнымъ и прекраснымъ, она постепенно разъяснила ему, какъ важно для всей его жизни сохранить незапятнаннымъ, здоровымъ и чистымъ это прекрасное, сильное тѣло. Этотъ мальчикъ въ школѣ пользовался среди своихъ товарищей такимъ уваженіемъ, что какъ только онъ приближался къ нимъ, они моментально прекращали грубые разговоры и порочныя развлеченія. Они знали, чѣмъ обладаютъ въ его лицѣ. Онъ былъ олицетвореніемъ ихъ совѣсти. Такую власть можетъ имѣть надъ окружающими одинъ чистый, сознательный и стойкій человѣкъ. Изъ этого мальчика вышелъ хорошій человѣкъ. Онъ сталъ однимъ изъ тѣхъ столповъ общества, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. И даже тогда онъ не считалъ себя слишкомъ взрослымъ, чтобы пойти къ матери и попросить у нея совѣта, когда нуждался въ немъ. Вѣдь онъ дѣлилъ со своей матерью все.

Чистое, естественное и дѣтское пониманіе дѣтьми зарожденія жизни станетъ фундаментомъ, на которомъ мы можемъ надѣяться воздвигнуть нравственно чистое поколѣніе, здоровую тѣломъ и стойкую молодежь.

Какъ показываетъ мой опытъ, мальчикамъ особенно трудно быть вполнѣ откровенными съ родителями. Трудно

себѣ представить, какъ нѣжно и тонко можетъ думать какой-нибудь мальчуганъ; и въ то-же время онъ боится дать исходъ своимъ самымъ задушевнымъ чувствамъ, какъ-нибудь проявить ихъ.

«Поди сюда, мой милый мальчикъ, вѣдь ты знаешь, какъ мы любимъ другъ друга, знаешь, что мы съ тобой одно. Мама всегда поможетъ тебѣ; и если что-нибудь удивляетъ тебя и заставляетъ задуматься, и ты хотѣлъ-бы объясненія, спрашивай спокойно папу или маму—мы оба всегда будемъ съ тобой откровенны—и не скажемъ объ этомъ никому, ты знаешь это. Никто въ мірѣ, мой мальчикъ, не хочетъ такъ помочь тебѣ и все объяснить, какъ отецъ и мать».

Начните нравственное воспитаніе вашихъ дѣтей какъ можно раньше. Какъ только ребенокъ пробудится къ сознанію своей собственной жизни, какъ только онъ самъ придетъ и попроситъ объясненія. Живите съ вашей собственной плотью и кровью въ такомъ тѣсномъ общеніи душъ, чтобы вы могли быть увѣрены, что ваше дитя въ этомъ случаѣ не пройдетъ мимо васъ, а придетъ со своей пробуждающейся жаждой знанія къ вамъ.

Утренняя заря маленькой души засіяетъ и для васъ. Совершится чудо: откровенность и довѣріе ребенка помогутъ вамъ. Вы сами научитесь отъ ребенка тому, чему вы должны научить его. Не отталкивайте его никогда, не давъ отвѣта. Нѣтъ ничего болѣе немилосерднаго.

Одинъ маленькій мальчикъ спросилъ свою мать, откуда берутся щенята. Мать не знала, что отвѣтить, и колебалась. «Я думаю, мама, что она сама снесла ихъ», сказалъ мальчикъ, и такимъ образомъ своей собственной прекрасной естественной чистотой помогъ матери выпутаться изъ затрудненія. Разсказа объ аистѣ я нисколько не отвергаю. Но онъ долженъ быть сказкой. Какъ таковая, онъ хорошъ и примѣнимъ до двухъ-трехлѣтняго возраста. Но думающему ребенку, который стоитъ у постели матери и видитъ ее блѣдной и слабой, съ новорожденнымъ на рукахъ,

хотѣть внушить, что братца принесъ черезъ трубу аистъ, прямо-таки безсмыслица. Онъ сдѣлаетъ свое заключеніе: «Мама и папа не хотятъ мнѣ этого сказать, потому что это гадко и не должно быть. Поэтому они не смѣютъ разсказать мнѣ объ этомъ». И такимъ образомъ ребенокъ приходитъ къ ложному взгляду, омрачающему всѣ дѣтскія понятія. Ни одинъ нормальный ребенокъ не найдетъ ничего предосудительнаго въ томъ, что его выносила и родила мать. Наоборотъ, если довести это до его сознанія заранѣе, съ естественностью и чистотой, то это познаніе преисполнитъ ребенка священной трепетной и изумленной радостью, которая надолго останется для него незабвенной. Настоящія трудности возникаютъ только тогда, когда у ребенка сложилось скверное, легкомысленое пониманіе, и надо прежде всего вырвать плевелы. Это очень трудно во время посѣва. Если тамъ, гдѣ при естественныхъ условіяхъ слѣдовало-бы только сѣять, приходится уже начинать полоть, то нами легко овладѣваютъ сомнѣнія; понятія тогда спутаны, а въ маленькую душу нелегко заглянуть, чтобы узнать, насколько уже успѣли разростись плевелы. Взгляды ребенка въ этомъ возрастѣ просты; для ребенка существуетъ только или— или. Или имѣть ребенка гадко, или-же нѣтъ.

Ужасно, что при входѣ матери, которая держитъ на рукахъ новаго маленькаго братца или сестрицу, ребенка можетъ угнетать мысль, что это есть нѣчто гадкое. Между тѣмъ моментъ, когда появляется новое существо,—высочайшій и священнѣйшій въ семейной жизни.

Возражали, что съ дѣтьми объ этомъ вопросѣ нельзя говорить подробно. Это большое заблужденіе. О немъ можно говорить подробно, но онъ долженъ разрабатываться постепенно, сообразно съ возрастомъ и развитіемъ, какъ сама жизнь въ своей пышной полнотѣ. Воспитаніе никогда нельзя считать законченнымъ, въ особенности-же нравственное, которое должно идти впередъ, вмѣстѣ съ развитіемъ ребенка. Что при этомъ будто-бы неизбѣжны нескромности, какъ предполагаетъ въ своихъ возраженіяхъ большинство,

мнѣ непонятно. Все зависитъ отъ того, какъ звучатъ струны нашей души въ этомъ направленіи, это главное. Въ себѣ самихъ мы должны найти истинный тонъ, который можетъ вызвать эхо въ дѣтской душѣ. Ни одинъ ребенокъ не будетъ задавать нескромныхъ вопросовъ, для этого дѣти по природѣ слишкомъ чутки и стыдливы. Ребенокъ хочетъ знать откуда онъ явился, дальше онъ вначалѣ не идетъ. Когда онъ такъ далеко заходитъ въ своемъ мышленіи, что въ его душѣ является вопросъ о его происхожденіи и о томъ, какъ возникаетъ жизнь, тогда онъ уже настолько подросъ, что ему можно дать необходимыя объясненія и объ этомъ. Но это наступаетъ гораздо позднѣе; границы возраста здѣсь опредѣлить невозможно, потому что это основано всецѣло на внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ, такъ-же, какъ и на развитіи ребенка вообще. Въ этомъ возрастѣ ребенокъ пойметъ безъ лишнихъ словъ, что соединеніе, которое происходитъ между людьми—между его родителями,—подчинено тому-же закону, который господствуетъ во всей природѣ, и что родители и дѣти, всѣ мы—лишь одно звено великой цѣпи развитія природы, которая соединяетъ всѣхъ людей въ одно неразрывное цѣлое.

Въ одинъ прекрасный день въ семьѣ рождается ребенокъ. Въ комнатахъ становится тихо, всѣ бродятъ тревожные и безпокойные, дѣти чувствуютъ, что готовится что-то необычайное, малышамъ велятъ вести себя потише, старшія дѣти блѣдны отъ ожиданія и страха за мать, которая, какъ они знаютъ, больна. Да,—за мать, которой приходится перенести тяжелую борьбу, чтобы помочь жизни одержать новую побѣду. Всѣ инстинктивно чувствуютъ, что совершается что-то великое. И такъ оно и есть. Ангелъ жизни проходитъ по дому и касается сердецъ своимъ крыломъ. Дать жизнь новому человѣку—это нѣчто великое, величайшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ. «Произвести на свѣтъ настоящихъ дѣтей»—это, какъ говоритъ Ибсенъ, «стоитъ больше многихъ воспѣтыхъ геройскихъ подвиговъ». Ребе-

нокъ, почувствовавшій естественное величіе такого момента, его скорбь и радость, никогда не забудетъ этого. Величіе такого момента окутывать ложью—преступленіе по отношенію къ ребенку. Это значитъ разрушать то, что дѣтская душа непосредственно воспринимаетъ съ радостнымъ изумленіемъ.

* * *

«Мама, какъ ты думаешь, у насъ не будетъ такой маленькой сестрицы, какъ у Сереновъ?»

«Очень можетъ быть, дитя мое», говоритъ мать. Она цѣлый день чувствовала себя такой усталой, и теперь ей очень трудно подниматься по лѣстницѣ, но мальчикъ и дѣвочки помогаютъ ей, когда отца нѣтъ дома.

«Лучше сестричку», говоритъ мальчикъ, который уже отвелъ въ своемъ любвеобильномъ сердцѣ мѣсто для новорожденной малолѣтки сосѣдей.

«Нѣтъ, лучше братика», говорятъ дѣвочки, которымъ хочется имѣть еще одного брата.

«Какъ ты думаешь, это будетъ скоро?» спрашиваетъ черезъ нѣкоторое время мальчикъ. Дѣти не любятъ ждать, они думаютъ, что обѣщанія должны сейчасъ-же исполняться.

«Почему ты спрашиваешь?» говоритъ мать.

«Вѣдь ты сказала, мама, чтобы мы спрашивали тебя обо всемъ, даже о глупостяхъ, и... и...»—невинные дѣтскіе глаза сіяютъ такъ нѣжно и сочувственно, «ты цѣлый день была такая усталая и больная,—какъ тогда, когда появилась Рая, мама».

«Да, я немножко устала, дитя мое», говоритъ мать, закрывая глаза, «но это пройдетъ».

«Какъ ты думаешь, къ Рождеству?»

«Да, или, можетъ быть, къ Новому году» говоритъ мать, и смотритъ на дѣтей, улыбаясь сквозь слезы.

Сколько усталыхъ шаговъ стоили ей эти малютки, но она переносила все съ радостью. Да и чѣмъ была-бы жизнь безъ дѣтей—безъ ихъ нѣжности, любви и дѣтской заботливости? Ничто не трогаетъ такъ ея материнскаго сердца,

какъ эти полныя пониманія заботы, которыя они оказываютъ ей именно теперь, когда она чувствуетъ себя такой усталой—теперь, когда они понимаютъ, что она переживаетъ тяжелые дни. У дѣтей проявляется чувство отвѣтственности — отвѣтственности по отношенію къ матери. «Мы поможемъ тебѣ, мама — я вытру пыль—а я полью цвѣты—а я заштопаю вмѣсто тебя чулки».—Ея усталость и страданія забыты, благодаря этой дѣтской любви и заботливости, которая облегчаетъ ей все трудное. Когда дѣвочки вскорѣ убѣгаютъ, забывъ убрать свои вещи, мальчикъ остается въ комнатѣ. Мать поднимается и хочетъ начать убирать.

«Нѣтъ, сиди, мама, я самъ уберу», говоритъ мальчикъ и заставляетъ ее опять сѣсть въ кресло, приноситъ ей скамеечку подъ ноги, поправляетъ скатерть и разставляетъ по мѣстамъ стулья. Покончивъ съ этимъ, онъ собирается идти играть; въ дверяхъ онъ оборачивается и серьезно говоритъ: «Я иду только въ садъ, мама, если тебѣ что-нибудь понадобится, позови меня». И онъ тихо уходитъ. Онъ научился вниманію. Онъ чувствуетъ свою отвѣтственность. Думаетъ покровительственно, какъ созрѣвающій мужчина. Въ особенности когда отца нѣтъ, вѣдь онъ единственный мужчина въ домѣ. Не станетъ-ли такой мальчуганъ, который въ восемь лѣтъ такъ заботливо думаетъ о матери, современемъ хорошимъ, заботливымъ человѣкомъ? Онъ научится смотрѣть на женщину тѣми-же глазами, какими смотрѣлъ на свою мать.

* * *

Недавно мнѣ пришлось прочесть въ одномъ журналѣ замѣчаніе, которое очень характерно для того, какъ понимаютъ въ общемъ воспитаніе въ этой области. «Прежде», говорилось тамъ, «дѣти не должны были знать рѣшительно ничего, теперь впадаютъ въ противоположную крайность и хотятъ открыть имъ всѣ тайны жизни».

О нѣтъ!

Знаніе зарожденія жизни, слава Богу, не тайна. Это законъ природы. Законъ жизни. И божественный законъ. Знаніемъ этого закона мы можемъ побѣдить тайны. Мистическій полумракъ, въ которомъ фантазія порождаетъ такъ много, мы можемъ прогнать, пробудивъ пониманіе божественныхъ законовъ природы.

Ни за что на свѣтѣ не хотимъ мы вести своихъ дѣтей въ темныя тѣнистыя долины — туда ихъ, можетъ быть, когда-нибудь приведетъ противъ нашей воли сама жизнь. Нѣтъ, вверхъ, на высоты, гдѣ сіяетъ духъ истины и чистоты, какъ великій законъ всей природы, туда должны мы вести ихъ. Тогда ихъ пониманіе жизни станетъ велико и прекрасно, а чистый воздухъ дастъ жизненную силу. Отъ характера семейной жизни и обстановки, въ которой растетъ ребенокъ, зависитъ, какъ именно разовьется моральная сторона въ ребенкѣ. Проживетъ-ли онъ жизнь въ нравственной чистотѣ или-же откажется отъ борьбы съ инстинктами, т. е. отъ самого себя, и часто только потому, что его держали въ невѣдѣніи, когда отецъ или мать— или какой-нибудь другой взрослый — могли и должны были говорить.

Аготъ Сельморъ.

Вилла Солегладъ, Норвегія.

Какъ фрау Марія открыла своей дочери источникъ жизни.

Однажды, въ зимній день, фрау Марія съ двумя дѣтьми, шестилѣтнимъ Куртомъ и пятнадцатилѣтней Евой, сидѣли за кофе и говорили о маленькомъ двоюродномъ братцѣ, неожиданное появленіе котораго помѣшало тетѣ придти сегодня къ нимъ въ гости.

«Ахъ, мама, что, если бы ангелъ принесъ маленькаго братца какъ разъ тогда, когда тетя была у насъ!» воскликнулъ Куртъ.

Фрау Марія улыбнулась.

«Этого не бываетъ», сказала она. «Богъ посылаетъ дѣтокъ только тогда, когда мать дома».

«Конечно!» воскликнулъ мальчикъ, «а то кто далъ бы имъ поѣсть? Вѣдь маленькіе пьютъ каждые три часа, говоритъ Анна, та, что у Фишеровъ».

«Кормилица», поправила Ева.

«Вы всегда говорите кормилица!» гнѣвно воскликнулъ мальчикъ, «это невѣрно; ее зовутъ Анна, я спрашивалъ ее».

«Кормилица значитъ няня», поучительно сказала Ева.

«Да, няня, которая кормитъ своего питомца грудью», дополнила фрау Марія.

Это Ева видѣла часто, но никогда не обращала особеннаго вниманія. Теперь она задумалась.

«Откуда у нея собственно молоко?» спросила она.

Мать кивнула ей.

«Сейчасъ», сказала она, «у тебя найдется немножко времени для меня? Куртъ пойдетъ съ Маріей за покупками».

Мальчикъ радостно побѣжалъ въ кухню, а Ева, прижимаясь къ матери, послѣдовала за фрау Маріей въ ея рабочую комнату.

Здѣсь было уютно, какъ нигдѣ въ домѣ. Вдоль стѣны лѣпились высокія книжныя полки и стоялъ стеклянный шкапъ съ разными рѣдкостями прошлаго вѣка. Но лучше всего было любимое мѣсто матери, уголъ у окна, гдѣ двѣ деревянныя стѣны образовали нишу съ большимъ, глубокимъ кресломъ и столикомъ для чтенія передъ нимъ, на которомъ стояла электрическая лампа съ краснымъ абажуромъ. Надъ кресломъ висѣлъ сдѣланный масляными красками портретъ отца съ дѣтьми, а слѣва стоялъ на подставкѣ его бюстъ. Здѣсь мать сидѣла всегда, когда хотѣла отдохнуть, окруженная всѣмъ, что любила. Тому изъ дѣтей, кто велъ себя особенно хорошо, позволялось иногда посидѣть на скамеечкѣ у ея ногъ.

Теперь мать тоже направилась къ своему любимому уголку, но она отодвинула скамеечку и притянула Еву къ себѣ на кресло, совсѣмъ-совсѣмъ близко.

«Мое дорогое дитя», тихо сказала она, «я хочу разсказать тебѣ что-то. Я тоже такъ кормила тебя, когда ты была совсѣмъ маленькая. Богъ устроилъ чудесно тѣло женщины. Когда онъ хочетъ подарить ей ребенка, онъ вкладываетъ въ нее черезъ отца сѣмя, которое носитъ въ себѣ чудесную силу; оно растетъ, какъ зернышко, проростающее въ землѣ, и мать питаетъ его пищей, которую принимаетъ, и воздухомъ, который вдыхаетъ и согрѣваетъ для ребенка; прежде чѣмъ выйти изъ меня, ты росла во мнѣ девять мѣсяцевъ, и чтобы ты сейчасъ-же нашла пищу, въ моей груди образовалось молоко».

«Какъ это все удивительно!» пролепетала Ева.

«Когда-то я написала для тебя, какъ мы просили Бога подарить намъ тебя», продолжала мать, «однажды я была очень больна и боялась умереть, и мнѣ хотѣлось сказать тебѣ то, чего не могъ-бы разсказать никто другой; хотя ты и теперь еще не совсѣмъ поймешь это письмо, но все же оно скажетъ тебѣ многое, и ты мало-по-малу научишься понимать его».

Она встала, вынула изъ рабочаго стола запечатанный

конвертъ и подала дѣвочкѣ, смотрѣвшей на нее большими, ожидающими глазами.

«Это наша тайна, Ева», сказала фрау Марія, зажигая лампу, «храни-же ее». И она горячо поцѣловала дочь въ полуоткрытыя губы.

Ева смотрѣла вслѣдъ ей, когда она выходила изъ комнаты. На душѣ у нея было такъ странно. Она сидѣла въ любимомъ уголкѣ матери совершенно одна, какъ взрослая, и собиралась прочесть письмо, въ которомъ мать разсказывала ей, какъ она выросла изъ сѣмени... Ея дѣтскую душу охватилъ таинственный трепетъ, какъ передъ чѣмъ-то великимъ, чудеснымъ, и она почувствовала, что стоитъ передъ загадкой всего бытія.

Только послѣ продолжительной, полной изумленія задумчивости рѣшилась Ева вскрыть письмо. Когда она увидѣла знакомый почеркъ матери, загадочное смущеніе исчезло. «Мое дорогое дитя!» прочла она; это звучало совершенно такъ, какъ въ повседневной жизни, такъ живо, такъ реально; она продолжала читать съ болѣе легкимъ сердцемъ:

«Былъ холодный ноябрьскій вечеръ; папа и я были женаты только три мѣсяца. Вѣтеръ шумѣлъ въ старыхъ деревьяхъ нашего городского парка, рвалъ и напиралъ на закрытыя окна, какъ будто ему хотѣлось ворваться въ домъ. Но это ему не удавалось. Я стояла въ защищенной комнатѣ и всматривалась въ дорогу, по которой долженъ былъ придти папа, смѣялась надъ сердитымъ вѣтромъ и его напрасными усиліями, грозила ему, чистила морковь и говорила: «Ага, а ты все-таки не войдешь»: тогда я часто вела себя, какъ задорное дитя.

Вдругъ вѣтеръ, разгнѣванный моимъ злорадствомъ, свалилъ большой тополь, который стоялъ слѣва отъ главнаго входа, точно гигантскій сторожъ. Прежде чѣмъ я поняла, въ чемъ дѣло, сильное дерево, наша гордость и радость, лежало поперекъ дороги, надломленное въ срединѣ...

Я разразилась слезами.

Такъ засталъ меня папа, который при входѣ въ садъ

былъ свидѣтелемъ несчастья. Онъ тоже былъ потрясенъ и огорченъ, такъ какъ очень любилъ дерево; но что я, его веселая жена, сижу вся въ слезахъ, огорчило его гораздо больше, и онъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни, какъ дѣлаетъ иногда и теперь, и старался утѣшить меня поцѣлуями и ласками.

«Дорогая», сказалъ онъ, «не плачь! мы посадимъ новаго сторожа передъ дверью».

«Злой вѣтеръ», жаловалась я, «онъ все разрушаетъ, все дѣлаетъ холоднымъ и пустымъ».

«Но не навсегда», утѣшалъ папа, «скоро солнце опять одолѣетъ его, и опять будетъ тепло и зелено».

«Но надолго-ли?» мрачно воскликнула я; «потомъ опять придетъ вѣтеръ, какъ злой духъ».

«Ахъ», вздохнулъ папа, опуская голову, «онъ, должно быть, очень злой духъ, если прогналъ солнце даже изъ твоихъ глазъ», и онъ грустно посмотрѣлъ на меня; «горе мнѣ, если это чудовище останется надолго».

Тогда я улыбнулась, папа улыбнулся тоже и сказалъ, что теперь власть злого духа уничтожена, и его солнышко свѣтитъ опять; вѣдь я—его солнышко.

Тогда я обвила его шею руками и почувствовала себя очень счастливой; потому что быть солнцемъ для любимаго человѣка—прекрасно.

«Какая бы буря ни была на дворѣ, съ тобой всегда тепло», прошептала я на ухо папѣ, крѣпко прижимаясь къ нему.

«И какъ-бы ни было темно, съ тобой всегда свѣтло», шепнулъ папа въ отвѣтъ.

«Такъ у насъ всегда весна, даже и въ ноябрѣ», пошутила я. «Да и правда, вѣдь мы переживаемъ весну жизни».

«Гм», сказалъ папа, «лѣто ужъ очень близко».

«О», воскликнула я, «мы должны стараться удержать весну».

«Да», сказалъ папа, «въ нашихъ сердцахъ она останется, даже когда мы будемъ стары и сѣды; но... я знаю другую весну, которую мы могли-бы пережить».

Я вопросительно взглянула на него; въ его глазахъ было такое глубокое, теплое сіяніе, что сердце мое загорѣлось любовью.

«Весну въ ребенкѣ», продолжалъ папа.

Я ничего не отвѣтила, я только еще крѣпче прижалась къ нему.

Вдругъ онъ опустился на колѣни передо мной и прошепталъ:

«Если бы Богъ далъ намъ ребенка, Марія, въ которомъ продолжало-бы жить лучшее въ насъ, когда насъ сломятъ уже бури жизни!»

Я взяла его руки въ свои; говорить я не могла; папа и такъ чувствовалъ, что я раздѣляю его желаніе. Наша жизнь была такъ прекрасна и такъ богата любовью, мы стремились подѣлиться всѣми этими благами съ ребенкомъ.

«Онъ долженъ быть мужчиной, какъ ты», тихо сказала я. «Умнымъ, мужественнымъ и снисходительнымъ ко всѣмъ слабостямъ и—немножко вспыльчивымъ».

Папа вскочилъ и поцѣлуемъ закрылъ мнѣ ротъ.

«Нѣтъ», горячо воскликнулъ онъ, «нѣтъ, не мои недостатки! Онъ долженъ быть дѣвочкой, какъ ты, такой ласковой кошечкой съ смѣющимися глазами и каштановыми волосами, съ чистымъ сердцемъ и ясной душой, и немножко упрямой и шаловливой».

«Тс!» сказала я, «не мои недостатки».

«Но твои недостатки я тоже люблю», сказалъ папа.

«Какъ я твои!» съ ликованіемъ вскричала я.

Мы еще нѣкоторое время шутливо спорили, какъ дѣлаемъ иногда еще и теперь, затѣмъ мы стали серьезнѣе и тише и въ концѣ концовъ сошлись на желаніи, чтобы нашъ ребенокъ, мальчикъ или дѣвочка, сталъ хорошимъ человѣкомъ, въ которомъ жило-бы и росло лучшее въ насъ. И каждый изъ насъ думалъ о хорошихъ чертахъ другого, и сердца наши преисполнились любовью, и мы обнялись такъ крѣпко и горячо, какъ будто хотѣли навсегда удержать другъ друга...

Въ тотъ вечеръ восприняла я сѣмя твоего отца; оно росло въ моемъ тѣлѣ и становилось все больше и больше; и когда оно наконецъ оторвалось, покинуло темное материнское лоно и вышло на свѣтлый, широкій міръ, то это была маленькая дѣвочка съ крохотными каштановыми локончиками, какъ у матери, и голубыми глазами, какъ у отца... ты догадываешься, мое дорогое дитя, кто была эта дѣвочка?

Но девять мѣсяцевъ ты была во мнѣ, Эви, прежде чѣмъ появилась на свѣтъ. Когда я впервые почувствовала, что сѣмя твоего отца растетъ во мнѣ, и что у меня, если Богъ захочетъ, будетъ ребенокъ, мою душу наполнило неописуемое блаженство. Я была полна радостной благодарности къ Богу и думала только объ этомъ чудѣ новой молодой жизни, которая пробуждалась во мнѣ. Я стала забывать о хозяйствѣ, и папа дразнилъ меня, называлъ мечтательницей и говорилъ, что наше весеннее дитя будетъ очень забывчиво.

Тогда я испугалась. Конечно, онъ былъ правъ. Если земля хороша и плодородна, изъ сѣмени выростаетъ прекрасный, крѣпкій стебель съ обильными плодами; если-же земля жестка и суха, то и зерно не сможетъ хорошо развиться. Не то-же ли самое у людей? Только хорошая, прилежная, энергичная мать можетъ надѣяться произвести на свѣтъ хорошее дитя.

Я спросила объ этомъ папу, и онъ сталъ серьезенъ, пересталъ дразнить меня и согласился со мной.

Тогда я взяла себя въ руки и старалась быть хорошей ради тебя, Эви. Я избѣгала всякой вредной пищи и много хóдила, чтобы у тебя было здоровое тѣльце; я старалась относиться ко всѣмъ людямъ любовно и ласково, чтобы у тебя было сердце, полное любви; я старалась держать открытыми глаза и впитывать въ себя красоту природы, чтобы и ты современемъ была воспріимчива къ Божьимъ дарамъ.

А недостатки свои я изо всѣхъ силъ старалась подавить.

Это удавалось мнѣ не всегда; и когда я иногда вижу

тебя упрямой, небрежной или своевольной, я съ грустью спрашиваю себя, не я-ли виновата въ этомъ; но я честно старалась, моя дорогая, питать твое сердце и твою душу самымъ лучшимъ, что было во мнѣ, и если ты любишь меня, какъ я тебя, то и ты ради меня будешь бороться со своими недостатками, какъ я когда-то боролась ради тебя.

Папа носилъ меня на рукахъ. Ты знаешь, онъ всегда добръ и нѣженъ, но тогда еще больше, чѣмъ всегда. Когда онъ ѣздилъ въ городъ, онъ всегда привозилъ что-нибудь для «весенняго ребенка»; мы прятали это въ отдѣльный чуланъ и радовались, что его богатство все увеличивалось.

Въ тихіе часы я мечтала о томъ, что выйдетъ изъ тебя. То я видѣла тебя гордымъ юношей, который хочетъ свершить великое; то ты становилась хрупкой дѣвочкой и мало-по-малу превращалась въ любящую, чистую женщину; то ты была прекрасна и стройна, то мала и невзрачна и мало одарена тѣлесно и духовно; но всегда и въ каждомъ образѣ я любила тебя, какъ только можетъ человѣкъ любить самое цѣнное для него.

Затѣмъ наступили тревожные, тяжелые дни; я чувствовала, что тебѣ становится слишкомъ тѣсно во мнѣ, и что наступило время, когда ты должна отдѣлиться отъ меня такъ тѣсно сросшейся съ тобой.

Я не боялась ни страданій, ни опасности, которыя связаны съ такимъ отдѣленіемъ ребенка отъ материнскаго лона; я боялась только, что ты и папа можете потерять меня теперь, когда я особенно нужна вамъ обоимъ.

И наконецъ послѣ мучительныхъ часовъ наступилъ моментъ твоего рожденія. Съ какимъ ликованіемъ мы привѣтствовали тебя!

Я не умерла; послѣ непродолжительной болѣзни я стала свѣжѣе и крѣпче прежняго. И въ моей груди по дивному закону Господа открылся источникъ, которымъ я могла кормить свое дитя и привязать его къ себѣ.

Мнѣ казалось, что я опять крѣпко сростаюсь съ тобой, когда твои губки пили изъ моей груди, нѣтъ, еще крѣпче

прежняго, потому что теперь и мои глаза могли видѣть тебя, а мои руки держать тебя.

Когда у тебя появились зубки, и тебѣ уже не нужно было материнское молоко, ты опять оторвалась отъ меня; но это не было болѣзненно; и ты вѣдь осталась у меня и нуждалась все больше и больше въ моихъ заботахъ.

Не только тѣлу, но и духу, сердцу мы должны были доставлять пищу и слѣдить, чтобы твое дѣтское сердце видѣло только хорошее и находило только любовь—повсюду.

Теперь ты еще наше дитя, Эви, и принадлежишь только намъ, но наступитъ время, когда ты будешь принадлежать себѣ и жизни больше, чѣмъ своимъ родителямъ, и человѣку, котораго ты полюбишь, больше, чѣмъ твоей матери.

Тогда не забывай одного: что ты дитя любви и должна сѣять любовь всюду, куда придешь!

И нашъ Богъ, любовь, будетъ всегда съ тобой и будетъ благословлять тебя, какъ благословляетъ твоя мать».

Ева уже давно прочла письмо матери, когда фрау Марія опять вошла въ комнату. Съ возгласомъ, исходившимъ изъ глубины сердца, бросилась къ ней дѣвочка и обняла ее обѣими руками.

Л. Гебгардтъ.

Дрезденъ.

Серьезная бесѣда.

Когда Ингѣ было 9 лѣтъ, она потеряла отца и маленькую сестру. Она не говоритъ объ этомъ, но по вечерамъ горько плачетъ и боится спать одна.

Однажды вечеромъ, когда матери удалось осушить ея слезы, и дѣвочка тихо лежала въ кроваткѣ, держа руку матери въ своей, она сказала: «Мама, сколько времени еще пройдетъ, прежде чѣмъ я смогу выйти замужъ?»

«Дитя мое, что это тебѣ пришло въ голову? Это будетъ еще очень нескоро».

«Если-бы поскорѣй, мама!»

«Почему тебѣ такъ хочется этого?»

«Потому что тогда у насъ опять были-бы папа и дѣти».

«Да, это было-бы хорошо. Но объ этомъ еще долго нечего и думать, сначала ты должна стать такой большой, какъ мама, и еще много, много учиться».

Въ отвѣтъ послышался глубокій вздохъ, и сейчасъ-же послѣ этого усталый ребенокъ заснулъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ осенній день, мама работаетъ, Инга стоитъ у окна, глубоко задумавшись. Не наводитъ-ли ее на особенно мрачныя мысли сѣрый сумракъ, уже заглядывающій въ комнату?

«Если-бы ты взяла другого папу, мама, у насъ скоро былъ бы маленькій?»

Мама, глубоко испуганная, кладетъ работу и съ недоумѣніемъ смотритъ на дѣвочку.

«Какъ это другого папу, Инга? Развѣ ты хотѣла-бы себѣ другого папу?»

Инга колеблется.

«Видишь-ли, я еще нескоро буду большой и смогу выйти

замужъ... А мнѣ хотѣлось-бы, чтобы у насъ теперь, скоро, былъ маленькій»...

Въ большихъ, серьезныхъ глазахъ мать читаетъ всю грусть и одиночество дѣвочки, которая тоскуетъ по сестрѣ.

«Мама, у тебя никакъ не можетъ быть ребенка безъ папы? Отчего? Скажи-же мнѣ, отчего?»

Мать съ трудомъ сдерживаетъ свое огорченіе и изумленіе.

«Богъ даетъ людямъ ребенка только тогда, когда папа и мама очень любятъ другъ друга и оба очень хотятъ ребенка».

«Но вѣдь ты очень любишь папу, мама, и папа можетъ на небѣ попросить Бога, чтобы онъ далъ намъ маленькаго, потому что онъ вѣдь взялъ у насъ Фрею. Почему онъ не дѣлаетъ этого?»

Мать чувствуетъ себя безпомощной. Въ послѣдніе годы жизнь взвалила на нее слишкомъ много тяжелаго; она не думала о томъ, что ея дѣвочка переживаетъ возрастъ вопросовъ и сомнѣній, что она должна приготовиться вести ее по болѣе трудному пути, чѣмъ до сихъ поръ.

«Какъ собственно появляются дѣти?» продолжаетъ спрашивать Инга, «пожалуйста, скажи-же мнѣ это».

Мать улыбается черезъ силу. «Ты забыла про аиста? Не помнишь, какъ папа показывалъ своимъ дѣвочкамъ прудъ, изъ котораго ихъ вытащилъ аистъ? Не помнишь, какъ намъ было тогда весело, и какіе круглые, любопытные глаза были у Фреи, и какъ вы все оборачивались, когда пруда ужъ давно не было видно?»

Но Инга не смѣется.

«Я помню, мама. Ты и папа всегда разсказывали намъ такія чудесныя сказки; я думаю, что съ аистомъ то-же самое, это тоже не настоящая правда».

«Въ самомъ дѣлѣ?»

«Да. Дѣти выходятъ изъ тѣла матери, какъ маленькія собачки изъ собаки. Но какъ это собственно происходитъ? Этого я не могу себѣ представить».

«Откуда ты знаешь это, дитя?»

«О, я уже не помню, откуда», равнодушно говоритъ Инга и затѣмъ нетерпѣливо и настойчиво повторяетъ свою просьбу:

«Скажи-же мнѣ все, все».

«Дѣти не могутъ понять всего, что понимаютъ большіе».

«О, мама, я пойму, если ты мнѣ скажешь хорошенько!»

«Что-же тебѣ хочется знать?»

«Какъ Богъ дѣлаетъ, что ребеночекъ попадаетъ въ тѣло матери».

«Онъ всегда тамъ, дѣточка, но такой крохотный, что мы не увидѣли-бы его, еслибы даже могли заглянуть въ тѣло матери. Онъ становится больше только тогда, когда Богъ хочетъ дать родителямъ ребенка. Это ты можешь представить себѣ, не правда-ли, потому что вѣдь дѣти продолжаютъ расти и тогда, когда уже вышли изъ тѣла матери».

«Да!» горячо прерываетъ Инга съ раскраснѣвшимися щеками, «но почему-же, мама, теперь въ тебѣ не растетъ ребенокъ? Почему Богъ не хочетъ этого?»

«Теперь?»—Мать со страхомъ ищетъ выхода. Но вдругъ она чувствуетъ въ себѣ мужество и рѣшимость.

«Теперь этого не можетъ быть, дитя мое, потому что папы нѣтъ съ нами, а я тебѣ уже говорила, что Богъ только тогда даетъ родителямъ ребенка, когда папа и мама живутъ вмѣстѣ и очень любятъ другъ друга. Тогда изъ тѣла папы въ маму входитъ маленькая частица, и эта частица папы соединяется съ маленькимъ существомъ, которое находится въ мамѣ; тогда и начинаетъ расти настоящій ребенокъ. Ты—часть мамы и часть папы, и изъ этихъ обѣихъ крошечныхъ частицъ Богъ создалъ маленькую Ингу, которая и выросла въ мамѣ. Развѣ это не чудесно? Еще гораздо чудеснѣе, чѣмъ если-бы тебя просто принесъ аистъ изъ пруда. Теперь ты понимаешь, не правда-ли, почему дѣткамъ сначала разсказываютъ объ аистѣ. Они еще не могли-бы понять того, что я тебѣ только что объяснила.

И тебѣ мама тоже не можетъ сразу разсказать всего. Ты понемножку узнаешь обо всемъ».

Мать надѣется этимъ замѣчаніемъ закончить на сегодня разговоръ и принимаетъ рѣшеніе въ другой разъ, когда жажда знанія ребенка поставитъ ей новыя задачи, быть лучше подготовленной. Но Инга продолжаетъ о чемъ-то думать и опять начинаетъ:

«Мама, одно скажи мнѣ сейчасъ, пожалуйста, мама! Какъ ребенокъ можетъ выйти изъ тѣла? Вѣдь онъ такой большой! Вѣдь онъ уже больше куклы Ины, когда выходитъ. Вчера я видѣла ребенка Ганзеновъ. Ахъ, какой онъ милый, мама!»

«Правда? Какой-же онъ?» Мать опять пробуетъ отвлечь ее.

«Личико у него совсѣмъ, совсѣмъ красное, а ручки больше, чѣмъ у Ины. Какъ-же онъ вышелъ, когда онъ такой большой и толстый?»

«Тѣло растягивается, дитя, и когда ребенокъ хочетъ выйти, оно открывается само собой, чтобы маленькій человѣчекъ могъ наконецъ попытаться жить и ѣсть и пить самостоятельно, а то вѣдь онъ все жилъ въ мамѣ и нисколько не трудился что-нибудь дѣлать...»

Инга смѣется надъ лѣнивымъ маленькимъ человѣчкомъ, который такъ долго ничего не дѣлалъ самъ.

«Развѣ маленькій человѣчекъ», это выраженіе забавляетъ ее, «еще не живой, когда онъ въ мамѣ?»

«Конечно, дитя, живой, даже когда онъ еще совсѣмъ маленькій.»

«Ахъ!.. И онъ ползаетъ въ мамѣ? И тогда она замѣчаетъ, что въ ней растетъ ребеночекъ? Или какъ она замѣчаетъ это? И тѣло становится все больше вмѣстѣ съ ребенкомъ и . . . и потомъ, мама, когда онъ выходитъ, это совсѣмъ не больно?»

«Да, это больно, и иногда даже приходится звать доктора, чтобы онъ помогъ ребенку выйти, а мать должна лежать въ постели, пока не поправится и не сможетъ ухаживать за ребенкомъ».

Пауза. Инга опять задумывается. «Поэтому», наконецъ медленно говоритъ она, «поэтому вы разсказывали, что аистъ кусаетъ маму въ ногу! Вотъ оно что! Докторъ долженъ помочь. Развѣ папа не можетъ этого сдѣлать? Папа совсѣмъ не помогалъ, мама, когда Фрея и я выходили изъ тебя?»

«Конечно, папа былъ при этомъ, дитя мое. Онъ первый увидѣлъ своихъ дѣтокъ и потомъ положилъ ихъ на руки мамѣ и радовался вмѣстѣ съ мамой. Но теперь моя дѣвочка знаетъ пока достаточно и дастъ мамѣ опять работать?»

Инга киваетъ матери съ свѣтлымъ, довольнымъ лицомъ.

«Теперь я скажу тебѣ еще одно»,—мать говоритъ очень серьезно и настойчиво,—«обо всемъ, о чемъ я только что говорила съ тобой, ты не будешь разговаривать съ другими дѣтьми, слышишь? Объ этомъ говорятъ между собой только матери со своими дѣтьми, потому что это нѣчто такое-же важное и прекрасное, какъ то, о чемъ тихо про себя говорятъ съ Богомъ. Понимаешь, что я хочу сказать? Того, о чемъ ты вечеромъ молишься Богу, ты не разсказываешь никому, кромѣ матери, не правда-ли? И какъ наша любовь къ Богу—нѣчто великое и священное, такъ и любовь отца и матери другъ къ другу и къ ихъ дѣтямъ тоже велика и священна. Если у тебя будутъ опять вопросы о родителяхъ и дѣтяхъ, ты спросишь только маму, правда?»

Инга цѣлуетъ мать и идетъ играть.

Тони Гартенъ-Генке.

Киль.

Мать и улица.

Что-то сегодня было не въ порядкѣ, это онъ почувствовалъ сейчасъ-же, какъ только проснулся. Навѣрно, случилось что-то плохое. Папа всталъ совсѣмъ рано и громко звалъ кого-то, вѣроятно, служанку. Потомъ онъ услышалъ чей-то незнакомый голосъ. Мимо его двери, надъ нимъ, подъ нимъ непрерывно бѣгали взадъ и впередъ.

Въ концѣ концовъ онъ сѣлъ на постели и принялся громко звать. Наконецъ, пришелъ папа и такъ прикрикнулъ на него, что Вальтеръ заревѣлъ.

«Ну, тише, лежи себѣ, фрейлейнъ сейчасъ придетъ и одѣнетъ тебя. Я принесу тебѣ чего-нибудь хорошенькаго; какъ-бы ты думалъ, что?—коробку конфектъ... но большую...»

«Вотъ такую?»

«Конечно, по крайней мѣрѣ; но теперь... мнѣ нужно идти...» и онъ исчезъ.

Затѣмъ пришла фрейлейнъ и одѣла его, и онъ тоже сталъ бѣгать, какъ остальные, по корридору взадъ и впередъ, въ кухню, черезъ столовую.

Въ концѣ концовъ онъ поднялся по лѣстницѣ и ухватился за ручку двери спальни.

«Мама, мама, открой... Папа сказалъ...»

Но уже примчалась фрейлейнъ и потащила его, какъ свертокъ грязнаго бѣлья, по ступенькамъ внизъ.

«Если ты, негодный мальчишка, не будешь...»

Тогда онъ сталъ у стѣны въ сѣняхъ, уныло засунувъ руки въ карманы. Но онъ недолго былъ погруженъ въ философскія размышленія; на лѣстницѣ раздались поспѣшные шаги.

«Папа?—ахъ, нѣтъ, это только дядя докторъ...»

«Мальчикъ, поди-ка сюда», сказалъ тотъ и потянулъ его за ухо къ себѣ, «стой прямо! Знаешь новость?—нѣтъ? У тебя есть новый братецъ!»

«А не коробка конфектъ?»

Докторъ заржалъ отъ удовольствія. «Разумѣется, коробка конфектъ тоже.»

«Кто-же принесъ его... ты, дядя?»

Докторъ чуть не покатился со смѣху; онъ былъ холостякъ.

«Нѣтъ, мой мальчикъ;—я не хочу имѣть къ этому никакого отношенія, замѣть это себѣ. Твой отецъ меня... Но развѣ ты не знаешь? Маленькихъ дѣтей приноситъ всегда это чудовище, аистъ. Ахъ, что это за негодное животное!—Иди-ка сюда, къ двери, можетъ быть, мы еще увидимъ, какъ онъ улетитъ. Вѣрно, вѣрно. Видишь? тамъ, наверху?—это онъ.

Мальчикъ смотрѣлъ на голубую дымку и смущенно кивалъ головой.

«Видишь длинныя ноги, большія крылья и длинный, длинный клювъ?!—Бррр...» докторъ затрясся и толкнулъ мальчика обратно въ домъ,—«ну, теперь иди наверхъ и попроси показать тебѣ червячка; но тихо... слышишь?... совсѣмъ тихонько!»

И мальчикъ, растерянный, словно послѣ кошмарнаго сна, медленно направился къ спальнѣ. Изъ дверей навстрѣчу ему вышелъ отецъ и предостерегающе поднялъ указательный палецъ.

«Тш! — тихонько»... прошепталъ онъ. Какая-то толстая женщина плескала водой въ ваннѣ и затѣмъ высоко подняла что-то розовое, чтобы Вальтеръ могъ хорошенько разглядѣть; но еще нельзя было разобрать, что это такое. На кровати лежала мать съ закрытыми глазами; она была очень блѣдна. Вѣроятно, она спала.

Папа сунулъ мальчику большую коробку конфектъ и коробку съ оловянными солдатиками и осторожно вытолкнулъ его изъ комнаты.

Вальтеру хотѣлось что-то спросить, онъ самъ не зналъ

что... но онъ уже стоялъ за дверью со своими коробками и какъ разъ, когда онъ спускался по лѣстницѣ, онъ услышалъ въ комнатѣ точно кваканье лягушки.

Онъ не радовался своимъ конфектамъ.

Что это за отвратительное животное было тамъ, надъ трубой;—такой длинный клювъ... Онъ долженъ сейчасъ-же разсказать объ этомъ въ кухнѣ.

Дѣвушки серьезно выслушали и заставили его подробно описать чудовище; затѣмъ онѣ, точно по командѣ, разразились громкимъ смѣхомъ.

«Нѣтъ, Вальтеръ... какой величины былъ клювъ?—Такой? какъ печь?.. а ноги?—и онъ усѣлся за трубой? Твоего маленькаго братца онъ вытащилъ тоже изъ трубы?—но вѣдь труба вовсе не такая большая...—Вотъ какъ, а маму онъ клюнулъ въ ногу?—Спроси-ка, не клюнулъ-ли онъ папу.—Будь доволенъ, что онъ не клюнулъ тебя въ голову».

Онъ тихо и смущенно выскользнулъ изъ кухни и усѣлся со своими коробками у садовой ограды. Онъ о чемъ-то думалъ; губы его дрожали, и вдругъ онъ зарыдалъ въ свой кожаный передникъ такъ отчаянно, какъ можетъ рыдать только пятилѣтній ребенокъ, когда чувствуетъ свое безсиліе понять окружающее.

Многое мѣняется съ теченіемъ времени. Конфекты съѣдены, а коробка съ оловянными солдатиками превратилась въ госпиталь для инвалидовъ. Самъ Вальтеръ черезъ нѣсколько дней вспоминаетъ о страшной драмѣ съ «чудовищемъ» только какъ объ одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя разсказываетъ Минна. Только въ кухнѣ онъ больше не показывается, тамъ его всегда заставляютъ подробно повторять разсказъ, который ему самому кажется такимъ сказочно-жуткимъ...

Мама сидитъ за цвѣточнымъ столикомъ у окна и держитъ на рукахъ маленькаго братца. Теперь уже все можно разобрать: настоящія руки, настоящіе глаза и такіе-же вьющіеся волосы, какъ у Вальтера.

Вальтеръ сидитъ на полу и держитъ на колѣняхъ новую книгу съ картинками, которую ему подарила тетя.

Вдругъ онъ высоко поднимаетъ брови: тамъ нарисована птица, какой Вальтеръ еще никогда не видѣлъ—и его охватываетъ тайный ужасъ... длинныя красныя ноги и длинный-предлинный красный клювъ; но самое жуткое это то, что передъ ней стоитъ корзина съ двумя крошечными дѣтьми!—Вся трагедія изображена здѣсь ярко и отчетливо.

Онъ долго смотритъ, полуоткрывъ ротъ, на странное животное и дышитъ испуганно и прерывисто. Животное открыло клювъ, какъ будто собираясь ухватить вотъ такого маленькаго братца.

Мальчикъ осторожно поднялъ книгу и съ бьющимся сердцемъ поднесъ ее къ глазамъ матери.

«Мама... что... что это?»

«Что?»

«Вотъ это!»

«Ахъ, аистъ?» — она тихо засмѣялась—«да, видишь, вотъ онъ какой. Поди сюда, я разскажу тебѣ сказку... Въ лѣсу—знаешь?.. еще дальше, чѣмъ куда мы ѣздили нѣсколько недѣль тому назадъ, есть большой прудъ...»

...И передъ его глазами засверкала сказка о таинственной птицѣ у лѣсного пруда. Онъ чувствовалъ запахъ елей на полуденномъ солнцѣ и дикой земляники и осыпавшихся, сырыхъ листьевъ, солнечные лучи быстро и измѣнчиво плясали по водѣ, по мистической, глубокой водѣ... а у малютки на рукахъ у мамы были такіе синіе, большіе глаза, они глядѣли такъ спокойно и глубоко, какъ будто онъ уже давно разсказалъ бы объ этомъ, если-бы только умѣлъ говорить.

Все это казалось такимъ естественнымъ и все-таки было такъ таинственно, просто невозможно было выразить—какъ... и все это было такъ далеко, что маленькій мальчикъ не могъ даже добѣжать туда.

Вальтеръ сидитъ и размышляетъ.

«Мама, такъ нашу маленькую Труду вѣрно унесъ тоже аистъ?»

«Нѣтъ, ее взялъ отъ насъ ангелъ. Объ этомъ я разскажу тебѣ другую сказку: «Каждый разъ, какъ умираетъ хорошій ребенокъ, съ неба спускается ангелъ!..» И когда сказка Андерсена окончена, на душѣ у Вальтера становится такъ странно—тяжело и торжественно...

«Ты видѣла ангела, мама?»

«Нѣтъ, ангела не можетъ видѣть ни одинъ человѣкъ...»

«Ахъ, мама, откуда-же ты знаешь все... про ангела и про Бога и про аиста?»

Мать нѣсколько секундъ обдумываетъ, затѣмъ говоритъ осторожно:

«Я не знаю этого, Вальтеръ, я не знаю ничего, другіе люди тоже не знаютъ, — ни одинъ человѣкъ, и тотъ, кто нарисовалъ эту картинку, тоже не знаетъ... Мы только думаемъ такъ,—что это можетъ быть такъ... Я хотѣла только разсказать тебѣ сказку, которую знаютъ всѣ маленькія дѣти. Про ангела тоже только сказка. Ты вѣдь знаешь: Бога никто не можеть видѣть, и ангела никто не можетъ видѣть... а ты все-таки знаешь, что Богъ съ тобой, и что ангелъ ночью всегда бодрствуетъ у твоей постельки... но ты его никогда не видѣлъ. — Есть еще много сказокъ объ ангелахъ и картинокъ тоже. Я покажу тебѣ картинку, гдѣ ангелъ несетъ на небо маленькаго мальчика... а вотъ видишь?—это уже другая сказка: какъ ангелъ приноситъ дѣтокъ съ неба... видишь?—вотъ они у него въ рукахъ.—Но все это только сказки—мы такъ думаемъ... можетъ быть, такъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ; гдѣ-же можетъ быть наша Трудхенъ, если не опять у Бога... ангелъ принесъ ее и ангелъ-же унесъ ее... такъ и нашего маленькаго братца принесъ ангелъ, и мы хотѣли-бы, чтобы онъ остался съ нами—не правда-ли?

Видишь-ли, люди не могутъ знать всего... такъ ужъ оно устроено... для этого Богъ слишкомъ великъ; онъ дѣлаетъ все къ лучшему»...

«Да, мама, но развѣ ты не слышала, какъ Богъ послалъ тебѣ маленькаго братца?»

«О, да... это я слышала... это было такъ: было совсѣмъ темно, и мнѣ было такъ страшно... такъ страшно, какъ... знаешь?—когда Богъ взялъ опять на небо нашу Трудхенъ... и вдругъ кто-то положилъ мнѣ на руку что-то мягкое и теплое; это былъ маленькій братецъ... и потомъ пришелъ папа, и мнѣ стало опять такъ хорошо, а на дворѣ сдѣлалось опять такъ свѣтло, и небо было такое голубое... я видѣла кусочекъ неба... мнѣ кажется, что я могла заглянуть въ самое небо... а потомъ наступилъ день... день... понимаешь?»

Она мечтательно смотрѣла на облака, медленно скользившія по синевѣ, точно венеціанскія барки.

Понялъ-ли что-нибудь ребенокъ?—Быть можетъ, не все; но если только онъ чувствуетъ: здѣсь происходитъ что-то великое, чего хорошенько не знаетъ ни одинъ человѣкъ... мамѣ было такъ страшно... здѣсь совершается что-то таинственное, чего маленькій мальчикъ не можетъ понять, потому что и большіе этого тоже не понимаютъ; онъ долженъ только радоваться, что Богъ послалъ ему братца, и что мамѣ опять хорошо...

Можетъ быть, въ его душу уже теперь заброшено зерно благоговѣнія передъ тайной жизни.

* * *

Прошло больше года. У Вальтера уже есть грифельная доска, которую онъ отъ времени до времени бороздитъ, какъ вспаханное поле. Но большей частью онъ, точно настоящій уличный мальчишка, бѣгаетъ по улицѣ съ товарищами...

Онъ приходитъ наверхъ, весь разгоряченный, и садится возлѣ любимаго мѣста матери въ фонарѣ на скамеечку для ногъ. Мать поднимаетъ глаза отъ работы и смотритъ на него.

Вдругъ онъ смѣется короткимъ, блеющимъ смѣхомъ, такимъ грубымъ, какого мать у него никогда не слыхала.

«Мама, знаешь, что сказалъ кухаркинъ Павелъ?—Кухаркинъ Павелъ сказалъ, будто-бы ихъ охотничья собака Валли

вывела маленькихъ собакъ—сказалъ онъ...» и онъ опять засмѣялся безстыднымъ, громкимъ смѣхомъ.

Мать прищурила глаза и внимательно посмотрѣла на него. «Я хотѣла-бы только знать, чему ты такъ глупо смѣешься?».

«Кухаркинъ Павелъ тоже такъ смѣялся».

«Чему—хотѣла-бы я знать!»

«Кухаркинъ Павелъ сказалъ: они всѣ выкатились изъ живота, одинъ за другимъ,—сказалъ онъ...» и онъ опять затрясся отъ смѣха; но теперь подъ проницательнымъ взглядомъ матери этотъ смѣхъ уже не звучалъ такъ свободно.

«Такъ... а теперь перестань смѣяться—слышишь?—сейчасъ видно, какъ еще глупы вы, большіе мальчики... и невоспитаны тоже... слышишь?—когда мать говоритъ, нечего смѣяться. И что тутъ смѣшного?—Только позавчера ты радовался хорошенькимъ, маленькимъ цыплятамъ, которыхъ курица высидѣла изъ яицъ. Яицъ ты ѣлъ много и не видалъ въ нихъ цыплятъ. Въ томъ-то и дѣло: ихъ курица не можетъ сдѣлать сама; ихъ сначала дѣлаетъ Богъ; курица только грѣетъ ихъ, чтобы маленькіе звѣрьки не замерзли въ яйцахъ. Тогда ты не смѣялся.

Яйца выходятъ тоже изъ тѣла курицы. Когда Минна завтра зарѣжетъ курицу, мы покажемъ тебѣ яйца, еще совсѣмъ крохотныя.

У кухаркиной Валли это тоже совсѣмъ такъ—почти совсѣмъ. Только Валли не кладетъ сначала яицъ... Богъ дѣлаетъ такъ, что маленькія собачки выростаютъ изъ яицъ прямо въ животѣ у Валли; тогда Валли уже не нужно ихъ высиживать. То-же самое съ маленькими кошечками и съ овечками и со всѣми другими животными... всѣхъ ихъ создалъ Богъ. Теперь скажи мнѣ, что тутъ смѣшного? Только глупые, ничего не понимащіе смѣются надъ этимъ. Не хочешь-ли ты посмѣяться надъ Богомъ?!...

Валли было очень больно; зато теперь она радуется своимъ дѣткамъ; многія животныя даже умираютъ отъ этого, если имъ слишкомъ больно...»

Нѣсколько времени въ комнатѣ царитъ молчаніе.

«Мама, кухаркинъ Павелъ сказалъ еще что-то—очень гадкое: что его мама тоже вывела маленькаго мальчика... сказалъ онъ».

«Да?—ну, и что-же ты сказалъ?».

«Ничего.»

«Слушай: не смѣй больше играть съ этимъ мальчишкой,—слышишь?.. а не то!.. Тотъ, кто говоритъ такъ скверно о своей матери, совсѣмъ нехорошій человѣкъ; съ тѣмъ не долженъ играть никто.

Что я еще хотѣла сказать—да! ты можешь приводить своихъ товарищей сюда... я дамъ вамъ всѣ игрушки, и вы можете играть здѣсь или въ саду съ фрейлейнъ.»

«Да—и онъ сказалъ, что будто бы всѣхъ маленькихъ дѣтей выводятъ.»

«Это не называется «выводятъ»—говорятъ «родятъ»!—Конечно, у мамы это бываетъ почти такъ, какъ у Валли. Мама носитъ маленькаго ребенка подъ сердцемъ, пока онъ не сдѣлается достаточно большимъ; тогда онъ родится. Какъ растетъ такой маленькій ребенокъ подъ сердцемъ матери, этого не знаетъ никто—только Богъ, который даетъ родителямъ дѣтей,—и если твоя мама и маленькій братецъ остались живы и здоровы, то ты долженъ благодарить Бога. Многія дѣти и многія матери умираютъ, такъ сильно приходится имъ страдать, и тогда Богъ беретъ обоихъ къ себѣ, мать и ребенка...»

Вальтеръ неподвижно сидѣлъ въ сумракѣ, на душѣ у него было такъ грустно и все-таки такъ хорошо, что онъ глубоко вздохнулъ. Онъ охотно обнялъ бы маму, но она была такъ серьезна, и изъ ея лица, казавшагося почти прозрачнымъ въ вечернемъ заревѣ, исходило такое сіяніе, какъ будто возлѣ нея уже стоялъ ангелъ, который долженъ былъ непремѣнно взять ее отъ такого плохого мальчика и отнести къ Богу.

Но что за скверный мальчикъ кухаркинъ Павелъ, еще гораздо хуже его; онъ никогда не скажетъ ничего такого гадкаго о своей матери. Еслибы не мама, то у него не

было-бы маленькаго братца... и... и еслибы страданія были еще больше...

Онъ опять взглянулъ на мать, и у него такъ сдавило въ горлѣ, что онъ не могъ глотать,—и въ своей безпомощности онъ медленно сложилъ руки такъ, чтобы никто не замѣтилъ, и совсѣмъ тихо, про себя, попросилъ ангела, чтобы онъ хорошенько оберегалъ его маму и еще долго не бралъ ея на небо—долго, долго.

Между тѣмъ мысли матери шли обычнымъ, вѣчнымъ путемъ: она думала о дѣтяхъ. Въ тайномъ страхѣ она выглянула на улицу, на которой дрались нѣсколько безпризорныхъ мальчишекъ.

По «улицѣ» движется шествіе.

Большой толпой идутъ мужчины, а въ заднихъ рядахъ есть и женщины. Своеобразныя фигуры въ самыхъ странныхъ одѣяніяхъ, начиная отъ временъ реформаціи и до нашихъ дней... нѣкоторые въ таларахъ и бархатныхъ клобукахъ, другіе въ костюмахъ горожанъ—тонкихъ бархатныхъ курткахъ или грубыхъ шерстяныхъ; но въ глазахъ у всѣхъ свѣтится безграничное состраданіе, котораго не можетъ спугнуть ничто, даже самыя глубины паденія, а на лицахъ сіяетъ доброта, готовность отдать нищему последнюю копейку. Это не фраза: напр., вотъ тотъ коренастый въ потертомъ, поношенномъ сюртукѣ съ дырой на рукавѣ отдалъ все свое состояніе и состояніе своей жены полусотнѣ безпріютныхъ сиротъ, какъ мы даемъ бѣдняку кусокъ хлѣба и грошъ...

По улицѣ движется шествіе, и подбираетъ все то, чего въ чистыхъ каменныхъ домахъ боятся, какъ чумы, и что въ самомъ дѣлѣ гибельно, какъ чума. Вотъ выброшенные на улицу:.. отецъ умеръ... мать работаетъ внѣ дома... они бродяжничаютъ по большимъ дорогамъ, но большей частью шатаются по улицамъ... слабыя, жалкія тѣла съ худыми, болѣзненными лицами и впалыми, лихорадочно-горящими глазами надъ острыми, выступающими скулами... съ блѣдныхъ тонкихъ губъ срываются самыя изысканныя гадости... Весь

этотъ безпріютный «сбродъ» они берутъ въ свои объятія,— потому что это все-таки тоже люди, въ которыхъ, навѣрно, дремлетъ душа,—и съ несказаннымъ трудомъ, съ гигантскимъ терпѣніемъ и любовью стараются постепенно отдѣлить шлакъ отъ благороднаго металла.

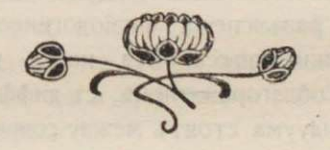
Встаютъ тяжелыя проблемы, которыя необходимо рѣшить... тяжелыя потому, что—очень часто—положительный успѣхъ не можетъ быть предрѣшенъ даже съ приблизительной достовѣрностью. Но они мало-по-малу добиваются своего... и то, что они дѣлаютъ одному изъ малыхъ сихъ...

Лишь нѣсколько именъ: Франке, Песталоцци, Вихернъ... но имена намъ здѣсь не нужны; каждый изъ нихъ воздвигъ себѣ самъ памятникъ болѣе прекрасный, чѣмъ тѣ, которые другіе отливали имъ изъ бронзы.

Но походъ долженъ продолжаться, въ особенности въ наше время, походъ противъ нищеты и паденія улицы, противъ опасности для неиспорченныхъ, которая грозитъ имъ со стороны большой дороги.

Ганеони.

Грейсфельдъ.



Половой вопросъ въ воспитаніи дѣтей.

Въ относящейся сюда литературѣ для цѣлей демонстрированія размноженія преимущественно указываютъ на міръ растеній и животныхъ. Но у растеній оплодотвореніе такъ-же, какъ и стадіи развитія вплоть до созрѣванія плода могутъ быть показаны ребенку, въ царствѣ-же животныхъ разъясненія должны ограничиваться теоріей, слѣдовательно, предполагаютъ уже дисциплинированное мышленіе и зрѣлый возрастъ слушателя.

Перенесеніе объясненія физіологическихъ процессовъ въ царство животныхъ имѣетъ то преимущество, что при этомъ щадится чувство стыда, которое дѣлаетъ для насъ мучительными поясненія на человѣческомъ тѣлѣ. Но вся эта система не только недостаточна, но и негодна, если—какъ это часто случается—объясненіе заканчивается на млекопитающихъ приблизительно такими словами: «То-же самое у человѣка».

Половое воспитаніе должно преслѣдовать болѣе высокую цѣль, чѣмъ разъясненіе физіологическихъ процессовъ у человѣка и животныхъ. Вся наша культура съ ея утонченностью и облагороженіемъ, съ дифференцированными чувствами индивидуума стоитъ между современнымъ человѣкомъ и животнымъ. Неужели-же въ половой жизни они стоятъ на одной ступени?! Не должно-ли такое сопоставленіе произвести дѣйствіе обратное тому, къ которому оно стремится?

Если воспитатель начинаетъ изложеніе физіологическаго процесса съ низшихъ животныхъ, у которыхъ женскія особи кладутъ яйца и предоставляютъ ихъ случаю, мужскія же оплодотворяютъ ихъ и этимъ вліяютъ на образованіе потомства; если отсюда онъ переходитъ къ высшимъ животнымъ и указываетъ, какую роль играютъ уже у

нихъ какъ инстинктъ, заставляющій спариваться и соединяться особей различнаго пола, такъ и подборъ, то этимъ онъ объясняетъ и физіологическія функціи человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ пониманіе половой жизни только первобытнаго человѣка.

Но отъ него насъ отдѣляетъ и отличаетъ длящаяся уже тысячелѣтія эволюція, которая, подъ вліяніемъ элементарныхъ двигательныхъ силъ всѣхъ живыхъ существъ: голода и любви, привела къ развитію ремесла, промышленности, науки и искусства и которая подчиняетъ наши чувства и поступки общественнымъ законамъ права, морали и этики.

На это огромное различіе между человѣкомъ и животнымъ должно быть указано ребенку, конечно, въ формѣ, соотвѣтствующей дѣтскому кругозору. Такимъ образомъ мы уже въ ребенкѣ пробудимъ честолюбіе, стремленіе усилить власть надъ своими инстинктами преодолѣніемъ слабости и моментальныхъ импульсовъ, такъ-же какъ и изнѣженности, неспособности сопротивляться аффектамъ.

Кто съ дѣтства былъ пріученъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ и подчинять свои инстинкты духу, тотъ будетъ видѣть и мужественность не въ физическомъ удовлетвореніи полового инстинкта, а въ его облагороженіи и преодолѣніи.

Чтобы объясненіе половой жизни было плодотворно не только въ дѣтствѣ, но и въ пору половой зрѣлости, оно должно сопровождаться не только пробужденіемъ высшихъ чувствъ и ощущеній, но и пріученіемъ къ самообладанію и сознанію отвѣтственности.

Только такимъ образомъ можно бороться съ гибельными во всѣхъ отношеніяхъ излишествами молодежи и добиться власти надъ половыми инстинктами. Только чувства и убѣжденія, глубоко коренящіяся въ человѣкѣ и управляющія его волей, могутъ устоять противъ натисковъ жизни. Отъ искушеній и борьбы нельзя избавить никого, да они и необходимы для укрѣпленія характера, но сдѣлать человѣка способнымъ къ борьбѣ посредствомъ систематическаго развитія его силъ — должно быть цѣлью воспитанія.

Надо стремиться къ тому, чтобы молодое существо — юноша или дѣвушка — при наступленiи перiода зрѣлости было способно пережить эту фразу развитiя безъ пертурбацiй и безъ чужой помощи. Какъ ни желательно, чтобы рядомъ съ ребенкомъ въ этомъ большей частью еще нѣжномъ возрастѣ стоялъ взрослый, къ которому онъ могъ бы обратиться за разрѣшенiемъ своихъ сомнѣнiй, было бы ошибкой заставлять ребенка высказываться.

Въ здоровомъ организмѣ перемѣна происходитъ почти безсознательно и незамѣтно, но копанiе въ поискахъ за ея зародышами и обнаженiе ея обсужденiемъ и анализомъ можетъ имѣть непрiятныя послѣдствiя, не только потому, что тогда она легко можетъ занять въ мышленiи и, главное, въ воображенiи чрезмѣрно большое мѣсто, но и потому, что эти скрытые, дремлющiе инстинкты слишкомъ нѣжны и слишкомъ интимны, чтобы имъ не принесло вреда это вытаскиванiе на свѣтъ. Для натуръ-же, не чувствующихъ тонко, существуетъ опасность попасть изъ огня въ полымя: борясь съ вреднымъ жеманствомъ—перешагнуть черезъ границы естественнаго стыда. Въ этой области воспитанiя еще больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ, необходимо предоставить многое такту и разуму воспитателя. Но тотъ, кто способенъ сдѣлать это, имѣетъ возможность положить цѣнный фундаментъ. На дальнѣйшее формированiе личнаго жизненнаго идеала влiяютъ, наряду съ предрасположенiемъ, переживанiя и чтенiе.

Выставленныя здѣсь требованiя въ настоящее время могутъ быть выполнены лишь немногими, но общее стремленiе приблизиться къ цѣли дастъ возможность находить все больше средствъ для достиженiя ея и дѣлать пути къ ней все болѣе доступными.

Эмма Экштейнъ.

Вѣна.

Какъ Ганзель въ первый разъ услышалъ о своемъ братцѣ.

Мама.

— Мама, скажи, это правда, что у меня будетъ братецъ? Вѣдь ты это должна знать!

— Откуда ты знаешь, Ганзель?

— Бабушка говорила... я спросилъ ее, откуда же онъ возьмется. Тогда она мнѣ опять разсказала объ аистѣ. Но я этому больше не вѣрю.

— Почему же?

— Ахъ, что тамъ! Онъ себѣ разгуливаетъ у ручья и ищетъ лягушекъ для своихъ птенцовъ. Тотъ, кто принесъ насъ, долженъ заботиться о насъ, правда, мама?

— Да, тотъ, кто принесъ васъ, заботится о васъ. А теперь пойдемъ въ садъ. Возьми съ собой плетеную корзинку.

— Собирать плоды?—Ганзель спросилъ это не съ такой радостной готовностью, какъ всегда.—Развѣ ты не разскажешь мнѣ сначала...

— Откуда берутся маленькія дѣти—конечно. Но представь себѣ, что наши грушевыя деревца тоже могутъ коечто сказать тебѣ объ этомъ. Вотъ эта прекрасная груша,— не наступи на нее! Положи ее осторожно вотъ сюда, на опилки.—Такъ мы положимъ въ мягкую постельку нашего ребенка, когда онъ появится на свѣтъ.

— Значитъ онъ появится? — ликуетъ мальчикъ. — Когда же?

— Когда онъ созрѣетъ, какъ вотъ эта груша, онъ самъ отдѣлится.

— Мама, вѣдь братецъ не растетъ на деревѣ?

— Какъ груши на деревѣ, такъ молодыя животныя растутъ въ старыхъ, яички въ птицѣ, кошечки въ кошкѣ, дѣти въ своей матери.

— Правда?—спрашиваетъ Гансъ, глубоко переводя дыханіе.—Но почему же я не вижу братца? Груши я видѣлъ всѣ, когда онѣ еще были совсѣмъ маленькія, и видѣлъ, какъ онѣ росли.

— Ты видѣлъ, какъ созрѣли всѣ? въ самомъ дѣлѣ всѣ?

— Нѣтъ, правда, не всѣ. Многія съѣли гусеницы или сбросилъ вѣтеръ.

— Да, и нашъ сорванецъ тоже сбросилъ немало своимъ неосторожнымъ кнутикомъ! Какъ ты думаешь, было бы хорошо, еслибы дѣтки висѣли на своихъ матеряхъ такъ открыто, какъ груши?

— О мама, нашему ребеночку я не сдѣлалъ бы ничего плохого!

— Я вѣрю тебѣ, Ганзель! Но видишь ли, такъ какъ я не могу всегда стоять, какъ дерево, то я сама могла бы наткнуться на что-нибудь и ударить его или вообще какъ-нибудь повредить ему. Поэтому хорошо, что дѣтки, которыя гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ плоды деревьевъ, охраняются природой заботливѣе. Они лежатъ глубоко внутри матери, какъ грушевое зернышко въ грушѣ. И то еще съ матерями въ это время надо обращаться осторожно, заботиться, чтобы онѣ не слишкомъ много наклонялись и напрягались. Ты будешь помнить объ этомъ, Ганзель? И не только обо мнѣ—съ каждой женщиной, даже съ каждымъ животнымъ, которое ждетъ ребенка, надо обращаться осторожно и внимательно.

— Значитъ у тебя въ тѣлѣ растетъ теперь братецъ? Поэтому то ты сама такъ выросла кругомъ, чтобы ему было мѣсто! Но развѣ нельзя вынуть его на минутку?— Вѣдь надо же дать ему поѣсть!

— Развѣ маленькимъ грушамъ даютъ ѣсть?

— Такъ вѣдь онѣ растутъ на деревѣ, имъ ничего и не надо, смѣется мальчикъ.

— Ну, то же самое и съ ребеночкомъ, который растетъ въ матери; онъ получаетъ отъ нея пищу, какъ груша отъ корня.

— Мама, теперь я буду отдавать свою тарелку супу для тебя и для братца.

— Ахъ, ты, плутишка, въ самомъ дѣлѣ?—смѣется мать.—Но когда братецъ появится, ты отдашь ему что-нибудь, что для тебя дороже супа?

— Да, я отдамъ ему коричневую лошадку и маленькую желѣзную дорогу. На большой лошади хватитъ мѣста намъ обоимъ. Можно мнѣ будетъ покатать его сейчасъ, когда онъ появится?

— Ахъ, ты! Когда братецъ появится, онъ будетъ еще такой маленькій и слабенькій, что не сможетъ даже сидѣть, а не то что кататься. Его надо будетъ положить на мягкую постельку и обращаться съ нимъ такъ осторожно, какъ съ пасхальнымъ яичкомъ. Ты долженъ быть терпѣливъ съ нимъ, очень терпѣливъ!

— Да, да, я подожду. Но когда же это будетъ?

— Можетъ быть, я смогу подарить его вамъ на новый годъ.

— О, мама, тогда ты богаче, чѣмъ новогодній дѣдушка: вѣдь ты можешь подарить живого человѣка!

Папа.

Гансъ получилъ своего братца, а черезъ нѣсколько времени и сестрицу. Однажды онъ—какъ и со всѣми своими дѣлами—приходитъ къ матери съ такимъ вопросомъ:

— Вѣдь сестрица выросла въ тебѣ, мама?

— Конечно, Гансъ.

— И братецъ тоже?

— Вѣдь ты знаешь это, Гансъ.

— А я, мама, тоже выросъ въ тебѣ?

— Да, дитя мое, ты тоже.

— Значитъ, всѣ выросли въ тебѣ, а въ бѣдномъ папѣ никто *).

— Нѣтъ, Гансъ, всѣ дѣти, какъ у людей, такъ и у животныхъ, выростаютъ въ матери. На ея долю выпадаетъ радость сначала выростить такое милое созданьице въ своемъ тѣлѣ, а потомъ вскормить его на своей груди, своимъ собственнымъ молокомъ—но зато она должна перенести страданія, когда онъ отдѣляется отъ ея тѣла.

— А папа не дѣлаетъ совсѣмъ ничего?

— Ты помнишь птичекъ, Гансъ, которыя прошлой весной устроили себѣ гнѣздышко въ нашей бесѣдкѣ за домомъ? Развѣ та птичка-папа ничего не дѣлала для своихъ дѣтокъ?

— О да, она всегда садилась на яички, когда мать улетала искать корму.

— Да, а потомъ онъ помогалъ матери затыкать ненасытные клювики. Какъ терпѣливо онъ училъ своихъ дѣтокъ летать! Ты помнишь, мы тогда рѣшили, что ни одинъ отецъ у людей не могъ бы быть заботливѣе.

— Да, да, какъ много дѣлаютъ отцы потомъ, я знаю, мама, но...

— Ты хотѣлъ бы знать о нихъ еще что-нибудь?

— Да, мама, вѣдь я тоже буду когда-нибудь отцомъ!

— Видишь вотъ этихъ двухъ птичекъ? Онѣ уже собираются вить гнѣздо.

— А вотъ пара бабочекъ! А паукъ сидитъ, какъ всегда, одинъ въ своей паутинѣ.

— Такъ ему и слѣдуетъ, злому животному, вѣдь у нихъ самка убиваетъ своего самца.

— Но взгляни-ка, его паутина все-таки полна привѣтовъ любви.

— Гдѣ, мама?

---

*) Этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, былъ сдѣланъ буквально такъ четырехлѣтнимъ мальчикомъ.

— Развѣ ты не видишь этихъ желтыхъ зернышекъ? а вотъ новыя летятъ по вѣтру, цѣлое облако золотой пыли, конечно, предназначенное не для паука.

— Для кого же, мама?

— Иди-ка сюда, взгляни на этотъ орѣшникъ. Видишь почки, изъ которыхъ какъ будто высовываются тонкіе красные пальчики? Это маленькая орѣховая женщина, которая прячется подъ плотнымъ покровомъ, хватаетъ золотую пыль, которую орѣховые мужчины, вотъ тѣ желтыя сережки, посылаютъ ей.

— Зачѣмъ же ей пыль?

— Она упадетъ на эти пестики. Тогда отъ нея внизъ, черезъ пустыя внутри трубочки, протянутся тонкія нити, до самой завязи, въ которой находится яичко. Только когда дремлющаго здѣсь орѣха коснется цвѣточная пыльца, онъ оживетъ и будетъ разбухать, пока не превратится въ плодъ. Только тогда у орѣшниковъ-родителей появится ихъ ребеночекъ, орѣхъ.

— Значитъ, чтобы былъ ребенокъ, долженъ быть непремѣнно отецъ?

— Да, непремѣнно. Мать и отецъ вмѣстѣ образуютъ его первый зародышъ, такъ же, какъ потомъ они вмѣстѣ лелѣютъ его, ростятъ и воспитываютъ. — Но у людей это устроено лучше, чѣмъ у растеній, которыя должны довѣрять свои привѣты любви вѣтру или пчеламъ и бабочкамъ, какъ это дѣлаютъ плодовыя деревья, на которыхъ ты видѣлъ цѣлые рои пчелъ, переносящихъ на своемъ мохнатомъ тѣльцѣ цвѣточную пыльцу отъ одного цвѣтка къ другому. Людямъ и животнымъ не нужны такіе посредники, они могутъ пойти другъ къ другу, выбрать того, кто имъ нравится, и принести свои любовные дары этому избранному.

— Это тоже пыльца, мама?

— Нѣтъ, у животныхъ и людей это таинственный жизненный сокъ, который мужчина долженъ влить женщинѣ, чтобы она стала матерью. Для этого есть такой особый поцѣлуй: прекрасное священное чудо, которое могутъ хорошенько

понять и оцѣнить только тѣ, кто избралъ другъ друга по любви, и кто сохранилъ въ чистотѣ тѣло и душу для высочайшаго подарка любви.

— Что ты хочешь этимъ сказать, мама, «сохранилъ въ чистотѣ?»

— Той части тѣла, въ которой созрѣетъ этотъ жизненный сокъ, когда ты станешь мужчиной: мѣшочка впереди на твоемъ тѣлѣ съ маленькой трубкой, ты долженъ касаться только тогда, когда это необходимо, и никогда не давать трогать ея другимъ! — Я теперь еще не могу сказать тебѣ объ этомъ всего; спроси меня опять, когда замѣтишь какія-нибудь перемѣны въ своемъ тѣлѣ. Пока помни только то, что ты никогда не долженъ пускаться въ такую опасную игру.

— Почему-же это такъ опасно?

— Потому что злоупотребленіе этими важными органами можетъ сдѣлать тебя такимъ больнымъ, что современемъ ты не будешь имѣть права взять въ жены дѣвушку, которую полюбишь, чтобы не сдѣлать ея несчастной. Вспомни, какимъ печальнымъ показался тебѣ одинокій паукъ! Тебя природа не предназначила для одиночества. Ты долженъ имѣть вокругъ себя людей, которыхъ сможешь любить, для которыхъ сможешь думать и работать: семью, друзей, товарищей. Но самая сильная и сладкая человѣческая радость достанется тебѣ на долю только въ томъ случаѣ, если ты ничего не погубишь и не осквернишь въ себѣ, будешь всегда сохранять въ гармоніи душу и тѣло, дашь имъ расцвѣсти могуче и чисто. Только тогда ты будешь достоинъ высшаго дара любви: ребенка, котораго любимая женщина положитъ тебѣ на руки, какъ свое и твое дитя.

Д-ръ фил. Гедвигъ Блейлеръ-Ватеръ.

Цюрихъ.

Природа.

Я брожу со своими двумя дѣтьми по майскимъ лугамъ. Вблизи, у холмовъ, свѣжія волны синевато-зеленыхъ полей. Воздухъ полонъ благоуханіемъ цвѣтовъ, которые празднуютъ пору своего высшаго расцвѣта, вдали зоветъ кукушка, такъ заманчиво, такъ неопредѣленно, какъ жизнь юношу въ таинственную страну чудесъ.

Мой рѣзвый десятилѣтній мальчикъ срываетъ спѣлые плоды львиной пасти—головки съ перышками, дуетъ на нихъ и радостно смѣется, когда легкій вѣтерокъ уноситъ маленькіе парашюты далеко—далеко, пока они наконецъ не опустятся на землю. Гордясь своей юной ученостью, онъ разсказываетъ: «Да, львиная пасть такая умная, что ея сѣмена могутъ летать далеко, оттого на слѣдующій годъ всюду выростутъ цвѣты».

Двѣнадцатилѣтняя Гертруда слушаетъ и говоритъ: «Не правда-ли, мама, всѣ новыя львиныя пасти дѣти старой, сѣмена которой унесъ вѣтеръ?» Я киваю головой; въ это время опять прибѣгаетъ съ ликованіемъ шалунъ-Фрицъ; онъ ловко поймалъ пчелку и такъ сжалъ бѣдняжку, что она не можетъ ни улетѣть, ни ужалить; онъ съ увлеченіемъ показываетъ намъ ее; по просьбѣ Гертруды онъ отпускаетъ пчелку на волю. Герта опять спрашиваетъ меня: «Послушай мама, объясни мнѣ еще разъ—въ школѣ мы въ этомъ году еще не учили этого, а съ прошлаго года я почти совсѣмъ забыла—какъ это бываетъ съ медомъ и съ цвѣточной пыльцей, которую пчелы переносятъ отъ одного цвѣтка къ другому? Я, кажется, никогда хорошенько не понимала, почему это и какъ.»

У дороги цвѣтутъ желтые цвѣточки, и я прошу Фрица принести мнѣ нѣсколько; мы разсматриваемъ красивый цвѣтокъ, изящный пестикъ съ двумя рыльцами, покрытые пыльцей пыльники. Я показываю дѣтямъ, какъ пчела, доставая медъ изъ глубины, задѣваетъ тычинки, и верхняя часть ея тѣльца покрывается цвѣточной пылью; затѣмъ я беру цвѣтокъ въ другой стадіи развитія и показываю дѣтямъ особое положеніе рыльца, при которомъ покрытая пылью пчела, прилетая съ перваго цвѣтка, непремѣнно должна оставить немножко цвѣточной пыли на рыльцѣ. Фрицъ сначала терпѣливо слушалъ, но онъ долженъ показать, что онъ знаетъ еще больше. Онъ выискиваетъ цвѣтокъ, въ которомъ уже образуется плодъ, и важно объясняетъ: «Да, а потомъ въ завязи образуются сѣмена, изъ которыхъ потомъ опять выростаютъ новые цвѣтки». Больше его это не интересуетъ; онъ убѣгаетъ на опушку лѣса, гдѣ, какъ онъ знаетъ, цвѣтутъ орхидеи. Мы садимся въ тѣнистомъ уголкѣ, чтобы подождать его.

Герта все еще смотритъ на цвѣты и задумчиво говоритъ: «Сѣмена и новые цвѣты образуются изъ двухъ цвѣтковъ; это всегда такъ?»

Въ этотъ моментъ я вспоминаю, какъ дѣвочка вчера удивленно подняла глаза при какомъ-то словѣ моей подруги, которая недавно дала жизнь ребенку.

Я хочу попробовать такъ разсказать ей о цвѣтахъ, чтобы вызвать дальнѣйшіе вопросы.

«Конечно, большей частью это такъ. Взгляни-ка еще разъ! Вотъ сюда, на рыльце одного цвѣтка должна попасть пыльца съ другого, и тогда здѣсь, внутри цвѣтка, совершенно защищенныя, медленно образуются сѣмена. То, что я тебѣ теперь говорю, трудно представить себѣ; но если хорошенько подумать, то можно понять; это открыли ученые. Подумай только! вотъ какъ это происходитъ: изъ цвѣточной пыльцы въ пестикъ проникаетъ крошечное зернышко, оно проходитъ черезъ весь пестикъ, а въ завязи уже ждетъ другое зернышко, и когда они оба соединяются, то изъ

нихъ образуется третье, новое зернышко; оно растетъ и растетъ и превращается въ сѣмя. Растеніе это мать; она питаетъ сѣмена своимъ собственнымъ жизненнымъ сокомъ и хранитъ ихъ въ своемъ тѣлѣ, пока они не созрѣютъ и не станутъ такъ крѣпки, что смогутъ рости дальше сами. Тогда они оставляютъ растеніе-мать, какъ мы это видѣли сегодня, напримѣръ, у сѣмянъ львиной пасти, и выростаютъ на новомъ мѣстѣ.—Вотъ видишь, и растеніе имѣетъ двухъ родителей; вспомни о другомъ цвѣткѣ, который далъ пыльцу! Онъ часто находится далеко отъ этого, а пчелы служатъ посредниками, которые получаютъ медъ за то, что переносятъ цвѣточную пыль отъ одного родительскаго растенія къ другому. Только такимъ образомъ могутъ образоваться растенія—дѣти; не удивительно ли это? Сначала сѣмена—вотъ такія крохотныя, затѣмъ они растутъ, и наконецъ изъ нихъ образуется новое растеніе; оно растетъ, развертываетъ листочки и цвѣтетъ на солнцѣ такъже прекрасно, какъ цвѣли его родители.

Мою руку сжала маленькая рука, и раздался тихій вопросъ:

«Мама, а какъ... у людей?»

Я заглядываю въ милые, открытые глаза моей дѣвочки: «У людей, дитя мое, многое происходитъ почти такъ-же, какъ у растеній.

Растеньице, въ которомъ образуются сѣмена, мы назвали матерью, а другое, которое посылаетъ пыль, отцомъ растенія —ребенка. Вотъ видишь! И все-таки у людей это совсѣмъ иначе. Растенія ничего не знаютъ другъ о другѣ, и все зависитъ отъ случая, отъ того, куда пчелы понесутъ пыль. У людей-же тѣ, которые становятся отцомъ и матерью, любятъ другъ друга и знаютъ это и радуются. Такъ-же было и съ твоимъ отцомъ и со мной. Ты теперь еще слишкомъ мала, чтобы стать матерью, но когда ты вырастешь, ты легко поймешь, какъ это происходитъ у людей. Когда ребенокъ начинаетъ рости, онъ такой-же маленькій, какъ сѣмя въ растеніи.—И это даже еще болѣе чудесно:

изъ сѣмени мало-по-малу выростаетъ новое, прекрасное человѣческое тѣло съ душой, полной радости и желанія быть хорошимъ. Такъ выросли и вы, наши дѣтки; три четверти года позволяетъ Богъ каждой матери хранить ребенка въ своемъ тѣлѣ, въ своемъ лонѣ, и питать его своей кровью; вы тоже росли во мнѣ, пока не выросли настолько, что ваше тѣло стало достаточно сильно, чтобы жить отдѣльно. Какъ созрѣвшее сѣмя, такъ и ребенокъ отдѣляется тогда отъ тѣла матери.

Теперь посмотри, сколько радости имѣемъ мы, люди. Растеніе не знало, что у него будутъ дѣти. Оно не сознаетъ, что сѣмена уходятъ отъ него. У насъ-же, людей, это не такъ: наше милое дитя остается съ нами, оно похоже на отца и мать, потому что оно выросло изъ нихъ. Когда оно выходитъ изъ тѣла матери, оно совсѣмъ маленькое и безпомощное, и на долю отца и матери выпадаетъ радость взрастить его; когда оно становится разумнымъ, мы можемъ научить его всему, что хорошо и умно. Тогда оно начинаетъ любить насъ и любитъ своихъ родителей всю свою жизнь».

Не спуская съ меня глазъ и прижимаясь ко мнѣ, слушала Герта. Унаслѣдованный и естественный стыдъ, который при вопросѣ безсознательно вспыхнулъ въ дѣтскомъ сердечкѣ, совершенно улегся. Что мнѣ удалось направить ея чувства прежде всего на священное материнство, показываютъ ея слова: «Мамочка, какъ это славно! Такъ долго я была въ тебѣ!»

Въ это время прибѣгаетъ нашъ мальчикъ; мнѣ онъ приноситъ букетъ лѣсныхъ гіацинтовъ; у сестры онъ снимаетъ шляпу, обвиваетъ вокругъ ея волосъ, шеи и таліи гирлянду плауна и смѣется: «Лѣсная фея! лѣсная фея!»

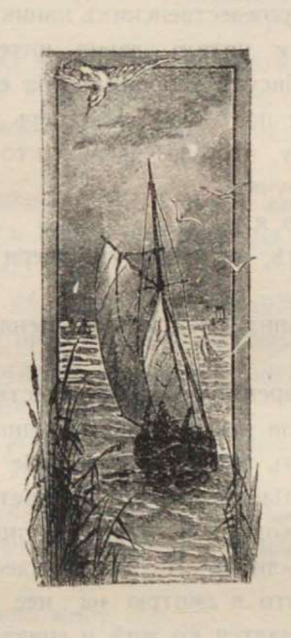
Онъ-то черезъ нѣсколько лѣтъ спроситъ еще больше, еще опредѣленнѣе—пожалуй, не меня, а отца.

Но моя дѣвочка спокойно улыбается; она вполнѣ удовлетворена. Ея женскій инстинктъ еще молчитъ, она еще ничего не знаетъ о немъ; а ея дѣтскій умъ не видитъ того,

чего она еще не испытала.—Я увѣрена, что когда время и случай постепенно скажутъ ей больше, воспоминаніе о сегодняшнемъ днѣ придастъ чистый характеръ всему еще неизвѣстному ей.

Эльза Вибираль.

Вѣна.



Больше естественности!

I.

Это было на рождественскихъ каникулахъ. Я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ давно интересовавшую меня книгу. Младенецъ-Іисусъ исполнилъ мое единственное желаніе и положилъ ее подъ елку. И теперь я читалъ ее.

Вдругъ я слышу, что за дверью кто-то царапается и, очевидно, ищетъ ручку.

«Ганна!» думаю я.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отверстіе двери просовывается головка.

«Папочка?!» Ганна смотритъ на меня неувѣренно и вопросительно.

Въ послѣднее время, передъ Рождествомъ ея визиты въ кабинетъ отца были не особенно удачны. Сегодня я ужъ принужденъ сдѣлать внушающее довѣріе лицо, потому что дверь—хотя и нерѣшительно—открывается все больше, и Ганна медленно входитъ и старается прочесть на моемъ лицѣ, не сержусь-ли я. Но на Рождество сердиться не годится, и видя, что я смотрю на нее съ улыбкой, она подходитъ, прижимается ко мнѣ и впивается своими ясными дѣтскими глазками въ мои глаза.

«Папочка, можно мнѣ немножко посидѣть здѣсь?».

Я съ улыбкой киваю головой, и Ганна быстро, изо всѣхъ силъ, какими располагаетъ такой пятилѣтній человѣчекъ, тащитъ къ письменному столу стулъ и преважно садится рядомъ со мной.

Ганна принесла съ собой книгу. Она вытаскиваетъ ее, бросая искоса неувѣренный взглядъ на меня: это изданіе учительскаго союза для распространенія искусства. Ее по-

лучила въ подарокъ на Рождество мама, и я очень сомнѣваюсь, чтобы Ганна спросила позволенія посмотрѣть «хорошенькую книжку съ картинками».

«Я буду перелистывать тихонечко», говоритъ она предупредительно.

Но я притворяюсь глухимъ и слѣпымъ, потому что мнѣ не совсѣмъ ясно, долженъ-ли я, какъ строгій педагогъ, выбранить дѣвочку или, какъ любящій отецъ, задушить ее поцѣлуями.

Мы оба сидимъ молча. Ганна заложила ногу за ногу, какъ это дѣлаю я, и усердно изучаетъ свои картинки, подолгу останавливаясь надъ одними, быстро проходя мимо другихъ.

«Посмотри, папочка, откуда здѣсь взялся голый мальчикъ?» спрашиваетъ Ганна, указывая на стр. 29, «Поѣздка верхомъ на птицѣ».

«Гм!» издаю я, съ удивленіемъ качая головой и пожимая плечами. Я охотно предоставляю дѣтямъ говорить самимъ, въ особенности, когда не знаю, чего имъ нужно. «А какъ ты думаешь, Ганна?».

«Можетъ быть, птица отняла мальчика у его мамы?».

«Не думаю».

«Да, тогда онъ плакалъ бы,» соглашается Ганна.— «А, можетъ быть, Боженька посылаетъ мальчика какой-нибудь мамѣ?».

«Это скорѣй возможно».

«Да!» съ воодушевленіемъ говоритъ Ганна. «Такого маленькаго братца я тоже хочу».

«Ну, можетъ быть, у тебя и будетъ братецъ, если ты будешь вести себя хорошо». Ганна умолкаетъ, а я размышляю, что мнѣ сказать, если она вздумаетъ остановиться на этой темѣ. Я былъ согласенъ со своей женой, что мы не должны лгать нашимъ дѣтямъ, но эта крошка—вѣдь ей всего 5 лѣтъ! Неужели я буду толковать ей о цвѣтахъ яблони и тыквы, объ оплодотвореніи у рыбъ и собакъ? Неужели я разовью эту тему чисто разсудочно, трезво, научно и съ

педагогической ясностью? Или-же буду красивыми словами спекулировать на чувство? Конечно, у маленькаго существа, сидящаго рядомъ со мной, не «зазвучатъ нечистыя струны», но пойметъ-ли меня моя дѣвочка такъ, какъ я этого хочу? Смогу-ли я уже теперь пробудить въ моемъ ребенкѣ пониманіе красоты и глубины этихъ вопросовъ, всего величія созданія человѣка, всей возвышенности материнства?

Въ это время Ганна опять спрашиваетъ:

«Папа, такой маленькой была и я, когда была еще совсѣмъ маленькая?» Она все еще разсматриваетъ «голаго мальчика».

«Конечно, даже еще меньше».

«Еще меньше?! Посмотри-ка, вѣдь это вовсе не аистъ несетъ мальчика!»

«Нѣтъ, Ганна. Почему это долженъ непремѣнно быть аистъ?»

«Тетя Анна говорила, что маленькихъ дѣтокъ приноситъ аистъ».

«Ну, этого я не думаю! Вѣдь у тети Анны еще нѣтъ дѣтей. Откуда-же она можетъ знать?»

Ганна не возражаетъ и вдругъ спрашиваетъ: «А меня принесъ аистъ или такая черная птица?»

«Ни тотъ, ни другая», храбро говорю я.

«А кто-же?»

Ну, вотъ оно. Моя дипломатія нисколько не помогла. Ну, сдѣлаю еще одну попытку!

«Ну, Ганна, — развѣ ты не помнишь? Вѣдь ты должна это знать лучше всѣхъ. Какъ-же это было?»

Это спекулированіе на вѣчно работающее воображеніе Ганны. И оно удается.

«Я... я не помню».—Но послѣ нѣкотораго размышленія: «Да... я помню: когда я появилась, у меня страшно болѣла голова».

«Вотъ какъ! Этого ты мнѣ еще никогда не говорила. Я этого вовсе не зналъ».

«Да», продолжаетъ дѣвочка, гордясь интересомъ, кото-

рый возбуждаютъ ея воспоминанія, «и у мамы тоже; у нея тоже страшно болѣла голова».

«Вѣрно! Вотъ это я хорошо помню. Правда, правда! Мамочкѣ была тогда совсѣмъ не хорошо».

Ганна съ огорченіемъ киваетъ головой, словно опять переживая въ воспоминаніи то, что рисуетъ ей ея воображеніе.

«Ну», продолжаю я, «но теперь у тебя не болитъ голова, а? И знаешь, сегодня такая хорошая погода, что мы можемъ послѣ обѣда поѣхать на саняхъ къ дѣдушкѣ».

Ганна съ ликованіемъ слѣзаетъ со стула, чтобы сообщить мамѣ радостное извѣстіе.

Дѣдушка живетъ въ сосѣдней деревнѣ, и сани быстро бѣгутъ по сверкающей зимней дорогѣ. Съ красными щеками и блестящими глазами сидитъ Ганна возлѣ матери, совершенно забывъ о проблемѣ, которая сегодня утромъ всплыла въ ея головкѣ.

Поступилъ-ли я плохо, уклонившись отъ отвѣта на вопросы ребенка? Не думаю. Какъ несомнѣнно то, что здѣсь возможно запозданіе, такъ-же несомнѣнна возможность и излишней торопливости. Интересъ къ затронутому вопросу у моей дѣвочки пока нисколько не отличался отъ того, который она проявляетъ къ ползущему жуку, къ необыкновенному облаку, къ пролетающей птицѣ. У маленькихъ дѣтей большей частью бываетъ такъ: возникаетъ какой-нибудь вопросъ, а въ слѣдующій моментъ онъ заслоняется другой волной мыслей и остается въ глубинѣ — цѣлые дни, цѣлыя недѣли—быть можетъ, цѣлые годы. Я не думаю, чтобы я поступилъ плохо. Было-бы нехорошо, еслибы я грубо оборвалъ наивные вопросы ребенка, еслибы я отвѣтилъ на его довѣріе недовѣріемъ, спугнулъ его довѣрчивость рѣзкимъ порицаніемъ «непристойности» его вопросовъ. Нѣтъ, дитя мое, ты узнаешь все, но только тогда, когда сможешь понимать красоту прекраснаго, святость священнаго, когда тебя заставитъ спрашивать сильный интересъ, когда твои вопросы будутъ не дѣтской игрой, не мимолетной фантазіей, а выраженіемъ серьезнаго исканія правды. Тогда!

II.

Разговоры, подобные только что описанному, я велъ съ Ганной не разъ въ слѣдующемъ году и въ первые два школьныхъ года. Я не искалъ ихъ, но и не избѣгалъ.

Лѣтомъ, на дачѣ, мы задумывались надъ тѣмъ, откуда собственно берутся такіе славные телята. Ганна разсказываетъ, что Анна, служанка, сказала ей, будто теленокъ выходитъ изъ тѣла коровы. Правда-ли это? Я, конечно, спокойно подтверждаю.

«Да, но теленокъ навѣрно сначала былъ въ тѣлѣ матери совсѣмъ маленькій—совсѣмъ, совсѣмъ—с о в с ѣ м ъ маленькій! Такой маленькій, какъ... что его почти нельзя было видѣть», говоритъ Ганна.

Я утвердительно киваю головой.

И, гордая успѣхомъ, она продолжаетъ: «Да, а потомъ онъ все росъ въ тѣлѣ у коровы, пока корова подумала: «Ну, теперь онъ уже большой,» и выпустила его изъ своего теплаго живота. Правда?»

«Да, Ганна, такъ оно и было».

Я ожидалъ еще вопросовъ и почти удивился, что Ганна на этотъ разъ удовлетворилась этимъ. Но я не удерживалъ ея мыслей насильно на этой темѣ.

Мы посѣтили и насѣдку на ея насѣстѣ—конечно, издали—и съ нетерпѣніемъ ждали дня, когда изъ яицъ выйдутъ маленькіе цыплята. Мы были немножко удивлены, когда изъ четырнадцати яицъ вышло только одиннадцать цыплятъ. Но не разговаривали объ этомъ особенно долго, а только отмѣтили у себя въ головкѣ, что не изъ всѣхъ яицъ выходятъ цыплята. Можетъ быть, это намъ пригодится впослѣдствіи.

Разъ Ганна принесла двухъ жуковъ, переживавшихъ высшій моментъ любовнаго опьяненія.

Что они, срослись вмѣстѣ? Или это они такъ играютъ? Или это означаетъ что-нибудь другое?

Я сказалъ ей, чтобы она положила коричневыя созданьица на траву. И затѣмъ я сочинилъ для моей дѣвочки маленькую исторію, которая, быть можетъ, могла дать ей отвѣтъ. Я разсказалъ о принцѣ и принцессѣ, которые очень, очень любили другъ друга, и которыхъ злой волшебникъ превратилъ въ два розовыхъ куста. Но розовые кусты протянули свои вѣтви—дальше, все дальше—и обнялись и срослись такъ крѣпко другъ съ другомъ, что можно было подумать, будто это одинъ большой розовый кустъ. Раньше у одного куста были красныя, а у другого бѣлыя розы; теперь-же изъ года въ годъ на обоихъ кустахъ, сросшихся въ о д и н ъ, благоухали сотни великолѣпныхъ розовыхъ розъ.

Ганна выслушала внимательно, но затѣмъ замѣтила, покачивая головкой: «Ну, а жуки»?

«Да, жуки—какъ ты думаешь, почему они срослись?!—Розовые кусты почему срослись»?

«Потому что они такъ—ахъ, ты думаешь, что и жуки такъ любятъ другъ друга»?

«А ты думала, что только люди могутъ любить другъ друга? Нѣтъ, Ганна, у животныхъ тоже существуетъ любовь и ненависть, дружба и вражда».

Послѣ этого Ганна хотѣла еще разъ взглянуть на своихъ коричневыхъ молодцовъ, но ихъ уже не было.

Въ Тиргартенѣ мы долго стояли передъ медвѣдями и весело смотрѣли, какъ маленькій, неуклюжій медвѣженокъ сосалъ свою ворчливую мамашу.

Часто мы, мама, Ганна и я, вмѣстѣ перелистывали журналы и смотрѣли картинки. Мы не переворачивали листа быстрѣе, когда художникъ изображалъ прекрасныхъ, нагихъ людей. Мы смотрѣли на нихъ спокойно и съ удовольствіемъ. Конечно, Ганна часто откровенно высказывала свое мнѣніе, иногда удивлялась и много спрашивала. Я отвѣчалъ ей, спокойно объяснялъ и много смѣялся надъ ея наивными, часто такими забавными фантазіями.

На картинкѣ Ганна впервые увидѣла кормящую мать. Она сейчасъ же спрашиваетъ, что это значитъ.

«Это мать даетъ пить своему ребенку», говорю я спокойно и просто.

«Что ты говоришь! Вѣдь у нея нѣтъ бутылки.»

«Конечно, нѣтъ. Ребенокъ пьетъ изъ груди матери.»

Ганна изумленно смотритъ сначала на меня, потомъ на картинку, потомъ опять на меня.

«Это какъ... у... медвѣдей?» спрашиваетъ она затѣмъ неувѣренно. Въ ея памяти всплыла картина въ Тиргартенѣ.

«Какъ у медвѣдей,—говорю я. — Когда Богъ посылаетъ матери ребенка, онъ сейчасъ же приготовляетъ въ груди матери пищу, которая необходима для такой крошки».

«И я тоже такъ пила изъ мамы?»

«Да, моя Ганна, но только нѣсколько дней. Когда ты появилась на свѣтъ, мама была очень слаба. Она твердо рѣшила кормить тебя своей грудью и такъ радовалась этому. Но послѣ того, какъ ты нѣсколько дней пила изъ ея груди, у нашей милой мамочки появились сильныя боли, а ты, маленькая обжора, какъ видно, уже тогда была такой ненасытной: ты много кричала. Тогда докторъ запретилъ мамѣ кормить тебя грудью. Тебѣ стали давать молоко изъ бутылочки.—Мамѣ было очень жалко, что она не можетъ кормить тебя. Мнѣ кажется, что она плакала.»

Нѣсколько времени Ганна молчитъ. Затѣмъ она говоритъ: «Папа, когда мама придетъ домой, я буду ее очень любить».

III.

На этомъ мы пока остановились. Какъ будетъ дальше? Вѣроятно, такъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было съ однимъ изъ моихъ друзей, у котораго есть дочь, прелестная дѣвочка 11 лѣтъ.

Пусть разскажетъ сама фрау Н.

Это было въ срединѣ января. Однажды мнѣ показалось, что Грета пришла изъ школы какъ то странно взволно-

ванная. Я не спрашиваю, потому что знаю, что она скажетъ сама. Можетъ быть, ей сдѣлали замѣчаніе или наказали. За обѣдомъ Грета разсѣяна и молчалива. Чуть не забыла съѣсть компотъ. Послѣ обѣда она не хочетъ кататься на саняхъ, не хочетъ играть, ни шалить съ отцомъ на диванѣ. Она садится за уроки, но, кажется, дѣло подвигается медленно. Не больна ли она?

Я сижу за рабочимъ столомъ и починяю бѣлье. Часто я чувствую, что глаза Греты устремлены на меня. Скоро папа прощается и уходитъ на службу.

Очевидно, Грета только и ждала этого, потому что больше она не можетъ вытерпѣть. Она медленно подходитъ ко мнѣ и обнимаетъ меня.

«Мамочка!?»

«Что?»

Грета молчитъ.

Я хочу помочь ей:

«Что-нибудь случилось непріятное?»

Грета качаетъ головой. Она краснѣетъ и молчитъ.

«Ну, Грета?»

«Мама, правда, что маленькія дѣти выходятъ изъ живота матери?»

Эти слова срываются съ ея устъ отрывисто и робко.

Кажется, я тоже покраснѣла. Хотя я и читала кое-что по этому вопросу и обсуждала его съ мужемъ, но въ тотъ моментъ мнѣ и въ голову не приходило, что Грету мучитъ эта мысль.

Я стараюсь выиграть время.

«Какъ это тебѣ пришло въ голову, Грета?» спрашиваю я, заставляя себя успокоиться.

«Да, въ школѣ... въ классѣ... знаешь, Гильда и Іозефа и еще нѣкоторыя другія говорятъ объ этомъ каждый день. И онѣ говорятъ, что это сказано въ Библіи», разсказываетъ Грета, колеблясь и запинаясь.

«Ну, Грета, что же онѣ сказали тебѣ?» спрашиваю я уже нѣсколько спокойнѣе.

«Что маленькихъ дѣтей не приноситъ аистъ, что они растутъ въ животѣ у матери.»

«Ну, и?»

«И когда они становятся достаточно большими, тогда въ тѣлѣ дѣлается дыра, или докторъ разрѣзываетъ животъ—этого Іозефа тоже не знаетъ хорошенько—и тогда ребенокъ выходитъ. Оттого мать послѣ этого всегда бываетъ больна.»

Послѣ короткаго молчанія она умоляюще продолжаетъ: «Мамочка, это правда? Мамочка, пожалуйста, скажи мнѣ, какъ это бываетъ?»

«Откуда же Гильда и Іозефа знаютъ все это?»

«Іозефѣ разсказала горничная — прежняя, которую фрау Z. разсчитала, а Гильда сказала, что прочла объ этомъ въ одной толстой книгѣ; тамъ все это и нарисовано.»

Вотъ она, эта минута. Гораздо раньше, чѣмъ я думала. Но несомнѣнно: она наступила! Тонъ голоса, красныя щеки, напряженный взглядъ, все явственное внутреннее волненіе дѣвочки доказываютъ это. Это не вопросъ мимолетной фантазіи: здѣсь поможетъ только правда. Чистая правда въ простотѣ и любви.

Начало смеркаться. Я положила свою работу и подвела Грету къ креслу за печкой. Тамъ мы часто сидѣли въ сумерки. Я сѣла и посадила свою большую дѣвочку къ себѣ на колѣни.

И я начала. Спокойно, просто, какъ никогда не считала возможнымъ.

«Почти все, что твои подруги сказали тебѣ, Грета, вѣрно. Но мнѣ больно, что Іозефа говорила объ этой священной вещи со служанками. Объ этомъ дитя должно говорить только съ матерью. И я очень, очень рада, что ты не рылась въ Библіи, не спрашивала служанокъ и не долго ломала себѣ голову вмѣстѣ съ подругами, что ты такъ быстро и увѣренно нашла дорогу къ матери. Выслушай меня! Я разскажу тебѣ, какъ ты появилась на свѣтъ

Ты знаешь: каждый годъ на Троицу мы трое празднуемъ день, въ который когда то твой отецъ и я обвѣнчались. Ты еще ребенокъ и не можешь знать, какъ счастлива я была въ тотъ день. Вѣдь я такъ любила твоего отца. Теперь я могла заботиться о немъ и быть съ нимъ всегда. Когда папа былъ на службѣ, я думала о немъ, а когда онъ приходилъ, я стояла на балконѣ и привѣтствовала его. Это была прекрасная жизнь!

Но когда прошелъ годъ, то это сдѣлалось чѣмъ то будничнымъ, и хотя я любила папу такъ же, какъ и въ день свадьбы—и даже еще больше!—я все-таки не была уже такъ счастлива и довольна, какъ тогда. Во мнѣ зародилось новое желаніе. Я тосковала по ребенкѣ, по тебѣ. И когда я смотрѣла на другихъ женщинъ и видѣла, какъ ихъ малютки, такія здоровенькія, лежали въ своихъ колясочкахъ или глядѣли своими ясными, невинными глазками—ахъ, Грета, тогда я чуть не плакала отъ горя, что у меня нѣтъ ребенка.

Тогда—это было черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ папа и я отпраздновали первую годовщину нашей свадьбы—я почувствовала, что Богъ исполнилъ мое желаніе. Я почувствовала, что ношу въ себѣ дитя, что ты живешь во мнѣ. Я была очень счастлива. У меня было такое чувство, будто наступаетъ Рождество, и Христосъ исполняетъ мое единственное желаніе. А когда я однажды утромъ почувствовала впервые твои легкія движенія въ моемъ тѣлѣ, мнѣ показалось, что мы разговариваемъ другъ съ другомъ, что ты говоришь мнѣ: «Доброе утро, мамочка!» И я тихо отвѣтила: «Доброе утро, дитя мое!»

Правда, затѣмъ наступили мѣсяцы, доставившіе мнѣ немало заботъ, страданій, тяжелыхъ часовъ. Я все переносила легко и охотно, потому что вѣдь за этими страданіями и заботами лежало исполненіе моего завѣтнаго желанія.

И затѣмъ наступилъ день—одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ въ моей жизни, быть можетъ, самый прекрасный—

тотъ день, когда ты въ бѣлой колыбелькѣ тихо, тихо дышала возлѣ меня, когда я наконецъ могла держать на рукахъ тебя, мое дитя...»

Я замолчала. Грета сидѣла, прижавшись ко мнѣ, смотрѣла на меня счастливо и довѣрчиво и тоже молчала.

Я продолжала: «Ты видишь, дорогая, что то, что тебѣ сказали подруги, почти все вѣрно, и въ этомъ нѣтъ никакой тайны. Здѣсь нѣтъ ничего, чего твоя мать не сказала бы тебѣ охотно. Ты хочешь знать еще что-нибудь?»

Грета долго молчала. Затѣмъ она тихо сказала: «Только одно еще, мамочка. Какъ же ребенокъ выходитъ изъ тѣла матери? Въ самомъ дѣлѣ... прорѣзываютъ дыру?»

«Нѣтъ, Грета. Когда ребенокъ созрѣетъ въ тѣлѣ матери— я хочу сказать: когда его тѣльце достаточно окрѣпнетъ, тѣло матери открывается само собою. Для этого не нужно никакого новаго отверстія. И врачу тоже не приходится ничего дѣлать, если только женщина здорова.

«То отверстіе, черезъ которое ребенокъ выходитъ на свѣтъ изъ охраняющаго его тѣла матери, Богъ заботливо приготовилъ въ тѣлѣ каждой женщины и каждой дѣвушки уже при рожденіи. Между бедрами, внизу живота есть маленькое отверстіе, такое маленькое, что ты его, вѣрно, почти не замѣчала въ своемъ тѣлѣ. Но когда наступаетъ время ребенку покинуть тѣло матери, этотъ проходъ такъ расширяется, что тѣльце можетъ пройти сквозь него. Правда, при этомъ каждая мать должна перенести часто невыразимыя мученія.»

«Грета», тихо продолжала я, «я хочу сказать тебѣ еще одно. Въ твоемъ тѣлѣ тоже есть это отверстіе, но оно еще закрыто нѣжной пленкой; эта пленка не должна быть повреждена, прежде чѣмъ ты не станешь большой и не сможешь сама быть матерью».

Грета вопросительно посмотрѣла на меня.

«Слушай, Грета, ты бережешь свои глаза и не трешь ихъ, потому что ты могла-бы разрушить ихъ нѣжное строеніе. Такъ-же береги и ту часть своего тѣла, какъ нѣчто

священное. Черезъ нее ты можешь узнать высокую радость, черезъ нее ты можешь лишиться величайшаго счастья».

Мы долго сидѣли молча. Въ комнатѣ стало темно. Наконецъ Грета сказала: «Мама, я такъ рада, что ты сказала мнѣ все это, но... почему ты не разсказала мнѣ раньше?»

«Ты права, Грета. Еслибы я знала, что такія маленькія дѣвочки, какъ Іозефа и Гильда, знаютъ и говорятъ объ этихъ священныхъ вещахъ, я не ждала бы такъ долго. Я охотно заговорила бы съ тобой первая. Но теперь этого ужъ не измѣнишь. Конечно, я могла тебѣ сказать все это, когда тебѣ было 5, 6, 7 лѣтъ. Но то, что я разсказала тебѣ сегодня, я считаю такимъ высокимъ и прекраснымъ, самымъ прекраснымъ, что мать можетъ разсказать своему ребенку. И я хотѣла подождать, пока ты сможешь тоже немножко почувствовать это.»

«Мама, можно мнѣ разсказать дѣвочкамъ въ классѣ, что ты сказала мнѣ все?»

«Развѣ ты разсказываешь имъ, какъ бесѣдуешь по вечерамъ съ Богомъ, какъ мы—папа, я и ты—ласкаемъ и любимъ другъ друга?»

«Нѣтъ, этого я имъ не разсказываю.»

«Нѣтъ, Грета, это священныя вещи, о которыхъ можно говорить только съ самыми близкими: съ отцомъ и матерью, пожалуй, съ сестрой.»

«Съ сестрой... да, мама, вотъ видишь—мнѣ всегда хотѣлось имѣть брата или сестру. Почему у меня ихъ никогда не было?»

«Это ты тоже узнаешь. Но не сегодня. Сегодня я только спрошу тебя: ты хотѣла бы имѣть сестричку во что бы то ни стало? Даже еслибы мама отъ этого была больна?»

«Нѣтъ,» сказала Грета, «тогда ужъ лучше не надо.» Послѣ короткаго молчанія она продолжала: «Знаешь, мама, если я уже не могу имѣть братьевъ и сестеръ, то зато у меня самой будутъ дѣти, когда я выросту.»

«Это вполнѣ возможно, если Богъ захочетъ. Но знаешь,

Грета, въ такомъ случаѣ я должна тебѣ еще что-то сказать! Всѣ говорятъ, что ты похожа на отца. И это правда. Ты способная, какъ онъ, у тебя каріе глаза, какъ у него, у тебя такое-же слабое горло, какъ у него. И это большей частью такъ: дѣти наслѣдуютъ отъ родителей хорошее и плохое. Тебѣ хотѣлось бы, чтобы твой ребенокъ былъ здоровъ, не правда-ли? Ну, какъ ты думаешь: это возможно, если ты будешь такъ небрежно относиться къ своей болѣзни горла, какъ въ послѣднее время?»

Грета задумчиво смотрѣла въ пространство.

Нѣсколько недѣль спустя врачъ предписалъ моей дѣвочкѣ лекарство отъ малокровія. Оно не особенно вкусно, во всякомъ случаѣ Гретѣ оно не нравится. На второй день леченія она сидѣла съ ложкой передъ бутылкой. На ея лицѣ выражалось отвращеніе. Вдругъ она спросила: «Это лекарство хорошо и для маленькихъ дѣтей?»

Я остолбенѣла. Затѣмъ я поняла.

«Конечно! Очень!» спокойно отвѣтила я.

Тогда она выпила его, не говоря ни слова.

Учитель В. Ульбрихтъ.

Дрезденъ.

Мой мальчикъ.

«Я должна сказать это своему ребенку? Это невозможно!»

«И все-таки это можно сказать. Зачѣмъ ты хочешь заставить своего ребенка пережить ту-же безнадежную борьбу, которую пережили мы? Прежде чѣмъ говорить съ нимъ, дай созрѣть своимъ мыслямъ; спрашивай себя у его кроватки, какъ ты можешь сказать ему правду деликатнѣе и чище всего и, я говорю тебѣ, ты научишься этому. Для чего тебѣ вообще сначала разсказывать ему объ аистѣ? Это только затруднитъ объясненіе въ будущемъ. Скажи своему ребенку съ самаго начала: «Ты выросъ въ мамочкѣ». Двухъ-трехлѣтній ребенокъ совсѣмъ не будетъ интересоваться этимъ, но онъ освоится съ этой мыслью, какъ со сказкой объ аистѣ. Когда онъ немного подрастетъ, покажи ему въ саду орѣшникъ съ различными цвѣтами и скажи: «Посмотри, вотъ это отецъ, а вотъ это мать, теперь отецъ долженъ что-то дать матери, и тогда въ ней вырастетъ орѣхъ. Если ребенокъ еще и не пойметъ этого, то зато ты при этомъ научишься говорить о такихъ вещахъ, что теперь кажется тебѣ невозможнымъ. Затѣмъ ты покажешь ребенку пѣтуха съ курицей, и если онъ спроситъ: «Что это пѣтухъ дѣлаетъ съ курицей?» Ты скажешь: «Онъ вкладываетъ въ нее что-то въ родѣ сѣмени, которое мы бросаемъ въ землю. Изъ него въ курицѣ вырастетъ яйцо». И ты увидишь, что ребенокъ не покраснѣетъ, не застыдится и не удивится, а просто приметъ этотъ фактъ, какъ всякій другой.»

«Но вѣдь это отнимаетъ у ребенка его дѣтскость!»

«Ты увидишь, что съ его дѣтскостью ничего не случится.

Можетъ быть, онъ будетъ когда-нибудь играть въ то, что въ его зайчикѣ растетъ ребенокъ, и спроситъ тебя, какъ же онъ можетъ выйти изъ тѣла матери; ты объяснишь ему это. Другихъ послѣдствій это пока не будетъ имѣть».

«Да, о растеніяхъ и животныхъ я, пожалуй, могу сказать ему это, но о людяхъ!»

— «Ребенокъ найдетъ дорогу самъ, ты должна только направить его. Въ одинъ прекрасный день онъ спроситъ тебя: «Тебѣ папа тоже далъ что-нибудь, чтобы я могъ вырасти въ тебѣ?» Отвѣть ему на это просто и честно, но потомъ разскажи ему, что это было для васъ чудеснымъ подаркомъ Господа, когда ты замѣтила, что въ тебѣ растетъ новая жизнь, и что объ этихъ вещахъ можно говорить только такъ, какъ будто близко-близко находится Богъ. Такую торжественность ребенокъ чувствуетъ глубоко, онъ прижмется къ тебѣ и будетъ счастливъ, что когда-то его мѣстечко было въ тебѣ. Но позаботься о томъ, чтобы въ эти мгновенія вамъ никто не мѣшалъ, и никогда не показывай ребенку при его вопросахъ смущенной улыбки, которая такъ возбуждала тебя и заставляла задумываться, когда ты была ребенкомъ».

«Но когда мой ребенокъ придетъ въ школу, онъ разскажетъ объ этомъ другимъ, и родители узнаютъ объ этомъ и запретятъ своимъ дѣтямъ разговаривать съ моимъ ребенкомъ, потому что онъ уже не невиненъ».

«Да, это, конечно, возможно, но невѣроятно. Если твоего мальчика не будетъ мучить неудовлетворенное любопытство, онъ не будетъ чувствовать потребности говорить объ этихъ вещахъ, а если онъ все-таки сдѣлаетъ это, и остальные родители осудятъ его—ну, ты должна будешь заранѣе отказаться отъ того, чтобы твое воспитаніе нравилось всѣмъ. Но позови когда - нибудь ребенка къ себѣ, прежде чѣмъ онъ пойдетъ въ школу, и скажи ему: «Дѣтка, я тебѣ разсказала, какъ растутъ и родятся маленькія дѣти, потому что я думаю, что ты разумный мальчикъ и уже поймешь это. Но знаешь, другіе родители думаютъ, что ихъ дѣти

еще не понимаютъ этого, поэтому они говорятъ имъ, что ихъ принесъ аистъ, какъ ты это видѣлъ въ книжкѣ съ картинками. И такъ какъ они думаютъ, что это лучше для ихъ дѣтей, то мы не будемъ мѣшать имъ и не разскажемъ дѣтямъ того, что знаемъ. Вообще мы будемъ говорить объ этомъ только между собою, правда?» И твой ребенокъ скажетъ: «Да, мамочка», и найдетъ это совершенно естественнымъ. Но въ послѣдующіе годы ты замѣтишь, какъ легко тебѣ въ сравненіи съ другими матерями, которымъ вѣчно приходится лавировать, и которыя, кажется, часто считаютъ единственной задачей воспитанія во что бы то ни стало, даже цѣной довѣрія, скрыть отъ своихъ дѣтей правду. Ты-же сможешь быть со своимъ ребенкомъ совершенно откровенна. Откровенность въ этомъ вопросѣ отразится и на вашихъ отношеніяхъ вообще: ты оказала своему ребенку довѣріе, за это онъ отплатитъ тебѣ довѣріемъ-же. Вы станете друзьями.

Но и для твоего ребенка наступитъ опасный моментъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ ты замѣтишь, что его глаза становятся неспокойны. Тогда ты спросишь: «Вы, вѣрно, говорите иногда въ школѣ объ этихъ вещахъ?» Онъ сначала уклонится отъ отвѣта, но старое довѣріе не умерло, и въ тихій моментъ онъ скажетъ тебѣ: «Ахъ, мама, въ школѣ вѣчно говорятъ объ этомъ и такъ гадко, и я тоже говорилъ». Тогда дай ему разсказать все и облегчить свою душу, а затѣмъ скажи ему: «Мальчикъ, вѣдь ты зналъ уже все это, ты знаешь, что я никогда не обманывала тебя. Но ты знаешь и то, что для меня это все священно. Богъ далъ это намъ, и мнѣ очень больно видѣть, когда это топчутъ въ грязь». Такъ верни этому подобающее мѣсто и говори ему, какое чудо ты видишь въ каждомъ новомъ твореніи, пока ты не замѣтишь по его облегченнымъ вздохамъ, что онъ нашелъ дорогу обратно и охотнѣе останется въ чистотѣ съ тобой, чѣмъ съ школьными товарищами въ грязи.—Но какъ ты думаешь, развѣ твой ребенокъ сознался бы тебѣ, если-бы ты когда-нибудь прежде оттолкнула его? И нашла-ли бы ты

мужество говорить съ большимъ мальчикомъ, еслибы ты не рѣшилась сдѣлать это съ маленькимъ?—Затѣмъ ты сможешь при случаѣ разсказать ему, если у родственниковъ или друзей будутъ ждать ребенка. Тебя поразитъ, съ какимъ благоговѣніемъ и съ какимъ священнымъ трепетомъ выслушаетъ это твой сынъ, и тогда ты увидишь, что ты на истинномъ пути.»

«Но откуда ты знаешь все это такъ хорошо?»

—«Вѣдь я тебѣ разсказала исторію своего ребенка».

Е. Вильгельмъ.

Ганноверъ.

Двѣ матери.

Въ уютной комнатѣ сидятъ Фрау Гиль да и ея подруга Труда. Оживленный разговоръ о половомъ воспитаніи юношества прерванъ продолжительной паузой серьезнаго раздумья. Фрау Труда, болѣе живая, снова начинаетъ разговоръ.

Фрау Труда. Да, да, Гильда, все это прекрасно, но скажи мнѣ только—какъ? Сколько статей по этому вопросу я ни читала, я всегда находила, что онѣ обходятъ главный пунктъ. Еще недостаточно сказать ребенку: ты покоился подъ сердцемъ матери и т. д. Во всѣхъ этихъ статьяхъ почти никогда не принимаются во вниманіе многіе вопросы, которые навѣрно поставитъ развитой ребенокъ—пишутъ вѣдь то, что хотятъ сказать, что могутъ сказать.

По моему, вся эта просвѣтительная работа не достигнетъ цѣли, если мы оставимъ безъ отвѣта хотя-бы только одинъ вопросъ ребенка; именно этимъ его и можно натолкнуть на гибельныя размышленія о половыхъ отношеніяхъ, и пробудившееся любопытство заставитъ многихъ — точно такъ-же, какъ и раньше—искать у товарищей или въ книгахъ «мудрости», которую отецъ или мать окутали дымкой таинственности своимъ отвѣтомъ: «этого ты еще не можешь понять». Я думаю, что тотъ, кто говоритъ А, долженъ сказать и Б. Но какъ говорить съ дѣтьми о самомъ темномъ пунктѣ: о зачатіи, о половомъ инстинктѣ вообще. А это именно и есть та почва, на которой пускаютъ ростки опасныя мысли и картины. Я подразумѣваю тѣ картины, которыя доводятъ дѣтей съ преждевременно развившимися инстинктами до извращенія, а дѣтей съ тонкой, нѣжной душевной организаціею до отвращенія и ужаса и часто до отчужденія между ними и родителями. Скажи,

Гильда, какъ говорить объ этомъ съ дѣтьми?! Я думаю, что это скорѣе могутъ сдѣлать отцы, а не мы, матери, вѣдь это у насъ врожденное... вѣдь въ этомъ все-таки нѣтъ ничего красиваго.

Фрау Гильда (очень серьезно). Ничего красиваго, Труда?—вѣдь это священно,—и некрасиво?.. пожалуй, этого надо даже стыдиться? Ты раньше сказала, что ты тоже узнала всю эту «исторію» не самымъ прекраснымъ образомъ —и все-таки не стала дурной, это тебѣ не принесло никакого вреда. Но что въ половой жизни ты не видишь священнаго источника жизни, что ты видишь въ ней темную лужу, которую изъ милосердія надо покрыть широкимъ плащомъ, что ты и до сихъ поръ не освободилась отъ нечистыхъ образовъ, которые когда-то твоя молодая душа связала съ представленіемъ о половой жизни, этого ты не называешь вредомъ?!

Повѣрь мнѣ, Труда, чистое носитъ въ себѣ ту силу, которая заставляетъ насъ хранить его въ чистотѣ, наоборотъ, нечистое легче, безъ колебанія, топчешь въ грязь. Поэтому только знаніе чистоты и святости половой жизни можетъ предохранить малодежь отъ заблужденій и сохранить чистыми ихъ души. А тому, кто самъ находитъ половую жизнь чистою, почему краснѣть, когда онъ говоритъ объ этомъ со своимъ ребенкомъ? Труда, покрывало съ загадки жизни можетъ снять для блага ребенка лучше всего мягкая материнская рука,—не только для дѣвочекъ, но и для мальчиковъ. Конечно, отецъ долженъ быть руководителемъ и совѣтникомъ юноши. Введи свое дитя постепенно въ дивныя тайны творенія, случаевъ для этого природа и жизнь даютъ тебѣ достаточно.

Фрау Труда. Да, Гильда, я хотѣла-бы это сдѣлать. Ты всегда была наиболѣе зрѣлая и сильная изъ насъ; приди-же и теперь на помощь мнѣ примѣромъ твоей просвѣтительной работы надъ своими собственными дѣтьми.

Фрау Гильда. Охотно—но раньше еще одно: я считаю положительно опаснымъ вести эту «работу» системати-

чески. Ты должна раньше долго вникать въ душу своего ребенка, чтобы почувствовать, какъ въ этомъ пунктѣ надо приняться за твоего ребенка. Чѣмъ интуитивнѣе объясненіе, тѣмъ лучше для ребенка. Слишкомъ много «мудрствованій»: «какъ-бы сказать?» легко убиваетъ непринужденность. Конечно, лучше всего руководствоваться вопросами ребенка, и отвѣчать на нихъ надо, приспособляясь къ индивидуальности ребенка, просто и ясно. Съ открытымъ, чистымъ взглядомъ, безъ колебаній и краски на лицѣ, которая можетъ легко вызвать въ душѣ ребенка мысль о чемъ-то нечистомъ. При всей священности, при всей серьезности предмета, все-таки не слѣдуетъ окружать его сіяніемъ чего-то необыкновеннаго: ребенокъ долженъ научиться смотрѣть на зарожденіе человѣка, какъ на нѣчто естественное, само собой подразумѣвающееся.

Съ Куртомъ, который былъ очень развитымъ ребенкомъ, я сдѣлала первый шагъ къ объясненію въ началѣ школьнаго періода, зато съ Анной—Лизой, которая въ томъ-же возрастѣ отстала въ умственномъ развитіи, я подожду еще нѣсколько времени.

Я гостила съ Куртомъ у Греты Мюллеръ, которая, какъ ты знаешь, вышла замужъ за помѣщика. Однажды я шла съ Куртомъ по полю; передъ нами пастухъ гналъ стадо коровъ, и одна беременная корова медленно и тяжело шла сзади. Куртъ смѣялся надъ толстой, лѣнивой коровой. Тогда я тихонько обняла его и притянула къ себѣ: «Мой мальчикъ, не смѣйся надъ этимъ животнымъ, ему приходится нести тяжелую ношу, поэтому оно идетъ такъ медленно и съ такимъ трудомъ; видишь-ли, Куртъ, эта корова носитъ въ своемъ тѣлѣ теленка.»

Мальчикъ посмотрѣлъ на меня большими, изумленными глазами,—я никогда не забуду этого взгляда!—у меня забилось сердце. О, я ясно сознавала, что мои слова чреваты послѣдствіями, отвѣтственность за которыя мнѣ придется нести.

«Теленокъ, мама?! а Марія говоритъ, что дѣтей и всѣхъ

животныхъ создаетъ Богъ.» —«Конечно, дитя, Богъ создаетъ все, что ты видишь, но онъ не посылаетъ этого готовымъ съ неба. Ты уже видѣлъ, когда ходилъ съ дядей въ поле, какъ работникъ бросаетъ въ землю сѣмена, чтобы они могли созрѣть въ теплой землѣ, а потомъ изъ земли выйдутъ маленькіе, зеленые листочки и будутъ радоваться солнышку. И такъ-же, какъ Богъ хочетъ, чтобы маленькія сѣмена сначала созрѣли въ теплой землѣ, гдѣ имъ такъ хорошо, прежде чѣмъ выйти наружу и стать маленькими растеніями, а потомъ превратиться въ красивые цвѣты или въ прекрасные желтые колосья, точно такъ-же Богъ хочетъ, чтобы маленькія дѣти и маленькія животныя росли въ тѣлѣ матери, пока не смогутъ жить на свѣтѣ. Видишь ли, сѣмя погибло-бы, если-бы его не положили въ теплую землю, потому что оно очень маленькое и нѣжное, и человѣкъ и животныя тоже сначала бываютъ такіе маленькіе и нѣжные, что не могли-бы жить на этомъ свѣтѣ; но въ тѣлѣ матери имъ тепло и мягко, а когда они выростаютъ, и имъ хочется видѣть солнышко, тогда они родятся. Но прежде матери приходится много страдать.»

«Мама, а гдѣ-же я былъ, прежде чѣмъ родился?»

«Здѣсь, подъ моимъ сердцемъ, и твое маленькое сердечко билось такъ тепло о сердце мамы—это было такъ славно».

«Да, мама, это, навѣрно, было славно.»

Фрау Труда. Куртъ не спросилъ тебя, какъ-же теленокъ вышелъ на свѣтъ, и какъ онъ самъ родился?

Фрау Гильда Совсѣмъ безъ сравненія я не могла отвѣтить на это, онъ-бы не понялъ меня. Я сказала ему: «Когда сѣмячко въ землѣ пустило стебельки, оно начинаетъ тянуться и вытягиваться, и тянется до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ изъ земли. Такъ и маленькое существо въ тѣлѣ матери до тѣхъ поръ вытягиваетъ свои маленькіе члены, пока тѣло матери не откроется; тогда оно радуется и кричитъ, потому что еще не умѣетъ говорить, и этотъ крикъ означаетъ: «Добрый день, папочка и мамочка, вотъ и я, радуйтесь и вы.» И когда ребенокъ родился, тѣло ма-

тери опять закрывается, она становится опять совсѣмъ здоровой и поступаетъ, какъ солнышко: она цѣлуетъ свое дитятко и радуется такъ, какъ ты не можешь себѣ даже вообразить. И не только у людей, но и у животныхъ мать любитъ своего ребенка и радуется, когда онъ родится». Нѣсколько дней спустя я показала Курту новорожденнаго теленка; его первый вопросъ, глубоко обрадовавшій меня, былъ: «Мама, теперь коровѣ уже не больно, теперь она сможетъ ходить такъ же быстро, какъ остальныя?» Онъ все гладилъ корову и спрашивалъ: «Ты рада, что у тебя есть теленокъ?» И я чувствовала: мой ребенокъ носитъ въ своей юной душѣ, пока еще безсознательно, священное благоговѣніе передъ счастьемъ и страданіями материнства.

Фрау Труда. Но развѣ развитому ребенку не придетъ въ голову вопросъ: какъ ребенокъ попалъ въ тѣло матери?

Фрау Гильда. Конечно, Труда—и тогда только безъ отговорокъ: этого ты еще не поймешь. Я показала ему яйцо: «Тетя Грета недавно показала тебѣ, какъ изъ яйца вылупился цыпленокъ; онъ тоже прежде, чѣмъ появиться на свѣтъ, долженъ былъ вырости въ яйцѣ; и курица должна была много недѣль сидѣть на яйцахъ, чтобы маленькимъ, совсѣмъ маленькимъ цыплятамъ было тепло въ нихъ. Но было-бы очень нехорошо, если бы мать должна была все лежать въ постели, какъ курица на насѣстѣ, пока не родится ребенокъ. Поэтому Богъ и вложилъ сѣмена, изъ которыхъ и выростетъ ребенокъ,—они совсѣмъ какъ яички,—въ тѣло матери. Это сѣмя и растетъ въ тѣлѣ, пока изъ него не дѣлается маленькій человѣчекъ.

Фрау Труда. Но что, если дѣти будутъ говорить обо всемъ этомъ съ другими дѣтьми, какъ раньше объ исторіи съ аистомъ? Вѣдь это очень непріятно, въ этомъ есть что-то унизительное.

Фрау Гильда. Я, право, не нахожу ничего плохого въ томъ, чтобы дѣти въ этомъ возрастѣ говорили о томъ, что они лежали у матери подъ сердцемъ, и обмѣнивались

своими дѣтскими мыслями по этому поводу. Другое дѣло позже, когда уже сдѣланы дальнѣйшіе шаги въ области разъясненія. Но тогда можно сказать ребенку: «Видишь-ли, то, что мама сказала тебѣ теперь, есть нѣчто священное и великое, этого не выносятъ на улицу и не болтаютъ объ этомъ съ другими дѣтьми, это должно храниться матерью и ребенкомъ, какъ сокровище, которое запираютъ накрѣпко, чтобы никто не могъ коснуться его нечистыми руками. Вѣдь ты знаешь, что Христосъ бранилъ тѣхъ, кто стоитъ и молится на перекресткахъ. Молитва тоже есть нѣчто священное, и поэтому не слѣдуетъ молиться на площади. Повѣрь мнѣ, Труда, при такомъ довѣріи ребенокъ почувствуетъ себя такимъ польщеннымъ, что навѣрно будетъ избѣгать болтать съ другими дѣтьми о томъ, что мать назвала священнымъ и довѣрила ему.

Фрау Труда. Скажи, какъ-же было потомъ съ Куртомъ, онъ часто спрашивалъ тебя, хотѣлъ знать еще и еще?

Фрау Гильда. Нѣтъ, первое объясненіе въ этомъ возрастѣ,—поэтому-то я и считаю это время наиболѣе пригоднымъ,—воспринимается еще такъ чисто и просто, что оно недолго занимаетъ мысли; если-же иногда и появляются вопросы, то они такъ наивны, что на нихъ легко отвѣтить. Только на 12-мъ году, когда должна была родиться Анна-Лиза, я замѣтила, что мысли моего мальчика опять много заняты этими вопросами. Я чувствовала здѣсь нечистое вліяніе и съ трепетомъ ждала часа, когда онъ придетъ ко мнѣ, прося объясненій. Я спрашивала себя, завоевала-ли я довѣріе своего ребенка, это высшее благо, и отвѣчала: да,—поэтому я ждала терпѣливо, пока онъ придетъ самъ.

Для разъясненія я приготовила анатомическіе рисунки и изображенія изъ міра растеній и животныхъ, которыми я могла воспользоваться для объясненія половыхъ органовъ и ихъ назначенія. И день наступилъ. Это было передъ Рождествомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія Анны-Лизы; мой большой мальчикъ сидѣлъ, какъ онъ любилъ это дѣлать, на маленькой скамеечкѣ у моихъ ногъ, прислонившись

головой къ моимъ колѣнямъ. Въ нашей бесѣдѣ наступила продолжительная пауза, сумерки тихо прокрадывались въ комнату, мнѣ казалось, что я слышу, какъ бьется сердце мое и моего мальчика, и я чувствовала: его волнуетъ что-то, для чего онъ не можетъ найти подходящихъ словъ. Вдругъ робкій дѣтскій голосъ, въ которомъ еще дрожала сдержанная борьба, прервалъ глубокое молчаніе: «Мама, какъ... какъ ребенокъ попалъ въ тебя?—Мама, мальчики въ школѣ говорятъ такія гадости и смѣются надъ тѣмъ, что я вѣрю, будто Богъ вкладываетъ сѣмя въ тѣло матери,—мама, разскажи мнѣ».

Я встала, не говоря ни слова, зажгла лампу и вынула изъ письменнаго стола приготовленные листы съ рисунками, затѣмъ я обняла своего мальчика. Онъ крѣпко прижался головой къ моей груди. Мнѣ казалось, что я вступила въ большой храмъ, такая торжественная, глубокая тишина охватила меня. Всѣ колебанія предыдущихъ дней исчезли въ великомъ чувствѣ: твой ребенокъ приходитъ къ тебѣ съ душой, полной довѣрія, чтобы узнать отъ тебя великую тайну жизни.

Затѣмъ я сѣла съ моимъ мальчикомъ за столъ—мы сидѣли рука въ руку, какъ вѣрные товарищи, и вдругъ передо мной встала картина изъ моего дѣтства. Были именины одной моей товарки; хозяйка, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, тихонько ушла вмѣстѣ со своей подругой изъ веселаго общества; я искала ихъ и нашла въ задней комнатѣ, наклонившимися надъ толстой книгой; это былъ энциклопедическій словарь. Одна изъ дѣвочекъ открыла въ немъ «интересныя» картинки и показывала ихъ другой. Онѣ сидѣли съ раскраснѣвшимися лицами, черпая «знаніе» о вещахъ, которыхъ онѣ не должны были и тѣмъ не менѣе страстно хотѣли знать. «Гильда, иди-ка сюда, посмотри, какъ это интересно!»—Я молча вышла изъ комнаты, когда увидѣла, на что онѣ смотрятъ. У меня была разумная мать, которая спокойно и просто отвѣчала мнѣ на мои вопросы,—и такимъ образомъ я испытывала инстинктивный ужасъ

передъ этими пылающими лицами и горящими глазами.—А теперь: мой мальчикъ сидитъ рядомъ со мной, рука въ руку, весь преисполненный сознаніемъ торжественности этого часа. На это мнѣ указывала его холодная, дрожащая рука, это говорилъ мнѣ чистый, вопрошающій взглядъ.

Спокойно и просто я разсказывала, ссылаясь на лежавшіе передъ нами рисунки, о половыхъ органахъ у животныхъ и растеній, говорила объ ихъ назначеніи,—все это съ указаніемъ на мудрость природы. Ясно и спокойно говорила я о соединеніи мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ для зачатія, говорила о проникновеніи мужского сѣмени въ женское яйцо, какъ объ актѣ оплодотворенія, о развитіи оплодотвореннаго яйца и превращеніи его въ жизнеспособное существо. Ничто не осталось неяснымъ, предоставленнымъ воображенію, я развернула передъ нимъ полную картину образованія человѣка; поэтому меня не прерывалъ ни одинъ вопросъ, только отъ времени до времени рука моего мальчика тихо гладила мою руку, а его голова на мгновеніе прижималась къ моему плечу. Я указала на мудрость природы, которая даетъ развиться ребенку въ тѣлѣ матери, чтобы онъ былъ плотью отъ ея плоти и духомъ отъ ея духа; затѣмъ я перешла къ великой материнской любви, которая проистекаетъ именно изъ того, что ребенокъ является частью самой матери. Затѣмъ я обратила вниманіе мальчика на мудрость природы, которая не производитъ ничего живого безъ зачатія для того, чтобы у юнаго созданія былъ отецъ, который помогалъ бы матери нести труды и заботы о ребенкѣ. Я указала и на животное царство, напр., на трогательную заботливость, съ которой у птицъ самецъ во время высиживанія заботится о пищѣ для самки, а затѣмъ о кормленіи птенцовъ. Такъ открывались сами собой все новыя точки зрѣнія, чтобы выработать въ созрѣвающей душѣ ребенка чистое пониманіе половыхъ отношеній.

Фрау Труда. Это долженъ былъ быть великій, торжественный часъ. Но все-таки остается еще одинъ пунктъ—самый темный—наши инстинкты.

Фрау Гильда. Да, это самый важный пунктъ. Замалчивать половой инстинктъ ошибочно; во-первыхъ, здѣсь говоритъ сама природа, а затѣмъ именно о немъ легко можетъ разсказать ребенку какой-нибудь развращенный товарищъ. Необходимо закалить противъ этого искушенія. Легкая дрожь мальчика, когда я заговорила объ инстинктахъ, показала мнѣ, что всемогущая природа начала уже говорить и съ нимъ. Я сказала ему приблизительно слѣдующее: «Какъ по землѣ долженъ пронестись весенній вихрь и перенести сѣмя съ цвѣтка на цвѣтокъ для того, чтобы возникли плоды и новая жизнь и сохранились виды, такъ и въ человѣкѣ должно пробудиться сильное стремленіе, которое предназначено природой для сохраненія рода, и которое толкаетъ оба пола къ соединенію. Но инстинкты человѣка требуютъ зрѣлости его, считаться съ которой— непреодолимый законъ для тѣла и духа. Кто поступаетъ противъ него, грѣшитъ не только передъ собою, но и передъ слѣдующимъ поколѣніемъ. Поэтому на созрѣвающемъ человѣкѣ лежитъ серьезная, священная обязанность не поддаваться инстинкту, а владѣть имъ.» Я говорила и о высочайшемъ чувствѣ, которое можетъ испытать человѣческое сердце: о любви, которая облагораживаетъ инстинкты человѣка; говорила, что, напротивъ того, удовлетвореніе только инстинкта есть нѣчто низменное, недостойное, ставящее человѣка на одну ступень съ животнымъ.

Повѣрь мнѣ, милая Труда, при объясненіи — это надо твердо помнить — слѣдуетъ обращать особое вниманіе на этическую сторону; сознаніе священности половой жизни надо развивать въ ребенкѣ съ каждымъ годомъ все сильнѣе; тогда онъ впослѣдствіи, исполненный благоговѣнія передъ этимъ священнымъ, отшатнется отъ грязныхъ и легкомысленныхъ связей и будетъ избѣгать расточенія силъ, которыя должны служить высшему, новому поколѣнію. Одно только объясненіе не охранитъ молодежи отъ заблужденій и не сохранитъ чистыми ихъ души, только сильное впечатлѣніе, которое удастся произвести на воспріимчивую душу

ребенка, можетъ оказать продолжительное и рѣшительное дѣйствіе. Чистота и цѣломудріе могутъ быть сохранены ребенку только путемъ упорнаго, любовнаго надзора, который долженъ идти рука въ руку съ пробужденіемъ въ душѣ ребенка стремленія къ высокимъ идеаламъ.

Фрау Труда. Да, Гильда, но это все-таки должно быть очень трудно. Что, если инстинкты въ ребенкѣ очень сильны?

Фрау Гильда. Да, Труда, нужна величайшая осторожность, терпѣніе и прежде всего большая сила, чтобы быть въ состояніи увѣренно вести надъ пропастями молодое существо. Въ томъ-то и заключается благороднѣйшая задача матери, что она предотвращаетъ нарушеніе мира въ душѣ ребенка при пробужденіи инстинктовъ. Надо всегда помнить, что ребенку больше всего приходится страдать отъ этого, тогда насъ сама собой охватитъ та великая жалость, которая заставляетъ насъ взять юное, угнетенное существо на свои сильныя плечи, чтобы пронести его черезъ опасные рифы. Въ томъ, что наши дѣти не должны больше переживать борьбу съ пробудившимися инстинктами во мракѣ, что это совершается при яркомъ солнечномъ свѣтѣ нашей любви, заключается самая цѣнная сторона нашей проблемы.

Прежде всего, Труда, замѣть себѣ одно: никогда не пугай своего ребенка возбуждающими страхъ картинами, которыя должны уберечь его отъ возможныхъ «заблужденій». Лучше научи его самообладанію, безъ котораго онъ не можетъ стать истиннымъ, сильнымъ человѣкомъ. Вліяй на его чувство чести, призови его на помощь — но ни въ какомъ случаѣ не страхъ — противъ могучаго врага — чувственности, которая съ пробужденіемъ инстинктовъ будетъ угрожать и твоему ребенку.

Фрау Труда. Да, Гильда. И я благодарю тебя. Я попытаюсь стать моему ребенку такимъ сильнымъ, храбрымъ другомъ, какимъ ты была своему. Прежде всего ему, а если это удастся, тогда у меня будетъ мужество—и право—подѣлиться богатствомъ этого часа и съ другими матерями.

Фрау Гильда. Сдѣлай это! Если бы каждый «познавшій» работалъ только въ своемъ кругу, онъ уже могъ бы помочь носить камни для зданія здоровыхъ воззрѣній, для борьбы съ безсмысленнымъ жеманствомъ. Чтобы для нашей молодежи забрезжила заря новаго, прекраснаго дня, должны работать прежде всего мы, матери, потому что мы призваны для этого.

Руки двухъ женщинъ встрѣтились въ горячемъ рукопожатіи. Онѣ предчувствуютъ весну. Весну со всѣмъ ея натискомъ и напоромъ, предвѣстниками поры, изобилующей побѣгами.

Эльза Мюке.

Штеттинъ.

Вечерняя бесѣда.

«Папа, иди же!» громко зазвучалъ голосъ нашей восьмилѣтней дочурки,—знакъ, что малютка уже окончила свой ночной туалетъ и лежитъ въ постели въ ожиданіи меня. Прежде чѣмъ она засыпала, я долженъ былъ непремѣнно присѣсть къ ней на край постели, и она спрашивала меня обо всемъ, что ее интересовало. Это была наша ежедневная вечерняя бесѣда.

Она подвинулась, чтобы дать мнѣ мѣсто, но молчала, какъ будто не зная хорошенько, съ чего начать. Наконецъ она спросила: «Папа, правда, это глупости, что будто-бы аистъ приноситъ дѣтей»?

«Почему-же глупости»?

«Ну, еслибы онъ бросилъ меня и другихъ маленькихъ дѣтей черезъ трубу, то мы навѣрно расшиблись бы до смерти. И потомъ, если онъ сидѣлъ на трубѣ, то онъ не могъ укусить маму въ ногу. Нѣтъ, я больше не вѣрю въ это».

«Такъ. Но откуда-же возьмутся маленькія дѣти? На деревьяхъ они наврядъ-ли растутъ, въ землѣ, какъ картофель, тоже».

«Нѣтъ, но сегодня Минни сказала: Маленькія дѣти родятся точь-въ-точь такъ, какъ котята».

Мнѣ понадобилось нѣсколько секундъ, чтобы оправиться отъ смущенія; затѣмъ я возразилъ: «Ну, Минни не очень-то умна. Ты, навѣрно, хорошенько высмѣяла ее».

«Нѣтъ, но я сказала: «Въ прошломъ году, когда мама причесывала меня, наша Кэтъ вдругъ родила котенка возлѣ насъ, на креслѣ. Онъ былъ совсѣмъ мокрый, и она облизала его. Этого мама навѣрно не сдѣлала-бы, это противно».

«Ну, и на это Минни, конечно, не знала, что отвѣтить»?

«Нѣтъ, она все говорила, такъ дерзко: «Точь-въ-точь, какъ котята, точь-въ-точь, какъ котята»! Но я все-таки не повѣрила ей. Тогда она сказала, что ея папа ветеринаръ, и она знаетъ это навѣрно. Тогда я сказала: «Я спрошу моего папу, онъ меня не обманетъ». Значитъ, правда, про аиста это въ самомъ дѣлѣ глупости»?

«Гм, да. Это такая сказка. Ее разсказываютъ маленькимъ дѣтямъ, потому что они еще не могутъ понять правды. Для этого они должны быть гораздо, гораздо старше».

Она крѣпко прижалась ко мнѣ и, ласкаясь, просила: «Но разъ ты сказалъ мнѣ, что про аиста это неправда, то теперь ты долженъ сказать мнѣ правду, папа. Мама тоже сказала, чтобы я спросила тебя».

«Ну, тутъ есть доля правды. Вѣдь я тебѣ всегда говорилъ, что человѣкъ живетъ на свѣтѣ при тѣхъ-же условіяхъ, какъ животное. У него нѣтъ передъ животнымъ никакихъ преимуществъ, кромѣ болѣе развитаго разума. Но вообще»...

«Но у нихъ тоже не у всѣхъ одинаково, папа. У птицъ тоже бываютъ дѣти, но они выходятъ изъ яйца. Значитъ, и у людей можетъ быть что-нибудь совсѣмъ другое».

«Гм, да, дитя, яйцо, яйцо, въ томъ-то и дѣло», бормоталъ я, и вдругъ мнѣ пришла въ голову спасительная мысль. «Теперь слушай и будь умной дѣвочкой,» побѣдоносно продолжалъ я. «У всѣхъ животныхъ это происходитъ одинаково, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ, которыя уже стоятъ на высшей ступени развитія, чѣмъ тѣ крохотныя существа, которыхъ ты на дняхъ видѣла подъ моимъ микроскопомъ. И въ сущности различіе вовсе не велико, бабочка-ли это, ящерица, птица или кошка. Всѣ они происходятъ изъ яйца.»

«Папа, теперь ты опять обманываешь», укоризненно сказала Вальтруда. «Кошка не выходитъ изъ яйца, а то я видѣла-бы скорлупу, тогда, при той противной исторіи».

«И все-таки это такъ, дерзкая дѣвчонка. Но по формѣ яйца бываютъ различны. Не у всѣхъ есть твердая скорлупа. Развѣ ты не помнишь, какъ у насъ весной былъ стаканъ съ лягушечьими яйцами, и какъ изъ черныхъ желтковъ въ слизистомъ бѣлкѣ мало-по-малу развились головастики. Сырость и теплота помогли развиться маленькимъ звѣркамъ».

Въ сгущающемся сумракѣ вечера я видѣлъ, какими большими и задумчивыми стали ея глаза. «Гм, вотъ какая исторія съ яйцомъ. Но кошка не кладетъ яицъ и не высиживаетъ ихъ», сказала она почти сердито.

«Да, не такъ, какъ птица. Но какъ различна форма яицъ, такъ-же различенъ и способъ высиживанья. У однихъ, какъ у лягушекъ, звѣрковъ высиживаетъ солнечная теплота, у птицъ теплота самки, когда она долго сидитъ на яйцахъ, а у млекопитающихъ это дѣлается совсѣмъ иначе. Изъ нихъ, кажется, одинъ только утконосъ кладетъ наружныя яйца; но это очень отсталое животное, полное старыхъ предразсудковъ».

«Развѣ у другихъ есть внутреннія яйца?»

«Конечно. Уже у нѣкоторыхъ низшихъ позвоночныхъ животныхъ, напр., у нѣкоторыхъ породъ кротовъ и у нѣкоторыхъ змѣй, какъ, напр., у злющей гадюки, яйца вылупляются въ тѣлѣ животнаго. У млекопитающихъ это не совсѣмъ такъ, но похоже, а ты вѣдь знаешь, что человѣкъ принадлежитъ къ млекопитающимъ.»

«Ха-ха-ха,» засмѣялась она, «значитъ, ты вышелъ изъ яйца, и я тоже. Какъ это смѣшно! Я этого совсѣмъ не могу себѣ представить».

«Да, дитя, мы произошли изъ яйца. Оно было совсѣмъ крохотное и спало себѣ въ тѣлѣ матери, но потомъ процессъ оплодотворенія, котораго я еще не могу объяснить тебѣ и котораго еще не знаютъ хорошенько самые большіе ученые, пробудилъ его къ жизни. И тогда яйцо начало расти въ своей теплой комнаткѣ, питалось соками матери и измѣнялось и мало-по-малу сдѣлалось такимъ большимъ, что по фигурѣ женщины уже можно было видѣть, что у

нея скоро будетъ ребеночекъ. И оттого, что это очень трогательно и прекрасно, всѣ люди обращаются съ женщиной, которая беременна—такъ это называютъ—особенно хорошо. И вотъ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ, такъ и маленькій человѣкъ растетъ въ священномъ тѣлѣ матери въ своей растяжимой оболочкѣ; черезъ девять мѣсяцевъ онъ становится уже такимъ большимъ, что можетъ жить отдѣльно. Тогда онъ покидаетъ теплую, темную комнатку подъ сердцемъ матери и рождается на свѣтъ, гдѣ и развивается дальше подъ присмотромъ родителей.—Ну, вотъ теперь ты знаешь, что это значитъ, когда говорятъ, что аистъ принесъ какой-нибудь женщинѣ ребенка.»

Она лежала молча и размышляла. «Яйцо, яйцо,» сказала она затѣмъ и покачала головой.

«Но не представляй себѣ непремѣнно птичьяго яйца», напомнилъ я, «собственно говоря, всѣ живыя существа, слѣдовательно и растенія, возникаютъ изъ яйца. Вѣдь косточка вишни, зерно горчицы или крохотное сѣмя мака, въ сущности, тоже яйцо, въ которомъ дремлетъ зародышъ новаго растенія и начинаетъ расти, благодаря теплотѣ. На яйцѣ или сѣмени или назови это какъ хочешь покоится слѣдовательно вся будущая жизнь, и поэтому тебя вовсе не должна пугать мысль, что ты возникла такъ, а не иначе. Женщина, какъ у людей, такъ и животныхъ и у многихъ растеній, предназначена природой развить въ себѣ этотъ зародышъ будущихъ поколѣній, безразлично, кладетъ—ли самка, какъ у рыбъ, яйца и предоставляетъ водѣ и солнцу высиживать ихъ, или-же высиживаетъ ихъ сама, своей теплотой, какъ у птицъ, или-же, какъ у млекопитающихъ и, слѣдовательно, и у человѣка, нѣжно и заботливо взращиваетъ ребенка въ своемъ собственномъ тѣлѣ.»

Дѣвочка опять погрузилась въ задумчивое молчаніе. Затѣмъ она вдругъ живо ущипнула меня въ руку, и я услышалъ стыдливый и взволнованный вопросъ: «Папа, а у меня въ животикѣ тоже есть такія яйца?»

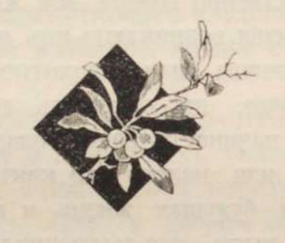
Я расхохотался. «Ты еще маленькая дѣвочка. Маленькія

дѣвочки еще не пригодны для такого высокаго и важнаго дѣла. Онѣ должны сначала вырости. Тогда онѣ будутъ понимать все это гораздо лучше, и лучше всего, если онѣ до тѣхъ поръ не будутъ ломать себѣ голову надъ такими трудными вещами. А теперь спокойной ночи!»

«Яйцо... гм; странно, очень странно,» еще разъ пробормотала Вальтруда. Затѣмъ она заснула.

Вальтеръ Шульте фонъ-Брюль.

Висбаденъ.



Какъ появляются на свѣтъ цыплята, котята и дѣтки.

Въ одно очень жаркое лѣто Клерхенъ выѣхала съ матерью на дачу въ деревню. Здѣсь было гораздо прохладнѣе, потому что дома не стояли такъ тѣсно, какъ въ городѣ; каждый домъ былъ окруженъ садомъ, а изъ лѣсу и съ холмовъ почти всегда дулъ свѣжій вѣтеръ. Отецъ всю недѣлю жилъ въ городѣ, потому что тамъ у него была работа. Но въ воскресенье онъ пріѣзжалъ въ деревню рано утромъ и проводилъ тамъ цѣлый день, и имъ всѣмъ было очень хорошо.

Клерхенъ и мама жили въ красивомъ, старомъ кретьянскомъ домѣ. Мимо дома проходила широкая проѣзжая дорога, по обѣимъ сторонамъ которой стояли большія вишневыя деревья. Но вишни еще не созрѣли. За домомъ лежалъ сначала птичій дворъ, затѣмъ шла живая изгородь, а въ ней была калитка, черезъ которую выходили на большой лугъ. Лугъ былъ весь усѣянъ бѣлыми, красными и голубыми цвѣтами. Клерхенъ была въ первый разъ въ жизни въ деревнѣ, и ее радовало все, что она видѣла, въ особенности цвѣты и куры. Когда дверь въ изгороди бывала открыта, куры выходили на лугъ. Тамъ онѣ бродили среди цвѣтовъ, клевали червяковъ, иногда отъ удовольствія хлопали крыльями или садились отдохнуть на солнышкѣ передъ изгородью. Онѣ тихо кудахтали, и ихъ яркія перья сверкали. Клерхенъ каждое утро ходила на лугъ, смотрѣла на куръ и радовалась. Мама въ это время сидѣла на скамьѣ подъ тѣнистой яблоней и шила что-то изъ бѣлаго полотна.

Однажды Клерхенъ заглянула въ курятникъ. Тамъ сидѣла курица въ мягкомъ гнѣздѣ изъ сѣна и тихонько ку-

дахтала. Клерхенъ спросила: «Почему она не идетъ къ другимъ курамъ на лугъ, на солнышко? Она сидитъ здѣсь одна въ темнотѣ. Развѣ она больна и не можетъ ходить»? Мать сказала: «Нѣтъ, она не больна, она сидитъ на яйцахъ». Клерхенъ не поняла, что хотѣла сказать мать, и удивленно посмотрѣла на нее. Мать сказала: «Да, курица снесла яйца, и теперь она сидитъ на нихъ, грѣетъ ихъ и высиживаетъ, пока изъ каждаго яйца не выйдетъ маленькій цыпленокъ. Это и будутъ ея дѣтки. Она хочетъ имѣть дѣтокъ». Клерхенъ съ любопытствомъ посмотрѣла на курицу и сказала: «Да, курица хочетъ имѣть дѣтокъ».

На слѣдующее утро Клерхенъ опять заглянула въ курятникъ и воскликнула: «Мама, курица все еще сидитъ, у нея еще нѣтъ дѣтокъ». Мать сказала: «Цыплята въ яйцахъ, но они еще слишкомъ малы, они должны еще расти. Когда они вырастутъ, они разобьютъ скорлупу и выйдутъ».

Съ этихъ поръ Клерхенъ ходила каждый день по три раза съ мамой на птичій дворъ и заглядывала въ курятникъ. Когда онѣ пришли на четвертый день, изъ-подъ крыльевъ курицы вдругъ выбѣжалъ крошечный, золотисто-желтый цыпленокъ; на спинѣ у него еще была половина яичной скорлупы. Клерхенъ закричала отъ радости и захлопала въ ладоши. Курица встревожилась и громко закудахтала: она думала, что Клерхенъ хочетъ сдѣлать что-нибудь плохое цыпленку. Но Клерхенъ не тронула его. Вдругъ изъ гнѣзда выбѣжалъ еще одинъ цыпленокъ, потомъ еще одинъ, потомъ еще одинъ; въ концѣ концовъ ихъ стало семеро. Они пищали, бѣгали взадъ и впередъ и сейчасъ-же принялись клевать лежавшія на землѣ зернышки и глотать ихъ. Ихъ мать встала, вышла изъ гнѣзда, гордо расхаживала со своими семью дѣтками и показывала имъ, гдѣ лежатъ зернышки. Когда она видѣла зернышко, она громко кудахтала, и тогда всѣ семеро цыплятъ сейчасъ-же прибѣгали, и кто прибѣгалъ первымъ, получалъ зернышко. Клерхенъ смотрѣла и была внѣ себя отъ радости. На слѣдующій день курица уже гуляла со своими семью дѣтками по двору, а на четвертый

день всѣ они уже вышли на лугъ. И Клерхенъ не уставала смотрѣть на нихъ.

Въ домѣ была красивая бѣлая кошка, которую звали Мице. Когда Клерхенъ вечеромъ пила молоко изъ подаренной ей въ день рожденія чашки, Мице всегда входила въ комнату, и Клерхенъ каждый разъ давала ей въ блюдечкѣ молока. Мице стала совсѣмъ ручной и позволяла Клерхенъ гладить себя. Подъ конецъ Мице начала оставаться въ комнатѣ и ночью и спала на подстилкѣ, которую Клерхенъ поставила для нея.

Однажды, когда Клерхенъ пила молоко, Мице не захотѣла пить и тихонько лежала въ своей корзинкѣ. Клерхенъ заглянула въ корзинку и сказала: «Мице тоже хочетъ имѣть дѣтей, Мице тоже сидитъ на яйцахъ». Но мать сказала: «Нѣтъ, Клерхенъ, котки не несутъ яицъ, кошки родятъ прямо живыхъ дѣтокъ. Онѣ носятъ ихъ въ своемъ тѣлѣ, пока они не выростутъ, а затѣмъ родятъ ихъ такъ, какъ курица кладетъ яйца. Но маленькія котята появляются на свѣтъ безъ скорлупы». Клерхенъ очень обрадовалась и сказала: «Оттого Мице такая толстая, что у нея въ животѣ котята».

На слѣдующее утро Клерхенъ прямо съ постели бросилась къ корзинкѣ, обрадовалась и громко закричала: «Мама, иди сюда, здѣсь четыре котенка, два бѣлыхъ и два черныхъ. Посмотри,* какъ Мице ихъ любитъ! Она все время лижетъ ихъ. Ахъ, посмотри, мама, что это котята дѣлаютъ? Нѣтъ, они не любятъ свою маму, они хотятъ укусить Мице».—Мать подошла; она нагнулась, обвила рукой шею Клерхенъ и сказала: «Нѣтъ, дитя мое, они не хотятъ укусить ее, они пьютъ молоко изъ груди своей мамы, они голодны, и имъ нужна пища, чтобы жить. Котята не могутъ клевать зеренъ, какъ цыплята; имъ нужно молоко, и поэтому, когда ихъ мать родитъ дѣтокъ, у нея появляется въ груди молоко». Клерхенъ смотрѣла, какъ они сосали и пили, и сказала: «Это нравится имъ, они голодны». Мать сказала: «Ты тоже пила изъ моей груди, когда родилась».

Клерхенъ взглянула на мать и спросила: «Мама, ты меня тоже родила»? «Да», сказала мать, «такъ, какъ Мице своихъ дѣтокъ». «И ты меня тоже носила въ своемъ тѣлѣ»? продолжала спрашивать Клерхенъ. «Да, дитя мое», сказала мать. «Развѣ я не была тяжелая»? спросила опять Клерхенъ, «и тебѣ не было больно, когда ты родила меня? Я проснулась сегодня совсѣмъ рано, потому что Мице плакала. Я слышала это ясно». Мать сказала: «Ахъ, нѣтъ, мое дорогое дитя, мнѣ не было тяжело носить тебя, потому что я была рада имѣть тебя, моя голубка. Правда, это было очень больно, но добрый докторъ былъ возлѣ меня, и акушерка тоже, они всегда бываютъ, когда родятся дѣти, и все идетъ хорошо. А потомъ мама такъ радуется, что у нея есть ребеночекъ, и онъ лежитъ у ея груди и пьетъ. Теперь ты уже давно пьешь изъ чашки. Но когда у меня опять будетъ ребеночекъ, онъ долженъ будетъ опять пить изъ моей груди, пока не станетъ большимъ и сильнымъ».

«Мама», воскликнула Клерхенъ въ большомъ волненіи, «у тебя будетъ еще ребеночекъ? Значитъ, у меня будетъ братецъ!»

Глаза Клерхенъ сіяли. «Будетъ-ли это братецъ или сестрица, я не знаю», сказала мать, «но я ношу въ себѣ ребенка, и онъ скоро родится. Видишь, потому я и шью теперь все время, я готовлю пеленки, чтобы завернуть ребенка, когда онъ родится». Клерхенъ вскрикнула отъ радости и обняла и поцѣловала мать. Затѣмъ она тихонько положила руку на животъ матери и сказала: «Здѣсь онъ». Мать кивнула головой и улыбнулась.

Клерхенъ было тринадцать лѣтъ. Она сдѣлалась очень здоровой и веселой дѣвочкой. Но вдругъ она начала становиться тише и однажды пожаловалась матери на боли внутри. Мать сказала ей: «Это бываетъ у всѣхъ дѣвочекъ въ твоемъ возрастѣ, потому что тогда у нихъ начинаютъ развиваться яичники. Ты помнишь, какъ мы потрошили курицу, и я показала тебѣ яичники. Я тогда объяснила тебѣ, что отъ нихъ иногда отдѣляется яйцо и попадаетъ въ

мѣшочекъ, который называется маткой; оно растетъ въ ней, пока не станетъ достаточно большимъ; тогда курица кладетъ его. Какъ затѣмъ изъ яйца выходятъ цыплята, ты видѣла еще ребенкомъ. Приблизительно то-же происходитъ и у женщинъ, и это начинается, когда онѣ еще бываютъ въ твоемъ возрастѣ. Иногда отдѣляется яичко, котораго совершенно не видно, выходитъ изъ тѣла и несетъ съ собой кровь изъ матки, на стѣнкахъ которой много кровеносныхъ сосудовъ, которые легко открываются. Но черезъ нѣсколько дней они опять закрываются, и тогда все проходитъ. Это происходитъ каждыя четыре недѣли, и такъ какъ это должно быть и не можетъ быть иначе, то къ этому надо отнестись спокойно и не обращать большого вниманія. Нужно только первые дни беречься, не дѣлать рѣзкихъ движеній и не поднимать и носить тяжелыхъ вещей, чтобы яичники и кровеносные сосуды не напрягались, а оставались въ покоѣ и были здоровы; впослѣдствіи, когда дѣвушка выйдетъ замужъ и должна будетъ стать матерью, имъ придется исполнить тяжелую работу. Теперь это у тебя въ первый разъ, поэтому ты будешь чувствовать себя усталой; тебѣ будетъ хорошо полежать первые два-три дня. Но не думай больше объ этомъ, лучше почитай что-нибудь хорошее. Я принесу тебѣ книгу».

Вскорѣ послѣ этого во время прогулки Клерхенъ увидѣла, какъ въ садикѣ у дома желѣзнодорожнаго сторожа козелъ дѣлалъ что-то странное съ козой. Мать замѣтила, что Клерхенъ отвернулась и опустила глаза. Когда онѣ отдыхали въ высокомъ буковомъ лѣсу на покрытомъ мхомъ камнѣ, мать вынула изъ собраннаго по дорогѣ букета нѣсколько цвѣтовъ, велѣла Клерхенъ внимательно разсмотрѣть ихъ и сказала: «Посмотри, у этого цвѣтка тоже есть яичникъ, въ которомъ лежатъ сѣмена, точно крохотныя яйца. Но эти сѣмена не могутъ стать плодоносными, изъ нихъ не могутъ вырасти новые цвѣты, если ихъ сначала не оплодотворитъ цвѣточная пыль, которуюноситъ вотъ этотъ другой цвѣтокъ въ своемъ пыльникѣ. Когда эти цвѣты стоятъ въ разныхъ

мѣстахъ, то вѣтеръ переноситъ пыльцу съ созрѣвшаго пыльника одного цвѣтка на другой; пыльца падаетъ здѣсь, наверху, на рыльце, а затѣмъ по узкому проходу въ пестикѣ спускается въ яичникъ, къ сѣменамъ, оплодотворяетъ ихъ, и тогда изъ нихъ могутъ развиться новые цвѣты. Эти новые цвѣты—дѣти старыхъ. Но къ яичкамъ въ козѣ вѣтеръ не можетъ принести оплодотворяющую пыль и вдунуть ее внутрь; это долженъ сдѣлать самъ козелъ и изъ мѣшочка, который ты видѣла у него, какъ и у другихъ животныхъ, ввести оплодотворяющее вещество въ козу, къ ея яйцу. Поэтому онъ дѣлалъ съ ней то, что ты видѣла раньше. Это есть нѣчто естественное; такъ должно быть. И это не только у козъ такъ. Елибы этого не происходило у всѣхъ живыхъ существъ, то не рождались-бы новыя, всѣ вымерли-бы, и міръ опустѣлъ-бы».

Клерхенъ долго молчала; затѣмъ вдругъ взволнованно сказала: «Но это было противно, мама». «Конечно, дитя мое, потому что это животныя. Они не знаютъ чувства стыда и не могутъ, дѣлая это, съ любовью обнимать другъ друга. Но это священно, потому что только это сохраняетъ человѣческій родъ и духъ Божій въ немъ. Поэтому и инстинктъ, заставляющій дѣлать это, долженъ считаться священнымъ. Такъ, дитя мое, надо понимать торжественныя слова Библіи: «Развѣ вы не знаете, что ваше тѣло храмъ святаго духа?».

Д-ръ Вольрадъ Эйгенбродтъ.

Іена.

О половомъ воспитанiи.

Я сама вѣрила въ любовь, потому что пережила ее, и всѣ искаженiя ея, которыя мнѣ приходилось видѣть и слышать, только укрѣпили во мнѣ желанiе пробудить и въ моихъ дѣтяхъ вѣру въ любовь. Быть правдивой было моимъ стремленiемъ. Но къ разъясненiямъ и указанiямъ я присоединила еще попытку дѣйствовать предупреждающе, предохранить отъ заблужденiй и соблазновъ.

Дѣти приходили и спрашивали. И я отвѣчала имъ сообразно съ ихъ возрастомъ. Я никогда не держала имъ длинныхъ, поясняющихъ рѣчей. Но то, что я говорила, было правдой, и я говорила это такъ, что у нихъ образовывались ясныя представленiя. Когда они подросли, они далеко еще не знали всего. Но они знали, что могутъ спрашивать обо всемъ, и что могутъ положиться на слово матери, какъ на каменную стѣну.

Теперь я хочу дать нѣсколько примѣровъ.

«Мама, это правда?» спрашиваетъ четырехлѣтнiй мальчикъ. «Катринъ говоритъ, что маленькихъ кроликовъ принесъ какой-то человѣкъ».

«Глупости, мой мальчикъ, не вѣрь ей. Кролики рожаютъ своихъ дѣтокъ точно такъ, какъ куры несутъ яйца».

Мальчикъ удовлетворенный возращается къ своимъ животнымъ.

«Какая эта морская свинка толстая», говоритъ семилѣтнiй. Его товарищъ, вѣроятно уже немножко просвѣщеннный, смотритъ на него искоса.

«Очень просто», говорю я совершенно спокойно, «у нея скоро будетъ дѣтенышъ. У морскихъ свинокъ всегда про-

ходитъ четверть года, пока дѣтеныши достаточно подрастутъ. У кроликовъ это дѣлается гораздо скорѣе. Но ты помнишь, какими голыми и слѣпыми появляются они на свѣтъ. Свинки гораздо крѣпче, сейчасъ-же принимаются бѣгать, и у нихъ есть шкурка». Вскорѣ послѣ этого, за столомъ:

«У тети Клары тоже скоро будетъ ребеночекъ.» Я говорю это мимоходомъ и спокойно перевожу разговоръ на другое. Но невольно уже существующiя представленiя связываются у ребенка съ только что сказаннымъ. «Развѣ всегда можно знать заранѣе, что будетъ ребенокъ?» спрашиваетъ одна изъ дѣвочекъ. «Конечно», отвѣчаю я, «вѣдь онъ долженъ сначала вырости, прежде чѣмъ сможетъ переносить воздухъ и свѣтъ.»—«Какъ у нашихъ кроликовъ», важно прибавляетъ одинъ изъ мальчугановъ, «вѣдь ты знаешь, Марихенъ». Но я уже заговариваю о другомъ. Долго останавливаться на этой темѣ, распространяться о ней кажется мнѣ вреднымъ. Незамѣтно, чтобы ребенокъ не подумалъ, что я уклоняюсь отъ отвѣта, я перехожу къ другой темѣ разговора.

Затѣмъ мы смотримъ картинки. Напр., рисунки Геккеля, изображающiе развитiе эмбрiона, можно иногда какъ будто случайно оставить сверху, если находишься поблизости. Я знаю, что утверждаютъ, будто они сдѣланы тенденцiозно, будто сходство между оленемъ и человѣкомъ никогда не бываетъ такъ велико. Но въ данномъ случаѣ это неважно. Для насъ рѣчь идетъ только о томъ, чтобы пробудить въ ребенкѣ понятiе о развитiи зародыша, яйца такъ, чтобы позднѣе никто не могъ преподнести ему такую премудрость, какъ «пикантное» разоблаченiе. Для этой цѣли эти рисунки великолѣпны.

Но средствами для этой цѣли часто служатъ, безъ намѣренiя съ нашей стороны, и художественныя изображенiя, художественныя произведенiя всѣхъ временъ.

«Ева» Дюрера возбуждаетъ неудовольствiе разсматривающихъ картинки дѣтей. «Какъ это безобразно», говоритъ семилѣтнiй, указывая на выдающiйся впередъ животъ.

«Но когда женщина ждетъ ребенка, это не можетъ быть иначе».

«Да, тогда это должно быть», непринужденно отвѣчаетъ онъ, «Но я не сталъ-бы этого рисовать.»

Я часто разсматривала картины съ дѣтьми, между прочимъ и изображенія нагого человѣческаго тѣла. Дѣти смущаются только въ томъ случаѣ, если мы избѣгаемъ нагого тѣла. Пониманіе благородныхъ формъ можно и должно развивать въ нихъ съ ранняго дѣтства. Статуи знакомятъ съ человѣческимъ тѣломъ еще больше, чѣмъ картины. Какъ непринужденно бродятъ дѣти среди статуй боговъ и богинь! «Что это у богинь впереди, на груди?» спрашиваетъ шестилѣтній. «Это у всѣхъ женщинъ такъ», гласитъ отвѣтъ. «Тамъ внутри есть молоко, чтобы кормить ихъ дѣтокъ. Ты вѣдь знаешь, какъ пьютъ маленькія дѣти». Вскорѣ послѣ этого, у картины Мадонны, онъ самъ обращаетъ мое вниманіе на то, какъ пьетъ младенецъ Христосъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ живого примѣра (а это бываетъ со многими младшими дѣтьми), естественныя и въ то-же время благоговѣйныя изображенія святой фамиліи представляютъ желанный матеріалъ для разъясненія, не оставляющій мѣста нечистымъ мыслямъ.

Дѣти должны узнать благородную красоту. Отъ дѣйствующихъ на чувственность похотливыхъ изображеній лучше избавить ихъ. Надо держать ихъ какъ можно дальше отъ дѣтей. Но, если они имъ все-таки встрѣтятся—въ музеяхъ и на выставкахъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ неизбѣжно,—тогда не надо рѣзко отзывать отъ нихъ дѣтей. Къ счастью, здоровый инстинктъ ребенка никогда не найдетъ особенно привлекательными дамъ полусвѣта. Но картины, какъ: «Судъ Париса» Макса Клингера, «Идиллія» Людвига фонъ-Гофмана, морскія фигуры Беклина—ребенокъ почувствуетъ ихъ чистоту и красоту. Благоговѣніе передъ творчествомъ художника просыпается и въ душѣ ребенка, когда онъ видитъ, что художникъ можетъ такъ возсоздать природу.

Я была на выставкѣ со своимъ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ. «Посмотри, мама, какъ прекрасны эти двое», вдругъ воскликнулъ онъ и показалъ мнѣ мальчика и дѣвочку приблизительно такого-же возраста, какъ онъ самъ, нагихъ, нарисованныхъ въ натуральную величину. Это были дѣйствительно чистыя, прекрасныя, юношескія фигуры, и мы долго стояли переди ними и созерцали ихъ. Какая-то проходившая мимо дама услышала восклицаніе и бросила на насъ полуизумленный, полуиспуганный взглядъ.

Такъ много людей боятся нагого тѣла—глубокая ошибка! —и еще словечка «любовь.» Школа тоже старается избѣгать его.

«Мы учимъ «Колоколъ», разсказываетъ третье-классникъ (кажется, это было въ третьемъ классѣ). «Знаешь, одно мѣсто онъ выпустилъ».

«Конечно, то, гдѣ говорится о юной любви», говорю я, смѣясь.

«Совершенно вѣрно, мама. И знаешь, что мы говоримъ: онъ, навѣрно, не ладитъ съ женой. Оттого онъ не любитъ говорить объ этомъ.»

Дѣти подростаютъ. Близится переходный возрастъ. Въ ихъ тѣлахъ происходятъ странныя измѣненія. При случаѣ —съ глазу на глазъ—надо сказать имъ, что, какъ выражаетъ это F. W. Förster, тѣло начинаетъ развивать органы, которые дѣлаютъ человѣка способнымъ имѣть потомство. Тѣ, кого пугаютъ длинныя разъясненія, могутъ указать имъ книгу или брошюру, которая сможетъ дать имъ разъясненіе, какъ только они его пожелаютъ. Достаточно, чтобы они знали, гдѣ лежатъ эти книги. Можетъ быть они и не поинтересуются ими, потому что интересъ къ вопросамъ полового развитія, когда ихъ не окружаетъ манящая тайна, часто совсѣмъ не великъ въ подросткахъ. Того, что родители дали имъ объясненіе или позволили читать книги объ этомъ, достаточно, чтобы предохранить ихъ отъ поисковъ на нечистыхъ путяхъ.

Дѣвочкѣ надо сказать, что—и какъ именно—природа

удаляетъ изъ тѣла вещества, которая нужны ей для образованія новаго существа. Для мальчика тоже хорошо услышать объ этомъ странномъ естественномъ явленіи отъ родителей, вмѣсто того, чтобы воспринимать таинственные, нечистые намеки или слышать грубыя шутки по этому поводу.

«Но женщинамъ, должно быть, это нелегко», сказалъ одинъ юноша.

«Конечно, но все-таки это не такъ ужъ тяжело. Вотъ роды—въ самомъ дѣлѣ очень тяжелая вещь. Столько женщинъ заболѣваютъ или умираютъ отъ этого, даже еще и теперь. И боли очень сильныя. Но зато онѣ становится матерями!»

«Мама, какъ смѣшно, что я тоже когда-то былъ такой маленькой частицей тебя».—

Для молодыхъ дѣвушекъ и юношей наступаетъ возможность вступить въ здоровыя половыя сношенія, возможность имѣть дѣтей. Но полная зрѣлость еще не наступила. Необходимо своевременно пробудить въ нихъ чувство отвѣтственности.

Прежде всего чувство отвѣтственности по отношенію къ своей собственной жизни. Въ среднемъ молодое существо доступнѣе здоровому эгоизму, чѣмъ сентиментальнымъ чувствамъ вниманія къ другимъ. Юноша долженъ знать, что разыгрывать преждевременно мужчину не свойственно нѣмцамъ, что ходу развитія германской расы не соотвѣтствуетъ «изжить» себя уже въ юношескомъ возрастѣ, полуребенкомъ растратить свою силу. Онъ долженъ также знать, что всѣ наркотическія средства ослабляютъ его силу сопротивленія. Покидая родительскій домъ, онъ долженъ знать объ опасностяхъ половыхъ болѣзней.

Юноша долженъ научиться отвѣтственности передъ собой и другими. Онъ долженъ умѣть владѣть собой. Отъ дѣвушки требуютъ этого, какъ-бы страстна она ни была. Отъ мужчины тоже надо требовать этого. Ему надо сказать, что увѣренія въ существованіи у мужчины «непрео-

долимаго инстинкта» являются сказкой и въ глазахъ врачей. То, что въ общежитiи называютъ «перебѣситься», что населяетъ наши улицы, наполняетъ наши дома терпимости, служитъ источникомъ мимолетныхъ любовныхъ связей — это не страсть, это слабовольная распущенность, часто паденiе ниже животнаго. Это надо сказать юношамъ и дѣвушкамъ, когда они немного подрастутъ. И опору и поддержку въ борьбѣ съ пошлостью можетъ дать имъ сознанiе, что всюду идетъ борьба противъ нея, что всюду стремятся къ оздоровленiю, улучшенiю, что и среди молодыхъ людей растетъ, хотя и медленно, число тѣхъ, которые ставятъ себя слишкомъ высоко, чтобы отдавать свои силы проституткамъ. Въ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ, можетъ быть, еще неиспорченныхъ женщинъ, обольщенiе которыхъ налагаетъ тяжелую отвѣтственность, въ интересахъ здороваго потомства, котораго хочетъ каждый нормальный человѣкъ, самосохраненiе является долгомъ. Если масса не можетъ владѣть собой, то отдѣльныя личности могутъ это. Сказка и то, что воздержанiе, практикующееся до полной зрѣлости, должно вызвать неестественные пороки. Къ сожалѣнiю, эти пороки распространены уже среди дѣтей. Но и отъ нихъ родители, слѣдящiе за этимъ, могутъ предохранить своихъ сыновей и дочерей. Чистота, удобное платье, простая пища, не слишкомъ долгое лежанье въ постели; не слѣдуетъ укрываться слишкомъ тепло, руки должны лежать поверхъ одѣяла: все это вспомогательныя средства. Но лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ формъ извращенiй для мужчинъ и женщинъ останется всегда пробужденiе высшихъ интересовъ, любви къ работѣ, къ искусству, къ спорту, полная, богатая интересами жизнь.

Много бѣдъ причиняетъ плохая компанiя. Незнанiе ведетъ къ паденiю многихъ дѣвушекъ и юношей. Но самымъ худшимъ соблазнителемъ — наряду съ алкоголемъ, притупляющимъ тонкiя ощущенiя — является скука.

Просвѣтительная работа только тогда можетъ быть

успѣшной, только тогда можетъ принести плоды на хорошей почвѣ, если мы сдѣлали изъ своихъ дѣтей сильныхъ волей, здоровыхъ людей, работоспособныхъ, съ широкимъ кругозоромъ и богатымъ кругомъ интересовъ, полныхъ любви ко всему прекрасному и благородному, но въ то же время умѣющихъ владѣть собой, обуздывать себя.

Изъ всего благороднаго и прекраснаго въ насъ и вокругъ насъ любовь является частью, быть можетъ, самой прекрасной. Но все-таки она только часть богатаго жизненнаго цѣлаго. Поэтому не слѣдуетъ придавать главнаго значенія такъ называемому просвѣщенію въ половой области. Просвѣтительная работа должна незамѣтно сплестись со всей работой воспитанія. Излишекъ разъясненій вреденъ. Онъ вызываетъ именно то, чего мы хотимъ избѣгнуть—сосредоточеніе мыслей ребенка, подрастающаго человѣка, на сферѣ половой жизни.

Эльсебетъ Крукенбергъ.

Крейцнахъ.

Воспоминаніе дѣтства.

Сынъ одного лѣсничаго разсказалъ своему другу слѣдующій эпизодъ изъ своего дѣтства.

Когда мнѣ было девять лѣтъ, одинъ молодой гость графа, у котораго служилъ мой отецъ, подстрѣлилъ для забавы самку козули. Отецъ увидѣлъ ее за кустами, гдѣ она боязливо пряталась, взялъ дрожавшее животное на руки, изслѣдовалъ его и велѣлъ мнѣ (я сопровождалъ его), какъ можно скорѣе принести воды изъ источника. Я побѣжалъ изо всѣхъ силъ. Онъ тщательно промылъ рану, нашелъ дробь и вынулъ ее, затѣмъ взялъ свой носовой платокъ и перевязалъ рану. Животное дрожало всѣмъ тѣломъ и боязливо глядѣло своими умными, большими глазами.

«Развѣ козули здѣсь не для того, чтобы стрѣлять въ нихъ?» — спросилъ я отца. Но онъ велѣлъ мнѣ стать на колѣни возлѣ животнаго и сказалъ: «Видишь, мальчикъ, эта козуля—мать, здѣсь она носитъ дѣтеныша. Пока она носитъ его, ее надо щадить, потому что она, какъ мать у людей, которая носитъ въ своемъ тѣлѣ ребенка.»

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца. Но онъ провелъ моей ручкой по тѣлу животнаго, и я почувствовалъ, что внутри что-то трепетало и билось.

Я посмотрѣлъ на отца понимающимъ взглядомъ и спросилъ: «ей больно?»

«Да, дитя», серьезно сказалъ отецъ, «и поэтому ее надо щадить и не причинять ей зла, пока она не будетъ опять здорова и не произведетъ дѣтеныша на свѣтъ».

«Папа, тогда оставимъ ее въ покоѣ и уйдемъ».

Но въ этотъ моментъ старый лѣсничій замѣтилъ, что

животное вдругъ забилось въ судорогахъ, затѣмъ опять успокоилось и вдругъ вскочило, точно испугавшись чего-то.

Я крѣпко прижался къ отцу. Онъ не трогался съ мѣста.

Вдругъ раздался крикъ, ужасный крикъ; я сильно вздрогнулъ... на зеленой травѣ очутилось маленькое живое существо.

Козуля обезсиленная упала на землю.

Все это время я крѣпко прижимался къ отцу. «Видишь, дитя», сказалъ онъ почти торжественно, «такъ производитъ каждая мать на свѣтъ свое дитя!»

«Меня тоже такъ родили, папа?»

«Да, дитя».

Тогда я горько заплакалъ и обвилъ руками шею отца. «И я не могу даже поблагодарить маму, папа».

Онъ въ волненіи поднялся, но не мѣшалъ мнѣ плакать. Затѣмъ онъ сказалъ: «Поэтому чти каждую мать!»

Это было первымъ большимъ событіемъ въ моей жизни, пустившимъ глубокіе корни въ моей душѣ.

Малеа-Винъ.

Вѣна.

Почему мы должны любить отца и мать.

Все наше прекрасное человѣческое тѣло состоитъ изъ клѣточекъ. Клѣточки — части человѣческаго тѣла. Тѣло всѣхъ животныхъ и растеній состоитъ изъ клѣточекъ. Ты можешь ясно замѣтить клѣточки у апельсина. Раздѣли когда нибудь апельсинъ и поищи клѣточки.

Клѣточка—маленькій пузырекъ. Онъ бываетъ иногда круглый, а иногда продолговатый. Каждый пузырекъ имѣетъ тонкую кожицу. Въ кожицѣ находится тѣло клѣточки. Это—очень небольшое количество бѣлка. Онъ такой свѣтлый и прозрачный, какъ бѣлокъ куринаго яйца. И какъ въ куриномъ яйцѣ есть еще желтокъ, такъ и въ тѣлѣ клѣточки есть еще кучка бѣлка, которая немного гуще, чѣмъ остальной бѣлокъ. Она называется ядромъ клѣточки.

Когда человѣкъ ѣстъ, онъ растетъ. Что-же это значитъ? Это значитъ, что его тѣло становится больше. А оно можетъ стать больше только тогда, когда въ тѣлѣ будетъ становиться все больше клѣточекъ. Потому что вѣдь все тѣло состоитъ изъ клѣточекъ. Такъ-ли это? Становится-ли въ насъ все больше клѣточекъ?

Да, потому что клѣточки всѣ размножаются. Изъ каждой клѣточки образуются двѣ новыхъ. Старая клѣточка получаетъ пищу и ѣстъ, ѣстъ пока ядро, которое сначала было круглымъ, становится длиннымъ, какъ бобъ. Оно становится все толще и длиннѣе и въ одинъ прекрасный день раскалывается на двѣ половины. Теперь въ одной клѣткѣ два ядра. Новое ядро должно получить отдѣльную клѣточку, въ которой оно могло-бы жить.

Я видѣлъ, какъ каменщикъ сдѣлалъ изъ одной комнаты двѣ. Онъ просто построилъ въ комнатѣ стѣну, и стѣна

сдѣлала изъ старой комнаты двѣ новыхъ. То-же самое сдѣлаетъ и старая клѣточка, у которой теперь два ядра. Она строитъ между двумя ядрами новую кожицу. И новая кожица дѣлаетъ изъ старой клѣточки двѣ новыхъ. Такъ изъ старой клѣточки сдѣлались двѣ новыхъ. А старой клѣтки-матери больше нѣтъ. Есть только двѣ клѣтки — дѣти. Клѣтка-мать раскололась, она умерла, когда появились ея дѣти. Изъ чего сдѣлались клѣтки-дѣти? Онѣ сдѣлались изъ матери; ихъ мать раздѣлилась на-двое и превратилась въ двухъ дѣтей.

Изъ клѣтки-матери сдѣлались клѣтки-дѣти. Это такъ не только у одной клѣтки. Это такъ у всѣхъ клѣтокъ въ тѣлѣ. Изъ старыхъ легочныхъ клѣтокъ дѣлаются молодыя легочныя клѣтки. Изъ старыхъ кишечныхъ клѣтокъ—новыя кишечныя клѣтки. Такъ растетъ наше тѣло. И такъ происходитъ ростъ не только въ человѣческомъ тѣлѣ, то-же самое происходитъ у животныхъ и растеній.

У яблони, которая растетъ подъ нашимъ окномъ, старыя древесныя клѣтки дѣлятся на новыя. А корни дерева должны доставлять порядочно пищи, чтобы дерево и его клѣтки могли расти. Для этого клѣтки въ корняхъ тоже растутъ и становятся новымъ кускомъ корня. Клѣтки маленькихъ, зеленыхъ листочковъ, которые весной выглядываютъ изъ почекъ, дѣлятся все снова, и листочекъ становится листомъ. Изъ клѣтокъ цвѣточныхъ почекъ, если онѣ прилежно ѣдятъ, выходятъ красивые цвѣты. А что выходитъ потомъ изъ цвѣтовъ?

Въ яблонѣ есть еще особыя клѣтки, онѣ хотятъ быть чѣмъ-то большимъ, чѣмъ всѣ остальныя. Эти клѣтки находятся въ цвѣтахъ яблони. Изъ чего состоитъ такой цвѣтокъ, знаетъ каждый ребенокъ: плодовмѣстилище, листики, чашечка, лепестки вѣнчика, тычинки, пестикъ—вотъ и все. И эти части тоже состоятъ изъ клѣточекъ.

И когда цвѣтокъ отцвѣтетъ, изъ него вырастутъ тысячи клѣточекъ. Онѣ ростутъ всѣ вмѣстѣ, кучей, и называются я б л о к о м ъ.

Для чего-же яблоня создаетъ изъ своихъ клѣточекъ такое яблоко?

Не для того, чтобы человѣкъ ѣлъ его. Нѣтъ, яблоко—это жилище для дѣтей яблони. Маленькіе, черные людишки, которыхъ вы называете сѣменами яблони,—дѣти яблони. Въ яблонѣ были клѣточки—ихъ-то я и подразумѣвалъ прежде—которыя не хотѣли стать частицей корня, ствола, вѣтви или цвѣтка. Нѣтъ, онѣ хотѣли создать новое, молодое дерево, которое будетъ расти и цвѣсти, когда старое уже давно умретъ. Но маленькое деревцо не можетъ расти въ воздухѣ, на вѣткѣ. Оно засохло-бы. Поэтому многія такія клѣтки соединяются въ одно маленькое сѣмя, а изъ сѣмени, потомъ, когда яблоко упадетъ съ дерева, выростетъ молодое деревцо. Позднѣе, когда сѣмя попадетъ въ землю, изъ него выростетъ новое дерево. И по нему скоро уже совсѣмъ не будетъ видно, что оно было раньше маленькимъ сѣмячкомъ въ яблочномъ домикѣ на старомъ деревѣ. И какъ дѣлаютъ клѣтки яблони, такъ-же дѣлаютъ и клѣтки другихъ деревьевъ. Онѣ создаютъ особыя кучки клѣточекъ, и эти кучки называются сѣменами. И изъ нихъ затѣмъ выростаютъ деревца—дѣти. И цвѣты дѣлаютъ то-же самое. И вы знаете, что клѣточки только тогда могутъ создать сѣмена, когда цвѣтокъ оплодотворенъ. Для этого цвѣточная пыль—особыя крохотныя клѣточки—должна попасть въ пестикъ. Въ пестикѣ есть клѣточки, которыя только и ждутъ пыльцы. И когда она попадетъ въ эти маленькія клѣточки, которыя уже выглядятъ, какъ совсѣмъ, совсѣмъ маленькія яблочныя зернышки, каждая клѣточка начинаетъ рости и становится зернышкомъ. Это значитъ, что клѣточки пыльцы оплодотворили клѣточки пестика. Если-же этого не произошло, то изъ цвѣтка не выйдетъ плода. И такъ бываетъ со всѣми цвѣтами всѣхъ деревьевъ.

Но какъ плохо иногда приходится бѣднымъ деревцамъ и цвѣтамъ-дѣтямъ! Многіе изъ нихъ еще не успѣютъ выглянуть изъ земли, какъ уже умираютъ. Приходятъ жи-

вотныя и поѣдаютъ маленькія растеньица. Или приходитъ человѣкъ, которому принадлежитъ садъ, и срѣзываетъ траву. А въ травѣ росло дитя яблони. Вотъ оно лежитъ и вянетъ и умираетъ. И старое дерево не можетъ помочь своему ребенку.

Птичка уже гораздо хитрѣе. Въ тѣлѣ птички тоже есть клѣточки, которыя хотятъ стать чѣмъ-то особеннымъ: Онѣ не хотятъ быть кусочкомъ пера, клюва или крыла, Душа птички хочетъ, чтобы изъ нихъ вышла маленькая, новая птичка. И вотъ птичка-мать говоритъ себѣ самой: «Ты, должно быть, гораздо хитрѣе яблони, и хочешь, чтобы твои дѣти остались живы». И птичка раздумываетъ, какъ-бы ей помочь своему ребенку. И она находитъ средство.

Птичка-мать ѣстъ много извести. Известь попадаетъ въ желудокъ, въ кровь и въ клѣтки. И клѣтки, которыя должны стать новой птичкой, получаютъ твердую скорлупу изъ извести. И вотъ готово яйцо. Яйцо? Конечно, теперь всѣ клѣтки, изъ которыхъ образуется птичка, находятся въ яйцѣ. Въ яйцѣ-же находится и много пищи. Конечно, только бѣлокъ, чтобы клѣтки маленькаго животнаго могли хорошо расти. И вотъ яйцо лежитъ въ тѣлѣ матери. И птичка-мать согрѣваетъ его въ своемъ тѣлѣ, а потомъ, въ одинъ прекрасный весенній день, кладетъ его въ мягкое гнѣздо.

Въ гнѣздо? Что-же яйцу тамъ дѣлать? Ну, для того, чтобы изъ яйца вышла птица, старая птица должна выбросить яйцо изъ своего тѣла. И она выбрасываетъ готовое яйцо черезъ особое отверстіе и кладетъ его въ гнѣздо. Теперь старая птица высиживаетъ его. Она грѣетъ его своимъ тѣломъ, пока, наконецъ, маленькая птичка въ яйцѣ не съѣстъ столько, что скорлупа лопается. И птичка выходитъ. Вся голенькая. Ей холодно. Она еще не можетъ ѣсть сама. Птичкѣ-матери приходится немало поработать. Она должна ухаживать за нею, грѣть и кормить. И мать дѣлаетъ это еще долго.

Почему-же птица-мать дѣлаетъ все это для своего ребенка?

Потому что она очень любитъ своего ребеночка. Она кричитъ и обороняется, если приходятъ враги и хотятъ отнять у нея ребенка. Почему-же она любитъ своихъ дѣтей? Потому что вѣдь ребенокъ — только часть матери. Потому что онъ когда-то жилъ въ ея тѣлѣ. Потому что онъ вышелъ изъ тѣла матери, когда еще былъ яйцомъ.

Развѣ новой птичкѣ не лучше, чѣмъ молодому цвѣтку? Или чѣмъ молодому деревцу? Бѣдная старая яблоня не можетъ заботиться о своихъ дѣткахъ. Вѣдь она не можетъ даже двигаться. Она приросла къ землѣ. Его деревцо можетъ жить или умереть — старое дерево не можетъ помочь ему. Мы даже не знаемъ хорошенько, любитъ-ли оно свое дитя. Но о птицѣ мы это знаемъ навѣрно. Она защищаетъ свое дитя, даже если сама должна погибнуть отъ этого.

Теперь мы знаемъ, откуда берутся маленькія птички. Онѣ выходятъ въ яйцѣ изъ тѣла птички—матери.

Сначала онѣ были кучкой клѣточекъ и выросли въ яйцѣ.

Это птички! А дѣтки у людей? Откуда берутся они?

Да, вы думаете, что у людей это иначе, чѣмъ у цвѣтовъ и птичекъ?

Но вѣдь маленькихъ дѣтей приноситъ аистъ!

Нѣтъ, онъ не приноситъ ихъ! Это думаютъ только маленькія дѣти, которыя еще ничего не знаютъ. Имъ еще нельзя разсказать такихъ хорошихъ вещей, какія я вамъ сейчасъ разскажу. Они этого еще не могутъ понять.

Тѣло человѣка тоже состоитъ изъ клѣтокъ. Это я уже сказалъ. Значитъ, тѣло нашей матери и наше — тоже. И въ тѣлѣ матери есть клѣтки, которыя не становятся частицей легкихъ или сердца или кусочкомъ пальца. Нѣтъ, эти клѣтки хотятъ стать маленькимъ ребенкомъ. И онѣ становятся имъ, точь-въ-точь какъ клѣтки въ яблонѣ или въ тѣлѣ птички. Глубоко въ тѣлѣ матери лежатъ маленькія, маленькія клѣтки, подъ самымъ ея сердцемъ. Сначала

онѣ такія маленькія, какъ булавочныя головки. И онѣ должны очень много ѣсть, чтобы хорошенько расти и становиться все больше. Но это продолжается очень, очень долго, пока изъ нихъ выростетъ такой ребеночекъ. Пока онъ станетъ такимъ большимъ, что сможетъ самъ ѣсть и дышать. Но мать любитъ свое дитя еще гораздо, гораздо больше, чѣмъ птица, поэтому она не выбрасываетъ его изъ тѣла въ яйцѣ. Нѣтъ, она оставляетъ его въ своемъ тѣлѣ, пока онъ не выростетъ хорошенько. И въ тѣлѣ матери онъ получаетъ и пищу и питье. Отъ кого? Все отъ матери. И мать иногда становится совсѣмъ слабой и больной, потому что ребенокъ съѣдаетъ все то, что было пищей для матери. Но мать не сердится за это на ребенка. Она предпочитаетъ быть больной, чѣмъ чтобы ея ребенокъ голодалъ.

Клѣтки въ тѣлѣ матери кормятъ ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ не сможетъ ѣсть, дышать и спать одинъ. Тогда ребенокъ хочетъ выйдти изъ тѣла матери. Въ тѣлѣ матери есть отверстіе точь-въ-точь какъ у птицы, изъ него ребенокъ выходитъ на свѣтъ. При этомъ матери иногда приходится очень страдать. И вотъ ребенокъ рождается. Онъ выходитъ изъ своей матери. Всѣ дѣти были когда-то въ матери.

Когда ребенокъ родится, тогда только начинаются заботы для матери. Сначала ребенокъ не умѣетъ ѣсть. Но онъ хочетъ молока, много молока. Откуда же мать беретъ молоко? Иногда мать беретъ молоко у коровы или козы. Но лучшее молоко мать приготовила для ребенка въ своей груди, когда ребенокъ еще лежалъ у нея подъ сердцемъ. И это молоко изъ груди матери ребенокъ и пьетъ, пока онъ не научится хорошенько ѣсть. Такъ-же мать даетъ ребенку ѣсть и пить, и платья, и башмаки, пока онъ не выростетъ. И еще многое даетъ ребенку, и все это она дѣлаетъ изъ любви.

Материнская любовь продолжается, пока живы мать и дитя. Когда-же она началась? Когда ребенокъ былъ еще въ матери. И хорошій ребенокъ всегда радуется, когда узнаетъ,

почему мать такъ любитъ его. Раньше дѣти совсѣмъ не знали того, что мы теперь знаемъ. Поэтому многія дѣти обращались съ матерью плохо и не слушались ея. Но какъ можно не любить матери, когда знаешь то, что мы знаемъ! Прежде, чѣмъ дѣти появились на большой, прекрасный свѣтъ, они были въ тѣлѣ у мамы. И какъ бы велики ни стали дѣти, какъ-бы ни состарились—дѣти всегда остаются частью матери. Мы обязаны матери жизнью. Я думаю, что за все хорошее, что дала намъ мать, мы можемъ сдѣлать только одно: очень любить ее и стараться доставлять ей много радости.

А отецъ? Отца мы тоже очень любимъ. Намъ очень хотѣлось-бы, чтобы отецъ тоже сдѣлалъ для насъ что-нибудь. Тогда мы могли-бы любить его еще больше!

Да, вы очень обрадуетесь, когда я разскажу вамъ, какъ много сдѣлалъ для насъ отецъ.

Клѣточки, которыя хотятъ стать ребенкомъ, лежатъ въ тѣлѣ матери въ особомъ мѣстѣ. Тамъ онѣ сначала растутъ немножко, но потомъ ростъ прекращается. И маленькія клѣтки лежатъ какъ мертвыя, подъ сердцемъ матери. Онѣ хотятъ стать ребенкомъ. Но онѣ не могутъ. Онѣ не мертвы. Но онѣ спятъ. Почему же?

Съ этими маленькими клѣтками происходитъ то же, что съ спящей царевной въ сказкѣ. Царевна спала — и проснулась только тогда, когда пришелъ принцъ. И она никогда не проснулась-бы, еслибы не пришелъ принцъ и не поцѣловалъ ея.

Значитъ, царевна должна была ждать принца. И какъ царевна ждала принца, такъ и спящія клѣточки въ тѣлѣ матери ждутъ — отца. Въ тѣлѣ отца тоже есть клѣточки, которыя хотятъ стать чѣмъ-то лучшимъ. Эти клѣточки хотятъ сдѣлать то, что принцъ сдѣлалъ съ царевной. Онѣ хотятъ разбудить спящія въ тѣлѣ матери клѣточки. И если этимъ клѣточкамъ удается придти къ спящимъ клѣточкамъ матери, тогда только въ тѣлѣ матери можетъ вырости ребенокъ. Безъ принца царевна никогда не стала бы пре-

красной царицей, а безъ клѣточекъ отца изъ спящихъ клѣточекъ никогда не вышло-бы ребеночка.

И какъ у спящихъ клѣтокъ въ тѣлѣ матери есть свое особенное мѣсто, такъ и у будильныхъ клѣточекъ есть въ тѣлѣ у отца свое мѣсто, въ которомъ онѣ живутъ. И когда онѣ хотятъ выйдти изъ тѣла, имъ нуженъ свой особенный путь. Для этого должно быть особенное отверстіе, черезъ которое будильныя клѣточки могли-бы выйдти изъ тѣла отца. А въ тѣлѣ матери тоже должно быть особенное отверстіе, черезъ которое будильныя клѣточки могли-бы войти въ тѣло матери и попасть къ клѣточкамъ — царевнамъ. И эти клѣточки у отца и матери и отверстія и пути для этихъ клѣточекъ называются всѣ вмѣстѣ половыми органами. Какъ легкія называются органами дыханія, а желудокъ и кишки органами пищеваренія, такъ клѣточки и пути для нихъ называются половыми органами. И они существуютъ для того, чтобы отецъ и мать могли создавать маленькихъ, новыхъ людей. Значитъ, дѣти могутъ вырости въ тѣлѣ матери только тогда, если отецъ пошлетъ свои будильныя клѣточки къ клѣточкамъ-царевнамъ матери.

Царевну могъ разбудить только принцъ, который былъ хорошимъ человѣкомъ. Раньше приходили многіе другіе принцы и хотѣли тоже разбудить царевну. Но они повисли на шипахъ. Когда же пришелъ настоящій принцъ, то всѣ шипы превратились въ розы. И принцъ женился на царевнѣ. То-же было и съ папой и мамой. Мама тоже не позволила первому попавшемуся мужчинѣ послать ей свои будильныя клѣточки. Но когда она познакомилась съ папой, она очень полюбила его. И они сдѣлались мужемъ и женой. И очень любили другъ друга. И когда мама очень любитъ папу, очень любитъ, всѣмъ сердцемъ, то она позволяетъ ему послать свои клѣточки къ ея клѣточкамъ-царевнамъ. И тогда изъ этихъ клѣточекъ возникаетъ ребенокъ. И мама любитъ его такъ-же, какъ остальныхъ дѣтей и папу. Значитъ, маленькія дѣти родятся тогда, когда папа и мама очень, очень любятъ другъ друга.

Мы вѣчно оставались-бы маленькой спящей клѣточкой въ тѣлѣ матери, если-бы отецъ и мать не призвали насъ къ жизни. Теперь вы видите, что отецъ сдѣлалъ для того, чтобы вы появились на свѣтъ, столько-же, сколько и мать. Поэтому-то мы должны любить отца такъ-же, какъ любимъ мать.

Робертъ Тейермейстеръ.

Вейсенфельсъ.

Откуда берутся дѣти?

Было утро весенняго дня.

Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Окно было широко раскрыто, и вмѣстѣ съ солнечными лучами въ комнату входила бодрая радость жизни.

Я невольно протянулъ руки, какъ будто отъ избытка силы, и откинулъ назадъ голову, такъ что солнце свѣтило мнѣ прямо въ лицо.

Свѣтъ, солнце и весна слились вмѣстѣ, словно слагая псалмъ, Пѣснь Пѣсней пробуждающейся жизни. Внизу, въ саду, играли мои дѣти. «Малышъ», Ахимъ и Герда. Съ ними няня; она, кажется, что-то разсказываетъ имъ...

Что это?—Они запѣли... Старая пѣсня о «добромъ, славномъ аистѣ». Я подошелъ къ окну; снизу доносилось усердное пѣніе:

«Аистъ, милый, принеси намъ сестричку!»

«Доброе утро, дѣти!» крикнулъ я, «не такъ громко! Мамѣ нуженъ покой, вы знаете. Герда, поди-ка сюда, поздоровайся со мной!»

На лѣстницѣ, которая вела изъ сада наверхъ, въ ту-же минуту раздался топотъ ножекъ.

«Посмотри, папа, на лужайкѣ уже растутъ эти цвѣты!» И шалунья положила на письменный столъ нѣсколько цвѣтковъ.

«Слушай, Герда, что это за пѣсню вы пѣли только что?»

«Ахъ, Анна сказала, что у насъ скоро будетъ сестрица или братецъ. И мы хотѣли попросить аиста, чтобы онъ лучше принесъ намъ сестричку. Тогда у насъ будетъ два брата и двѣ сестры.»

«Это было бы очень хорошо! Но скажи-ка, Герда, откуда-же аистъ беретъ дѣтей?»

«Анна сказала, что онъ беретъ ихъ въ пруду!»

«Что, въ пруду? Но вѣдь они тамъ всѣ утонули-бы!»

«Да... правда... но Анна такъ сказала».

«Значитъ, она не знаетъ. Нѣтъ, Герда, на твоемъ мѣстѣ я не повѣрилъ-бы ей, вѣдь это невозможно?»

«Да, папа, но откуда-же они берутся?»

«Посмотри-ка на эту вѣтку каштановаго дерева, которая заглядываетъ къ намъ въ окно! Я обрѣжу ее, она все равно сломается, когда закроютъ окно. Посмотри, что можетъ быть въ этой точкѣ?»

«О, это листья, они потомъ выростутъ!»

«А что это, похожее на маленькую ягодку винограда?»

«Это мы видѣли еще передъ каникулами въ школѣ. Это цвѣты, изъ нихъ осенью выйдутъ каштаны».

«А ты знаешь, почему листья и цвѣты теперь еще окружены этимъ толстымъ покрываломъ?».

«Да. Богъ не хочетъ, чтобы они ночью замерзли».

«Поэтому онъ уложилъ ихъ въ теплую постельку. Ну, теперь подумай: а дѣтокъ Богъ оставитъ совсѣмъ голыми въ пруду или въ лѣсу? Вѣдь они всѣ замерзли-бы! И подумай, вѣдь твой день рожденія приходится передъ самымъ Рождествомъ: развѣ тогда здѣсь есть еще аисты?»

«Нѣтъ, они всѣ улетаютъ гораздо раньше!»

«Вотъ видишь, значитъ тебя не могъ принести къ намъ аистъ. Да, Богъ умнѣе, гораздо умнѣе людей. Онъ знаетъ, что дѣти на воздухѣ зимой замерзли-бы, особенно такія маленькія. Вѣдь ты раньше тоже была совсѣмъ маленькая?»

«Да, да... я еще помню, когда я видѣла «малыша» въ первый разъ, онъ былъ такой... такой маленькій! И я навѣрно тоже была такой раньше».

«Ахъ, еще гораздо меньше! Такой маленькой, что мы едва можемъ себѣ представить это. И такими маленькими бываютъ сначала всѣ дѣти, такими, какъ горошекъ. И чтобы имъ ничто не могло повредить, Богъ съ самаго начала вкла-

дываетъ эти маленькія человѣческія почки въ большихъ людей, въ теплое тѣло матерей. Тамъ они лежатъ, какъ въ мягкой постелькѣ, одинъ возлѣ другого, и спятъ себѣ спокойно и еще не знаютъ, что на свѣтѣ можетъ быть такъ холодно. Но если папа и мама очень, очень любятъ другъ друга, то они ночью будятъ одного ребенка, но очень осторожно, чтобы другіе не испугались, и тихонько называютъ его по имени. Тогда онъ просыпается и начинаетъ расти въ тѣлѣ матери и хочетъ стать большимъ, чтобы выпрыгнуть на свѣтъ. Но это не дѣлается такъ скоро, мама знаетъ это. Поэтому она охраняетъ и защищаетъ его и носитъ его еще почти годъ подъ сердцемъ, пока онъ не подрастетъ настолько, что сможетъ переносить внѣшній воздухъ. Но когда онъ наконецъ выраститъ, приходитъ докторъ. Онъ смотритъ, здоровъ-ли ребеночекъ, и вынимаетъ его изъ тѣла. Отъ этого мамѣ бываетъ часто очень, очень больно, потому что за это долгое время онъ крѣпко приросъ къ ней. И поэтому-то всѣ матери такъ любятъ своихъ дѣтей, что имъ приходится вытерпѣть изъ-за нихъ столько мученій и страха».

— И мама тоже носила меня такъ подъ сердцемъ и мучилась?

— Конечно, Герда, поэтому ты должна любить ее еще вдвое больше. Посмотри, на томъ же мѣстѣ она носитъ теперь новаго ребеночка. Поэтому вы не должны такъ шумѣть, а то онъ испугается и, можетъ быть, умретъ.

— Папа, какъ же онъ растетъ, если онъ еще не можетъ ѣсть?

— Онъ ѣстъ то-же, что и мать. Эта пища перерабатывается въ желудкѣ и превращается въ кровь и питательный сокъ; этотъ сокъ и проходитъ по всему тѣлу и по тѣлу новаго ребеночка тоже; оттого онъ и растетъ и становится сильнѣе.

— Но что будетъ, если вы разбудите не только одного?

— Ну, тогда самое большее выростаетъ еще одинъ, другіе спятъ слишкомъ крѣпко.

Я услышалъ, какъ Герда тихонько спустилась по лѣстницѣ и сказала Ахиму и маленькому брату: — Мы теперь не будемъ шумѣть! Маленькая сестричка уже здѣсь, но она еще спитъ, и мы увидимъ ее только тогда, когда она станетъ такой большой, что мы сможемъ брать ее на руки.

Г. Гроппъ.

Брауншвейгъ.

Откуда берутся маленькія животныя.

Первая исторія.

Въ старомъ, большомъ домѣ въ деревнѣ жили отецъ, мать и трое дѣтей. Однажды, послѣ обѣда, отецъ поѣхалъ въ коляскѣ въ городъ и взялъ съ собой большой пустой кувшинъ для уксуса. Для чего это ему надо было? Когда дѣти вечеромъ услышали стукъ экипажа, они бросились во дворъ и побѣжали ему навстрѣчу. Когда онъ остановился у крыльца, отецъ быстро вышелъ, и кучеръ сейчасъ же подалъ ему кувшинъ. Отецъ поставилъ его на землю, дѣти сейчасъ-же заглянули въ него и увидѣли, что тамъ была вода, а въ ней что-то барахталось. Въ самомъ дѣлѣ, это были рыбки, красновато-золотыя рыбки. Отецъ взялъ кувшинъ и понесъ его въ садъ. Дѣти побѣжали за нимъ, мать тоже пошла. Отецъ направился къ пруду, къ тому мѣсту, гдѣ на берегу не было кустарника, и къ водѣ вели нѣсколько ступенекъ. Дѣтямъ позволили еще разъ заглянуть въ кувшинъ, затѣмъ отецъ спустился по ступенькамъ и медленно опрокинулъ кувшинъ. Ахъ, какъ выпрыгнули рыбки! Онѣ описали большой кругъ и прыгнули прямо въ воду—и вотъ уже не видно красивыхъ золотыхъ рыбокъ. Но онѣ вынырнули тамъ, на другомъ берегу, и поплыли одна за другой; проплыли подъ свѣшивающимися вѣтвями кустовъ и деревьевъ, къ лугу, въ бухту, гдѣ росло такъ много тростника. Дѣти еще долго стояли на берегу и ждали, чтобы рыбки вернулись. Но мать позвала ихъ ужинать и сказала, что рыбки навѣрно уже легли спать внизу, на днѣ пруда. Дѣтямъ хотѣлось знать еще многое о рыбкахъ: выростутъ-ли онѣ, не попадетъ-ли опять въ прудъ щука и не съѣстъ-ли ихъ, какъ раньше

другихъ рыбъ,—да и не будетъ-ли у нихъ дѣтокъ, и сколько; и многое-многое спрашивали они, на что мать совсѣмъ не умѣла отвѣтить.

Рыбокъ привезли въ серединѣ марта, какъ разъ въ то время, когда барашки на орѣшникѣ надѣли свои золотисто-желтыя праздничныя платья. Въ саду было много кустовъ орѣшника, но самый большой изъ нихъ стоялъ у самаго пруда. У него были длинныя вѣтви, низко склонявшіяся къ водѣ. Когда поднимался вѣтеръ и задѣвалъ кустъ, барашки такъ и плясали; и при этомъ отъ нихъ отдѣлялась золотисто-желтая цвѣточная пыль и уносилась по вѣтру. Вѣтеръ уносилъ ее высоко, къ самымъ высокимъ вѣтвямъ, или-же гналъ внизъ, въ воду. Однажды тамъ, подъ самымъ кустомъ, плыли рыбки, онѣ плыли по самой поверхности воды. Золотисто-желтая пыль покрыла ихъ совсѣмъ. Гей! это понравилась имъ. И онѣ принялись смотрѣть, откуда это взялась золотая пыль. На кустѣ была одна вѣтка, которая свѣшивалась надъ прудомъ совсѣмъ низко, такъ что барашки почти касались воды. Рыбки поглядѣли на барашковъ, и они имъ очень понравились. Можетъ быть потому, что они показались имъ похожими на маленькихъ рыбокъ, а имъ очень хотѣлось имѣть дѣтокъ. Но рыбки замѣтили, что на вѣткахъ сидятъ еще крохотные, красные цвѣточки, и сейчасъ-же послѣ этого увидѣли, какъ въ эти цвѣточки влетала желтая пыль. Онѣ еще долго оставались подъ кустомъ, имъ хотѣлось знать, влетаетъ-ли цвѣточная пыль въ каждый цвѣточекъ. Вдругъ послышался тонкій голосокъ и затѣмъ услышали совершенно ясно, какъ кустъ спросилъ: — Мои красныя дѣвушки, всѣ-ли вы получили пыльцу отъ моихъ золотыхъ молодцовъ?—И хоръ тысячи тонкихъ голосковъ отвѣтилъ:—Да, да, милый орѣшникъ!

Но онъ крикнулъ имъ:—Тогда растите, растите на солнцѣ, вѣтрѣ и дождѣ! Я хочу, чтобы у меня были тысячи дѣтокъ-орѣшковъ!—Тогда рыбки поплыли дальше и все вспоминали объ этомъ, каждый день. И тогда, когда вся жел-

тая пыльца орѣшника давно улетѣла, а барашки понемножку стали совсѣмъ коричневыми. Скоро-ли вырастутъ дѣтки орѣшника, думали онѣ. Теперь рыбки любили плавать туда, гдѣ серебристо-сѣрыя сережки на длинныхъ вѣтвяхъ ивы спускались къ самой водѣ. Навѣрно, и на нихъ появится желтая пыльца и будетъ стряхиваться внизъ.

Между тѣмъ наступила средина апрѣля; тогда ивовыя сережки покрылись поверхъ своихъ сѣрыхъ мѣховыхъ плащей золотисто-желтыми покрывалами. Рыбки искали въ вѣтвяхъ красные цвѣточки, но не нашли. Значитъ, у ивы не вырастутъ дѣтки? Но прилетѣли пчелы и стали искать въ сережкахъ меда, при этомъ къ ихъ штанишкамъ прилипло немного цвѣточной пыли. А когда пчелы улетѣли, къ ивѣ въ гости пришелъ вѣтеръ и стряхнулъ пыльцу съ сережекъ. Но она не поднялась наверхъ и не упала въ воду, а унеслась куда-то далеко. Куда-бы она могла направиться? Можетъ быть, на другой берегъ, гдѣ тоже были сережки, но только на нихъ не было мѣховыхъ плащей и желтыхъ покрывалъ. Рыбки поплыли туда, къ вѣтвямъ, которыя такъ низко склонялись къ водѣ. Онѣ разглядѣли сережки: это были крошечные, желтые цвѣточки, сидѣвшіе вокругъ стержня; онѣ прижимались другъ къ другу, какъ будто ждали чего-то. Въ это время прилетѣли пчелы съ другой ивы, и пока онѣ искали въ цвѣточкахъ меда, пыльца сорвалась съ ихъ штанишекъ и влетѣла въ нѣкоторые цвѣточки. Между тѣмъ прилетѣлъ и вѣтеръ и тоже принесъ пыльцу съ другой ивы, для желтыхъ цвѣточковъ. Теперь рыбки знали, что скоро и у ивы будутъ дѣтки. И имъ самимъ такъ хотѣлось имѣть дѣтокъ. И, думая объ этомъ, онѣ поплыли въ бухту, гдѣ росло такъ много густого тростника. Но среди него было незаросшее мѣсто, и на этомъ мѣстѣ нанесло много песку. Вода только слегка покрывала его, такъ что солнце заглядывало въ него и согрѣвало. Рыбки все плавали тамъ и своими плавниками дѣлали песокъ еще мягче и глаже, а въ

срединѣ мѣсто отъ этого стало немного глубже. Однажды, въ свѣтлое солнечное утро, обѣ рыбки опять поплыли туда, въ тростникъ, въ свое песочное ложе. И тамъ самка положила яички, величиной съ булавочную головку и красноватыя на видъ. Она выбрасывала въ воду одно яйцо за другимъ; а въ то-же время изъ тѣла самца вытекало сѣмя, похожее на бѣловато-желтую цвѣточную пыль. И каждое яичко сейчасъ-же сливалось съ сѣменемъ.

Солнце поднялось высоко и опять опустилось,—тогда только рыбки прекратили свою работу. Онѣ осмотрѣлись и и увидѣли на пескѣ безчисленное множество рыбьихъ яицъ; онѣ знали, что всѣ эти яйца были оплодотворены сѣменемъ. Тогда онѣ уплыли; теперь имъ оставалось только предоставить яйца солнцу. И солнце посылало туда каждый день особенно теплые лучи, и они грѣли яйца, рыбью икру много, много дней.

Затѣмъ въ яйцахъ начало что-то шевелиться: изъ каждаго яйца выскользнула крошечная рыбка. Онѣ съ каждымъ днемъ становились больше; и когда онѣ стали такими длинными, какъ стебель сливы, онѣ выплыли изъ своего убѣжища въ тростникъ, всѣ вмѣстѣ, большой кучей. Тогда приплыли и рыбки-родители, плавали среди красновато-золотой кучи и радовались на своихъ дѣтокъ. Потомъ онѣ проплыли всѣ вмѣстѣ вокругъ всего пруда, подъ кустомъ орѣшника и ивами. Подплыли и къ ступенькамъ, гдѣ стояли дѣти и высматривали своихъ золотыхъ рыбокъ. Они захлопали въ ладоши и закричали: «Вотъ онѣ! Вотъ онѣ! О, какъ много!» И дѣти побѣжали и привели своихъ родителей. Всѣ радовались, глядя на множество маленькихъ рыбокъ.

Вторая исторія.

На чердакѣ попала въ мышеловку бѣлая мышь. Она сидѣла тамъ и жалобно озиралась своими маленькими, красными глазами. Дѣти прибѣжали въ кухню посмотрѣть

на мышь; она показалась имъ очень хорошенькой, и имъ стало жаль, что она сидитъ въ мышеловкѣ. Пришла кухарка и хотѣла унести мышеловку, а мышь дать кошкѣ. Дѣти чутъ не расплакались и не давали мышеловки. «Нѣтъ, такую хорошенькую, бѣлоснѣжную мышку мы не отдадимъ кошкѣ!»

Въ это время пришла мать и сказала: «Да, я тоже думаю, что мы оставимъ ее въ живыхъ. Но на чердакъ мы ее не пустимъ.» Тогда маленькая дѣвочка, которую звали Лили, сказала: «О, я знаю, мы ее впустимъ въ кукольный домикъ!» Но мальчикъ, котораго звали Францемъ, сказалъ: «Нѣтъ, вѣдь онъ впереди открытъ. Мы можемъ пустить ее въ клѣтку, къ канарейкамъ!» Мать сказала: «Что-жъ, это не такъ глупо. Но, можетъ быть, онѣ будутъ бояться другъ друга. Знаете что, на чердакѣ виситъ еще одна маленькая клѣтка!»—«Да, да! мы сейчасъ принесемъ ее!» закричали дѣти и побѣжали на чердакъ, а мать за ними. Они принесли маленькую клѣтку. Прутья у нея были такъ тѣсно посажены, что даже самая маленькая мышь не могла проскользнуть черезъ нихъ. Они положили въ нее песку, нѣсколько мягкихъ тряпокъ и немножко сѣна. Затѣмъ мать принесла еще ваты; ее Лили положила въ уголъ. Но прежде она сдѣлала изъ нея настоящее маленькое гнѣздо. Францъ сказалъ: «Но вѣдь ты дѣлаешь гнѣздо! Мышь вѣдь не птица!»

«Ахъ, это я просто такъ», сказала Лили.

Когда все было готово, мышку вынули изъ мышеловки и впустили въ ея маленькій домикъ. Она сейчасъ-же шмыгнула подъ сѣно и тряпки и боязливо съежилась. Дѣти всунули въ клѣтку немножко хлѣба и кусочекъ сахару, и она черезъ нѣкоторое время подползла и стала грызть.

Лили сказала: «У нашей мышки еще нѣтъ имени: мы можемъ назвать ее Принцессой Бѣляночкой!» «Нѣтъ», сказалъ Францъ, «мышь, навѣрно, принцъ, мы назовемъ ее Бѣлымъ Принцемъ!»У окна сидѣла мать, и дѣти побѣжали къ ней и спросили ее, мальчикъ-ли мышь или дѣвочка. Мать

сказала: «Этого я тоже не знаю; у мыши это не сразу увидишь. А, можетъ быть, она уже взрослая и теперь чья-нибудь жена или мужъ». Францъ воскликнулъ: «Навѣрно, жена! И, можетъ быть, у нея есть дѣтки на чердакѣ, въ ея дырѣ!» Но мать сказала, что она еще слишкомъ мала, чтобы имѣть дѣтей, но «замужемъ она уже можетъ быть». «Ахъ, да», сказала Лили, «навѣрно, у нея только что была свадьба; поэтому она такая бѣленькая и чистенькая». А Францъ сказалъ: «Да, если у нея уже была свадьба, то у нея могутъ быть и дѣти, такъ, черезъ нѣсколько времени, правда?» Мать кивнула головой, и дѣти опять побѣжали къ своимъ лошадкамъ и кукламъ. Но они все время думали о мышиныхъ дѣткахъ, которыя могутъ скоро появиться: тогда каждая кукла сможетъ получить по бѣлоснѣжному мышенку,—или можно будетъ запречь двѣнадцать бѣлыхъ мышей въ коляску и устроить свадебную карету для принца, какъ на картинкѣ въ книжкѣ со сказками.

Когда пріѣхалъ отецъ, его сейчасъ потащили посмотрѣть на мышь. Онъ принесъ бичевку и привязалъ маленькую клѣтку съ мышью къ большой съ канарейками. Было забавно смотрѣть, какъ обѣ канарейки подлетѣли къ рѣшеткѣ и принялись разглядывать новую сосѣдку. Но мышь продолжала робко сидѣть, даже тогда, когда самецъ канарейки началъ пѣть.

Когда начало смеркаться, дѣти принесли платокъ и накрыли имъ обѣ клѣтки. Затѣмъ они сказали спокойной ночи птичкамъ и Бѣляночкѣ и пошли спать. Птички взъерошили перья, нагнули головки и заснули. Но мышка не могла заснуть; она стала такъ плакать и рыдать, что самецъ канарейки проснулся. Онъ подлетѣлъ къ рѣшеткѣ и спросилъ: «Милая сосѣдка, отчего ты плачешь? Развѣ тебѣ нехорошо здѣсь?» Тогда мышь сказала: «Ахъ, я хотѣла-бы, чтобы мой мужъ былъ со мной!» А птичка сказала: «Да, конечно, это было бы лучше; и дѣтокъ тебѣ тоже хотѣлось-бы видѣть?» Но мышь сказала: «Нѣтъ, дѣтокъ у меня нѣтъ; мы поженились три дня тому назадъ». На это птичка,

которую звали Гензи, сказала: «Да, да, тогда еще придется подождать, пока будутъ дѣтки. Моя жена и я поженились уже много дней тому назадъ, мы хорошенько устроили гнѣздо, и теперь моя жена начнетъ завтра или послѣзавтра класть яйца.—«Класть яйца?» спросила мышь, «что это такое»»—«Ну, изъ чего потомъ выходятъ дѣти», сказалъ Гензи; «Но раньше надо сидѣть на нихъ».—«Ахъ, какъ-же это дѣлаютъ?»—«Мы тоже этого еще не дѣлали; но наши матери разсказывали намъ объ этомъ. Ну, ты увидишь. Смотри только хорошенько, чтобы научиться и самой!» И Гензи улетѣлъ. Но мышка еще долго думала о томъ, какъ это кладутъ яйца и сидятъ на нихъ, но не могла хорошенько понять.

На слѣдующее утро, когда Гензи проснулся на своей жердочкѣ, его самки уже не было возлѣ него. Онъ осмотрѣлся и увидѣлъ, что она сидитъ въ гнѣздѣ, которое они такъ славно устроили въ корзиночкѣ. Онъ сейчасъ полетѣлъ къ ней и сказалъ: «О, моя женушка, моя Грети», «ты хочешь класть яйца?» Она отвѣтила: «Шш! Тише, не мѣшай мнѣ!» Гензи подлетѣлъ къ рѣшеткѣ и заглянулъ въ клѣтку съ мышью. Она скоро проснулась. Тогда Гензи сказалъ ей: «Милая мышь, теперь моя жена кладетъ яйца! Подойди къ рѣшеткѣ и посмотри!» Мышь вскарабкалась на рѣшетку и увидѣла, что самка сидитъ въ гнѣздѣ такъ тихо и сосредоточенно, какъ будто дѣлаетъ тяжелую, серьезную работу. Когда прошло около часу, Грети встала и—въ самомъ дѣлѣ, въ гнѣздѣ лежало чистенькое, маленькое яйцо. Обѣ птички и мышь съ благоговѣніемъ смотрѣли на него. Потомъ самецъ взлетѣлъ на самый высокій прутъ клѣтки и запѣлъ пѣсню — самую лучшую, какую онъ только зналъ.

Скоро пришли дѣти и принесли свѣжей воды и корма для птицъ, и булки и кусочекъ яблока для Бѣляночки. Они увидѣли, что въ гнѣздѣ лежитъ крошечное яичко, и отъ испуга и радости не могли ничего сказать. Они сейчасъ-же побѣжали и разсказали это матери. Она порадовалась вмѣстѣ

съ ними, пошла и принесла полотнянныя тряпочки. Дѣти нащипали изъ нихъ тонкихъ нитокъ и положили ихъ къ птицамъ въ клѣтку. Бѣляночкѣ они тоже дали немножко. Птички положили нащипанныя нитки въ гнѣздо и хорошенько выстлали его ими. Увидѣвъ это, мышь тоже снесла свои нитки въ гнѣздо, такъ что оно стало еще мягче.

На слѣдующее утро самка снесла еще яйцо, на третій день еще одно, на четвертый тоже. Теперь въ гнѣздѣ лежало четыре крошечныхъ яичка, не больше наперстка, всѣ свѣтло-голубые съ темными точками. На пятый день Грети опять сидѣла въ гнѣздѣ. Гензи говоритъ ей: «Ты хочешь снести еще яйцо?» «Нѣтъ», отвѣчаетъ самка, «теперь во мнѣ ужъ нѣтъ яицъ; теперь я буду высиживать птенцовъ». «О!» сказалъ самецъ, «какъ хорошо, что ты сейчасъ подумала объ этомъ!» И онъ сталъ возлѣ нея. Самка сказала: «Тебѣ незачѣмъ стоять тутъ и смотрѣть на меня; спой мнѣ лучше что-нибудь!» И Гензи опять запѣлъ пѣсню, радостную, счастливую. Потомъ онъ подлетѣлъ къ рѣшеткѣ; мышь сидѣла у себя и непрерывно заглядывала къ сосѣдямъ; онъ разсказалъ ей все. Разсказалъ, что теперь ужъ яицъ довольно, теперь его жена сидитъ на нихъ и скоро изъ яицъ выйдутъ маленькія канарейки. Бѣляночка изумленно смотрѣла на него, слушала и думала, что, можетъ быть, ей тоже слѣдовало-бы начать класть яйца.

Когда наступило послѣобѣда, Грети очень устала отъ высиживанья и проголодалась тоже. Самецъ замѣтилъ это и подлетѣлъ къ ней. Самка слетѣла и самецъ усѣлся въ гнѣздо. «Вотъ видишь, я тоже умѣю дѣлать это!» сказалъ Гензи. А Грети сказала: «Да, но сиди тихонько и смотри, чтобы всѣ яйца были такія-же теплыя, какъ теперь».

Гензи обѣщалъ, и Грети улетѣла; поклевала нѣсколько зернышекъ, выпила нѣсколько глоточковъ воды, а затѣмъ подлетѣла къ рѣшеткѣ и разговорилась съ бѣлой мышкой. Бѣляночка разсказала цѣлую исторію про то, какъ она и ея братья и сестры были совсѣмъ маленькіе. Вдругъ Грети

сказала: «Теперь я должна взглянуть на свои яйца; я такъ боюсь за нихъ, ужъ лучше я буду сидѣть сама». И улетѣла. Бѣляночка удивилась, какъ можно такъ бояться за свои яйца.

Самецъ слетѣлъ съ гнѣзда, и—о ужасъ! одно яйцо было раздавлено, какъ разъ самое хорошенькое; совсѣмъ раздавлено! Въ это время пришли дѣти, и такъ какъ въ гнѣздѣ не сидѣла ни одна птица, то они хотѣли заглянуть въ него. Они думали, что увидятъ пятое яйцо, а вмѣсто того оказалось, что изъ четырехъ яицъ одно раздавлено. Они позвали отца и мать, тѣ пришли, и отецъ осторожно вынулъ раздавленное яйцо. Въ скоркупѣ виднѣлось что-то бѣлое и желтое. Дѣти думали, что можно уже увидѣть крошечную птичку. Но отецъ сказалъ, что такъ какъ птицы только что начали высиживать, то теперь еще ничего нельзя увидѣть. Мать осторожно вынула изъ гнѣзда все, что было немножко мокро отъ раздавленнаго яйца. Затѣмъ родители сказали, что было-бы лучше вынести клѣтку изъ дѣтской и повѣсить ее въ гостиной; тамъ тихо и птицамъ никто не будетъ мѣшать, а они въ этомъ нуждаются во время высиживанья.

Дѣти рѣшили перенести туда и Бѣляночку, чтобы она не была одна и могла порадоваться, когда станутъ вылупливаться птички.

Теперь обѣ клѣтки уже нѣсколько дней висѣли на стѣнѣ въ гостиной. Утромъ дѣти вмѣстѣ съ матерью приносили кормъ и вели себя тихо — тихо, днемъ они тоже иногда входили, становились на стулъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ клѣтки и издали заглядывали въ гнѣздо. Но этого имъ не позволяли дѣлать часто, чтобы не тревожить птицъ. Вотъ Бѣляночкѣ было хорошо, она могла цѣлый день сидѣть у рѣшетки и смотрѣть.—Но маленькая мышка вовсе не чувствовала себя хорошо. Она все думала о томъ, что, еслибы она снесла яйца и должна была бы сидѣть на нихъ, некому было-бы смѣнить ее; и какая она была-бы неловкая и навѣрно раздавила-бы одно или два яйца. И съ каждымъ днемъ она боялась все больше.

Однажды вечеромъ самка усѣлась къ ней на рѣшетку. «Милая Бѣляночка»», сказала она, «ты еще не скоро думаешь класть яйца? Или — пожалуй совсѣмъ не думаешь? А? — Слушай, мой мужъ и я вспомнили, что говорилъ когда-то нашъ старый, ученый прадѣдушка: онъ говорилъ, что все живое происходитъ изъ яйца. И этому совсѣмъ не такъ трудно повѣрить!» Бѣляночка сказала: «Да, я тоже вѣрю этому и я совсѣмъ не боюсь класть яйца, я только боюсь сидѣть на нихъ». На это Грети сказала: «Да, ты права: мыши это должно быть трудно: вѣдь у тебя четыре ноги и совсѣмъ нѣтъ перьевъ, а только волосы. Да, я тоже не знаю, какъ это будетъ.»

Вдругъ Гензи крикнулъ изъ гнѣзда: «Женушка, поди-ка сюда: я слышу пискъ!» Грети быстро очутилась у гнѣзда и тоже услышала пискъ. Она усѣлась сама опять на яйца и сидѣла всю ночь.

Бѣляночка въ это время тоже сидѣла въ своемъ гнѣздѣ, гдѣ она всегда спала ночью. И ей приснилось, что она сидитъ на мышиныхъ яйцахъ и слышитъ пискъ. Такіе тонкіе, нѣжные голоски! О, что это будутъ за милыя, хорошія мышки! И Бѣляночка была очень счастлива во снѣ.

Наступило утро. Одинъ солнечный лучъ проскользнулъ въ клѣтку съ птицами, а другой въ клѣтку съ мышью. Обѣ птицы сразу проснулись, и самецъ сейчасъ-же полетѣлъ къ гнѣзду; тогда самка немножко приподнялась и заглянула въ гнѣздо,—самецъ тоже заглянулъ,—и они увидѣли, что тамъ лежатъ три маленькихъ, голенькихъ птички. Гензи живо полетѣлъ къ рѣшеткѣ и крикнулъ: «Бѣляночка, у насъ есть дѣтки!» Но Бѣляночка тоже только что проснулась, приподнялась съ гнѣзда и заглянула въ него, — Гензи тоже заглянулъ, — и они увидѣли, что тамъ лежатъ трое маленькихъ, голенькихъ мышатъ. Какой это былъ испугъ! и какая радость! Но Гензи крикнулъ: «Да вѣдь ты не сидѣла на яйцахъ!» И сейчасъ-же полетѣлъ къ Грети и разсказалъ ей все. Но она сказала: «Ахъ, какъ это хорошо, что Бѣляночкѣ не пришлось сидѣть на яйцахъ! Она такъ

боялась этого. Знаешь, я думаю, что изъ ея мышиныхъ яицъ сдѣлались дѣтки сразу, внутри нея». — «Ахъ, да», сказалъ Гензи, «какая ты умная! Это можно себѣ очень хорошо представить; навѣрно, такъ оно и есть».

(И я тоже думаю, что Грети была права).

Маленькая, бѣлая мышь была страшно рада, что ей не пришлось сидѣть на яйцахъ, что ея маленькія дѣтки появились на свѣтъ уже готовыя.

Потомъ пришли дѣти и услышали, что въ обоихъ клѣткахъ что-то пищитъ. Они сейчасъ-же позвали родителей, тѣ подняли ихъ и смотрѣли вмѣстѣ съ ними на маленькихъ мышатъ и канареекъ, и всѣ были очень рады.

Да, и у всѣхъ этихъ дѣтокъ былъ одинъ и тотъ-же день рожденія. А потомъ всѣ они выросли и стали большими.

Элизабетъ Ландманъ.

Берлинъ-Шенебергъ.

Какъ я говорилъ со своими учениками о зарожденiи человѣка.

Карлъ Крюгеръ теперь всегда приноситъ съ собой въ школу всевозможныя интересныя вещи. У нихъ гоститъ его шуринъ. Онъ прiѣхалъ издалека и привезъ съ собой чего хотите, раковинъ, засушенныхъ морскихъ животныхъ и Богъ знаетъ, чего еще.

Сегодня утромъ Карлъ приходитъ съ маленькой пузатой бутылкой. Что тамъ такое? Эмбрiонъ свиньи—величиной съ мышенка—въ спиртѣ!

«Господи, какая маленькая свинья! Кто видѣлъ такую маленькую свинью?» шумятъ дѣти.

«Откуда ты это взялъ?»—«мой шуринъ привезъ это. Онъ былъ одно время на скотномъ дворѣ».

«Ну, такой маленькой свиньи вы еще не видѣли, а? Поросята, когда родятся, уже гораздо больше. Да, откуда-же взялось это маленькое животное?»

Никита не знаетъ.

«Ну, такъ слушайте!—Что куры несутъ яйца, вы знаете всѣ. Но откуда у курицы берутся эти яйца?—Они выростаютъ у нея въ тѣлѣ. Сначала они совсѣмъ маленькiя, меньше булавочной головки. Когда вы ѣдите селедку, вы иногда находите въ ней икру. Это множество маленькихъ шариковъ. Такъ вотъ, каждый изъ шариковъ тоже яйцо, яйцо селедки. Такъ-же малы сначала и куриныя яйца. Потомъ они понемножку растутъ въ тѣлѣ у курицы. Когда-же они становятся большими, курица кладетъ ихъ. Если затѣмъ хотятъ имѣть цыплятъ, то курицу сажаютъ на яйца. И черезъ нѣсколько недѣль изъ яицъ выходятъ цыплята. Какъ же это дѣлается у другихъ животныхъ, напр., у свиней? Онѣ тоже кладутъ яйца?»

Мнѣ отвѣчаютъ со смѣхомъ: «Нѣтъ, нѣтъ!»

«Значитъ, у нихъ это дѣлается иначе. Но какъ-же?—Ну, вы знаете это всѣ. У вашихъ родителей почти у всѣхъ есть въ хлѣву свиньи. Но какъ-же у свиней появляются поросята? Этого мы все еще не знаемъ!

Ну, прежде всего въ тѣлѣ свиньи тоже есть яйцо, приблизительно такой-же величины, какъ яйцо селедки. И оно растетъ и растетъ. Въ концѣ концовъ оно уже оказывается не яйцомъ, а маленькой свиньей. Совсѣмъ, совсѣмъ маленькой. Еще меньше вотъ этой, въ бутылкѣ. И она все растетъ. Въ одинъ прекрасный день она уже достаточно большая и выходитъ изъ тѣла свиньи. Тогда говорятъ: она родилась. Но обыкновенно такъ растетъ не только одна маленькая свинка, но сразу полдюжины или еще больше. И онѣ родятся всѣ вмѣстѣ.

Такъ-же, какъ у свиней, это происходитъ и у коровъ, лошадей, собакъ, кошекъ, вообще у всѣхъ млекопитающихъ.

Эта свинка въ бутылкѣ вообще не родилась. Очевидно, какую-нибудь свинью понадобилось немедленно убить. Собственно, хотѣли, чтобы она принесла поросятъ. Но, можетъ быть, она вдругъ заболѣла; можетъ быть, сломала себѣ что-нибудь. И тогда ее убили. А въ ея тѣлѣ нашли маленькихъ свинокъ».

Дѣти тѣснились къ столу, чтобы еще разъ посмотрѣть на маленькое животное. Я показывалъ его всѣмъ. Вдругъ я увидѣлъ отрѣзанную пуповину.

«Еще одно!—Какъ-же живутъ маленькія животныя въ тѣлѣ старой свиньи? Что они ѣдятъ?

Ну, корму имъ еще не даютъ. Но подумайте-ка: они крѣпко приросли къ тѣлу матери. Они соединяются съ нимъ маленькой кишкой. Она называется пуповиной или пуповичнымъ канатикомъ. И черезъ нее они получаютъ пищу, а именно сразу готовую кровь. А когда они родятся, пуповина отдѣляется. Потому что тогда они уже могутъ сами сосать молоко матери, глотать и переваривать ее.— Кусочекъ пуповины можно увидѣть у этого животнаго»

На этомъ я остановился. Передо мной сидѣли старшее и среднее отдѣленія. *) Для средняго отдѣленія на сегодня было довольно. Со старшимъ я рѣшилъ поговорить еще, позднѣе.

Я не думаю, что среднее отдѣленіе еще не созрѣло настолько, чтобы ему нельзя было дать объясненія зарожденія человѣка. Наоборотъ: именно дѣти этого возраста, отъ 9—12 лѣтъ, наиболѣе пригодны для этого. Но передо мной были одновременно среднее и старшее отдѣленія. А говорить объ этихъ вещахъ одновременно дѣтямъ различнаго возраста не годится. Изъ этого вышло-бы что-то, что не подошло-бы ни для старшихъ, ни для младшихъ. То, что я могъ сказать среднему отдѣленію, чтобы подготовить его, было сказано. Я отпустилъ его домой. Старшее отдѣленіе осталось.

Мнѣ было ясно, что этимъ дѣтямъ немного надо объяснять, по крайней мѣрѣ, о внѣшнихъ процессахъ. Наши деревенскія дѣти 12—14 лѣтъ уже очень опытны въ этомъ отношеніи. Они видятъ всевозможныя вещи въ хлѣву у животныхъ. А благодаря тѣснотѣ жилищъ, для нихъ уже не тайна и происхожденіе маленькихъ дѣтей.

Но все, что они знаютъ, грубо-внѣшнее. О глубокой связи зарожденія человѣка со всѣмъ бытіемъ они не знаютъ ничего. А то, что они объ этомъ знаютъ, нечисто. Половыя отношенія сами по себѣ для массы сельскаго населенія въ общемъ являются чѣмъ-то болѣе естественнымъ и простымъ, чѣмъ для массы горожанъ. Но прекраснаго аромата чистоты, святости они не имѣютъ въ деревнѣ, какъ и въ городѣ.

Итакъ, моя задача заключалась теперь въ томъ, чтобы углубить то, что дѣти уже знали, и включить въ великій кругъ жизни природы. Сдѣлать для нихъ половые процессы

*) Я тогда былъ учителемъ въ одноклассной школѣ, въ которой дѣти всѣ сидятъ въ одной комнатѣ и занимаются съ однимъ учителемъ; обыкновенно они дѣлятся на три отдѣленія: старшее (12—14 л.), среднее (9—12 л.), младшіе (6—9 л.)

чѣмъ-то естественнымъ—и чѣмъ-то чистымъ. Да, я долженъ былъ попытаться представить имъ эти процессы—въ особенности рожденіе, которымъ я и хотѣлъ ограничиться на первый разъ—какъ нѣчто, при всей естественности, прекрасное и священное.

И вотъ я стоялъ передъ своимъ старшимъ отдѣленіемъ. И мнѣ было немножко страшно. Какъ это выйдетъ? Это было исключительно дѣломъ настроенія, зависѣвшимъ отъ всевозможныхъ случайныхъ мелочей. Во время перемѣны я наскоро составилъ себѣ маленькій планъ. Но подробности долженъ былъ принести моментъ. Здѣсь неловкое слово, неумѣстный смѣхъ могли погубить все дѣло.

И дѣти, конечно, сейчасъ-же разскажутъ все дома. Что за крикъ поднимется въ деревнѣ! Во всей мѣстности! Больше всего будутъ кричать господа коллеги. Я уже разъ пережилъ это... Къ чорту! То, что я собираюсь сдѣлать, хорошо и правильно! А все остальное безразлично! За дѣло!

— Ну, дѣти, то, что я раньше разсказалъ вамъ и среднему отдѣленію о маленькихъ свинкахъ, вообще о млекопитающихъ—въ этомъ для васъ было немного новаго. Но мы теперь посмотримъ, какъ вообще размножается все въ природѣ, т. е. откуда у всѣхъ растеній и животныхъ берутся дѣти. Подумайте-ка: яблоня!—Развѣ у нея вообще есть дѣти?

— Да, яблоки!

— Яблоки? Гм, это не совсѣмъ такъ.

— Зернышки, которыя внутри яблокъ.

— Это уже вѣрнѣе. Но тоже не совсѣмъ. Такое зернышко, пока оно лежитъ въ яблокѣ, еще не живетъ. Оно станетъ оживать, только когда его положатъ въ сырое мѣсто. Какъ яйцо становится живымъ, когда его держатъ въ теплѣ, когда его высиживаютъ. И то живое, что выходитъ изъ яблочнаго зернышка...

— Это и есть ребеночекъ яблони!

— Конечно!—Но что же это такое?

— Маленькая яблоня!

— Вѣрно! Изъ зернышекъ, сѣмянъ, выходятъ маленькія деревца, это и есть дѣти яблони. И если мы хорошенько подумаемъ, какъ собственно возникаютъ эти дѣти яблони, то можно сказать... Ну, какъ вы думаете?

— Что они возникаютъ, какъ маленькія птички!

— Вѣрно, Рихардъ, вѣрно! Птицы кладутъ яйца и сидятъ на нихъ, пока изъ нихъ не выйдутъ дѣти. А у яблони есть сѣмена, и когда они лежатъ въ сыромъ мѣстѣ, то изъ нихъ тоже выходятъ дѣти—маленькія яблони. Разница только въ томъ, что яйца у птицъ растутъ внутри въ тѣлѣ, а у яблонь сѣмена растутъ снаружи. Почему-бы это такъ?

— Яйца легко раздавить. И еслибы они расли вотъ такъ, снаружи, то ихъ бы быстро раздавили.

— Да, и у яблони масса сѣмянъ. Въ одномъ яблокѣ ихъ бываетъ большей частью около десяти. Поэтому не такъ важно, чтобы изъ каждаго сѣмени вышла новая яблоня. Но птица кладетъ не такъ много яицъ. Вы не думайте о курахъ. Онѣ только постепенно научились класть столько яицъ, потому что люди требуютъ отъ нихъ этого. Но, напримѣръ, пѣвчая птичка кладетъ въ годъ самое большее 10—12 яицъ. Поэтому каждое яйцо надо хорошенько охранять, пока оно будетъ готово, и его можно будетъ снести. Поэтому птицы и носятъ его въ своемъ тѣлѣ. Тамъ съ яйцомъ ничего не можетъ случиться. И когда оно снесено, у него уже есть твердая скорлупа, которая все-таки немного защищаетъ его. А теперь подумайте о млекопитающихъ! Они не кладутъ яицъ и не высиживаютъ изъ нихъ птенцовъ. Но можно сказать, что они высиживаютъ своихъ дѣтей въ своемъ тѣлѣ. Вѣдь и у нихъ дѣти выходятъ изъ яйца. Но только они не кладутъ яйца, а дѣти выходятъ изъ него сразу, въ ихъ тѣлѣ. А потомъ родятся. Кто-нибудь можетъ сказать мнѣ, почему это такъ у млекопитающихъ?... Никто? Ну, тогда сравните, сколько сѣмянъ бываетъ въ годъ у

яблони, сколько яицъ кладетъ въ это-же время птица, и сколько дѣтей родится въ годъ у млекопитающаго животнаго, напримѣръ, у лошади или коровы. Свинья это исключеніе; у нея ихъ родится цѣлая масса.

— Ахъ, я знаю. У млекопитающихъ всегда бываетъ только одинъ дѣтенышъ или двое. И поэтому ихъ надо особенно охранять, чтобы съ ними ничего не случилось.

— Конечно. Поэтому млекопитающія высиживаютъ своихъ дѣтей въ себѣ и носятъ ихъ въ своемъ тѣлѣ, пока они не выростутъ настолько, что смогутъ родиться. Потому что въ материнскомъ тѣлѣ дѣти защищены лучше всего. Яблоня, та просто выращиваетъ свои яблоки съ сѣменами, потомъ роняетъ ихъ и больше о нихъ не заботится. Изъ сѣмянъ уже сами собой выростаютъ молодыя деревья, если только они попадаютъ въ сырую землю. Птицы уже носятъ яйца въ своемъ тѣлѣ, потомъ кладутъ ихъ, а потомъ еще сидятъ на нихъ нѣсколько недѣль. И если посмотрѣть, какъ, напримѣръ, насѣдка сидитъ недѣли три непрерывно на своихъ яйцахъ, почти не трогаясь съ мѣста, прямо не понимаешь, какъ она выдерживаетъ это. Ну, а теперь подумайте о млекопитающихъ! Ребенокъ въ материнскомъ тѣлѣ становится все больше и тяжелѣе. И матери становится все труднѣе носить его. А она еще должна кормить ребенка своими собственными соками! Все молодое животное—такое большое, когда оно родится—цѣликомъ создано изъ матери. И потомъ роды. Вы, можетъ быть, присутствовали когда-нибудь при томъ, какъ телилась корова и видѣли, какъ ей тогда тяжело приходится. Какъ ей при этомъ больно, и какъ она стонетъ и мычитъ, прежде чѣмъ родится ребенокъ! И какая она потомъ усталая и больная. Но за то какъ она рада, что у нея есть теленокъ! Она никакъ не можетъ успокоиться, если у нея отнимаютъ его! Итакъ, мы говорили о размноженіи растенія, о размноженіи птицъ и наконецъ о размноженіи млекопитающихъ животныхъ. А теперь, въ заключеніе, поговоримъ о размноженіи тѣхъ существъ, которыя по своему духу, конечно,

стоятъ выше млекопитающихъ, но по тѣлу вполнѣ принадлежатъ къ нимъ. Я подразумѣваю людей.—Какъ же размножаются люди?

Роковой вопросъ наконецъ поставленъ. Но дѣти еще не нравятся мнѣ. Дѣвочки угнетенно и боязливо смотрятъ въ пространство. Нѣсколько мальчиковъ скалятъ зубы за спинами сидящихъ впереди и заглушаютъ смѣхъ... Прежде всего надо изгнать это напряженіе!

— Ну, сказку объ аистѣ, который приноситъ маленькихъ дѣтей изъ пруда, вамъ, конечно, тоже разсказывали, а? А вы знаете, откуда берутся маленькія дѣти во Франціи? Растутъ въ саду, въ кочанахъ капусты.

На скамьяхъ раздается веселый смѣхъ—дѣвочки тоже смѣются. Напряженіе исчезло! Теперь можно говорить свободно, весело и въ то же время серьезно!

— Ну, эти сказки хороши для малютокъ. Но вы уже большіе и можете узнать, какъ въ дѣйствительности люди появляются на свѣтъ. Вы и такъ знаете кое-что. Но теперь поговоримъ объ этомъ совершенно откровенно и серьезно. У людей это происходитъ точно такъ-же, какъ у млекопитающихъ. Вѣдь я уже сказалъ, что по устройству своего тѣла человѣкъ принадлежитъ къ млекопитающимъ. Значитъ, сначала въ материнскомъ тѣлѣ есть совсѣмъ маленькое яйцо. Оно растетъ и увеличивается и выраститъ въ маленькаго человѣчка. Вначалѣ онъ немногимъ отличается вотъ отъ этой свинки и такой же маленькій. Но потомъ онъ становится все больше и больше. Онъ тоже крѣпко связанъ съ тѣломъ матери пуповиной и такимъ образомъ получаетъ свою пищу. И когда онъ разовьется настолько, что сможетъ сосать, глотать и переваривать молоко и сможетъ переносить, если вокругъ него будетъ немножко теплѣе или холоднѣе—въ тѣлѣ матери всегда одинаково тепло—тогда маленькій человѣчекъ родится. Вы уже слышали, что приходится переносить матерямъ у млекопитающихъ животныхъ, какъ имъ трудно носить дѣтей и какъ больно рожать. Все это, и гораздо больше, приходится переносить и

матери у людей, которая носитъ въ своемъ тѣлѣ ребенка! Да, подумайте только, сколько тяжелаго должны были перенести наши матери, прежде чѣмъ мы появились на свѣтъ! Какъ онѣ должны были беречься, чтобы съ нами ничего не случилось въ ихъ тѣлѣ, чтобы не былъ поврежденъ ни одинъ изъ нашихъ хрупкихъ маленькихъ членовъ! И подумайте, какъ онѣ питали насъ своими собственными соками! Вѣдь мы, такіе, какими родимся, выросли въ тѣлѣ матери—изъ ея крови! Подумайте и о томъ, какъ она наконецъ родила насъ, съ какими муками! И сколько матерей умираютъ, родивъ ребенка! Теперь вы знаете, какъ появляется человѣкъ на свѣтъ, какъ появились на свѣтъ вы сами. Теперь вы знаете и то, что сдѣлала и выстрадала для васъ ваша мать, еще прежде, чѣмъ вы знали что-нибудь о себѣ самихъ и о ней. Не забывайте этого никогда!

Дѣти сидѣли тихія и серезныя. Ни одинъ мальчикъ не смѣялся больше, и ни одна дѣвочка не смотрѣла угнетенно въ пространство.

Первая половина просвѣтительной работы была сдѣлана. Вторая—о зачатіи человѣка—должна была послѣдовать за ней. Но я хотѣлъ подождать случая и для нея. Къ сожалѣнію, онъ не подвернулся. А безъ принудительнаго повода я не могъ рѣшиться сдѣлать это—напр. при окончаніи дѣтьми школы. Молодому неженатому учителю трудно говорить объ этомъ передъ мальчиками и дѣвочками.

Теперь я сдѣлалъ-бы это при всякихъ условіяхъ. Хотя я и держусь того мнѣнія, что половой вопросъ могутъ и должны лучше всего разъяснить дѣтямъ родители, но гдѣ тѣ родители, которые дѣлаютъ—и могутъ дѣлать—это уже теперь?

Францъ Лихтенбергеръ.

Магдебургъ.

Какъ Ева стала матерью.

Легенда о раѣ.

Тихо проходили дни для Адама и Евы въ раю. У нихъ не было понятія о времени. Рожденіе и смерть растеній и животныхъ была для нихъ тѣмъ-же, что восходъ солнца и луны: они видѣли это, но не понимали, ибо въ ихъ собственной жизни не было возникновенія, роста, развитія, не было и смерти. Не было заботъ о пищѣ и кровѣ, потому что Господь давалъ имъ все черезъ своихъ служителей; не было нужды и страха, потому что Господь охранялъ ихъ, какъ дѣтей, въ своемъ саду. Но не было и радости отъ побѣды надъ заботами и нуждой. Когда вечеромъ они уходили спать въ свои хижины, Адамъ въ свою, Ева въ свою, какъ имъ указалъ Господь, они не желали другъ другу спокойной ночи, а утромъ, встрѣчаясь въ саду, добраго утра: вѣдь ночь могла быть только спокойной, какъ и прошлая, день—яснымъ и беззаботнымъ, какъ всѣ другіе.

Они часто съ удивленіемъ смотрѣли на животныхъ, и Ева спрашивала Господа: «Почему коза вечеромъ заставляетъ козленка уходить съ пастбища, когда онъ еще хочетъ ѣсть? почему она толкаетъ его рогами? пусть себѣ идетъ одна въ хлѣвъ!»—«Чтобы онъ попалъ до дождя въ сухое мѣсто», отвѣтилъ Господь. «Мать знаетъ лучше, что хорошо для ея ребенка, и должна учить его».

«Однако коза сварлива», замѣтила Ева на другое утро. «Посмотри, Господи, какъ она прогоняетъ теленка; а вотъ идетъ корова; теперь онѣ дерутся; почему это, Господи?»—«Развѣ ты не видѣла, Ева», отвѣтилъ Господь, «что сегодня утромъ, какъ только открыли хлѣвъ, коза побѣжала туда и повела за собой козленка? Она вчера нашла здѣсь

хорошую, сочную траву и, уходя домой, подумала: завтра рано утромъ я поведу сюда моего козленка и покажу ему, какая трава самая лучшая. И еще прежде, чѣмъ стало свѣтло, она позаботилась уйти изъ хлѣва первая. Теперь корова съ теленкомъ тоже пришли на это мѣсто; и вотъ каждая мать хочетъ для своего дѣтеныша самой лучшей травы».

Ева замолчала и стала смотрѣть, какую траву выискиваетъ коза; такой она и нарвала. И когда вечеромъ мать опять погнала козленка въ хлѣвъ, она показала ему эту траву, потомъ пошла впередъ и положила ее въ ясли. Козленокъ охотно пошелъ за ней и Ева радовалась этому; ложась спать, она подумала: завтра я постараюсь найти ея много; я дамъ и теленку, и ягненку.

Когда она на другое утро вышла изъ хижины, всѣ животныя были уже на пастбищѣ, недоставало только козы съ козленкомъ. Тогда она пошла въ хлѣвъ; тамъ сидѣлъ ангелъ Господень, держалъ козленка на колѣняхъ, а коза стояла подлѣ него и тихо блеяла. Подойдя ближе, Ева увидѣла, что ангелъ крѣпко перевязываетъ козленку ногу. «Онъ ночью», сказалъ ангелъ, «чтобы еще полакомиться кормомъ, влѣзъ въ ясли и сломалъ себѣ ногу. Теперь мы должны носить имъ кормъ».—«Но вѣдь сама коза можетъ пойти съ нами и пастись тамъ», сказала Ева. Тогда подошедшій Господь сказалъ: «Она, навѣрно, не уйдетъ отъ своего больного дѣтеныша». Когда они вернулись съ кормомъ, козленокъ сейчасъ-же принялся усердно ѣсть, но коза все подвигала ему изъ своего самое лучшее, а сама только отъ времени до времени жевала какой-нибудь стебелекъ, и все время тревожно переходила съ мѣста на мѣсто и робко озиралась. «Но такъ она не насытится», сказала Ева.—«Прежде чѣмъ дѣтенышъ не выздоровѣетъ, она, навѣрно, не будетъ ни ѣсть до сыта, ни отдыхать».

Ева замолчала и пошла раньше обыкновеннаго къ своей хижинѣ, сѣла передъ ней и стала смотрѣть издали на козъ. Адамъ подошелъ къ рѣшеткѣ, раздѣлявшей ихъ хижины, прислонился къ двери, которую Господь заперъ,

въ знакъ того, что Адамъ не долженъ переступать черезъ нее, и спросилъ: «Почему ты сегодня такъ задумчива, Ева?»—«Не знаю, Адамъ», отвѣтила она; «я думаю, потому, что козленокъ сломалъ себѣ ногу».

На слѣдующій день она все время носила кормъ и сказала ангелу, который хотѣлъ помочь ей: «Попроси Господа, чтобы онъ позволилъ мнѣ дѣлать это одной». И Онъ позволилъ.

Черезъ три дня козленокъ уже могъ, прихрамывая, отправиться на пастбище. Тогда Ева утромъ сѣла передъ своей хижиной и принялась смотрѣть въ пространство. Адамъ спросилъ: «Почему ты такъ печальна, Ева, и не ѣшь ничего?»—«Мнѣ нечего дѣлать, Адамъ. Но почему ты не помогалъ мнѣ заботиться о козленкѣ?» — «Вѣдь ты хотѣла дѣлать это одна, Ева». Она молчала.

На слѣдующій день она сказала ему: «Дастъ мнѣ Господь тоже ребенка, если я попрошу его объ этомъ?» Адамъ сказалъ: «Я спрошу его, Ева, если это доставляетъ тебѣ радость». И онъ спросилъ Господа. Господь пришелъ къ Евѣ и сказалъ: «Но ты должна заботиться о ребенкѣ».—«Я буду это дѣлать, Господи», отвѣтила она.

Тогда Господь сдѣлалъ, какъ при сотвореніи Адама, изъ глыбы земли ребеночка, вдунулъ въ него душу и принесъ его ей. Когда она взяла его, онъ закричалъ. Ева испугалась и воскликнула: «Господи, что съ нимъ? Что мнѣ сдѣлать?»—«Онъ голоденъ», отвѣтилъ Господь; «вотъ стоитъ коза; у нея было два козленка, и въ ея вымени есть молоко для двухъ; но одинъ козленокъ вчера умеръ. Теперь ребенокъ можетъ сосать изъ нея». Когда она приложила его къ вымени, ребенокъ успокоился и принялся пить, а коза тихо стояла.

Теперь Ева заботилась о ребенкѣ, мыла, одѣвала его и укладывала спать, и радовалась, когда онъ шалилъ и смѣялся.

Но ребенокъ радовался больше всего, когда приходила коза. Тогда онъ жадно цѣплялся за нее ручонками, а когда наѣдался, игралъ съ козленкомъ. Козленокъ прыгалъ вокругъ

него и въ шутку бодалъ его. Ребенокъ ручонками хваталъ маленькіе рога, а старая коза стояла и присматривала за ними. Но когда приходила Ева, козленокъ убѣгалъ, а коза за нимъ, тогда ребенокъ кричалъ и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока коза не приходила опять. Это часто огорчало Еву.

Однажды, утромъ, когда Ева приложила ребенка къ вымени козы, она тихонько оттолкнула его въ сторону, отошла и дала пить своему козленку. Ева пробовала нѣсколько разъ приложить ребенка, но коза каждый разъ отталкивала его. Ребенокъ страшно кричалъ, и Ева, не зная, что дѣлать, позвала Господа: «Гадкая коза не даетъ ребенку молока, Господи; ты долженъ наказать ее».

Господь посмотрѣлъ на козу и сказалъ: «Развѣ ты не видишь, Ева, какая она стала худая, и какъ мало молока у нея въ вымени? Посмотри, губа у нея вся распухла отъ укуса осы; теперь она не можетъ какъ слѣдуетъ ѣсть, и поэтому у нея мало молока».—«Тогда она можетъ дать каждому половину. Что, еслибы другой козленокъ остался живъ!»—«Тогда она, конечно, дала бы обоимъ, сколько-бы у нея ни было. Она не сердится на ребенка, вѣдь прежде она давала ему пить, но вѣдь козленокъ ея собственный. И такъ какъ она чувствуетъ свою слабость, то она даетъ ему первому, пока онъ не насытится».

Тогда Ева замолчала.

Господь велѣлъ привести корову, у которой было достаточно молока; и ребенокъ насытился. Но Ева подумала: какъ хорошо, что коровы, козы и другія животныя могутъ давать пищу своимъ дѣтямъ, пока они не вырастутъ и не смогутъ сами находить траву и ѣсть. Еслибы не было козъ и коровъ, то ребенокъ умеръ бы; вѣдь онъ еще не можетъ ѣсть то, что ѣдимъ мы, ему нужно молоко.

Однажды ночью Еву разбудило мычанье коровы; оно продолжалось очень долго и было очень жалобно. Она не могла заснуть; когда наступило утро, она сейчасъ-же вышла изъ своей хижины и спросила Господа: «Господи, что было

сегодня ночью? Какая-то корова мычала отъ боли; она, вѣрно, сломала себѣ ногу?»—«Иди сюда, Ева», сказалъ Господь, «и посмотри». Недалеко оттуда, въ хлѣву для рогатаго скота, лежала корова; рядомъ съ ней стоялъ совсѣмъ маленькій теленокъ. Онъ еще не твердо, но бодро стоялъ на неуклюжихъ ножкахъ; и она нѣжно облизывала его. «Она родила его сегодня ночью», сказалъ Господь. «Но почему-же она кричала?» спросила Ева. «Она носила его въ своемъ тѣлѣ, пока онъ былъ малъ; теперь-же онъ сдѣлался такимъ большимъ и сильнымъ, что можетъ переносить холодъ и жару, стоять и ходить и слѣдовать за матерью на пастбище, чтобы пить ея молоко, когда проголодается. И сегодня ночью онъ вышелъ изъ тѣла матери на свѣтъ»...

«О, бѣдная корова», воскликнула Ева и опустилась на колѣни возлѣ нея. «Бѣдная?» сказалъ Господь. «Посмотри, какъ она облизываетъ теленка и какъ охотно подставляетъ ему вымя. Развѣ она не кажется счастливой въ своихъ заботахъ и не довольна, что своими страданіями дала жизнь своему ребенку? Посмотри на сѣмя лиліи и яичко бабочки: ихъ можетъ развѣять вѣтеръ и уничтожить дождь, а она защищаетъ своего ребенка въ своемъ тѣлѣ своей жизнью».—«Значитъ, это ея собственный теленочекъ», сказала Ева, «и поэтому коза не дала молока другому».—«Да, поэтому, а вотъ идетъ отецъ теленка, быкъ, который живетъ рядомъ съ ней. Смотри, какъ онъ лижетъ ей морду и уши... Однажды, когда они такъ ласкали другъ друга, онъ вложилъ сѣмя изъ своего тѣла въ ея, изъ этого сѣмени и выросъ теленокъ».

Ева принесла своего ребенка и цѣлый день провела возлѣ коровы, глядя, какъ она заботилась о своемъ дѣтенышѣ. Когда же быкъ лизалъ ей морду и уши, она ласкала его.

На слѣдующій день теленокъ уже послѣдовалъ за матерью на пастбище.

Ева опять осталась у своей хижины, вблизи которой

изъ всѣхъ животныхъ, жившихъ въ раю, были только коза съ хромымъ козленкомъ, корова, молоко которой пилъ ребенокъ, и еще нѣсколько коровъ, козъ и овецъ со своими дѣтенышами.

Другимъ животнымъ Господь указалъ ихъ мѣста для пастбища, хлѣвы и рощи далеко отсюда; тамъ они и жили всѣ вмѣстѣ: слоны, львы, тигры и другіе звѣри тоже. У опушки лѣса лежала львица съ тремя дѣтенышами. Рядомъ съ ней слониха показывала своему дѣтенышу, какъ наклонять хоботомъ вѣтви съ самыми сочными листьями. Тутъ же паслись антилопы и буйволы, поодиночкѣ и группами. Дѣтенышъ слона спокойно грызъ боковыя вѣтки дерева, подъ которымъ лежала львица, но когда онъ со своими неуклюжими ножищами подходилъ слишкомъ близко къ ея дѣтенышамъ, она ворчала, тогда онъ отходилъ въ сторону. Но на верхушкѣ дерева сидѣла змѣя; она все соблазняла дѣтеныша слона: «здѣсь, наверху, самые нѣжные листья». Онъ попробовалъ, но его хоботъ не доставалъ такъ высоко. «Подойди поближе къ срединѣ», шипѣла она, «и стань на заднія ноги». Но въ срединѣ лежала львица, и когда онъ подошелъ поближе, она заворчала. Тогда онъ попробовалъ сдѣлать это сбоку; но—о горе!—его ноги были слишкомъ слабы; онъ упалъ и придавилъ одного изъ маленькихъ львовъ. Тотъ громко вскрикнулъ, львица однимъ прыжкомъ вцѣпилась маленькому слону въ шею и онъ опрокинулся на земь, окровавленный, съ раздробленнымъ черепомъ. Пришла мать, высоко поднявъ хоботъ, и ея ревъ смѣшался съ ревомъ львицы.

При видѣ этого нарушенія мира буйволы, антилопы, газели оцѣпенѣли отъ ужаса и застыли на своихъ мѣстахъ. Но когда примчался съ ужаснымъ ревомъ и левъ, и съ громкимъ фырканіемъ прибѣжалъ старый слонъ, когда львица и слониха вцѣпились другъ въ друга надъ своими мертвыми дѣтенышами, тогда все стадо бросилось бѣжать въ дикомъ, безумномъ ужасѣ.

Адамъ сидѣлъ немного въ сторонѣ отъ Евы и мастерилъ

изъ досокъ кроватку для ребенка; его просила объ этомъ Ева, которая хотѣла заботиться о ребенкѣ одна съ Адамомъ, безъ помощи ангеловъ.

Вдругъ онъ услышалъ вдали топотъ копытъ. Навстрѣчу ему катилась темная, многоголовая масса, и изъ нея къ нему доносился глухой шумъ голосовъ. Удивленный, онъ поспѣшилъ навстрѣчу, чтобы посмотрѣть, кто это мчится оттуда, гдѣ онъ такъ часто бродилъ среди звѣрей.

Вдругъ онъ увидѣлъ возлѣ себя нѣсколько коровъ, козъ и овецъ; онѣ поспѣшно, какъ только могли, съ дѣтенышами взбирались на гору, испуганно мыча. Если какой-нибудь дѣтенышъ отставалъ, мать оборачивалась и толкала его впередъ. Стѣснившееся въ кучу стадо уже мчалось по узкой ложбинѣ; тогда Адамъ въ испугѣ вспомнилъ о Евѣ.

Она сидѣла за маленькимъ холмомъ. Она тоже услышала шумъ и, вставъ, съ удивленіемъ замѣтила, что старая овца поспѣшно гнала еще хромавшаго козленка на гору; она бѣжала впереди съ громкимъ блеяніемъ, и когда онъ отставалъ, возвращалась, зовя его все тревожнѣе. Ева сдѣлала нѣсколько шаговъ вверхъ, въ это время въ страхѣ прибѣжалъ Адамъ, а за нимъ, едва на разстояніи ста шаговъ, слѣпо напирала дикая, волнующаяся масса.

Ева остановилась въ оцѣпенѣніи; но Адамъ крѣпко схватилъ ее за руку: «Наверхъ, иначе они раздавятъ насъ». Въ страхѣ она безвольно дала увлечь себя на холмъ. Бушующая масса промчалась по лугу позади нихъ.

Какое происшествіе! Безмолвно каждый изъ нихъ старался прочесть объясненіе въ глазахъ другого.—Но вдругъ съ крикомъ «ребенокъ» Ева вырвалась изъ рукъ Адама и бросилась внизъ. Прежде всего она увидѣла корову, а подъ ней теленка, раздавленныхъ, окровавленныхъ, недвижимыхъ. А дальше лежалъ ребенокъ. Ева подняла его; въ немъ не было и признаковъ жизни. Она въ оцѣпенѣніи смотрѣла на блѣдное личико. Это была смерть. Съ дрожью стояла она передъ этой загадкой. Тихое блеяніе пробудило ее изъ задумчивости. Недалеко отъ нея лежала коза съ помутив-

шимися глазами, подъ ней что-то шевелилось. Подошедщій Адамъ поднялъ ее; изъ-подъ нея выползъ козленокъ; онъ весь дрожалъ и отъ страха едва шевелилъ членами, но былъ невредимъ; съ тихимъ блеяніемъ онъ обнюхалъ свою мертвую мать, закрывшую его своимъ тѣломъ.

«О, Адамъ, зачѣмъ убѣжала я!» воскликнула Ева. «Да, почему убѣжала ты?» тихо сказалъ Господь, подошедшій невидимо для нихъ. «Я увлекъ ее силой», сказалъ Адамъ. «Но я послушалась тебя» жалобно сказала Ева. «Мы никогда не знали страха и ужаса, мы не могли размышлять,» продолжалъ Адамъ. «Быкъ», сказалъ Господь, «тоже побѣжалъ впередъ, и корова тоже не знала до сегодняшняго дня страха и ужаса, но она все-таки не послѣдовала за нимъ, потому что теленокъ не могъ пойти съ ней». Ева опустила голову; но Адамъ положилъ руку на ея плечо: «Господи, но вѣдь это былъ ея собственный дѣтенышъ». Тогда Господь отвернулся и медленно удалился.

Ева-же взяла Адама за руку, прислонилась къ нему и заплакала.

На третій день, когда взошло солнце, они похоронили ребенка. Но Господь сказалъ: «Не грусти, Ева, я не ставлю тебѣ этого въ вину. Теперь онъ сдѣлался ангеломъ».

Цѣлый день Ева сидѣла передъ своей хижиной и смотрѣла въ пространство.

Когда наступилъ вечеръ, Адамъ подошелъ къ рѣшеткѣ и сказалъ: «Войди въ хижину, милая Ева, падаетъ вечерняя роса, и становится холодно». Ева встала и сказала: «Спасибо тебѣ, мой дорогой,» и вошла въ хижину.

Но Адамъ не могъ спать, потому что слышалъ, какъ Ева плакала у себя. Онъ вышелъ изъ своей хижины и прислонился къ двери забора Евы. Она подалась и открылась. Адамъ подошелъ къ хижинѣ Евы и позвалъ ее. Но Ева не слышала, потому что громко рыдала. Тогда ему стало страшно за нее, и онъ вошелъ, сѣлъ у ея постели и взялъ ее за руку: «Не будь такъ печальна, Ева; смотри, я грущу вмѣстѣ съ тобой и люблю тебя». Тогда они обнялись и поцѣловались

Утромъ, когда Ева открыла глаза, она увидѣла Адама на постели рядомъ съ собой. Она испугалась, обняла его и сказала: «Что скажетъ Господь?» Адамъ всталъ и пошелъ искать Господа. Господь стоялъ передъ дверью сада.

«Она стала моей женой, Господи», сказалъ Адамъ; «отнынѣ я буду самъ работать для нея и заботиться о ней». И Ева, услышавъ его рѣчь, встала, вышла и смиренно посмотрѣла на Господа. Господь положилъ руки ей на голову и сказалъ: «У тебя родится ребенокъ отъ Адама, Ева, и я помогу тебѣ выростить его въ твоемъ тѣлѣ и дамъ молоко твоей груди, чтобы кормить его.» Тогда на нее сошла благодать и несказанная радость. Господь благословилъ ихъ обоихъ: «Теперь идите, мужъ и жена, вершите на землѣ свою судьбу и будьте творцами и хранителями своихъ радостей и страданій. Какъ тебѣ, Ева, такъ и твоимъ дочерямъ я дамъ силу чрева, чтобы онѣ въ любви къ своимъ мужьямъ носили дѣтей въ собственномъ плодородномъ чревѣ, пока они не смогутъ переносить воздухъ и солнце, жару и холодъ. И дамъ молоко ихъ груди, чтобы онѣ кормили дѣтей, пока они не смогутъ ѣсть того, что доставляетъ вамъ домъ и дворъ, садъ и поле. И когда въ любви и заботахъ, въ радостяхъ и страданіяхъ истощатся ваши силы, я опять открою вамъ двери неба, гдѣ вы будете ждать веселую дружину вашихъ дѣтей и внуковъ».

И бодрые и серьезные, полные благоговѣнія и жажды работы пошли они въ жизнь.

Куртъ Паушъ.

Берлинъ.

Господи, коснись устъ моихъ, чтобы они отверзлись и заговорили, когда настанетъ ихъ часъ.

Два раза въ жизни мнѣ пришлось услышать непосредственно изъ устъ дѣтей вопросъ о происхожденіи новорожденнаго младенца. Одинъ разъ онъ вырвался со стихійной силой, какъ весною изъ почки на полномъ соковъ побѣгѣ прорываются листья и цвѣты: его вызвало горячее желаніе правды. Его поставила дѣтская душа, въ своей горячей любви къ міру пытливо стремящаяся постигнуть его. Ей казалось, что она напала на слѣдъ великихъ жизненныхъ загадокъ о зарожденіи и смерти въ природѣ; но передъ загадкой собственной жизни она стояла, какъ передъ запертой дверью, и не было никого, кто открылъ-бы ее передъ нею.

И вотъ ищущее дитя обращается со своимъ стремленіемъ ввысь и вглубь ко мнѣ, и въ его мечтательныхъ глазахъ свѣтится какое-то особенное сіяніе, какъ будто глубоко въ душѣ у него шевелится увѣренность: «Онъ скажетъ мнѣ, и я наконецъ узнаю и пойму это!» Ибо ребенокъ, спросившій меня, былъ мой ребенокъ, десятилѣтній мальчикъ. Въ одинъ весенній день, полный солнечнаго сіянія, насъ обоихъ потянуло въ душистый майскій лѣсъ. На вѣтвяхъ раскрывались набухшія почки, и изъ нихъ пробивалась молодая жизнь: душистые листочки, а на терновомъ кустѣ бѣлые цвѣты; по вѣтвямъ прыгали зяблики, пѣлъ сѣрый дроздъ и иволга. Меня вдругъ охватилъ странный трепетъ, и я сказалъ: «Вотъ тебѣ мой милый птенчикъ, мать—земля, береги его и прижми его крѣпко, крѣпко къ своему бьющемуся сердцу!»

Едва я сказалъ это про себя, какъ надъ нами пролетѣло двое зябликовъ, гоняясь другъ за другомъ въ любов-

ной игрѣ. «Чего они хотятъ, папа?» спросилъ мальчикъ. «Свить гнѣздо для своихъ птенцовъ», сказалъ я, «а для этого они спариваются». Ребенокъ молчалъ.

Мы подошли къ маленькому пруду, гдѣ часто сиживали. Вода вся кишѣла слизью, въ которой скрывались черныя яички; изъ нихъ выходили новыя существа, безчисленные крохотные головастики—они уплывали и опускались на дно; мой мальчикъ все смотрѣлъ, мѣшая вѣткой тинистую воду; но онъ щадилъ жизнь, она была для него священна.

И когда мы пошли дальше, глубже въ зеленый майскій лѣсъ по уединенной тропинкѣ, онъ, чистосердечный, какъ всегда, схватилъ мою руку. «Папа», сказалъ онъ, «что маленькія дѣти не выходятъ изъ такого пруда, и что ихъ не приноситъ аистъ, я знаю, но... откуда-же они берутся? и гдѣ былъ я, прежде, чѣмъ появился на свѣтъ?»—и онъ посмотрѣлъ на меня своими большими глазами.

Услышавъ вопросъ моего ребенка, я не долго раздумывалъ, долженъ-ли я отвѣтить ему или нѣтъ, и не повредитъ-ли ему правда. Безъ колебанія, слѣдуя внутреннему порыву, какъ будто иначе и не могло быть, я сказалъ ему: «Нѣтъ, мальчикъ, ты не явился изъ пруда. Тебя, какъ и всѣхъ дѣтей, родила мать, твоя мать!».

Затѣмъ я сказалъ ему—и любовное волненіе, которое знаютъ только отецъ и мать, охраняющіе своего ребенка, дрожало въ моихъ словахъ:—«И знай, мой мальчикъ», сказалъ я, «разъ мы уже заговорили объ этомъ, что она родила тебя съ мученіями и страданіями—и съ душевными муками, со страхомъ и смертельной опасностью. Ты лежалъ въ ея тѣлѣ, подъ самымъ сердцемъ ея—и она носила тебя въ себѣ много мѣсяцевъ, когда ты былъ маленькимъ, но быстро растущимъ существомъ—со страхомъ и заботами, чтобы съ тобой ничего не случилось по ея винѣ, чтобы ты принесъ съ собой на свѣтъ прямые, здоровые органы, и чтобы въ твоей груди жила хорошая душа. Когда-же ты родился на свѣтъ—я помню это такъ, какъ будто это было вчера—твою мать оставили силы, и она

была такъ слаба, что мы всѣ думали,—она не перенесетъ этого. Но когда она услышала твой голосъ—ты громко кричалъ, когда вышелъ изъ темной комнатки въ тѣлѣ матери на свѣтъ дня и набралъ полныя легкія воздуху—она сказала такимъ усталымъ голосомъ: «Покажите его мнѣ!» Акушерка взяла тебя на руки и показала матери; тогда по ея лицу скользнула улыбка, и на блѣдныхъ щекахъ заструились, какъ два ручейка, свѣтлыя слезы; но это были слезы радости. Мы должны были положить тебя возлѣ нея на подушки, но докторъ запретилъ это, такъ слаба она была, и акушерка положила тебя на твою собственную постельку въ колыбели, и скоро вы оба заснули, ты и твоя мать. Я-же воткнулъ каждому изъ васъ въ подушку цвѣтущую вѣтку сирени. Вотъ, мой мальчикъ, какъ ты появися на свѣтъ!»

«Да, папа, но какъ-же ребенокъ попадаетъ въ свою мать?» спросилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, мальчикъ. «Онъ выростаетъ внутри нея», сказалъ я, «какъ побѣгъ въ почкѣ», и показалъ ему почку клена, уже наполовину раскрывшуюся. «Съ осени лежитъ въ ней вѣтка со своими листьями и цвѣтами, лежитъ всю зиму, и покровы защищаютъ ее, а когда весной начинаетъ свѣтить теплое солнце и подыматься сокъ, побѣги становятся больше, и имъ уже тѣсно въ ихъ узкомъ жилищѣ; тогда они выбиваются наружу.—Или какъ вотъ этотъ зародышъ въ сѣмени: въ этомъ покровѣ молодое растеньице спало всю зиму, а весной оно впитываетъ влагу изъ земли, теплота проникаетъ въ него и согрѣваетъ зародышъ, тогда онъ просыпается и начинаетъ расти, и когда ему становится тѣсно въ своей скорлупѣ, онъ выходитъ изъ нея, пускаетъ корешокъ въ землю, а потомъ и листочки. Такъ и ребенокъ выходитъ изъ тѣла матери, когда наступаетъ его пора».

Молча шли мы другъ возлѣ друга. Мальчикъ все еще держалъ меня за руку. Мечтательными глазами смотрѣлъ онъ на весенній лѣсъ, гдѣ тысячи молодыхъ жизней про-

рывали тѣсные покровы и пробивались къ свѣту; но онъ думалъ о другомъ.

Такъ привелъ я его къ его матери.

Въ другой разъ вопросъ о происхожденіи жизни раздался изъ нечистыхъ устъ, изъ рядовъ моихъ учениковъ— во время урока З. Божія, который я давалъ еженедѣльно въ соединенныхъ трехъ высшихъ классахъ; онъ былъ произнесенъ передъ всѣми учениками, и отвѣтъ долженъ былъ быть данъ тутъ-же *).

Въ жизнь Христа, нашего Спасителя, хотѣли мы углубиться вмѣстѣ, мои юные друзья и я; младшимъ ученикамъ я поставилъ задачу, въ качествѣ помощниковъ, давать старшимъ товарищамъ богатый матеріалъ; эти послѣдніе, болѣе знающіе, формировали изъ него, черту за чертой, образъ Спасителя—съ сердцемъ, полнымъ стремленія искупить, бьющимся горячей спасительной любовью. А моя задача заключалась въ томъ, чтобы тамъ и сямъ кое-что прибавить или убавить, тамъ, гдѣ пониманіе ваятелей преувеличивало или преуменьшало.

Въ этомъ дружномъ творчествѣ было много радости, и сердца моихъ учениковъ разгорѣлись отъ обмѣна мыслями и чувствами. И мое сердце тоже. И по живому току, пробѣгавшему отъ устъ къ устамъ и отъ сердца къ сердцу, я чувствовалъ, что на насъ исполнилось слово Господа: «Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ буду и Я».

Вдругъ одинъ ученикъ, который до сихъ поръ принималъ мало участія въ бесѣдѣ,—и мои глаза уже не разъ искали его, а уста поощряли, но тщетно—вдругъ онъ поднялъ палецъ въ знакъ того, что хочетъ что-то спросить.

---

*) Вопросъ, какъ и отвѣтъ, съ ихъ послѣдствіями, имѣли большое значеніе для меня, какъ и для ряда другихъ людей. Поэтому этотъ урокъ будетъ памятенъ мнѣ до конца жизни, какъ убѣдительное доказательство того, что на человѣка въ его духовномъ ростѣ часто производятъ большее дѣйствіе и оказываютъ большее вліяніе мимолетные моменты глубокоидущихъ впечатлѣній, чѣмъ изобиліе образовательныхъ моментовъ, ничѣмъ не возвышающихся надъ будничнымъ ходомъ жизни.

Въ углахъ рта у него играла та своеобразная улыбка, а въ глазахъ былъ тотъ почти жуткій влажный блескъ, которые были знакомы мнѣ, какъ ничего хорошаго не предвѣщающіе признаки. Но въ радости, что онъ заинтересованъ и хочетъ принять участіе, я не обращаю на это вниманія и сейчасъ-же вызываю его, хотя, собственно, имѣлъ въ виду другого.

Онъ медленно выпрямляется во весь ростъ, и блескъ въ его глазахъ становится рѣжущимъ, а улыбка въ углахъ рта болѣе ясной; губы его вздрагиваютъ, и каждое движеніе ихъ болѣзненно впивается мнѣ въ грудь; у меня захватываетъ дыханіе, и сердце начинаетъ громко стучать отъ страха, какъ будто насъ ждетъ несчастье, котораго я не могу предотвратить.

Онъ спрашиваетъ голосомъ еще болѣе пронзительнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ всегда: «Господинъ докторъ, въ Евангеліи отъ Луки гл. 2, стихъ 23 сказано: «Какъ предписано въ законѣ Господнемъ, чтобы всякій младенецъ мужескаго пола, впервые разверзающій свою мать, былъ посвященъ Господу». Я хотѣлъ-бы знать, что надо понимать подъ выраженіемъ: «впервые разверзающій свою мать» *).

Затѣмъ онъ медленно опустился на свое мѣсто съ торжествующимъ взглядомъ, какъ будто говоря: «Кто изъ васъ способенъ на такой подвигъ?»

Прежде всего во мнѣ вспыхнула горечь передъ этой грубостью, которая вторглась въ нашу работу и грозила затормозить и измѣнить теченіе нашихъ мыслей и чувствъ и зарожденіе высокихъ побужденій. Зато въ огонь чувственной похоти словно подлили масла; я отлично замѣтилъ, что вопросъ произвелъ на моихъ учениковъ впечат-

---

*) Что ученики—изъ эмпирическаго или спекулятивнаго интереса—обращались ко мнѣ съ вопросами, было не только желательно, но и необходимо; форма и успѣхъ преподаванія основаны на этомъ, и если у учениковъ самихъ не возникали вопросы, то я старался возбудить ихъ, такъ что ученики только придавали имъ соотвѣтствующую форму.

лѣніе событія. Нѣкоторымъ онъ показался оскверненіемъ святыни, вызвалъ на ихъ лицахъ краску стыда и негодованія и сдавилъ душу тяжелыми тисками. Другіе-же, близко стоявшіе къ спросившему по духу и образу мыслей, проявляли взглядами и одобрительнымъ покашливаніемъ свое молчаливое согласіе и удовольствіе.

Но всѣми овладѣло такое напряженное ожиданіе того, что я отвѣчу, что въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина, и каждый могъ, кажется, слышать біеніе сердца своего сосѣда.

Во мнѣ поднялось великое чувство отвѣтственности моего учительскаго званія, возлагающаго на меня заботу о спасеніи довѣреннаго мнѣ юношества. Я почувствовалъ, чтó стоитъ на картѣ, и увидѣлъ всю опасность, которая грозитъ моимъ юнымъ друзьямъ, и изъ моей души вырвался тяжелый вздохъ: «Господи, коснись устъ моихъ, чтобы они отверзлись и заговорили, такъ какъ насталъ ихъ часъ».

И вдругъ меня охватила радость, какую испытываешь въ тѣ рѣдкія, блаженныя минуты, когда чувствуешь другихъ въ своей власти и можешь дать имъ частицу своей духовной жизни. И я отвѣтилъ на мысли и чувства моихъ учениковъ, на слово евангелиста, и на вопросъ ученика— тоже вопросомъ.

Но въ то-же время я горячо прижалъ его къ своему сердцу — тономъ, который трепеталъ въ моихъ словахъ, такъ что онъ долженъ былъ услышать его біеніе и мою любовь. Другіе тоже, конечно, замѣтили, какъ любовно я отнесся къ нему.

«Мой милый», сказалъ я, «что такое первенецъ, ты, конечно, знаешь». И когда онъ согласился съ этимъ и сказалъ, что это перворожденный у людей и животныхъ, онъ долженъ былъ сказать мнѣ, когда же первенецъ или перворожденный можетъ разверзнуть мать. Это бываетъ при рожденіи, сказалъ онъ. Откуда является ребенокъ при своемъ рожденіи, знаетъ тоже всякій, продолжалъ

я, и онъ, конечно, тоже; пусть-же онъ скажетъ это. Онъ сдѣлалъ это, но запинаясь и заикаясь: ребенокъ выходитъ изъ тѣла матери. Тогда я еще заставилъ его сказать, что-же, слѣдовательно, могутъ означать слова «разверзаетъ свою мать» и онъ отвѣтилъ опять совершенно правильно, но съ еще большими запинками и внутреннимъ сопротивленіемъ: «это значитъ: выходитъ изъ тѣла матери».

Такъ я заставилъ его самого отвѣтить по частямъ на свои вопросы. Это было ему страшно непріятно, и онъ горько сожалѣлъ, что предложилъ этотъ вопросъ. Скверная черточка исчезла изъ угловъ его рта и уступила мѣсто смущенію. По комнатѣ пронесся вздохъ облегченія, и на лицахъ учениковъ появилось выраженіе радости, какъ будто они хотѣли сказать: «Такъ тебѣ и надо, грязный малый, зачѣмъ ты предлагаешь такіе щекотливые и нечистые вопросы!»

И послѣ того, какъ онъ призналъ, что теперь ему все ясно, и что, въ сущности, ему незачѣмъ было бы и спрашивать, еслибы только онъ немножко подумалъ самъ, я сказалъ по этому поводу еще нѣсколько словъ: во-первыхъ, что ребенокъ до рожденія покоится подъ сердцемъ матери, и что это означаетъ; во-вторыхъ, что человѣкъ при своемъ рожденіи, въ самомъ дѣлѣ, какъ это говорится въ Писаніи, разверзаетъ тѣло матери. Это можетъ произойти только съ большими страданіями и муками, какъ сказалъ Господь женѣ: «Съ муками будешь рожать дѣтей!» Отъ родовыхъ мукъ дрожитъ и трепещетъ все тѣло матери, и она находится въ смертельной опасности; многимъ матерямъ приходится при этомъ разстаться съ жизнью, и старая жизнь гибнетъ, когда новая выходитъ на свѣтъ дня изъ ея священнаго лона. И священны должны быть муки родящей матери, освященныя почти непостижимой любовью: когда раздается первый крикъ новорожденнаго, мать, еще борящаяся со смертью, зоветъ существо, которому она дала жизнь. Она хочетъ видѣть его, ласкать и цѣловать.

Затѣмъ я разсмотрѣлъ и то, что заключалось въ словѣ Господнемъ о принесеніи жертвы за первенца, и что означаетъ жертва: это выкупъ отъ служенія Іеговѣ и освобожденіе для собственнаго жизненнаго труда; но служеніе этому труду должно быть не менѣе честнымъ и не менѣе отвѣтственнымъ.

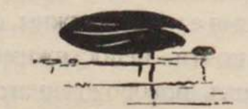
Честно исполнять свою работу и теперь лучшее служеніе человѣка Господу. И каждый изъ насъ долженъ съ юности готовиться къ этой работѣ, стать дѣльнымъ и способнымъ къ ней, закалить тѣло и духъ,—и сохранить ихъ здоровыми, чистыми отъ грѣховной похоти и нецѣломудренности, которыя дѣйствуютъ, какъ разъѣдающій ядъ.

Поэтому въ груди каждаго юноши должно горѣть свѣтлымъ пламенемъ чувство отвѣтственности, чтобы онъ дрожалъ и страшился за свою душу и цѣль своей жизни, чтобы онъ трепеталъ и спрашивалъ: «Вѣрнымъ-ли путемъ иду я?» и чтобы онъ охранялъ свое тѣло, какъ священный храмъ Бога, который не должно осквернить или запятнать ни одно нечистое дѣяніе.

Если-же его собственная сила недостаточна и ему грозитъ опасность уступить искушенію, внутреннему или внѣшнему, онъ смѣло обратится со всѣмъ, что тяготитъ и печалитъ его сердце, къ Тому, Кто сказалъ: «Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные; и Я успокою васъ!» И такимъ образомъ я опять привелъ всѣхъ ихъ, моихъ юныхъ друзей, къ Спасителю, и истолковалъ имъ, что хотятъ дать эти слова горячей любви надломленному человѣку и разбитой силѣ.

Теодоръ Краусбауэръ.

Бременъ.



Amor ci conduca!
Да ведетъ насъ любовь!

Есть дѣти съ большими, открытыми глазами и всегда открытымъ ротикомъ, изъ котораго съ утра до вечера сыплются безчисленные «Отчего» и «Почему». Отвѣтить этимъ любознательнымъ малышамъ на ихъ иногда очень странные вопросы часто бываетъ трудно; но никогда не бываетъ трудно передать этимъ открытымъ душамъ, такъ глубоко вѣрящимъ въ наше знаніе, то, что лежитъ у насъ на сердцѣ. Мы найдемъ для этого безъ всякихъ усилій теплый тонъ и нѣсколько простыхъ словъ. А больше ничего и не нужно, чтобы преисполнить любознательнаго ребенка интересомъ и вѣрой въ услышанное.

Но есть дѣти съ робкими глазами и безпокойнымъ взглядомъ, блуждающимъ и наблюдающимъ, дѣти, умъ которыхъ копается въ чуждыхъ имъ областяхъ, мучаясь надъ жуткими тайнами, скрывающимися за событіями, картинами и разговорами. Дѣтская головка упорно размышляетъ и мучится страхомъ передъ тѣмъ ужаснымъ, что она предчувствуетъ вдали, и трепещетъ желаніемъ узнать это ужасное. Здѣсь на помощь не приходятъ уста простымъ вопросомъ, обращеннымъ къ знающему, который могъ-бы разъяснить всѣ сомнѣнія. Ребенокъ продолжаетъ мучаться—и молчитъ. Въ этихъ случаяхъ трудно найти доступъ къ душѣ, къ довѣрію ребенка, и этой цѣли можно достигнуть только большой любовью и съ большимъ трудомъ.

— Правда-ли это, существуютъ-ли эти два рода дѣтей? Не правильнѣе-ли было-бы сказать, что существуютъ два рода родителей? Одни, которые съ самаго ранняго дѣтства помогаютъ ребенку, какъ вѣрные друзья, на каждое откровенное слово отвѣчаютъ такъ-же откровенно и съ

любовью, и ничего въ ребенкѣ не цѣнятъ выше, не лелѣютъ больше откровенности,—и другіе, которые относятся къ ребенку только, какъ «воспитатели», какъ строгіе начальники, каждый свободный вопросъ считаютъ «нескромностью» и вѣчно грозятъ розгами, если ребенокъ не будетъ «вести себя хорошо!» Да, ужъ это «хорошее поведеніе!» Сколько родителей обращаютъ вниманіе только на внѣшнюю, чисто механическую дрессировку и спокойно губятъ лучшее въ ребенкѣ, его счастливую душу!

Германъ Фейгенгеймеръ.

Миланъ.

Само по себѣ ничто не бываетъ хорошо или дурно, все зависитъ отъ нашего пониманія.

Есть счастливцы, хранящіе приблизительно слѣдующее воспоминаніе:

Въ раннемъ дѣтствѣ отецъ и мать казались имъ почти однимъ существомъ: такъ тѣсно срослись ихъ души. Когда трехъ-четырехлѣтній мальчуганъ говорилъ матери: «Я люблю тебя больше всѣхъ, ты меня тоже?» Она отвѣчала: «Да. Но папу я люблю еще больше». А если на слѣдующій день ребенокъ любилъ больше всѣхъ отца, то этотъ послѣдній тоже искренно отводилъ первое мѣсто матери. Это производило глубокое впечатлѣніе. Это были первыя письмена на бѣлой доскѣ, первый намекъ на то, что между мужчиной и женщиной существуетъ нѣчто несравнимое ни съ чѣмъ. Особенное вниманіе, которое отецъ проявлялъ по отношенію къ матери, и самоотверженіе, съ которымъ она примѣнялась къ нему, нѣжность, съ которой они всегда обращались другъ съ другомъ, — все это было первымъ ударомъ скульптора по безформенной глинѣ, и хотя еще не было видно, выйдетъ-ли изъ нея Паллада или батракъ, но было ясно, что это будетъ человѣкъ. Вѣроятно, эти родители совершенно не сознавали глубокаго воспитательнаго значенія своего поведенія. Воззрѣнія ихъ времени совершенно не допускали мысли объ обдуманномъ, подкрѣпленномъ словами половомъ воспитаніи. Когда ребенокъ получалъ изъ нечистыхъ рукъ такъ часто отмѣчавшіяся въ послѣднее время нечистыя свѣдѣнія, это не ускользало отъ ихъ вниманія—отъ вниманія хорошихъ родителей не ускользаетъ ничего,—но они не находили словъ. И все-же. Не становился-ли отецъ особенно серьезенъ? не катились-ли по щекѣ матери

слезы—безпомощныя слезы о потерянномъ раѣ? А того, что оплакивали родители, ребенокъ старался избѣгать, это, навѣрно, было нѣчто плохое. Но еще нѣсколько лѣтъ, и любящіе родители сами—хотя лишь какъ нѣмые помощники—освѣщали это темное все болѣе яркимъ свѣтомъ. Все больше изощрялись молодые глаза, становилось ясно, что здѣсь есть свѣтлая и тѣневая стороны, блаженство и ужасъ, что это можно воспринимать какъ извнѣ, разумомъ, такъ и изнутри, чувствомъ. Душой овладѣвало изумленіе, быть можетъ, смятеніе. Но отецъ и мать тихо вносили во мракъ факелъ за факеломъ—науку, искусство и поэзію—пока не наступалъ день. Этому воспитанію недоставало только увѣнчанія сказаннымъ словомъ, подтвержденія разумомъ. Двѣ пятнадцатилѣтнія дѣвушки, воспитанныя на такихъ домашнихъ впечатлѣніяхъ, питали такое непоколебимое почтеніе къ святынѣ рожденія и такое безграничное отвращеніе къ ея поруганію, что въ школѣ во время перемѣнъ, когда нерѣдко съ наслажденіемъ слушаются и говорятся непристойности, затыкали себѣ уши пальцами или-же громко декламировали, чтобы заглушить эти отвратительные разговоры. При этомъ замѣчательно то, что онѣ обѣ были страстно влюблены, въ духѣ тѣхъ благородныхъ поэтическихъ произведеній, съ которыми ихъ познакомили, и что это обстоятельство, несомнѣнно, способствовало тонкости и цѣломудрію ихъ чувствъ.

Въ одномъ изъ такихъ семействъ, о которыхъ я говорю, необыкновенно любили живопись и скульптуру. Правда, на стѣнахъ не висѣли картины въ золотыхъ рамахъ, а мраморъ можно было увидѣть развѣ только на умывальномъ столѣ. Но отецъ безъ устали попеременно ставилъ на столъ или прибивалъ къ стѣнѣ скромными кнопками хорошіе снимки съ художественныхъ произведеній всѣхъ временъ. Нехудожественныя или разсчитанныя только на внѣшній эффектъ произведенія внушали ему отвращеніе, и онъ горячо старался сдѣлать ясной разницу своимъ дѣтямъ. Дѣти его стояли и въ моральномъ отношеніи очень вы-

соко. Быть можетъ, потому, что прекрасное родственно доброму.

Иначе было съ другими.

Первые двѣнадцать лѣтъ—нелѣпая, противорѣчивая ложь, произносимая съ той отвратительной улыбкой, которая наблюдательной дѣтской душѣ говоритъ больше, чѣмъ самыя фразы. Все, что касалось половой жизни взрослыхъ (!), безъ исключенiй разъ навсегда скрывалось отъ дѣтей. Да, даже самыя чистыя изображенiя любви въ литературѣ и живописи, вся поэтическая сторона, которая составляетъ ея истинную сущность. Напротивъ, дѣтямъ внушались чисто внѣшнiя, чуждыя ихъ естественному чувству понятiя стыда. Дѣлались выговоры за слова и поступки, при которыхъ дѣти не думали ничего дурного, и оба пола раздѣлялись съ такой смѣшной предусмотрительностью, что малютки съ простодушнымъ удивленiемъ спрашивали о причинѣ и этимъ сами доказывали безсмысленность этой мѣры. Затѣмъ въ одинъ прекрасный день всѣ эти предосторожности признавались излишними: «Мальчикъ или дѣвочка должны-же знать, какъ все дѣлается на свѣтѣ». Для этого имъ позволяли слушать столь любимую во многихъ домахъ болтовню о половыхъ отношенiяхъ другихъ; при этомъ никто и не думалъ придти имъ на помощь въ ихъ растерянности—а между тѣмъ это и есть главное во всемъ этомъ дѣлѣ. Сколько незрѣлыхъ дѣтей восприняли цѣлый рядъ впечатлѣнiй изъ разговоровъ, которые должны были спутать всѣ ихъ нравственныя понятiя: Ядовитыя издѣвательства надъ дѣвушками-матерями. Нѣжное состраданiе къ тѣмъ, кому приходится платить за ребенка. Почтительное восхищенiе бракомъ по расчету. Высмѣиванiе старыхъ дѣвъ, этотъ столь-же нелѣпый, сколько безстыдный родъ остроумiя. Лицемѣрное осужденiе привлекательныхъ женщинъ тѣми, которыя въ дѣйствительности завидуютъ имъ. Презрѣнiе и даже поруганiе несчастныхъ проститутокъ со стороны тѣхъ, которые несомнѣнно пользовались ими.

Результаты у юношества бывали различные, смотря по

предрасположенію: мучительная неувѣренность, поверхностность, даже грубость; а иногда—страхъ и отчаяніе.

Я привела эти примѣры воспитанія, потому что я думаю, что жизненныя впечатлѣнія являются воздухомъ, свѣтомъ и пищей для созданія образа мыслей; то же, что мы только говоримъ нашимъ дѣтямъ, остается у нихъ лишь въ памяти. Правда, оттуда оно сейчасъ-же выходитъ при соприкосновеніи съ родственными впечатлѣніями и вступаетъ съ ними въ тѣсную связь. Но если жизнь не прокладываетъ моста къ услышанному, то оно большей частью остается навѣки безплоднымъ въ своемъ уголку памяти. Мы должны помнить объ этомъ, приступая съ открытыми глазами къ новому роду полового воспитанія. Какъ до сихъ поръ—хотя лишь въ единичныхъ случаяхъ—существовала форма воспитанія, которую можно было-бы назвать «пѣснью безъ словъ», такъ какъ въ ней недоставало только текста, мелодія-же была понятна всѣмъ участвующимъ, такъ теперь легко можно услышать рѣчи безъ звука и тона; ими можно очень гордиться, но онѣ не приближаютъ насъ къ нашей цѣли— снабдить подрастающую молодежь ясными, твердыми понятіями и тонкимъ, благороднымъ отношеніемъ къ половому вопросу.

Конечно, наша власть надъ впечатлѣніями, которыя воспринимаютъ дѣти, очень ограничена; съ годами она все больше ускользаетъ изъ нашихъ рукъ. Съ другой стороны, можно надѣяться, что болѣе зрѣлый разумъ глубже пойметъ сказанное, претворитъ его въ живой образъ и въ дѣло. Во всякомъ случаѣ сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, чтобы по возможности привести въ гармонію слова и мелодію.

Естественно - научное объясненіе возникновенія (и смерти человѣка: только это придаетъ всему дѣлу его истинную физіономію!) для нашей главной задачи играетъ только ту роль, что прокладываетъ путь и снимаетъ чары. Оно дѣлаетъ ребенка доступнѣе и развязываетъ языкъ намъ. Но мы наврядъ-ли можемъ ожидать, что оно, съ его чисто

разсудочнымъ характеромъ, непремѣнно достигнетъ важной для насъ цѣли. Когда девятилѣтній сынъ врача объявляетъ мнѣ съ милой серьезностью, что отца позвали на роды, то это сразу вызываетъ въ моемъ умѣ представленіе о воспитаніи самаго благороднаго характера. Я вижу алмазы чистоты, вправленные въ золото свободнаго образа мыслей; мнѣ кажется несомнѣннымъ, что этотъ мальчикъ ужъ не споткнется въ жизни. Но при основательномъ размышленіи я должна сознаться себѣ, что знаніе ребенка еще не представляетъ ручательства за его чувства. Знакомство съ внѣшней стороной какого-нибудь дѣла еще не обусловливаетъ пониманія его внутренняго содержанія. Доказательствомъ этого являются крестьянскія дѣти, у которыхъ нѣтъ недостатка въ самомъ наглядномъ естественномъ обученіи половымъ отношеніямъ. Въ ихъ наивныхъ воззрѣніяхъ есть нѣчто прямо-таки эстетическое по сравненію съ чуждымъ дѣйствительности пониманіемъ городскихъ дѣтей; это такъ подкупало многихъ, что они безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій заключали, что въ деревнѣ уровень нравственности долженъ быть выше, чѣмъ въ городѣ. Но кто можетъ серьезно утверждать это? Достаточно вспомнить о томъ, что въ верхней и нижней Баваріи женщины—хотя животныя служатъ имъ образцомъ кормленія молокомъ матери и трогательнѣйшей материнской любви — спокойно отправляютъ въ Оркусъ дюжину и больше малютокъ негодной пищей; затѣмъ о процвѣтающемъ во многихъ деревняхъ бракѣ по разсчету, этомъ почти равноцѣнномъ дополненіи проституціи и о практикующемся открыто брачномъ сводничествѣ. Естественный подборъ, который крестьяне съ такой трогательной заботливостью примѣняютъ къ лошадямъ и коровамъ, не мѣшаетъ тому, что богатые пьяницы и развратники ведутъ къ алтарю прелестныхъ дѣвушекъ. Даже извращенія, какъ извѣстно, преуспѣваютъ на лонѣ всегда ясной, неподкупной природы.

Поэтому на естественно-научныя познанія слѣдуетъ смотрѣть только какъ на фундаментъ для архитектурнаго про-

изведенія изъ совершенно другого матеріала. О томъ, какъ воздвигнуть этотъ фундаментъ, въ послѣднее время писалось часто и подробно. Изъ своего собственнаго опыта я приведу тотъ фактъ, что одинъ изъ моихъ дѣтей, узнавъ, какъ появляются на свѣтъ млекопитающія, совершенно самостоятельно и спокойно сдѣлалъ заключеніе о рожденіи человѣка. Я думаю, что это дѣлаютъ многія дѣти, но отношеніе взрослыхъ къ этому вопросу сбиваетъ ихъ съ толку. Между прочимъ, ребенокъ удовлетворился простымъ знаніемъ факта. Вѣдь въ маленькихъ головкахъ понятія большей частью связаны другъ съ другомъ очень слабо; они лишь постепенно соединяются съ одну цѣпь, которая, надѣемся, будетъ крѣпкой и ясной, если звенья будутъ тщательно выкованы.

Опытъ убѣдилъ меня и въ томъ, что головы, обладающія малой догадливостью, но большой основательностью, уже въ самомъ раннемъ возрастѣ впадаютъ въ метафизику, даже благодаря объясненіямъ такого рода; если дать имъ свободу думать и предлагать вопросы, то скоро можно замѣтить, что они думаютъ о вещахъ, до которыхъ ихъ разумъ еще далеко не доросъ. Такъ какъ для многихъ это составляетъ опасность, то я для предостереженія разскажу о промахѣ, который я совершила сама, всегда отвѣчая моему маленькому сыну на его вопросы. Если рѣшенныя проблемы вообще всегда вызываютъ новыя, то у этого ребенка онѣ выростаютъ, какъ головы у гидры. Когда, напримѣръ, я въ четыре года объяснила ему, что маленькіе буки (которые онъ хотѣлъ вырвать) выросли изъ сѣмянъ большихъ деревьевъ, то онъ ни на минуту не задумался надъ чудомъ зарожденія и роста, которому многія дѣти сначала не вѣрятъ, а потомъ хотятъ непремѣнно видѣть сами, но быстро спросилъ: «А кто создалъ первыя сѣмена?» «Богъ». «А кто создалъ Бога?» «Никто. Онъ былъ всегда».—«Этому я не вѣрю». Теперь, когда онъ ходитъ въ школу и, благодаря своему горячему сердцу, много занимается судьбой своихъ болѣе бѣдныхъ оварищей, онъ не перестаетъ спрашивать, почему Богъ по-

сылаетъ такъ много дѣтей именно бѣднымъ людямъ. На этотъ вопросъ отвѣтить очень трудно! Но зато мнѣ было очень легко освободить Христа отъ позорнаго подозрѣнія, что онъ не думаетъ о бѣдныхъ. «Любовь», сказала я, «которой училъ насъ Христосъ, дается черезъ насъ. Мы только должны дѣлать это, какъ слѣдуетъ». Какъ быстро понялъ онъ это. Онъ немедленно нашелъ костюмъ, который носилъ, подходящимъ для бѣднаго товарища! Да, но это все изъ области людскихъ отношеній! А сущность природы... Мы ясно чувствуемъ, что со всѣмъ нашимъ знаніемъ мы можемъ дать ребенку только оболочку вещей, что если мы дадимъ ему свободу, онъ часто поплыветъ совсѣмъ къ другому берегу, чѣмъ мы думали. Надо руководствоваться особенностями и способностями дѣтей. Большая часть ихъ, какъ только ихъ разумъ позволяетъ имъ углубиться въ подробности развитія, питанія и образа жизни твореній, слушаютъ съ живымъ интересомъ. Какъ блестятъ ихъ глаза, какъ соотвѣтствуетъ искренній языкъ природы ихъ чувству истины; дѣти взволнованы и осчастливлены предчувствіемъ самаго пріятнаго и кристальнаго напитка: науки. Нѣжныя мозговыя волокна начинаютъ энергично работать, и можно понять, что нѣкоторые ставятъ требованіе открыть юной душѣ, пока она еще совсѣмъ нетронута, и самое послѣднее. Что ему Гекуба? Но я думаю, что мы молчимъ ради себя самихъ, если позволено высказать это въ вѣкъ ребенка. Мы молчимъ изъ тѣхъ-же побужденій, которыя заставляютъ насъ уводить дѣтей отъ гробовъ и съ кладбищъ! Они нарушаютъ торжественность! Наша душевная культурность мѣшаетъ намъ отдавать незрѣлому сужденію и холодному разсмотрѣнію вещи, которыя не перестаютъ потрясать насъ такъ-же глубоко, какъ смерть и разложеніе. Мы должны для каждаго отдѣльнаго ребенка найти истинный моментъ для великаго откровенія. И сдѣлать это не мимоходомъ, кратко, а съ благоговѣніемъ! Необходимо всегда помнить, что самаго тонкаго, самаго лучшаго сказать нельзя, что его можно только почувствовать по тону, ко-

торымъ сдѣлано сообщеніе. Самая простая женщина изъ народа въ этомъ случаѣ не уступитъ величайшему ученому. Этотъ послѣдній, привыкшій строго отдѣлять мысль отъ чувства, быть можетъ, и не найдетъ пути къ юному сердцу. Быть можетъ, онъ внушитъ себѣ, что все это очень просто, и что прямая линія уже извѣстнаго просто приводитъ къ своему конечному пункту; между тѣмъ для юноши рѣчь идетъ о вещи, совершенно отличной отъ всего другого, что онъ могъ-бы узнать! Это есть нѣчто особенное, и тотъ, кто упускаетъ это изъ виду, можетъ легко вызвать у юноши тѣ-же мысли, какія вызвалъ могильщикъ у Гамлета.

Я думаю, что родители прежде всего должны очень хорошо знать своихъ дѣтей, чтобы найти истинный путь. Вначалѣ я описала, какъ особенно благопріятныя обстоятельства могутъ дать дѣтямъ рядъ тонкихъ и вѣрныхъ понятій, безъ всякихъ спеціальныхъ разговоровъ. Теперь я прибавлю, что я знаю натуры, которыя охотнѣе и лучше всего справляются со всѣмъ сами, не говоря уже о такихъ, которымъ дѣйствуетъ на нервы всякое объясненіе половыхъ отношеній. Это, конечно, явленіе болѣзненное, но мы должны считаться съ нимъ. Такія дѣти сразу прозрѣваютъ, но имъ кажется грубостью, если кто-нибудь вторгается въ ихъ робкое созерцаніе.

Другой случай: дѣвочка съ мягкимъ характеромъ, у которой можетъ вызвать слезы суровое слово, неласковый взглядъ. Все тяжелое, жесткое глубоко угнетаетъ ее. Она жаждетъ веселыхъ радостныхъ картинъ. Она не можетъ видѣть страданій, не можетъ и переносить ихъ. И вдругъ громовыя слова: «Умножу скорбь твою въ беременности твоей; въ мукахъ будешь рождать дѣтей; и мужу твоему подчинишься, и онъ будетъ твоимъ господиномъ». Кто любитъ и понимаетъ такого ребенка, тотъ сначала постарается уменьшить его слабость, онъ постарается подготовить его не столько съ интеллектуальной стороны, сколько со стороны характера. Вообще, когда имѣешь дѣло съ дѣвочками, не слѣдуетъ забывать, что объясне-

ніемъ (полнымъ) возлагаешь на нихъ все тяжелое бремя ихъ пола. Наносишь имъ настоящій ударъ дубиной, дѣйствіе котораго часто смягчается только пробужденіемъ первой любви. Вотъ еще одно доказательство того, что извѣстная холодность или ложный оптимизмъ являются причиной отнесенія всего вопроса къ области естественно-научныхъ занятій.

Иногда приходится имѣть дѣло со сказочными, поэтичными душами. Фантастическіе образы окружаютъ ребенка, все окутано волшебной дымкой, и взрослому страшно ворваться туда съ метлой своей трезвости, въ особенности когда онъ стоитъ со своимъ вѣчно несовершеннымъ знаніемъ передъ часто удивительной наивной мудростью. И все-таки я думаю, что можно рѣшиться на это: поэтическая душа часто окутываетъ прекраснѣйшимъ блескомъ самые неподходящіе предметы. Такой ребенокъ облегчитъ намъ задачу. Онъ угадываетъ, понимаетъ, подхватываетъ наши слова и затѣмъ смотритъ на все своими собственными, счастливыми глазами.

Конечно, большая часть дѣтей гораздо грубѣе, чѣмъ тѣ души, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ. У многихъ нѣтъ того врожденнаго чутья, которое напоминаетъ хорошій руль и нуждается только въ легкомъ прикосновеніи. То дерзкіе, то безпомощные, часто глубоко несчастные, ищутъ они въ темнотѣ. Но сколько здоровыхъ и дѣльныхъ натуръ сбросили бы съ себя фривольность и похотливость и утратили бы страхъ, если бы имъ разъяснили глубокую серьезность половой жизни и показали бы, что корни ея лежатъ глубоко въ лонѣ природы. Это она дѣлаетъ для насъ половую жизнь такой прекрасной и священной, но и такой могущественной, что раздуваетъ до гигантскихъ размѣровъ эгоизмъ и всегда выжидаетъ случая поработить нашъ разумъ, въ которомъ надо искать послѣдней и истинной причины всякаго стыда. Нѣкоторые могутъ понять все это умомъ, большинству-же можно внушить это только посредственно, развитіемъ въ нихъ любви къ прекрасному.

Лучъ его попадаетъ и въ самую бѣдную хижину, красоту природы понимаетъ самый ограниченный умъ. Но тотъ, кто любитъ прекрасное, чувствуетъ отвращеніе къ низкому. Да, прекраснѣйшая изъ всѣхъ фей уже издавна протягиваетъ руки, чтобы поднять до себя животное въ насъ; и она вызвала больше благородныхъ поступковъ, чѣмъ весь моральный кодексъ міра.

Тѣмъ не менѣе мы должны всегда помнить, что одна и та-же вещь можетъ быть естественна и въ то-же время держаться въ тайнѣ, необходима и все-таки запрещена, здѣсь позволена, а тамъ преслѣдуема, сегодня желанна, а завтра презрѣнна, можетъ быть даже иногда прекрасна, а иногда низка. Въ заключеніе я разскажу, что когда-то озарило меня самое. Я разсматривала съ однимъ другомъ бѣлоснѣжную лилію, цвѣтокъ которой, превратившійся въ символъ невинности, является наиболѣе ясно и отчетливо работающимъ половымъ аппаратомъ, какой только мыслимъ. Вдругъ мой другъ сдѣлался очень серьезенъ и сказалъ: «Само по себѣ ничто не бываетъ хорошо или дурно, все зависитъ отъ нашего пониманія». Потому что мы не цвѣты, не животныя, потому что мы мыслимъ, то-же самое уже не есть то-же самое, а всегда новое и другое.

Но не нужно имѣть знаній Шекспира, чтобы устранить этическія сомнѣнія юношества. Если только дѣти привыкнутъ свободно спрашивать, то у родителей, которые сами уже созрѣли, не будетъ недостатка въ отвѣтахъ..

Что вообще насъ будутъ спрашивать и прибѣгать къ нашему совѣту во всѣхъ горестяхъ, которыхъ мы никогда не можемъ заранѣе предвидѣть для каждаго ребенка, хотя бы мы не разставались съ нимъ ни на часъ, будетъ лучшимъ плодомъ такого воспитанія.

Августа Абрешъ.

Нейштадтъ.

Двойчатка.

Дивный майскій вечеръ. Мои дѣти съ веселыми криками бѣгаютъ по высокой травѣ, дѣлая непрерывныя открытія, которыя доставляютъ такъ много радости въ дѣтствѣ. «Улитка!»—«Папа, смотри, кузнечикъ!» Вдругъ прибѣгаетъ шестилѣтняя Труда; щечки у нея загорѣлись; въ передникѣ она гордо и въ то-же время робко держитъ новое чудо: «Смотри-ка, смотри-ка, папа, настоящая двойчатка! Живая! Они совсѣмъ срослись!» И она, сіяя, осторожно показываетъ мнѣ двухъ майскихъ жуковъ. Одиннадцатилѣтній Альфредъ хочетъ схватить ихъ: «Ахъ, они просто сидятъ одинъ на другомъ.—Они вовсе не срослись». Я спокойно удерживаю его руку: «Оставь! не трогай! Труда права, это настоящая двойчатка изъ майскихъ жуковъ, наверху самецъ, а внизу самка!»

— «Откуда ты знаешь?»—«Что-же они дѣлаютъ?»—«Они больше не могутъ жить отдѣльно?»—«А они навѣрно живы?»—сыплется на меня градъ вопросовъ, когда я осторожно кладу парочку на садовый столъ. Только пятнадцатилѣтній Фрицъ угрюмо и нѣсколько презрительно смотритъ въ сторону.

«Тише! говорите по порядку! Откуда я знаю, что это самецъ? Развѣ вы не видите красивыхъ усиковъ? Они для жука то-же, что борода. Живы-ли они? Еще-бы! Вѣдь у нихъ сегодня свадьба! Это прекраснѣйшій день ихъ жизни! Сколько времени они мечтали другъ о другѣ! Для этого нужно было много, много любви!»

«Разскажи, папа, пожалуйста, разскажи!»

«Года четыре тому назадъ (а это безконечно много времени для такого жука, который живетъ всего нѣсколько

мѣсяцевъ), родители этихъ жуковъ тоже отпраздновали свадьбу. Они встрѣтились на вишневомъ деревѣ или на большомъ каштанѣ въ великолѣпный весенній вечеръ. И сейчасъ-же очень полюбили другъ друга. У самки были такіе блестящіе, красивые, коричневые надкрыльники и гладкое черное пятно посрединѣ и красивый, въ бѣлыхъ и черныхъ клѣткахъ животикъ, а самецъ такъ великолѣпно жужжалъ и гудѣлъ... ихъ потянуло другъ къ другу... они должны были любить и быть близко-близко другъ къ другу. И они почувствовали, что принадлежатъ другъ другу и составляютъ одно цѣлое, и что они никогда не смогутъ разстаться. Это удивительное чувство, котораго вы, конечно, не знаете: супружеская любовь. Конечно, вы, дѣти, тоже знаете любовь; вы любите насъ, вашихъ родителей, и чувствуете, какъ мы любимъ васъ, нашихъ милыхъ дѣтей. Но отецъ и мать любятъ другъ друга совсѣмъ особенно; когда они встрѣтились, они сейчасъ-же поняли, что принадлежатъ другъ другу, и имъ захотѣлось всегда быть вмѣстѣ, какъ нашимъ майскимъ жукамъ — родителямъ. Но тогда они еще не были родителями; они только должны были стать ими. Какимъ-же образомъ? Ну, Альфредъ, какъ соединяются два индѣйца, которые хотятъ заключить союзъ на всю жизнь?»

«Они смѣшиваютъ свою кровь!» воскликнулъ Альфредъ, обрадованный, что можетъ показать свою ученость.

«Конечно! когда два человѣка, не только индѣйцы, хотятъ выразить свое намѣреніе навѣки стать вѣрными друзьями, охранять другъ друга отъ всѣхъ опасностей до самой смерти и не разставаться даже послѣ смерти, они должны смѣшать свою кровь.

Приблизительно то-же самое сдѣлали и наши майскіе жуки. У нихъ, правда, нѣтъ красной крови, но по ихъ тѣлу струится нѣчто въ родѣ крови и жизненнаго сока. А у самки есть даже яйца. Конечно, не такія большія, какъ у курицы, Трудхенъ, а совсѣмъ крохотные пузырьки. И вотъ самецъ отдалъ немножко своего сока, а самка приняла его

въ свое крохотное яичко,—и теперь они стали не только друзьями навсегда и мужемъ и женой, но и смогли стать родителями.

Подумайте только! на слѣдующій день самка принялась искать мѣсто, гдѣ была жирная земля, не слишкомъ сухая и не слишкомъ рыхлая; тамъ она своимъ жаломъ, которое находиться у нея на тѣльцѣ сзади, вырыла нѣсколько ямокъ и въ каждую положила крошечное яичко. Эти яички получили отъ отца и матери жизненную силу и способность рости, потому что отецъ и мать такъ любили другъ друга. Изъ каждаго яичка выросъ (можетъ быть, ихъ отецъ и мать тогда уже давно умерли, потому что уже была осень) маленькій червячекъ. Онъ сидѣлъ въ своей жирной землѣ, гдѣ прятались всякіе корешки и опавшіе листья, какъ изюмъ въ пирожномъ, ѣлъ сколько могъ и сдѣлался толстой жирной личинкой. Когда подулъ вѣтеръ, и земля стала замерзать, онъ сказалъ себѣ: «Эге! это мнѣ не нравится!» свернулся, какъ ежъ, и заснулъ. Проспалъ всю холодную зиму, пока не начало опять грѣть весеннее солнышко и онъ снова могъ приняться за ѣду.—Что, это тебѣ нравится, Трудхенъ? Да, сидѣть себѣ въ мягкой землѣ, не мерзнуть, не знать ничего плохого, все только спать, а потомъ опять ѣсть—это очень недурно!—Ну, вотъ, въ слѣдующемъ году было то-же самое, на третій годъ тоже и наша личинка становилась все больше и жирнѣе; она была уже почти такой-же большой, какъ настоящій майскій жукъ. Да вѣдь она и была жукомъ, не правда-ли?

Но только на четвертый годъ, когда землю, гдѣ онъ спалъ, опять пригрѣло майское солнце, онъ наконецъ сообразилъ это. И вмѣсто того, чтобы опять уткнуться носомъ въ землю и начать опять угощаться, ему вдругъ страшно захотѣлось прорыться вверхъ и посмотрѣть, что тамъ такое. Можетъ быть, въ немъ вдругъ проснулось воспоминаніе о томъ, что пережили четыре года тому назадъ его отецъ и мать. И онъ уперся своимъ спиннымъ щиткомъ вверхъ и принялся медленно работать своими шестью ногами, пока,

наконецъ, въ такой майскій вечеръ, какъ сегодня, подался послѣдній комъ земли, и онъ заглянулъ своими маленькими, круглыми глазками въ прекрасный весенній міръ. Чортъ возьми! какъ быстро онъ выскочилъ изъ своей ямки! И, о чудо: вмѣсто желтой морщинистой кожи на немъ былъ золотисто-коричневый великолѣпный сюртучекъ, и усики, и крылья и ножки; онъ почувствовалъ большое желаніе попробовать красивыхъ, свѣжихъ, зеленыхъ овощей, и въ немъ зашевелилась маленькая, тихая надежда, что онъ будетъ такъ-же счастливъ, какъ его родители, и найдетъ другого майскаго жука, котораго сможетъ полюбить. И онъ съ жужжаньемъ взвился въ воздухѣ.

Это было, вѣроятно, вчера или позавчера. Къ счастью, онъ остался цѣлъ и невредимъ и нашелъ себѣ подругу! Вѣдь новый міръ представлялъ для него не мало опасностей, такъ-же, какъ и старый, подъ землей. Онъ страдалъ отъ дождя, инея и холода; и если подъ землей къ нему подбирался кротъ со своимъ острымъ рыльцемъ или-же плугъ человѣка грозилъ перемѣстить его на поверхность земли, гдѣ въ бороздѣ грачи поджидали такіе лакомые кусочки, то здѣсь въ темнотѣ летали летучія мыши и совы, или-же въ него бросали камни мальчишки. Но, вы видите, нашей парочкѣ посчастливилось; немалое счастье и то, что она попала въ руки нашей мягко-сердечной маленькой Труды, которая никогда не дѣлаетъ намѣренно зла звѣрькамъ. Правда, Труда?»

«Какъ смѣшно», воскликнулъ со смѣхомъ Альфредъ, «что у жуковъ тоже бываетъ свадьба! Безъ церкви, безъ пастора!»

«Почему-же? развѣ ты не слышишь, какъ шумитъ въ деревьяхъ майскій вѣтеръ? Это органъ. Надъ нимъ голубой небесный сводъ: это церковь, — а сверху солнышко благословляетъ своими теплыми лучами все, что цвѣтетъ, живетъ и любитъ».

«Ну, а что ты скажешь, мой мудрецъ?» — обратился я къ Фрицу, который слушалъ внимательно, но дѣлалъ видъ,

что его интересуетъ только новая флейта, которую онъ мастерилъ.

«Ну, такихъ двойчатокъ найдется много», хмуро и смущенно отвѣтилъ онъ, «вѣдь двойчатками обыкновенно называются два зернышка въ одной скорлупѣ, напр., въ миндалинѣ или...»

«Спасибо за дружеское объясненіе; но ты, можетъ быть, позволишь мнѣ называть такъ и нашихъ жуковъ. Нельзя-ли кстати спросить, гдѣ ты наблюдалъ такъ много двойчатокъ въ моемъ смыслѣ?»

Этотъ вопросъ былъ ему, видимо, непріятенъ. Но въ это время Трудхенъ вмѣстѣ съ Альфредомъ съ пѣніемъ побѣжали въ садъ, постыдно забывъ о парочкѣ новобрачныхъ. Поэтому я бросилъ поддразнивающій тонъ и сказалъ: «Ну, поди-ка сюда, мой мальчикъ, теперь мы, мужчины, одни, а мнѣ уже давно хотѣлось поговорить съ тобой объ этомъ. Итакъ, довѣріе за довѣріе, что ты видѣлъ?»

Отвѣтъ произносится все еще нѣсколько неувѣренно, но мало-по-малу становится опредѣленнѣе.

«Ахъ, въ сущности, ничего особеннаго, — ну, конечно, бабочекъ и стрекозъ. Лягушки тоже иногда сидѣли другъ на другѣ. Тогда другіе мальчики смѣялись и говорили объ этомъ... ну, и—собаки».

«И что-же говорили другіе мальчики?»

«Ахъ, этого я не могу сказать... да я и не все понималъ... я стѣснялся... это было такое непристойное», медленно отвѣтилъ онъ, опустивъ голову.

«Отлично, мой сынъ», сказалъ я, «во-первыхъ, что ты не выдаешь товарищей, и, во-вторыхъ, что ты настолько довѣряешь мнѣ, что мы можемъ спокойно говорить объ этомъ. Но скажи-ка, было-ли непристойно то, что я только что разсказалъ твоему брату и сестрѣ?»

«Нѣтъ, конечно, нѣтъ, но вѣдь это была шутка».

«Нѣтъ, Фрицъ», продолжалъ я, «я говорилъ совершенно серьезно. Только неопытность, глупость или злостность можетъ видѣть что-нибудь непристойное во всемъ этомъ

вопросѣ, здѣсь, гдѣ передъ нами открывается великая и прекрасная тайна зарожденія и размноженія. Она осталась-бы тайной даже, еслибы мы знали все внѣшнее. Внѣшнюю сторону того, какъ изъ соединенія мужского жизненнаго сока съ женскимъ яйцомъ возникаетъ новая жизнь, можетъ показать намъ микроскопъ, но объяснить этого онъ въ сущности не можетъ. Но воистину это тайна, которой нечего стыдиться! Конечно, если ты видѣлъ, какъ соединяются двѣ собаки въ животной страсти на виду у всѣхъ, это могло показаться тебѣ отталкивающимъ и непристойнымъ—какъ всякая необузданная страсть, всякая животная распущенность, всякій голый инстинктъ. Но ты, конечно, самъ чувствуешь, что священная сила, которая въ опредѣленное время толкаетъ другъ къ другу все живущее,—любовь къ другому полу,—является пробнымъ камнемъ, по которому узнается сила человѣческой воли, способность человѣка быть господиномъ надъ всѣми животными инстинктами. Эта любовь священна, мой сынъ. Ты тоже когда-нибудь узнаешь ее и, не краснѣя ни передъ собой, ни передъ другими, будешь стремиться соединиться съ возлюбленной, если только у тебя будетъ гордое сознаніе истинной мужественности: «не мои инстинкты владѣютъ мной, а я господинъ надъ ними». Тогда только ты будешь достаточно зрѣлъ для заключенія брака; но еще разъ: Сними обувь, когда входишь въ этотъ садъ, потому что эта земля священна!

Нечистыя, непристойныя мысли и чувства не смѣютъ войти въ него. У кого при этомъ въ мысляхъ появляется слово «непристойный», кто чувствуетъ, что въ немъ шевелится только животное, кто еще чувствуетъ и мыслитъ такъ низко, что можетъ обмѣниваться съ незрѣлыми товарищами похотливыми рѣчами объ этихъ прекрасныхъ тайнахъ,—кто настолько слабъ, что можетъ осквернить блуждающими руками свое тѣло, эту оболочку будущей мужественности, — тотъ самъ оскверняетъ святыню соединенія половъ, которая доступна только зрѣлымъ и сильнымъ. Ты понимаешь меня?»

«Кажется, папа», сказалъ Фрицъ. Его глаза были влажны.

«Гдѣ ты, Фрицъ? Мы хотимъ играть въ двойчатки, мы празднуемъ свадьбу», стремительно прибѣжала Трудхенъ.

Одно мгновеніе Фрицъ колебался. Вдругъ въ его глазахъ засіялъ лучъ сознательной любви, которая окружаетъ болѣе слабаго теплой заботливостью. «Ну, конечно», весело воскликнулъ онъ, «вѣдь мы любимъ другъ друга. Альфредъ будетъ вѣнчать насъ, но сначала я, конечно, долженъ поцѣловать тебя. Вѣдь мы заключаемъ союзъ и смѣшиваемъ нашу кровь».—«Ура!» крикнулъ Альфредъ, «Фрицъ и Труда играютъ въ двойчатки!»

Теперь я могъ спокойно приняться за свою работу.

Д-ръ Рудольфъ Пенцигъ.

Шарлотенбургъ.

Наставленія отца при разлукѣ съ сыномъ.

Мой милый мальчикъ, я хотѣлъ сказать тебѣ на свободѣ еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ ты сегодня покинешь насъ. Тебѣ 18 лѣтъ, твои ученическіе годы лежатъ позади и ты готовишься вступить въ жизнь. Ты всегда былъ хорошимъ сыномъ, это даетъ намъ право надѣяться, что тебѣ въ жизни будетъ хорошо. Но, мой мальчикъ, успѣхъ еще не все, не долженъ быть всѣмъ для тебя, потому что вѣдь ты знаешь, что есть и другія, не менѣе важныя блага, которыя ты долженъ завоевать и удержать. Эти блага—миръ душевный и чистота сердца, и объ этой то чистотѣ я и хочу поговорить съ тобой.

Ты взрослый человѣкъ, мой мальчикъ, и я знаю, что тебѣ уже извѣстно многое о священныхъ вопросахъ зарожденія жизни и о назначеніи обоихъ половъ. Ты знаешь, что мужчина и женщина подаютъ другъ другу руки, чтобы основать домъ, и что дѣти являются плодомъ такого любовнаго союза. Несомнѣнно, въ послѣдніе годы ты не разъ замѣчалъ, что какая-то таинственная сила заставляла тебя все снова возвращаться къ этому вопросу. Быть можетъ, ты уже испытывалъ невыразимое чувство желанія и ожиданія, и тебѣ хотѣлось бѣжать отъ многихъ мыслей, казавшихся тебѣ нечистыми.—Не правда-ли, это такъ?

Пусть все это не тревожитъ тебя! Все человѣческое чисто, и то, что ты думаешь и чувствуешь, и что преисполняетъ тебя смутнымъ желаніемъ, все это не что иное, какъ желаніе любви, которое врождено человѣку.—Правда, все это чисто лишь до тѣхъ поръ, пока ты не загрязнишь его. Не дѣлай-же этого! Не давай никогда желаніямъ плоти восторжествовать надъ сердцемъ. Оставайся преисполнен-

нымъ жаждой любви до тѣхъ поръ, пока не сможешь подарить всю свою любовь женщинѣ, которую изберешь на всю жизнь. Не давай убѣдить себя, что воздержаніе не мужественно, нездорово, даже вредно, и не давай соблазнить себя компаніи товарищей, если ты остался силенъ до сихъ поръ. Оставайся такимъ чистымъ, какъ твоя мать, какъ твои сестры, какъ ты когда-нибудь потребуешь отъ своей жены и пожелаешь отъ своихъ дѣтей. И никогда не иди къ тѣмъ несчастнымъ, которыя продаютъ свою любовь, потому что въ ихъ обществѣ въ тебѣ умретъ стыдъ, а тѣло твое можетъ подпасть на всю жизнь подъ власть тяжелой болѣзни.—Не дѣлай этого, мой мальчикъ!—Но если когда-нибудь къ тебѣ придетъ любовь, настоящая, истинная любовь, то не прогоняй ея.—Женись, потому что любишь и чтобы любить, и пусть любовь будетъ для тебя вѣнцомъ жизни.

Германъ Швабъ.

Гальберштадтъ.

Бесѣды съ дѣтьми.

Передъ изображеніемъ Мадонны.

Примѣчаніе. Какая-нибудь бесѣда, разсказъ или стихотвореніе даютъ воспитателю поводъ показать дѣтямъ картину, на которой, между прочимъ, можетъ быть, не въ качествѣ главной фигуры, находится кормящая мать. Очень возможно, что нѣкоторыя дѣти, въ особенности маленькія, спросятъ, что она дѣлаетъ. Тогда надо спокойно отвѣтить имъ въ такомъ родѣ, какъ я это однажды попытался сдѣлать по поводу картины Рихтера «Отдыхъ на пути въ Египетъ».

Воспитатель (*уже говорилъ о различныхъ подробностяхъ картины и теперь продолжаетъ*). У огня сидитъ Пресвятая Богоматерь, на колѣняхъ она держитъ ребенка.

Одинъ ребенокъ. Я думаю, что они уже спятъ.

Другой ребенокъ. Нѣтъ, Богоматерь еще не спитъ и смотритъ на младенца Іисуса.

Третій ребенокъ. Іисусъ уже спитъ?

Воспитатель. Онъ скоро заснетъ, онъ пьетъ изъ материнской груди. Козули навостряютъ уши и внимательно смотрятъ на мать и ребенка. Ангелы наверху тоже придвинулись поближе другъ къ другу, одинъ изъ нихъ поднимаетъ кверху палецъ и хочетъ сказать: «Тише, тише, не мѣшайте Пресвятой Богоматери и ребенку». И луна выглядываетъ изъ-за деревьевъ, и ея мягкій свѣтъ дѣлаетъ все еще болѣе мирнымъ и счастливымъ. Это блаженныя минуты, когда мать кормитъ своего ребенка. Скоро младенецъ Іисусъ насытится и съ улыбкой заснетъ на колѣняхъ Маріи. А ангелы запоютъ колыбельную пѣсню.

Примѣчаніе. Больше я не хотѣлъ бы ничего сказать. Распространяться здѣсь о мудрой предусмотрительности природы по отношенію къ первой пищѣ не соотвѣтствовало бы настроенію. Здѣсь, какъ часто въ другихъ положеніяхъ, надо удовольствоваться тѣмъ, чтобы пробудить въ ребенкѣ первое представленіе. Если-же кто-нибудь вообще не находитъ нужнымъ говорить объ этомъ, то я ничего не имѣю противъ. Я хотѣлъ бы только возразить противъ мнѣнія, что изображеніе Мадонны является самымъ неподходящимъ для такихъ разъясненій. Въ отвѣтъ на это я укажу на множество образовъ кормящей Мадонны, которыя въ Италіи и въ Германіи находятся въ церквахъ, гдѣ ихъ созерцаетъ весь народъ, а, слѣдовательно, и дѣти. Развѣ на почитаемыхъ священныхъ особахъ естественный процессъ не является еще болѣе облагороженнымъ?

Оплодотвореніе растеній.

I.

Какимъ желтымъ кажется лугъ, тамъ, у лѣса! Знаете, какіе цвѣты даютъ ему этотъ красивый первый уборъ? Вотъ мы и на лугу. Что это за желтые цвѣточные зонтики на стройномъ стеблѣ, для чего они вытянулись кверху изъ зеленой чашечки? Они хотятъ возвѣстить весну и доставить первую радость людямъ, которые такъ долго тосковали по зелени и цвѣтамъ. И люди приходятъ, большіе и маленькіе, собираютъ букеты, а дома ставятъ ихъ въ вазы, пока не увянетъ ихъ красота. Тогда ихъ бросаютъ въ сорный ящикъ. Неужели-же смыслъ и цѣль всего этого цвѣточнаго великолѣпія—доставить намъ, людямъ, мимолетную радость? Но вѣдь на лугу буквицы въ концѣ концовъ тоже завянутъ! Черезъ мѣсяцъ луга потеряютъ свой красивый, желтый уборъ! Ну, тогда мы опять придемъ и посмотримъ, что сталось съ желтыми зонтиками! Кто знаетъ уже теперь, что мы найдемъ тогда? Да, цвѣты тогда превратятся въ сѣменныя коробочки съ нѣсколькими отдѣленіями, а въ

отдѣленіяхъ этихъ будутъ твердыя сѣмена; если коробочку встряхнуть, то можно услышать, какъ они стучатъ. Въ теченіе лѣта они выпадаютъ изъ отвердѣвшей коробки, въ землѣ проростаютъ, и такимъ образомъ возникаютъ молодыя новыя растенія буквицы. И только для того, чтобы образовать эти сѣмена и продолжать жить въ нихъ, растенія буквицы, такъ скромно растущія у самой земли, послали вверхъ свои стебли и зонтики. Они хотятъ такимъ образомъ образовать сѣмена и размножиться; смотритъ-ли на нихъ и восхищается-ли ими глазъ человѣка, для нихъ безразлично.

Черезъ мѣсяцъ мы придемъ опять и взглянемъ на сѣменныя коробочки. А сегодня разсмотримъ хорошенько цвѣтки.

Я сорву нѣсколько цвѣтовъ и дамъ каждому по одному. Теперь раскройте ихъ и посмотрите, что внутри. Смотрите, какъ я это дѣлаю! Погодите, что это выглядываетъ изъ глубины трубки? еще прежде чѣмъ вы ее разнимаете? Въ срединѣ отверстія находится шарикъ, на ощупь онъ немного влажный. *)—Теперь открывайте! Шарикъ сидитъ на стройной круглой палочкѣ, которая внизу утолщается и переходитъ въ ту часть, которая соединяетъ цвѣточную трубку съ главнымъ стеблемъ. Эта твердая палочка поднимается вверхъ совершенно прямо, какъ школьный грифель. Ее называютъ пестикомъ, влажный круглый шарикъ или головка называется рыльцемъ пестика, утолщеніе внизу, возлѣ стебля, называется завязью. Что-же вы еще видите въ цвѣткѣ? Вокругъ пестика стоятъ нитевидныя палочки—сколько ихъ?—и на каждой сверху виситъ мѣшочекъ. Похлопайте-ка имъ тихонько по рукѣ! Вы видите, что въ нихъ содержится желтая пыль, цвѣточная пыль; а ихъ самихъ называютъ пыльниками. У васъ еще осталась пыль на рукѣ? Она прилипла, потому что рука немного

*) У однихъ экземпляровъ пестики сидятъ выше, у другихъ ниже, соотвѣтственно этому и пыльники. На этихъ интересныхъ различіяхъ здѣсь можно не останавливаться.

влажна. Но рыльце пестика гораздо влажнѣе вашихъ рукъ. Если на него упадетъ цвѣточная пыль—пчелы и шмели переносятъ ее на своихъ мохнатыхъ тѣльцахъ съ цвѣтка на цвѣтокъ—то она прилипнетъ къ рыльцу. Но теперь слушайте самое главное! Содержимое цвѣточной пыли проскальзываетъ черезъ рыльце въ пестикъ, а черезъ пестикъ внизъ, въ завязь. Въ завязи есть маленькія зернышки. Когда къ нимъ попадаетъ цвѣточная пыль, они оживаютъ. Они растутъ, увеличиваются, становятся твердыми, вмѣстѣ съ ними расширяется и растетъ и маленькая завязь; она превращается въ сѣмянную коробочку, въ которой содержатся сѣмена, т. е. затвердѣвшія зернышки. Когда мы придемъ черезъ нѣсколько недѣль, вы увидите сѣмянныя коробочки. Вѣнчики цвѣтовъ, пестики и пыльники засохнутъ и отпадутъ, они исполнили свою задачу: цвѣточная пыль попала къ зернышкамъ въ завязь и такимъ образомъ возникли сѣмена, изъ которыхъ образуются новыя растенія. Если мы придемъ еще позднѣе, то увидимъ, что и коробочки уже пусты. Созрѣвшія сѣмена выпадутъ изъ нихъ, многія попадутъ въ землю, гдѣ проростутъ, и въ будущемъ году появятся новыя буквицы.

Теперь вы видите, сколько новыхъ жизней развивается въ этихъ зонтикахъ? Съ каждымъ цвѣткомъ, который мы срываемъ, мы уничтожаемъ всю ту богатую жизнь, которая разовьется въ завязи. Теперь вы уже не сможете необдуманно рвать цвѣты массами, чтобы бросить ихъ на обратномъ пути. Конечно, вполнѣ понятно, если любитель цвѣтовъ иногда нарветъ себѣ хорошенькій букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и поставитъ его въ вазу. Но лучше, если я возьму съ собой домой только нѣсколько цвѣтковъ, которыхъ я до сихъ поръ не зналъ и которые хочу хорошенько изучить дома. Но самое лучшее будетъ, если я лягу на весеннемъ холмѣ среди цвѣтовъ и буду подслушивать ихъ тайны и созерцать окружающую ихъ жизнь.

II.

Примѣчаніе. То, что предлагаетъ предыдущая бесѣда, изучается теперь въ большей части школъ. Поэтому воспитатель можетъ пропустить ее и начать сразу со слѣдующей. Если ее можно провести съ помощью хорошаго увеличительнаго стекла или микроскопа (увелич. въ 60 р.), то я считаю ее очень цѣнной для яснаго пониманія процессовъ оплодотворенія. По времени эта бесѣда непосредственно примыкаетъ къ предыдущей.

Воспитатель. Вчера я показалъ вамъ на лугу, какъ устроены цвѣты буквицы. Сегодня мы разсмотримъ еще коечто подъ микроскопомъ. Въ особенности замѣчательно то, какъ цвѣточная пыль попадаетъ въ завязь.

а) Прежде всего стряхнемъ немножко цвѣточной пыльцы изъ этого цвѣтка примулы на это стеклышко. Что вы видите? Много желтыхъ зернышекъ, похожихъ на зерна риса. Подъ болѣе сильнымъ стекломъ вы могли-бы изслѣдовать каждое зернышко отдѣльно. Тогда мы увидѣли-бы подъ кожицей зернышка свѣтлую, клейкую жидкость, а въ growthединѣ ея твердое ядро; жидкость называютъ клѣточкой, ядро—ядромъ клѣточки; въ немъ-то и заключается вся суть.

в) Теперь разрѣжемъ эту маленькую завязь внизу пестика и положимъ ее подъ увеличительное стекло. Что вы видите? Крошечныя, зеленыя зернышки. Если-бы мы могли видѣть эти зернышки увеличенными еше въ два раза, *) то въ срединѣ каждаго зернышка мы нашли-бы настоящую клѣточку; эта клѣточка—яичко. Изъ этого яичка и выростаетъ сѣмя. Но только подъ однимъ условіемъ! И это условіе очень важно.

Чтобы расти, нужна пища. Зеленыя зернышки въ завязи

*) Конечно, было-бы лучше всего показать дѣтямъ цвѣточную пыль и завязь подъ микроскопомъ, съ увеличеніемъ разъ въ 60. Но и хорошаго увеличительнаго стекла достаточно даже для примулы. Позднѣе можно разсмотрѣть все это болѣе отчетливо у тюльпана или лиліи.

хотятъ стать сѣменами. Для этого имъ нужна пища. Растеніе достаетъ пищу изъ земли и посылаетъ ее завязи. Но еще важнѣе другое: маленькія зерна въ завязи получаютъ пищу и сверху. Каждое зернышко пыли, падающее на пестикъ, посылаетъ то, что въ немъ есть, клѣточную жидкость, внизъ зернышкамъ въ завязи, и такимъ образомъ приноситъ имъ самое важное, что имъ нужно для роста.

Но какъ зернышко пыли, падающее на рыльце пестика, попадаетъ внизъ, къ зернышкамъ въ завязи?

с) Естествоиспытатели наблюдали и это подъ очень сильными увеличительными стеклами. Вотъ этотъ рисунокъ дастъ вамъ понятіе о томъ, какъ это происходитъ. Зернышко цвѣточной пыли задерживается липкимъ, влажнымъ рыльцемъ пестика. Затѣмъ, подъ вліяніемъ влажности, оно начинаетъ расти; изъ него выходитъ продолговатый мѣшочекъ, онъ проникаетъ въ пестикъ и проталкивается сквозь него къ завязи. Вы видите, какъ мѣшочекъ съ красными точками попадаетъ къ зернышку завязи. Шарикъ внизу— яичко. Къ нему мѣшочекъ и посылаетъ содержимое, въ особенности ядрышко зернышка пыльцы. Но такъ къ зернышкамъ завязи попадаетъ не о д н о только зернышко пыльцы, а многія. Теперь нѣжныя, мягкія, зеленыя зернышки могутъ расти и превратиться въ твердыя сѣмена.

Цвѣточная пыль и пестикъ сдѣлали свою работу. Красивый желтый покровъ, защищавшій ихъ обоихъ и привлекавшій насѣкомыхъ съ чужой цвѣточной пылью, отпадаетъ. Теперь растеніе посылаетъ всѣ свои соки и пищу, которую добываетъ изъ земли, сѣменамъ въ завязи, пока они не созрѣютъ. Если тогда открыть такое созрѣвшее сѣмячко, которое теперь называютъ плодомъ, то въ немъ уже можно найти молодое растеньице; если его положить въ землю, изъ плода проростаетъ новое растеніе.

Теперь вы понимаете, почему утолщеніе внизу пестика называютъ завязью: въ немъ изъ зеленыхъ зернышекъ съ ихъ яичками образуется или з а в я з ы в а е т с я зрѣлое сѣмя или молодой плодъ. Но только подъ однимъ условіемъ! А

именно, если къ зернышкамъ завязи попадетъ содержимое цвѣточной пыли. Только тогда возникаетъ плодъ, поэтому это соединеніе клѣточки цвѣточной пыли и сѣменной клѣточки называютъ оплодотвореніемъ. Къ многимъ зернышкамъ или клѣточкамъ завязи цвѣточная пыль не попадаетъ. Тогда они не выростаютъ, а сморщиваются и отпадаютъ. Но ихъ такъ много, что обыкновенно оплодотворенныхъ яичекъ для размноженія остается еще достаточно.

Развѣ все это не чудо, и развѣ каждый цвѣтокъ—не особый волшебный міръ? Тотъ, кто заглянулъ въ него хоть разъ, преисполняется изумленіемъ и почти благоговѣніемъ передъ этимъ волшебнымъ міромъ.

Д-ръ Францъ Ксаверъ Тальгоферъ.

Мюнхенъ.

Грушевое дерево.

О грушевомъ деревѣ, которое не хотѣло давать плодовъ.

Май. На всѣхъ деревьяхъ цвѣточный снѣгъ. На поляхъ обиліе цвѣтовъ. Дѣти, посмотрите на это цвѣтущее дерево груши! Видимая, осязаемая мысль Бога. Правда, вы этого еще не можете хорошо понять. Но, можетъ быть, скоро это станетъ вамъ болѣе яснымъ.

— Дѣти, почему это дерево нарядилось въ такое красивое платье? Ну — когда вы надѣваете праздничныя платья?

— Конечно, Лотта, совершенно вѣрно—когда приходятъ гости! Посмотрите-ка хорошенько!

— Развѣ къ грушевому дереву тоже приходятъ гости?

— Тише! Вы ничего не слышите?

— Ахъ, г. Фрелихъ, вы думаете, пчелки!

— Смотрите, это посѣщеніе необходимо! Идите сюда, садитесь всѣ вокругъ меня! Я разскажу вамъ сказку!

— Ахъ, да, г. Фрелихъ,пожалуйста, пожалуйста, сказку!

— Ну—какъ начинаются самыя лучшія сказки?

— Жилъ-былъ когда-то...

— Конечно!

— Итакъ: жило-было когда-то грушевое дерево! Ну, чего-же вы смѣетесь? Грушевое дерево стояло въ далекой, чужой странѣ.

Однажды оно надѣло свое прекрасное цвѣточное платье. Смотрите, такое самое, какое носитъ это дерево! Всѣ уже радовались сладкимъ плодамъ! Когда они должны были быть готовы, всѣ пришли съ корзинами. Но... о ужасъ! На деревѣ не было ни одной груши! Что-же это вздумалось грушевому дереву? Что вы думаете объ этой исторіи? Грета?—Ихъ, навѣрно, сорвалъ кто-нибудь?

Нѣтъ! Слушайте дальше! Мы, навѣрно, недостаточно заботились о деревѣ! Въ будущемъ году будетъ иначе! подумали люди. И они взялись за дѣло. Землю вокругъ дерева разрыхлили. Унавозить ее тоже не забыли. Словомъ— они ухаживали за деревомъ такъ заботливо, что оно моглобы гордиться!

Опять стоитъ дерево въ полномъ уборѣ. И опять наступаетъ осень. Что-же вы думаете? что дерево принесло поды? Ни одной груши!

Однажды въ ту далекую страну приходитъ нѣмецкій пчеловодъ.

— Пчеловодъ?

Это тотъ, кто разводитъ пчелъ! Люди разсказываютъ ему про проказы грушевого дерева. Да, говоритъ пчеловодъ. Добрые люди, вы должны взять пчелъ—ну, чего вы смѣетесь?—и посадить ихъ на дерево! Пчеловодъ обѣщаетъ прислать имъ рой пчелъ. Проходитъ еще годъ. Наступаетъ осень. И въ самомъ дѣлѣ! На деревѣ виситъ множество прекраснѣйшихъ плодовъ! Вы всѣ смотрите на меня удивленно? Какъ это произошло? Объ этомъ завтра!

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста, сегодня...

— Дѣти, завтра!

О грушевомъ деревѣ и его дѣтяхъ.

„Нашему пытливому уму недостаточно поверхностнаго взгляда на волшебный міръ, который весна открываетъ глазамъ! Мы стремимся проникнуть глубже въ великолѣпіе творенія“.

Постель.

Я разскажу вамъ о грушевомъ деревѣ и его дѣтяхъ!

О дѣтяхъ грушевого дерева?

Вы хотите сказать о грушахъ?

Вы уже задумывались когда-нибудь надъ тѣмъ, какъ образуется груша?

Лотта, дай съ окна букетъ цвѣтовъ груши! Станьте всѣ вокругъ меня!

Такъ! У всѣхъ есть по цвѣтку?

А теперь навострите уши! Вотъ у меня цвѣточекъ. Я держу его за стебелекъ. Какъ выглядитъ верхняя часть стебля?

Вѣрно! Она похожа на чашечку! къ краю чашечки приросли пять маленькихъ, зеленыхъ листочковъ, чашелистиковъ. Покажите мнѣ всѣ чашелистики!

А внутри вы видите еще пять листочковъ!

Конечно, они бѣлаго цвѣта!

Сорвите всѣ бѣлые лепестки! За ними вы видите множество нитей! Я разъ насчиталъ двадцать такихъ нитей!

Ученые называютъ эти нити тычинками.

На тычинкахъ сверху вы видите маленькіе красные мѣшечки! Это пыльники! Когда солнце хорошенько пригрѣетъ, пыльники лопнутъ—и?

Конечно, изъ нихъ вылетитъ пыль.

Но почему? Для чего?

Внутри чашечки вы видите 5 странныхъ палочекъ. Это пять братцевъ. Ихъ называютъ пестиками. Каждый отдѣльный пестикъ устроенъ чудесно! Здѣсь я нарисовалъ вамъ когда-то пестикъ въ увеличенномъ видѣ! Нижняя часть пестика называется завязью. Въ ней спрятаны нѣжныя сѣмена. Кверху завязь переходитъ въ палочку.

А на самомъ верху вы видите рыльце!

Но откуда-же у грушевого дерева берутся дѣтки?

Вѣдь я не кончилъ вамъ разсказывать вчера.

Что пчелкамъ надо было на грушевомъ деревѣ?

Чтобы груша принесла плоды, цвѣточная пыль изъ пыльниковъ (покажите ихъ!) должна попасть на рыльца (покажите!). Я могу сказать кратко: цвѣтокъ долженъ быть опыленъ. Б е з ъ о п ы л е н і я н е м о ж е т ъ б ы т ь д ѣ т о к ъ! И вотъ тутъ-то пчелка помогаетъ Богу! На днѣ цвѣтка лежитъ сладкій, сладкій медъ! Вѣдь дно цвѣтка—кладовая грушеваго дерева! И когда пчелка приходитъ въ гости, она

сейчасъ-же летитъ прямо въ кладовую. При этомъ она задѣваетъ своимъ платьицемъ тычинки. И зернышки пыльцы прилипаютъ къ платьицу. Мы сказали-бы: оно запачкалось! Но пчелка не замѣчаетъ этого. И кто можетъ сказать ей это? Она летитъ къ другому цвѣтку, чтобы тамъ тоже полакомиться. Тамъ она задѣваетъ своимъ платьицемъ пестики. И вотъ пыльца, которая была на платьицѣ пчелки, остается на липкомъ рыльцѣ. И это очень хорошо! Замѣтьте хорошенько: чтобы у грушевого дерева появились дѣти, пчелка должна перенести пыльцу съ одного цвѣтка на рыльце другого цвѣтка. Ну, теперь вы знаете, почему грушевое дерево, о которомъ я разсказывалъ вамъ вчера, не могло принести плодовъ!

Почему-же, Лотта?

Грушевое дерево отцвѣтаетъ. Лепестки и тычинки отпадаютъ. Вчера вы уже видѣли бѣлые лепестки на землѣ. Не правда-ли, дѣти, когда поднимается вѣтеръ, идетъ цвѣточный снѣгъ!

Но завязь становится все толще. Она разбухаетъ. Изъ завязи и основанія цвѣтка образуется сладкая груша! Смотрите, вотъ у меня разрѣзанное яблоко. У яблока все происходитъ точно такъ-же, какъ у груши. Завязи превратились въ домикъ для зернышекъ! Посчитайте—сколько здѣсь отдѣленій?

Вѣрно—пять отдѣленій!

Основаніе цвѣтка превратилось въ мякоть плода, которую вы такъ любите!

А на верхнемъ концѣ плода вы видите засохшіе чашелистики!

Не правда-ли, дѣти, вы понимаете все лучше слова:

«И увидѣлъ Богъ все, что онъ создалъ, и все было хорошо весьма!»

Артуръ Фрелихъ.

Меронъ.

Нравственность.

Цѣломудріе.

Я сдѣлалъ на самомъ себѣ наблюденіе, что есть люди, которые подъ словомъ «цѣломудренно» въ теченіе половины своей жизни понимаютъ нѣчто совершенно другое, чѣмъ то, что есть въ дѣйствительности. Недавно происшедшій случай заставилъ меня опять задуматься надъ этимъ. Я руковожу классомъ изъ 40 большей частью славныхъ мальчиковъ въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ. Самый высокій изъ нихъ—образецъ красоты и здоровья. Въ свои $13^1/_2$ лѣтъ онъ сильнѣе многихъ мужчинъ. Онъ всегда веселъ, глаза его всегда ясно глядятъ на міръ. Онъ волшебникъ: гдѣ онъ, тамъ царитъ веселье. Съ моего лица тоже исчезаютъ раздраженіе или забота, когда онъ бываетъ вблизи меня. Мнѣ кажется, что отъ него исходитъ ароматъ, который я лучше всего могъ-бы сравнить съ благоуханіемъ лѣса въ началѣ мая.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, во время урока гимнастики, онъ, весело улыбаясь, какъ всегда, подошелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ посмотрѣть, какъ сильно бьется его сердце. Это было послѣ утомительнаго упражненія. Онъ разстегнулъ свою рубашку, чтобы я и обступившіе насъ ученики могли видѣть зрѣлище этого юношески-сильно бьющагося молодого сердца. Трудно передать, въ чемъ собственно заключалось очарованіе, которое этотъ моментъ имѣлъ для меня и, очевидно, и для многихъ мальчиковъ. Это было наслажденіе, похожее на чтеніе прекраснаго весенняго стихотворенія. Если-бы я долженъ былъ выразить свое тогдашнее ощущеніе однимъ словомъ, то это было-бы слово «цѣломудренно».

Я уже не разъ испытывалъ нѣчто подобное; напр., если въ прежніе годы, на прогулкахъ съ моими учениками, я позволялъ имъ совершенно свободно лѣзть въ воду. Въ горномъ лѣсу, среди зеленыхъ листьевъ буковъ и ольхъ или-же на залитомъ солнцемъ, усыпанномъ цвѣтами лугу такой нагой, веселый юноша, который съ ликованіемъ наслаждается свѣтомъ и солнцемъ и бросается въ холодныя волны, былъ чѣмъ-то несказанно прекраснымъ, сравнимымъ съ величайшимъ художественнымъ произведеніемъ, созерцаніе котораго заставляетъ умолкать въ насъ всѣ грѣховныя побужденія. Здѣсь нагота цѣломудренна, а въ другихъ мѣстахъ грязное вожделѣніе кипитъ подъ многочисленными покровами одеждъ.

Я долженъ былъ съ трудомъ завоевать себѣ чистую любовь къ человѣку, цѣломудріе, и я знаю, что то-же самое пережили многіе. На моей родинѣ большинство дѣтей было воспитано превратно, конечно, съ самыми лучшими намѣреніями. Люди тамъ были, да и теперь остались, строгими приверженцами церкви. Я вспоминаю слѣдующее событіе (одно изъ самыхъ раннихъ, памятныхъ мнѣ). Въ естественной невинности я однажды обнажилъ свое маленькое тѣло. Мой отецъ гнѣвно указалъ на висѣвшій на стѣнѣ образъ Святой Троицы и сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Отецъ Небесный будетъ сердиться». Почему онъ долженъ былъ разсердится на меня, я понялъ, когда отецъ опять покрылъ мою наготу. Мнѣ было всего четыре года, когда мнѣ впервые дали понять, что быть нагимъ значитъ быть грѣховнымъ. Когда въ 10 лѣтъ я мѣнялъ рубашку, то залѣзалъ при этомъ въ уголъ за прялку, чтобы не страдала моя стыдливость.

Переживанія моего собственнаго дѣтства и многочисленныя наблюденія научили меня слѣдующему: вполнѣ естественно, чтобы дѣти не видѣли ничего дурного въ наготѣ своей собственной и другихъ. Охранять ихъ въ этой естественной невинности, въ такомъ цѣломудріи, нашъ долгъ. Указанія, что нагота грѣховна, гибельны для цѣло-

мудрія ребенка и влекутъ за собой то, что дѣти раньше начинаютъ жаждать употребленія своихъ половыхъ органовъ. Въ особенности-же въ этомъ злѣ большая вина лежитъ на ложномъ толкованіи заповѣди «не прелюбодѣйствуй», не меньше, конечно, на непристойной литературѣ всякаго рода и на разсчитанныхъ на возбужденіе полового вожделенія изображеніяхъ (иллюстрированныя открытыя письма!).

Съ этими гибельными силами воспитаніе можетъ успѣшно бороться только развитіемъ въ юношествѣ любви къ красотѣ. На прогулкахъ съ учителемъ пусть этотъ послѣдній откроетъ ученикамъ глаза на большія и малыя красоты пейзажа, вызоветъ у нихъ чувство единенія съ природой. Пусть родители и учитель—этотъ послѣдній при современныхъ отношеніяхъ долженъ вообще быть дрожжами для всхожденія новой культуры—сдѣлаютъ все, чтобы развить въ юношествѣ любовь къ художественно-прекрасному въ поэзіи, музыкѣ, живописи, архитектурѣ и скульптурѣ. Подробно описать пути къ этому потребовало-бы обширной статьи; указаны-же они уже были и другими. Но вотъ на чемъ я особенно настаиваю: общественное воспитаніе должно воодушевить юношество сознаніемъ, что хранить свое тѣло здоровымъ и прекраснымъ—нравственный долгъ человѣка.

Стыдливость.

Мимо меня прошла прекрасная дѣвушка съ необыкновенно благородной осанкой. Даже нѣсколько оборванныхъ фабричныхъ рабочихъ, обыкновенно возвращающихся домой въ тупомъ равнодушіи, усталыми глазами поглядѣли вслѣдъ ей. Мужчины и дамы оборачивались, когда она проходила мимо нихъ. Къ этому прекрасная дѣвушка, очевидно, привыкла, на ея лицѣ не выражалось ни малѣйшаго удовлетворенія, глаза глядѣли свободно и ясно.

Такъ бывало почти каждый день.

Сегодня она тоже прошла мимо моего жилища. Тогда случилось нѣчто, что продолжалось всего нѣсколько секундъ, но тѣмъ не менѣе произвело на прекрасную дѣвушку глубокое впечатлѣніе. Ей встрѣтился какой-то франтъ и, вытянувъ впередъ голову, нахально заглянулъ ей въ лицо. Великолѣпное созданіе густо покраснѣло и отвернулось въ сторону, словно ища помощи. Щеголь быстро прошелъ дальше. Я постарался выяснить себѣ, что произошло. Дѣвушка инстинктивно почувствовала—я не знаю, какое лучшее слово употребить,—что нахалъ подумалъ что-то безобразное, грязное, поэтому и краска, поэтому и умоляющій о помощи жестъ. Знала она, что онъ подумалъ? Нѣтъ, я увѣренъ, что нѣтъ. Стыдливость живетъ въ насъ съ древнихъ временъ, она естественная защита противъ наглыхъ оскорбленій, ее надо сначала преодолѣть даже тогда, когда сильнѣйшая любовь толкаетъ оба пола къ соединенію. И это естественно, слѣдовательно, хорошо. Кто хочетъ уничтожить въ юношествѣ стыдливость, совершаетъ преступленіе передъ человѣчествомъ. Это дѣлаетъ тотъ, кто направляетъ вниманіе молодежи на половыя отношенія и органы, кто говоритъ съ дѣтьми о половыхъ отношеніяхъ только для того, чтобы говорить о нихъ. Нѣсколько дней тому назадъ я прочелъ подробное изложеніе книги, сочинительница которой занимается вопросомъ полового просвѣщенія. Она хочетъ, чтобы въ школѣ передъ классомъ подробно разсматривали половые органы человѣка съ помощью снимковъ или рисунковъ, потомъ, конечно, и процессъ совокупленія и т. д. Ну, я долженъ сказать, что глупѣе и гибельнѣе такого «полового просвѣщенія» незрѣлой молодежи и выдумать нельзя. Это значитъ попирать ногами чувство стыда.

Но что, если ребенокъ увидитъ, какъ совокупляются животныя или люди, если къ нему въ руки попадутъ грязныя изображенія? Два года тому назадъ я отнялъ у одного тринадцатилѣтняго мальчика книжку съ картинками, въ которой былъ изображенъ даже противоестественный

развратъ. Что, если ребенокъ услышитъ о половомъ актѣ, если его соблазнятъ другія дѣти? Если онъ сблизится съ развратникомъ? Будетъ ли въ состояніи защитить ребенка одна стыдливость?

Во многихъ случаяхъ и у многихъ дѣтей навѣрно. Она еще больше будетъ въ состояніи сдѣлать это, если воспитаніе позаботится о томъ, чтобы со стыдливостью соединялось эстетическое чувство, гнушающееся всего некрасиваго. Отвращеніе—дѣйствительное оружіе обороны. Но есть немало юношей, для которыхъ нужны болѣе сильныя мѣры.

Францъ Робертъ Вилькомъ.

Варнсдорфъ.

Красота и здоровье.

По воскресеньямъ—во всякую погоду—отецъ ходилъ гулять со мной. Это было всегда величайшей радостью для меня, и я никогда не могъ понять, какъ могутъ мои товарищи находить семейныя воскресныя прогулки ужасными. Правда, мой отецъ не маршировалъ, какъ унтеръ-офицеръ за своими рекрутами, онъ держалъ себя, какъ старшій другъ, я игралъ съ нимъ въ войну и въ солдаты и при этомъ всегда учился чему-нибудь. Однажды на прогулкѣ мы встрѣтили ужаснаго человѣка—избавьте меня отъ описанія! Но то, что говоритъ гдѣ-то Геббель, вполнѣ подходило къ нему: казалось, что всѣ недуги играли этимъ несчастнымъ существомъ, какъ мячомъ. И—это было самое ужасное—онъ былъ такъ безобразенъ, что нельзя было даже почувствовать къ нему состраданія. Я не могъ отдѣлаться отъ ужаснаго впечатлѣнія. Но, по обыкновенію, только дома спросилъ я отца, замѣтилъ-ли онъ тоже этого человѣка, и прибавилъ непринужденно: «Удивительно, какіе бываютъ уродливые люди!»—«И какіе больные и несчастные», продолжалъ отецъ, «но зато, какіе бываютъ прекрасные и здоровые!» И онъ досталъ изъ шкапа книгу, которой я еще никогда не видѣлъ, и раскрылъ ее—въ ней заключались лучшія произведенія художниковъ всѣхъ временъ и изображенія прекрасныхъ людей. Я пришелъ въ невыразимый восторгъ. «Папа», воскликнулъ я, почти внѣ себя отъ воодушевленія, «почему всѣ люди не такъ прекрасны? Почему прекрасныхъ людей такъ мало?»—«Почему?» отвѣтилъ онъ, и я никогда не забуду выраженія его глазъ, когда онъ взглянулъ на меня; «это я открою тебѣ, потому что ты уже не ребенокъ и понимаешь, что маленькія дѣти не падаютъ съ неба и не растутъ на деревьяхъ. Не растетъ человѣкъ и какъ птицы, вылупливающіяся изъ яицъ. Это

ты видѣлъ. Человѣкъ растетъ въ тѣлѣ у матери. Если ты приглядишься, то увидишь иногда на улицѣ женщину, которая носитъ подъ сердцемъ ребенка; она носитъ свою ношу съ трудомъ, и грубые или глупые люди находятъ это зрѣлище смѣшнымъ. Помни: такая женщина—мать, и видъ ея долженъ внушать намъ почтеніе. Поэтому никогда не смѣйся надъ ней, хотя-бы только изъ неразумія, и если кто-нибудь изъ твоихъ пріятелей будетъ издѣваться надъ ней, дай ему пощечину, онъ заслуживаетъ этого! И еще одно замѣть себѣ: у женщины одной не можетъ вырости дитя подъ сердцемъ, ей долженъ помочь мужчина; онъ, такъ сказать, даетъ кровь, она плоть, а Богъ душу. Ты знаешь, когда течетъ кровь, это всегда серьезная вещь. Когда въ другихъ случаяхъ течетъ кровь, то это большей частью означаетъ смерть, но здѣсь это означаетъ жизнь, новую жизнь; и все-таки это серьезная, очень серьезная вещь. Глупцы, правда, часто издѣваются и надъ этимъ; здѣсь, какъ и вездѣ, они слишкомъ легкомысленно проливаютъ кровь. Но нигдѣ это не такъ опасно, какъ здѣсь. Тѣ, кто проливаетъ эту кровь, которая должна служить для образованія новаго человѣка, виновны въ томъ, что существуютъ такія ужасающія фигуры, какую ты видѣлъ сегодня! А легкомысленно проливаетъ ее каждый, кто приближается къ женщинѣ безъ глубокаго, внутренняго сознанія: эта женщина можетъ и должна стать матерью м о и х ъ дѣтей, моихъ п р е к р а с н ы х ъ дѣтей! Но замѣть себѣ еще одно. Вѣдь ты мальчикъ, и хочешь стать мужчиной: долгъ и честь мужчины требуютъ, чтобы онъ стремился завоевать ту, о которой ясно и серьезно возвѣщаетъ внутренній голосъ, всѣми чистыми путями». Все это онъ проговорилъ почти строгимъ голосомъ, глядя на меня, какъ судья. Но затѣмъ онъ ласково провелъ рукой по моимъ волосамъ и продолжалъ мягкимъ тономъ: «Когда я смотрю на тебя, я радуюсь, что ты красивъ и здоровъ. Пока я еще могу охранять тебя. Но это будетъ не всегда».

Д-ръ К. Лори.

Нюренбергъ.

Размышленія учителя о половомъ воспитаніи.

Педагогическія убѣжденія являются результатомъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, слѣдствіемъ индивидуальнаго жизненнаго опыта. Сообразно тому, какъ мы судимъ на основаніи теоретическихъ соображеній и жизненныхъ переживаній о какой-нибудь области, мы будемъ разсматривать и ея образовательную и воспитательную цѣнность для другихъ. Это относится и къ вопросамъ сексуальной педагогики.

Я считаю половой инстинктъ необходимымъ проявленіемъ каждой здоровой натуры. Я не нахожу въ этомъ инстинктѣ ничего, чемъ я могъ-бы ужасаться. Это такой-же инстинктъ, какъ и другіе, какъ инстинктъ чести, инстинктъ власти, инстинктъ собственности, инстинктъ игры. Я считалъ-бы ненормальнымъ и болѣзненнымъ отсутствіе въ себѣ этого инстинкта. Я радуюсь его существованію и вполнѣ согласенъ съ д-ромъ Георгомъ Гиртомъ, когда онъ высказываетъ мнѣніе, что хорошій человѣкъ долженъ быть и хорошимъ животнымъ. Половой инстинктъ самъ по себѣ морально безразличенъ; его нельзя считать ни хорошимъ, ни плохимъ, онъ прежде всего внѣморальное явленіе природы.

Каждый инстинктъ требуетъ удовлетворенія. Половой инстинктъ тоже хочетъ быть удовлетвореннымъ, и въ самомъ удовлетвореніи его я тоже не вижу ничего грѣховнаго или предосудительнаго, если только оно не наноситъ ущерба высшимъ интересамъ. Однако половой инстинктъ принадлежитъ къ тѣмъ инстинктамъ, которые не рождаются на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, а созрѣваютъ въ процессѣ его развитія. Поэтому какъ преждевременное пробужденіе его, такъ и излишества приносятъ вредъ. Слѣдовательно,

долгъ передъ самимъ собой, передъ своимъ собственнымъ тѣлеснымъ и духовнымъ здоровьемъ требуетъ введенія его въ рамки.

Самый естественный родъ удовлетворенія достигается сношеніями съ другимъ поломъ. Но эти сношенія влекутъ за собой послѣдствія, которыя требуютъ дальнѣйшихъ ограниченій полового наслажденія. Продуктомъ половыхъ сношеній при нормальныхъ условіяхъ является ребенокъ. Мужчина и женщина вступаютъ въ связь не только ради наслажденій, но и ради ребенка. Но кто даетъ жизнь человѣку, тотъ беретъ на себя обязанности по отношенію къ нему: отцовскія или материнскія обязанности. Высшія животныя тоже подчиняются этому закону природы. Къ этому присоединяются взаимныя супружескія обязанности. Тотъ, кто не можетъ исполнить этихъ обязанностей, не имѣетъ при современномъ соціальномъ строѣ права на половыя сношенія.

Самый актъ можетъ производиться исключительно для удовлетворенія потребности. По всей вѣроятности такъ оно и есть у животныхъ. Но онъ можетъ опредѣляться и видоизмѣняться многообразнымъ комплексомъ представленій и чувствъ. Такъ бываетъ обыкновенно у человѣка. Этотъ міръ мыслей и чувствъ можетъ сдѣлать самый половой актъ чѣмъ-то высшимъ, но и чѣмъ-то низшимъ, чѣмъ половыя сношенія у животныхъ. Совершенно справедливо говорятъ многіе о невинности животнаго; оно безъ размышленій, безъ сознанія какой-нибудь грѣховности слѣдуетъ своимъ инстинктамъ. Человѣкъ-же иногда видитъ въ удовлетвореніи своего полового инстинкта нѣчто запрещенное, противорѣчащее нравственности, нѣчто безнравственное. Представленіе-же о непозволительномъ, грѣховномъ окружаетъ весь процессъ своеобразно-удушливой атмосферой. Естественное желаніе превращается въ болѣзненную похотливость, возбужденная фантазія измышляетъ и рисуетъ положенія и картины, которыя становятся прямо противоестественными и ставятъ человѣка ниже животнаго. Къ нимъ относятся осуждающія слова Ницше:

«Сладострастіе — это жало и колючки тернія всѣхъ ненавистниковъ тѣла, одѣтыхъ въ рубище!

«Сладострастіе: — однако пора мнѣ наложить узду на мысли свои и даже на слова свои: чтобъ не ворвались въ садъ мой свиньи и мечтатели!» *).

Наоборотъ, чисто-человѣческое чувство, любовь, можетъ такъ одухотворить половой инстинктъ въ его животно-чувственной тѣлесности, что половыя сношенія могутъ принадлежать не только къ высшимъ чувственнымъ наслажденіямъ, но и къ благороднѣйшимъ душевнымъ переживаніямъ, которыя даритъ намъ жизнь.

«Сладострастіе: для свободныхъ и невинныхъ сердецъ, рай земного счастья, благодарный восторгъ будущаго настоящимъ.

Сладострастіе: только для увядшаго—сладкій ядъ, а для обладающаго волей льва великое сердечное подкрѣпленіе и благоговѣйно сбереженное вино изо всѣхъ винъ» **).

Все животное, все только физическое и физіологическое переходитъ въ состояніе одухотворенной, высшей чувственности. Не въ состояніе чистой духовности! Интеллектуалистическое поведеніе въ половыхъ сношеніяхъ повредило-бы здоровой, сильной чувственности, лишило-бы весь процессъ освященія таинственности, мистеріи. Это намѣренное освѣщеніе фонаремъ разума несмотря на то, что при этомъ полная, сильная чувственность была-бы ослаблена или совершенно убита, должно было-бы показаться здоровому человѣку уродливымъ и безнравственнымъ. Человѣкъ долженъ и здѣсь умѣть забывать, если хочетъ поступать истинно по-человѣчески.

Я сознаю эту естественность и красоту, эту невинность благородныхъ половыхъ сношеній. И тѣмъ не менѣе я при данныхъ обстоятельствахъ могу оставаться цѣломудреннымъ. Я хочу остаться цѣломудреннымъ, потому что хочу остаться

*) Переводъ Антоновскаго.

**) Переводъ Антоновскаго.

свободнымъ, потому что я не только животное, но и человѣкъ. Какъ человѣкъ, я сознаю, что жизнь моя связана долгомъ передъ собой и другими. Это сознаніе требуетъ отъ меня строжайшаго самообладанія. Это сознаніе и эта воля должны проистекать изъ моего собственнаго существа, если я хочу остаться нравственнымъ человѣкомъ.

«Развѣ совѣтую я вамъ цѣломудріе? Для нѣкоторыхъ цѣломудріе есть добродѣтель, но для многихъ почти порокъ.

«Они, конечно, воздерживаются: но песъ чувственности смотритъ съ завистью на все, что дѣлаютъ они.

«Даже до высотъ ихъ добродѣтели и вплоть до безстрастнаго духа идетъ за ними это животное со своей враждой» *).

Уже Сенека и Монтэнь указывали, что существуетъ большое различіе между тѣмъ, кто не можетъ грѣшить, и тѣмъ, кто не хочетъ грѣшить. Добродѣтеленъ не тотъ, у кого нѣтъ полового инстинкта или у кого онъ уже пропалъ, но тотъ, кто ради высшей цѣли борется съ нимъ и владѣетъ собой. Воздержаніе можетъ въ своей крайней формѣ казаться неестественнымъ, но оно не вредно. Быть человѣкомъ значитъ быть борцомъ. Это не относится, быть можетъ, ни къ одной области жизни больше, чѣмъ къ сферѣ половыхъ отношеній.

Эротическая человѣческая любовь, несомнѣнно, является высшимъ мотивомъ для половыхъ сношеній , чѣмъ голый инстинктъ. Но для человѣка основанное на чувствѣ любви половое соединеніе еще не идеалъ. Есть еще болѣе высокое побужденіе. именно мотивъ естественнаго подбора. Гальтонъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Іоллесъ и Ницше указывали на это. Цѣль половыхъ сношеній для культурнаго, сознательнаго человѣка— произведеніе сильныхъ, геніальныхъ личностей, облагороженіе расы. Эротическая симпатія противодѣйствуетъ этому облагороженію. Поэтому Гальтонъ, напримѣръ, требуетъ очень строгихъ мѣръ, чтобы помѣшать плохимъ экземпля-

*) Переводъ Антоновскаго.

рамъ человѣческой породы передавать свои пороки или болѣзни, свою физическую или психическую слабость.

Я не вѣрю въ возможность регулировать размноженіе людей строгими законами; но я признаю справедливость этого требованія и его связующую силу для свободной отдѣльной личности.

Только тотъ, кто можетъ сказать себѣ по совѣсти, что по всей вѣроятности дастъ жизнь полноцѣнному духовно и физически человѣку, имѣетъ право на бракъ и на зарожденіе.

Никто не выразилъ этого долга личности передъ собой прекраснѣе Ницше:

«Ты долженъ расти не только вширь, но и ввысь! Да поможетъ тебѣ въ этомъ бракъ!

«Ты долженъ создать высшее тѣло, первое движеніе, произвольно катящееся колесо,—ты долженъ создать созидающаго.

«Бракъ: такъ называю я желаніе двухъ создать третьяго, который больше создавшихъ его. Бракомъ называю я великое уваженіе одного къ другому, какъ къ желающимъ одной и той-же цѣли» *).

Человѣкъ не только существо, обладающее половымъ инстинктомъ; онъ есть нѣчто большее. Онъ членъ великой цѣпи, современной соціальной единицы, и въ то-же время будущей, человѣчества. Его принадлежность къ этому болѣе узкому и болѣе обширному кругу опредѣляетъ и его обязанности. А его обязанности регулируютъ и вносятъ поправки въ его эмоціональную жизнь. Пусть въ послѣднемъ счетѣ побудительными силами мірового движенія будутъ голодъ и любовь, для отдѣльнаго человѣка причины его жизненной дѣятельности лежатъ не только въ потребности въ пищѣ и половомъ инстинктѣ. Свободный человѣкъ возвышается надъ этимъ. Конечно, его образъ жизни опредѣляется и низшими инстинктами; но онъ умѣетъ владѣть ими, а не повинуется имъ безвольно.

*) Переводъ Антоновскаго.

Въ этихъ рамкахъ половая область остается для него частью жизни, полной сильнѣйшей жизненной интенсивности, счастья и страданія, одновременно жизненнымъ лекарствомъ и ядомъ, приманкой, которой мудрая мать природа вѣчно пользуется, чтобы сохранять жизненную силу, трагическимъ наслажденіемъ, освященнымъ именно своимъ трагизмомъ; ибо ничто не освящаетъ больше страданія.—Всѣмъ этимъ можетъ быть и стать для здороваго, настоящаго человѣка половая область, но при всемъ томъ это еще не вся жизнь, ибо она безконечно богаче, чѣмъ одна часть ея.

Но въ природѣ, въ индивидуальной особенности этой стороны жизни лежитъ то, что она ищетъ тайны, уединенія, и только въ этомъ далекомъ отъ людей уединеніи можетъ развернуться во всей своей красотѣ и прелести. Публичность была-бы здѣсь проституціей.

Слѣдовательно, если мы не хотимъ, чтобы педагогическія цѣли, которыя преслѣдуетъ половое просвѣщеніе, были нарушены самымъ грубымъ образомъ, мы должны отказаться отъ пользованія дѣйствительностью. Можно думать только объ использованіи искусства. То, что искусство изображаетъ, оно облагораживаетъ, хотя-бы самъ предметъ и былъ низменнымъ. Но половыхъ процессовъ нельзя считать низменными, это нѣчто совершенно здоровое и естественное, даже нѣчто прекрасное и священное, поскольку они не превратились въ свою собственную противоположность, благодаря испорченной фантазіи, болѣзненной похотливости. Поэтому задача искусства заключается въ томъ, чтобы представить естественное въ такой формѣ, которая оставитъ ему его красоту и достоинство и оттѣснитъ, какъ уродливыя и противоестественныя, всѣ нечистыя мысли и чувства.

И когда я спрашиваю себя, какъ можетъ быть исполнена эта задача для обоихъ случаевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то я нахожу только одинъ отвѣтъ:

Что касается зарожденія, то этотъ процессъ долженъ представиться прекраснымъ и возвышеннымъ, благодаря чувствамъ любви и отвѣтственности предъ собой и другими.

Что-же касается рожденія, то представленіе о мукахъ матери должно изгнать изъ дѣтской фантазіи все гнусное.

Любовь, отвѣтственность, страданія, — кто приступаетъ къ половому просвѣщенію безъ подчеркиванія этихъ трехъ вещей, тотъ подвергается опасности пробудить въ ребенкѣ непристойные, грязные, гнусные и похотливые образы и ощущенія.

Эти три области чувствъ въ то-же время опредѣляютъ для мыслящаго воспитателя и обусловленную степенью развитія дѣтской натуры постепенность полового просвѣщенія:

Раньше всего въ ребенкѣ пробудится чувство трагизма страданій. Страданія для него самаго не являются чѣмъ-то чуждымъ. Страданія и для него являются чѣмъ-то серьезнымъ, возбуждающимъ состраданіе и почтеніе. Уже изъ этого психологическаго соображенія я предпослалъ-бы объясненіе беременности и родовъ объясненію половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной и зарожденія. Лишь съ пробужденіемъ полового инстинкта пробудится и пониманіе половой любви. То, что можно раньше сказать о любви, основываясь на сравненіи, не затрагиваетъ сущности проблемы. Чувство отвѣтственности усиливается тоже только съ увеличивающейся зрѣлостью, и только болѣе или менѣе воспитанный человѣкъ можетъ строго держать въ рукахъ себя самаго. Поэтому объясненіе зарожденія можно дать только въ годы начинающейся половой зрѣлости.

Но даже и тогда я былъ бы противъ подробнаго описанія процесса совокупленія у людей. Причину этого я уже назвалъ: подобное освѣщеніе противно таинственной природѣ предмета. Половыя сношенія двухъ любящихъ принадлежатъ къ интимностямъ жизни, а интимности каждый долженъ разобрать самъ съ собой. Школа можетъ только облегчить эту внутреннюю работу, объясняя во время приспособленныхъ къ дѣтскому пониманію занятій біологіей жизненные процессы міра, которому чуждъ стыдъ: акты зарожденія у растеній и животныхъ. Я считаю страхъ Жанъ Поля передъ возможными заключеніями по аналогіи отъ

животнаго къ человѣку необоснованнымъ. Я даже вижу въ такихъ аналогіяхъ единственную возможность осторожно дать ребенку понятіе о его собственной животной природѣ, не залѣзая грубой рукой въ легко уязвимый міръ его чувствъ.

Я опишу моимъ питомцамъ этотъ подъ-человѣческій міръ половой жизни не холодно и сухо, а съ человѣческимъ участіемъ, съ постоянными указаніями на міръ человѣческаго. Я придерживаюсь здѣсь словъ Лессинга: «Ребенку надо давать правду, ничего, кромѣ правды—но не всю правду». Мои ученики должны чувствовать: То, что намъ разсказываютъ, правда, и порядочная часть этой правды относится и ко мнѣ. Я чувствую, что все это родственно мнѣ.—Смотря по индивидуальной зрѣлости ребенка, мысль его проникнетъ болѣе или менѣе далеко въ тайну зарожденія человѣка, пока сдѣланный имъ по аналогіи выводъ не сомкнетъ кольца всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. Во всякомъ случаѣ въ душѣ ученика не должно возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ моей правдивости.

Мысль, что половыя сношенія есть нѣчто грѣховное, тоже должна остаться далекой отъ него. Все естественное должно казаться ему чистымъ и нравственнымъ. Любовь онъ тоже долженъ узнать въ ея чистой, здоровой формѣ, какъ изъ занятій, такъ и изъ чтенія дома, изъ произведеній нашихъ поэтовъ. Съ тѣневыми же сторонами любви, съ описаніями извращенныхъ любовныхъ чувствъ, съ любовью въ ея ненормальномъ вырожденіи онъ не долженъ знакомиться. Книги такого рода—ядъ для юношества, наши дѣти еще недостаточно развиты эстетически, чтобы быть въ состояніи за художественной цѣнностью произведенія разглядѣть этическую малоцѣнность его героевъ.

Изъ всѣхъ моихъ словъ и поступковъ ученики должны вынести впечатлѣніе, что я считаю эротическій моментъ чѣмъ-то неразрывно соединеннымъ съ сущностью человѣческой природы и поэтому естественнымъ, но что я только мимоходомъ дарю ему дружелюбный или серьезный взглядъ

и ставлю счастье своей жизни въ зависимость не отъ него, а отъ другихъ красотъ и цѣнностей.

Изъ этого моего личнаго отношенія къ половой жизни вообще вытекаютъ сами собой и мои педагогическія теорія и практика; по отношенію къ моимъ ученикамъ я тоже прежде всего человѣкъ, личность.

По главному отличительному признаку можно различать два рода полового просвѣщенія: во-первыхъ, интеллектуалистическій, который подходитъ къ предмету исключительно разумомъ, холодно и научно, и старается объяснить его съ антропологической или медицинской точки зрѣнія; во-вторыхъ, волюнтаристическій, который анализируетъ не только съ помощью понятій, но и стремится охватить предметъ чувствомъ,воображеніемъ, сердцемъ и волей, чтобы выработать живое личное отношеніе къ дѣлу.

Если бы было возможно заинтересовать ребенка чисто интеллектуалистически, то первый родъ былъ бы, быть можетъ, самымъ подходящимъ для полового просвѣщенія. Но нашихъ дѣтей—какъ знаетъ изъ многочисленныхъ наблюденій каждый знатокъ дѣтской психики—не возьмешь чисто научнымъ способомъ изложенія; для этого имъ недостаетъ необходимой зрѣлости. То, что должно заинтересовать дѣтей глубже, должно быть преподнесено имъ въ волюнтаристической формѣ, какъ дѣйствительность или искусство. Жизнепониманіе художника ребенку ближе, чѣмъ жизнепониманіе ученаго.

Нѣсколько простыхъ примѣровъ изъ практики школьной жизни пусть иллюстрируютъ то, что я до сихъ поръ развивалъ только теоретически:

На урокахъ антропологіи мои мальчики узнаютъ, что въ своихъ физическихъ и физіологическихъ свойствахъ, а, слѣдовательно, и въ размноженіи человѣкъ не отличается отъ млекопитающихъ животныхъ. Раздѣляющая пропасть лежитъ, въ сущности, только въ области духовнаго. Свойственная человѣку сознательность его поступковъ, принадлежащая ему свобода, словомъ, болѣе сильная духовность

дѣйствуетъ регулирующимъ и тормозящимъ образомъ на его инстинкты, она освобождаетъ его изъ сферы чисто-животнаго.

Это я тоже хотѣлъ бы внушить своимъ ученикамъ, приблизительно, такимъ образомъ:

Весна. Май. Я гуляю съ классомъ по лугамъ Изара. На верхушкѣ бука самецъ дрозда зоветъ самку, которая перелетаетъ съ куста на кустъ. Мы останавливаемся и слушаемъ. Мы смотримъ вверхъ и наслаждаемся своеобразнымъ поведеніемъ пылкой птицы. Все существо ея—чувственность, страсть. Я не знаю, сколько изъ моихъ учениковъ понимаютъ цѣль манящихъ любовныхъ призывовъ, громкаго домогательства. Я думаю, большинство дѣтей просто радуется необычайности ея поведенія и красотѣ птицы. Она, дѣйствительно, хороша со своими блестящими перьями, золотисто-желтымъ клювомъ и сверкающими глазами. Металлическій блескъ лежитъ на опущенныхъ крыльяхъ, а длинный хвостъ вздрагиваетъ отъ нервнаго ожиданія. Мы стоимъ, смотримъ и слушаемъ, пока парочка не слетается. Тогда мы идемъ дальше.

Сначала я ничего не говорю о парочкѣ дроздовъ. До моего уха доносятся нѣсколько замѣчаній. По лицу одного мальчика пробѣгаетъ улыбка, которую онъ съ трудомъ подавляетъ. Затѣмъ онъ что-то шепчетъ товарищу и тотъ тоже цинично улыбается. Черезъ полчаса мы дѣлаемъ привалъ на лугу. Мы говоримъ о томъ, о семъ; вспоминаемъ и о дроздахъ. Я сижу вблизи обоихъ мальчиковъ. Я знаю, что они принадлежатъ къ «просвѣщеннымъ», и притомъ къ такимъ, которые видятъ во всемъ этомъ только нѣчто пикантное. Я знаю это изъ разныхъ признаковъ.

Одинъ изъ нихъ—изъ-за его природной откровенности я считаю его менѣе «опаснымъ»—нѣсколько дней тому назадъ подалъ мнѣ оригинальное «сочиненіе». Я предложилъ ученикамъ разсказать мнѣ на основаніи собственныхъ наблюденій о работникахъ на улицѣ. Этотъ мальчикъ разсказалъ о поденщикахъ, которые носятъ кирпичи для по-

стройки новыхъ зданіи. Здѣсь, въ Мюнхенѣ, это совершенно особенная порода людей, и описаніе мальчика свидѣтельствовало о нѣкоторой наблюдательности. Но что показалось мнѣ въ этомъ еще болѣе своеобразнымъ, это эротическая подкладка. Вотъ буквальное описаніе:

Жизнь носильщиковъ камней.

«Проходя мимо строящагося зданія, видишь за работой всевозможныя фигуры. Каменщикъ накладываетъ камень на камень. Женщины бѣгаютъ взадъ и впередъ и доставляютъ каменщику штукатурку. Четверо или пятеро забрызганныхъ известкой носильщиковъ вносятъ наверхъ камни. На нихъ надѣты сапоги, а панталоны подвернуты. На груди и на рукахъ у настоящаго носильщика камней бываютъ синіе рисунки.

Если на другой сторонѣ улицы покажется изящная дама или хорошенькая служанка, носильщики говорятъ другъ другу: «Эй, ты, Жоржъ, гляди-ка! Штучка». Жоржъ говоритъ: «Ого!» Потомъ Жоржъ говоритъ это Карлу, Карлъ Лукѣ, и такъ это идетъ дальше, до самаго послѣдняго. Всѣ смотрятъ на даму или на служанку, и Максъ говоритъ: «Вотъ эту я не прочь-бы имѣть! Это штучка! Правда, Жоржъ! Да, да, я-бы не прочь!»

Я принялъ сочиненіе, какъ и другія. Мальчикъ не долженъ былъ подумать, что написалъ что-то особенное или даже недозволительное.

Мнѣ было не совсѣмъ ясно, только-ли любовь къ правдѣ заставила автора быть въ своемъ описаніи настолько вѣрнымъ природѣ, или-же здѣсь игралъ роль и субъективный интересъ къ содержанію замѣчаній носильщиковъ. Своеобразное поведеніе передъ парочкой дроздовъ заставило меня почти окончательно признать вѣрнымъ второе предположеніе.

Вдругъ, совершенно непосредственно, я спрашиваю: Скажи, Фридеръ, что сказалъ тебѣ Дитрихъ раньше, когда дроздъ такъ славно пѣлъ?—Фридеръ краснѣетъ, и біографъ

мюнхенскихъ носильщиковъ тоже. Ну, что-жъ ты молчишь? Дитрихъ, скажи ты самъ!—Мальчики знаютъ изъ многократнаго опыта: хуже всего для меня ложь; если-же мнѣ сознаются въ проступкѣ открыто, безъ долгихъ колебаній, то я никогда не сержусь. Этотъ методъ приноситъ свою пользу и здѣсь: Дитрихъ нерѣшительно, но безъ долгихъ колебаній, говоритъ: «Я сказалъ, что дрозды ухаживаютъ другъ за другомъ».

Я дѣлаю самое непринужденное лицо, какое только могу: «Это ты могъ сказать и громко. Я думаю, что ты не совсѣмъ неправъ. Я только не знаю, что ты понимаешь подъ этимъ «ухаживаютъ»—гм?»

«Они летаютъ другъ за другомъ, потому что любятъ другъ друга».

«Совершенно вѣрно, и я скажу тебѣ, почему. Они хотятъ пожениться. Ты можешь наблюдать это повсюду въ птичьемъ мірѣ. Самецъ добивается милости самки. Это какъ у людей. Дрозды, которыхъ мы наблюдали раньше, хотятъ свить вмѣстѣ гнѣздо. Обѣ птицы были женихъ и невѣста».

Ученики придвигаются поближе. Сравненіе, очевидно, смѣшитъ ихъ. Я обращаюсь къ одному изъ нихъ: «Ты, Мейеръ, долженъ знать это лучше. Твоя сестра вышла замужъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Кто-же такой твой зять?»—«Архитекторъ»—«Почему-же твоя сестра вышла замужъ именно за этого архитектора?»—«Потому что онъ ей понравился».—«Гдѣ-же она познакомилась съ нимъ?»—«Кажется, на балу»—«И на слѣдующій день уже вышла за него замужъ?»—«Ну, раньше они стали женихомъ и невѣстой»—«Ты еще помнишь, какъ твой зять пришелъ къ твоему отцу и попросилъ у него руки дочери?»—Мейеръ, смѣясь, киваетъ головой—«Какъ-же онъ тогда выглядѣлъ?» «На немъ былъ фракъ и цилиндръ»—«Ага, онъ былъ одѣтъ нарядно и изящно, точь-въ-точь, какъ нашъ женихъ—дроздъ въ своемъ черномъ фракѣ.

Почти у всѣхъ птицъ есть свадебный нарядъ. Его даритъ имъ природа, когда они вылетаютъ искать невѣсту.

Самецъ долженъ понравиться самкѣ, иначе онъ уйдетъ съ носомъ, получитъ отказъ. Поэтому самецъ почти всегда красивѣе, ярче, больше и сильнѣе самки. Вспомните пѣтуха, фазана и павлина, вы можете наблюдать это даже у воробьевъ. Въ царствѣ четвероногихъ тоже самое: олень со своими красивыми рогами, левъ съ развѣвающейся гривой, быкъ, жеребецъ—всегда большая красота свойственна самцу.

Самый сильный и красивый самецъ имѣетъ больше всего шансовъ добиться благосклонности самки, потому что съ нимъ слабый полъ чувствуетъ себя больше всего въ безопасности. Вѣдь у животныхъ самецъ въ то же время защитникъ самки и дѣтенышей. Слабыя и безобразныя животныя уходятъ большей частью.

У людей это тоже такъ. Правда, старая пословица говоритъ: Невѣсту уводитъ тотъ, кому повезетъ. Но въ тоже время народная мудрость утверждаетъ, что всякій кузнецъ своего счастья. Подумайте только, если-бы вы родились дѣвочками, вы взяли-бы въ мужья перваго попавшагося? Штукатура или кого-нибудь въ этомъ родѣ? Не думаю. Вы тоже хотѣли-бы самаго сильнаго и красиваго.

Но мы, люди, смотримъ не только на платье и на то, кто умѣетъ лучше всѣхъ драться. Конечно, есть и такія дѣвушки, которыя изъ-за яркой ткани, звенящихъ шпоръ или звонкихъ золотыхъ монетъ забываютъ самого мужчину. Только потому, что у него есть красивые усы, полный кошелекъ или красивый голосъ, онѣ берутъ его въ мужья. Но изъ этого не выходитъ хорошихъ браковъ. Я думаю, что у людей есть еще другая красота и другая сила, чѣмъ у животныхъ. Подумайте только о своемъ отцѣ! Что вы цѣните въ немъ больше всего? Почему вы любите его? Искусная рука стоитъ больше одной физической силы; умная, образованная голова цѣнится выше красиваго голоса, а хорошее, вѣрное сердце дѣлаетъ человѣка милѣе, чѣмъ закрученные усы или яркій галстухъ. Поэтому-то ваша мать и полюбила когда-то вашего отца и сдѣлалась его женой.

Онъ понравился ей, какъ самкѣ дрозда понравился ея

нарядный женихъ—хотя и изъ болѣе глубокихъ, человѣческихъ основаній. И если вы когда-нибудь позднѣе захотите понравиться славной, красивой дѣвушкѣ, постарайтесь прежде всего, чтобы изъ васъ вышло что-нибудь порядочное! Для этого у васъ есть еще много времени. До тѣхъ поръ ухаживаніе—какъ это называетъ Дитрихъ—не имѣетъ никакого смысла.

Только тотъ, кто своимъ знаніемъ и умѣніемъ завоевалъ себѣ въ жизни уважаемое положеніе, только тотъ, кто остался здоровъ тѣломъ и душой, имѣетъ право основать семью. Штукатуры или носильщики, которыхъ Дитрихъ, очевидно, такъ хорошо знаетъ, конечно, большей частью тщетно говорятъ о проходящихъ мимо дѣвушкахъ и женщинахъ: «Да, да, это славная штучка!» И если молодой человѣкъ надѣнетъ самые красивые сапоги и—какъ я не разъ видѣлъ—воткнетъ въ петлицу самую большую розу, онъ старается напрасно.

Но отъ васъ еще зависитъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ и пригоднымъ для жизни. Пораздумайте-ка объ этомъ хорошенько!»

Къ самымъ щекотливымъ задачамъ, которыя могутъ встрѣтиться учителю и воспитателю въ половомъ вопросѣ, я причисляю спасеніе нравственно испорченныхъ, или, во всякомъ случаѣ, подвергающихся опасности испортиться мальчиковъ. Ихъ можно найти почти въ каждомъ классѣ нашихъ городскихъ школъ. Тотъ, кто отрицаетъ этотъ фактъ, не знаетъ положенія дѣлъ.

Здѣсь учитель долженъ превратиться въ врача, въ врача душъ. И какъ въ медицинѣ, такъ и здѣсь самое трудное въ этой задачѣ — точное опредѣленіе состоянія больного. Если гдѣ-нибудь особенно необходимо индивидуальное лечечене, то это здѣсь. Симптомы бываютъ различны. Иногда случается, что бодрый развитой мальчикъ становится странно разсѣяннымъ, усталымъ и небрежнымъ. Въ его глазахъ есть что-то мечтательное. Онъ вздрагиваетъ, если съ нимъ неожиданно заговариваютъ и т. д. и т. д. Можно ошибиться во всѣхъ своихъ подозрѣніяхъ. Для учителя не существуетъ

несомнѣнныхъ симптомовъ, доказываютъ только установленные факты. Поэтому самое лучшее войти въ сношенія съ родителями и предложить имъ наблюдать за мальчикомъ.

Если-же дѣло является несомнѣннымъ, то долгъ требуетъ вмѣшательства. Одними запрещеніями здѣсь ничего не подѣлаешь. Они скорѣе вредятъ. Они придаютъ скрытымъ поступкамъ очарованіе тайны; они разжигаютъ воображеніе и дѣлаютъ зло худшимъ, чѣмъ оно было-бы, еслибы мальчику дали свободно перебѣситься.

Единственное цѣлебное средство — развитіе разумнаго пониманія гибельности и вредныхъ послѣдствій самоосквернения. Научное объясненіе медиками въ классѣ можетъ послѣдовать только въ годы зрѣлости. Раньше оно изъ уже упомянутыхъ основаній непедагогично.

Даже описаніе опасности могло-бы подѣйствовать соблазнительно на еще нетронутыхъ. «Одинъ разъ не повредитъ!» Я знаю примѣры того, что вопросы исповѣдника побуждали неиспорченныхъ мальчиковъ сдѣлать и попробовать то, что хотѣлъ выпытатать у нихъ, какъ грѣхъ, священникъ. Въ этомъ есть даже извѣстный героизмъ жажды знаній, которая стремится испытать все лично, даже въ ущербъ тѣлесному и духовному благосостоянію.

Не слѣдуетъ побуждать къ экспериментамъ ни положительно, ни отрицательно,—надо только отпугнуть тѣхъ, кто уже испыталъ это. Итакъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда зло можетъ считаться доказаннымъ, я обыкновенно поступаю—сообразно съ особенностями мальчика—слѣдующимъ образомъ:

Колоколъ возвѣщаетъ окончаніе послѣобѣденныхъ занятій. Ученики собираютъ книги, берутъ шапки и прощаются. Я даю имъ уйти. Только одному я кричу: «Губеръ, останься-ка еще на минутку! Я хочу спросить тебя кое-о-чемъ». Для остальныхъ въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Они уходятъ безъ заднихъ мыслей.

Губеръ,—мальчикъ лѣтъ тринадцати, чрезмѣрно развитой физически для своего возраста, ловкій гимнастъ, драчунъ, предводитель во всѣхъ разбойничьихъ играхъ. На него я

долженъ напасть особенно, не такъ, какъ на какого-нибудь малокровнаго заморыша. Онъ стоитъ передъ мной, вся его фигура дышитъ здоровьемъ. Глядя на него, трудно считать это возможнымъ. Но факта нельзя больше отрицать.

— Губеръ, скажи-ка, что это у тебя за странные друзья!

Онъ смотритъ на меня вопросительно.

— Съ кѣмъ это ты былъ послѣ обѣда въ воскресенье? Ну?

Онъ называетъ нѣсколько фамилій.

— Но это не товарищи для тебя. Вѣдь это все большіе парни, на 3, на 4 года старше тебя. А самаго лучшаго ты мнѣ не назвалъ, Маршгаузера Сеппа.

Губеръ краснѣетъ до ушей, затѣмъ вдругъ блѣднѣетъ.

— Вотъ, видишь, если-бы даже я не зналъ всего, что вы дѣлали за стѣной больницы, я могъ-бы это прочесть на твоемъ лицѣ. Вѣдь правда?

Онъ молча киваетъ головой, не произнося ни слова.

Я молчу. Онъ долженъ почувствовать, какъ мнѣ больно, что онъ наноситъ позоръ себѣ и мнѣ. Затѣмъ я продолжаю:

Въ сущности, вся эта исторія меня не касается; это твое дѣло. Повѣрь мнѣ, въ больницѣ, за стѣной которой вы слонялись, умерло въ молодые годы отъ чахотки или болѣзни спинного мозга немало такихъ, кто слѣпо и безумно губилъ свою молодость и силу: ничто не мститъ за себя горше грѣха передъ собственнымъ тѣломъ. Ты замѣтилъ вчера на гимнастикѣ? Ты уже не такъ ловокъ, какъ былъ полгода тому назадъ. А еще черезъ нѣсколько лѣтъ ты уже ни на что не будешь годенъ. Тогда ты, можетъ быть, уже будешь лежать за больничной стѣной или даже за другой.

Я разскажу тебѣ маленькій эпизодъ изъ моего дѣтства. Ты можешь подумать о немъ дома. На разстояніи получаса отъ моего родного городка въ маленькой рощѣ стояла молодая береза. Это было красивое, славное дерево, высокое и стройное, съ пышной верхушкой. Однажды намъ, мальчикамъ, вздумалось просверлить дерево, чтобы достать березовый сокъ или березовый медъ. Мы сдѣлали въ корѣ

дыру и воткнули въ нее трубочку. Черезъ нѣкоторое время мы опять пришли, открыли трубочку и дали выйти березовому соку. Онъ былъ сладкій, и мы радовались своему изобрѣтенію. Но уже въ слѣдующемъ году дерево начало хворать и отмирать. Мы отняли у него его мозгъ, его кровь, его жизненную силу.

Что мы, неразумные мальчики, сдѣлали тогда бѣдному дереву, то ты, взрослый человѣкъ, дѣлаешь себѣ. Я считалъ тебя болѣе разумнымъ.

Чтобы я никогда больше не видѣлъ тебя съ тѣми молодцами!

Теперя можешь идти.

Робкаго, слабаго мальчика я не пугалъ-бы такъ. Онъ могъ-бы впасть въ уныніе и потерять всякое мужество. Какъ это было съ маленькимъ Энгельгардтомъ?

Онъ долгое время былъ однимъ изъ самыхъ развитыхъ учениковъ. Затѣмъ поведеніе его вдругъ измѣнилось, какъ я это раньше указывалъ. Отъ его матери я узналъ, что мои подозрѣнія были справедливы.

Однажды я задержалъ его по окончаніи занятій въ классной комнатѣ. На окнѣ стояло нѣсколько цвѣточныхъ горшковъ съ цвѣтущими тюльпанами. Они находились въ расцвѣтѣ своей пышной красы. Одну изъ луковицъ я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ положилъ не въ землю, а въ вазу съ водой. Она прежде всѣхъ пустила листья, собиралась даже произвести цвѣтокъ. Но затѣмъ вдругъ остановилась въ своемъ развитіи, и остальныя далеко опередили ее. Теперь она была безобразнымъ калѣкой въ сравненіи со своими цвѣтущими сестрами.

Я положилъ руку на плечо мальчика и подвелъ его къ цвѣтамъ.

«Ну, Фрицъ, что ты скажешь о нашихъ тюльпанахъ?»

«Они красивы», сказалъ онъ.

«Всѣ?» спросилъ я.

Онъ покачалъ головой и презрительнымъ взглядомъ указалъ на недоразвившееся растеніе въ вазѣ.

Да, сказалъ я, въ этомъ мы сами виноваты, Фрицъ.

Мы хотѣли заставить его цвѣсти слишкомъ рано и сдѣлали изъ него больное созданіе. Теперь онъ не можетъ произвести ни цвѣтка, ни плодовъ. Говорятъ, что есть и люди, которые хотятъ дѣлать то, для чего ихъ тѣло еще не созрѣло. Это нехорошо съ ихъ стороны и нехорошо для нихъ. Они не должны дѣлать этого, даже если никто не видитъ. У тебя такія блѣдныя щеки. Посмотри-ка мнѣ прямо въ глаза!“

Онъ пытается сдѣлать это, но щеки его ярко горятъ.

Я провожу рукой по его бѣлокурымъ волосамъ: «Вотъ видишь, теперь ты уже выглядишь свѣжѣе. Будемъ надѣяться, что еще не поздно. Ты понялъ меня?

Онъ киваетъ со слезами на глазахъ.

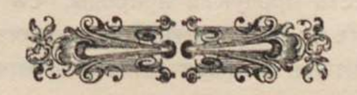
Я отпускаю его.

Это только немногіе примѣры. Ихъ можно было-бы умножить до безконечности. Но я не буду больше распространяться объ этомъ вопросѣ. То, что я хотѣлъ сказать и показать, достаточно ясно изъ приведеннаго. И, въ концѣ концовъ, вѣдь это только м о е поведеніе въ томъ или иномъ спеціальномъ случаѣ. Но для воспитателя не существуетъ подробныхъ правилъ для отдѣльныхъ случаевъ. Кто обладаетъ довѣріемъ своихъ питомцевъ, и для кого самое дѣло серьезно и священно, тотъ найдетъ самъ подходящее слово въ подходящее время. Если что-либо въ области воспитанія юношества является д ѣ л о м ъ л и ч н о й и н и ц і а т и в ы, то это именно половое просвѣщеніе.

Если у тебя нѣтъ этической основы или ты чувствуешь себя морально сгнившимъ, спрячь руки! Ты не сможешь принести добра, но, навѣрно, погубишь многое. Если-же ты чувствуешь себя здоровымъ, тогда постарайся сначала самъ справиться съ этой проблемой, какъ это сдѣлалъ я! Тогда все дальнѣйшее само вытечетъ изъ твоего жизненнаго опыта и жизнепониманія.

Д-ръ Эрнстъ Веберъ.

Мюнхенъ.



Объясненіе размноженія человѣческаго рода.

Письмо учителя къ сыну.

Мой дорогой коллега!

Ты исполнилъ свое обѣщаніе послѣ первыхъ-же недѣль новой дѣятельности сообщить намъ, твоимъ родителямъ, о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ въ качествѣ юнаго товарища по профессіи.

Въ самомъ дѣлѣ, твое длинное письмо такъ интересно, что я показалъ-бы его своимъ товарищамъ по школѣ, если-бы въ немъ не заключались нѣкоторыя вещи, которыя они, можетъ быть, слишкомъ мало понимаютъ и вслѣдствіи этого могли-бы обсуждать ихъ въ неподходящихъ случаяхъ и выставить ихъ на смѣхъ; а это могло-бы принести тебѣ моральный вредъ. Поэтому пусть все это останется между нами. Я говорю о твоихъ намекахъ на поведеніе старшихъ учениковъ.

Конечно, для вновь вступающаго въ должность учителя трудная задача руководить старшимъ классомъ, ученики котораго такъ незначительно моложе его. Но это случается часто, и я нахожу это совсѣмъ не позорнымъ для него. Ты правъ въ своемъ утвержденіи, что дружба среди твоихъ мальчиковъ и дѣвочекъ является очевиднымъ доказательствомъ пробуждающейся или уже наступившей половой зрѣлости. Ты прибавляешь, что это непріятно тебѣ. Я скажу: такъ должно быть. Такова природа. И вѣдь мы стоимъ на порогѣ новаго теченія въ школьной педагогикѣ, матеріалистическаго. Это теченіе единственно правильное, потому что человѣкъ есть продуктъ природы; съ нимъ слѣдуетъ обращаться какъ съ таковымъ, а для этого нужны ясный умъ, тонкій тактъ и твердая воля. Въ первомъ и третьемъ

у тебя нѣтъ недостатка; второму легко научатъ тебя твои ученики, если ты будешь внимательно наблюдать ихъ. Что ты уже понимаешь это, ты доказалъ своимъ письмомъ. Еще легче это будетъ тебѣ, если ты вспомнишь о своихъ сотоварищахъ. Ты долженъ будешь сказать, что ихъ поведеніе было такое-же, какъ поведеніе твоихъ учениковъ. Я совѣтую тебѣ углубиться въ эти воспоминанія и сравнить ихъ съ твоими теперешними наблюденіями.

* * *

Въ своемъ второмъ письмѣ ты дѣлаешь нѣкоторыя дополнительныя сообщенія къ первому и спрашиваешь: Какъ я долженъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда дисциплина находится въ опасности? Отвѣтъ кратокъ: Обращайся съ учениками, какъ со взрослыми людьми, ласково-наставительно. Будь имъ не только учителемъ, но и другомъ. Они скоро поймутъ: Ага, съ нашимъ учителемъ можно говорить и спрашивать его о вещахъ, стоящихъ внѣ классной комнаты. Они сдѣлаются довѣрчивѣе, откровеннѣе. Ты скоро добьешься того, что извѣстные взгляды, жесты и т. д. не будутъ больше носить печати робости, запрещеннаго плода; на нихъ будетъ лежать печать честности и дружеской довѣрчивости. Если это будетъ достигнуто, ты можешь быть спокоенъ относительно ненарушимости дисциплины. Ты увидишь, что именно старшіе ученики будутъ энергично поддерживать твою любовь къ порядку. Въ послѣдніе дни я имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ фактѣ.

Я подѣлюсь съ тобой моимъ личнымъ опытомъ.

Этимъ лѣтомъ на первомъ урокѣ З. Божія мы читали исторію сотворенія міра. Какихъ только вопросовъ не предлагали ученики! Я всегда побуждаю ихъ предлагать вопросы. Такимъ образомъ знакомишься съ ихъ горизонтомъ. Я разсказалъ имъ о научныхъ изслѣдованіяхъ, о первоначальной клѣточкѣ, о фазахъ развитія, и къ моему удивленію Марія Б. разсказала намъ, что видѣла въ городѣ въ витринѣ художественнаго магазина картину, изображающую, какъ возни-

каютъ лягушки, кошки, лошади, обезьяны и люди. Я былъ пораженъ. Всѣ глаза устремились на Марію. Она сидѣла красная, какъ ракъ, и смотрѣла на меня умоляюще и вопросительно:—развѣ она сказала что-то ужасное. Я охотно, какъ велѣлъ мнѣ долгъ, вывелъ ее изъ бѣды. Я напомнилъ ученикамъ, что Марія не проходитъ небрежно мимо витринъ магазиновъ шляпъ, зеркалъ, ботинокъ, мимо фотографа, мимо художественнаго магазина, какъ на прогулкахъ Марія всегда находитъ интересное растеніе или жука и т. д., какъ она всегда пишетъ самыя лучшія сочиненія, что происходитъ отъ наблюдатальности. Разумѣется, благодаря этому маленькому случаю, я достигъ своей цѣли раньше, чѣмъ думалъ. Ученики узнали теперь богатое содержаніе слова «развитіе». Повѣрь мнѣ, это былъ великолѣпный урокъ З. Божія.

Въ связи съ этимъ на слѣдующее утро, въ дивный майскій день, мы совершили ботаническую прогулку. Я разсказалъ ученикамъ о размноженіи буквицы. Видите набухшую завязь, а что это внутри нея? Много маленькихъ сѣмячекъ. А здѣсь вы видите незамѣтную завязь. Внутри нея жидкость, прозрачная, какъ вода. Ну, что-же означаетъ эта разница? Пыль изъ пыльниковъ черезъ пестикъ падаетъ въ жидкость. Тогда возникаютъ сѣмячки. Когда они созрѣваютъ, завязь лопается, и они падаютъ на землю. Одни сгниваютъ, другіе остаются полными силъ и въ слѣдующую весну производятъ новыя растенія. То-же самое происходитъ и въ царствѣ животныхъ, и у человѣка. Не каждое новорожденное дитя развивается. Многія умираютъ, къ прискорбію родителей, братьевъ и сестеръ. Они опять превращаются въ землю, но мы, оставшіеся, не забываемъ ихъ. Мы украшаемъ ихъ могилы!—Надо всегда приводить къ благородному! Главнымъ всегда остается побужденіе къ мышленію.

* * *

Въ послѣдніе дни въ урокахъ библейской исторіи произошелъ опять веселый перерывъ. Во время разсказа о «вѣрѣ

Авраама» ученикъ Робертъ Ц. спросилъ, можетъ-ли у старыхъ людей родиться ребенокъ. Оглушительный смѣхъ! Разумѣется. Чему-же вы смѣетесь? Это очень умный вопросъ. Въ доказательство я привелъ хорошо извѣстнаго здѣсь рабочаго Н., которому 72 года, и у котораго есть трехлѣтній мальчуганъ. Затѣмъ я указалъ на то, что этотъ человѣкъ—образецъ здороваго мужчины, что онъ обязанъ своимъ здоровьемъ въ значительной мѣрѣ постоянному пребыванію въ лѣсу. Хорошій воздухъ, простая, но питательная пища предохраняютъ человѣка отъ многихъ болѣзней. Именно такъ жили патріархи: вѣдь они были пастухами. Такъ это было и съ Авраамомъ. Во время этихъ короткихъ замѣчаній господствовала глубокая тишина. Но по окончаніи урока Лина Ц. замѣтила, что это все-таки былъ глупый вопросъ, и мальчики засмѣялись. Это понятно, что такіе ученики знаютъ «больше», чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Уже то, что происходитъ въ крестьянской усадьбѣ Ц., должно было «возбудить Лину». Къ этому часто присоединяются разговоры, прикрытые и неприкрытые, о половомъ вопросѣ, которые не ускользаютъ отъ вниманія болѣе взрослыхъ дѣтей. Помнишь, какъ во время каникулъ тетя Б. разсказывала за столомъ, что у ея работницы есть незаконный ребенокъ. Какъ тогда наша маленькая Эльза, enfant terrible, спросила тетю, гдѣ же отецъ, развѣ они не живутъ въ одномъ домикѣ и не ходятъ гулять по воскресеньямъ. Чтобы избавить тетю отъ какого-нибудь неподходящаго отвѣта, я сказалъ малюткѣ, что отецъ уѣхалъ въ другой городъ, гдѣ онъ зарабатываетъ больше денегъ. Когда онъ соберетъ много, онъ пріѣдетъ и купитъ домикъ съ садомъ. Во многихъ классахъ есть незаконныя дѣти. По поводу организаціи общины въ отечествовѣдѣніи я разскажу дѣтямъ кое-что о гражданскомъ бракѣ, также, какъ и о новомъ швейцарскомъ сводѣ гражданскихъ законовъ. Глава о незаконныхъ дѣтяхъ уже не разъ давала мнѣ поводъ указать старшимъ ученикамъ на опасности, которыя грозятъ не только дѣвушкамъ, но и моло-

дымъ людямъ, въ особенности при современныхъ попойкахъ и кутежахъ съ сопровождающими ихъ дикими забавами, въ которыхъ для умныхъ людей нѣтъ ничего веселаго.

* * *

Сватовство Эліазара для Исаака вызвало опять великолѣпный реалистическій «урокъ З. Божія». Одинъ четырнадцатилѣтній веселый паренекъ утверждаетъ, что Исаакъ могъ спросить самое Ревекку. Мы всѣ засмѣялись, и я больше всѣхъ, и ихъ всѣхъ обрадовало, что я такъ весело смѣюсь. Виновникъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и успокоился только тогда, когда я одобрительно похлопалъ его по плечу. Я люблю, когда ученики говорятъ такъ, какъ будто они у себя дома. Я думаю, что главная причина этой искренности заключается въ томъ обстоятельствѣ, что я при всякомъ подходящемъ случаѣ стараюсь внушить классу, что мы составляемъ одну семью изъ искреннихъ, преданныхъ душъ. Школьный педантъ никогда не добьется отъ учениковъ такого чистосердечія. Между ними всегда будетъ пропасть. Онъ никогда не посмѣетъ задѣть такія интимныя струны, какъ половой вопросъ.

Это сватовство послужило мнѣ поводомъ для объясненія различныхъ обычаевъ. Я показалъ ученикамъ картинки съ изображеніями свадебныхъ нарядовъ. Мы прочли относящійся сюда отрывокъ изъ шиллеровскаго «Колокола», и въ дополненіе я указалъ на Германа и Доротею. Во многихъ мѣстахъ, сказалъ я, браки — настоящая торговля людьми, и они рѣдко могутъ привести къ счастливой семейной жизни, какъ это слишкомъ часто доказываютъ газетныя свѣдѣнія и судебные процессы. Мы говорили и о хорошо извѣстномъ имъ убійцѣ своей семьи Б., котораго рѣшительно нельзя осудить. Поэтому тотъ, кто связываетъ себя навсегда, долженъ хорошенько испытать свое сердце. Мечта коротка, раскаяніе продолжительно.

* * *

Сегодня, въ 21-й день твоего рожденія, я закончу свои разсужденія о разработкѣ полового вопроса въ школѣ. Лишь съ величайшей осторожностью долженъ приступить къ нему учитель, и только тотъ воспитатель имѣетъ право сдѣлать это, кто весь проникнутъ благороднымъ образомъ мыслей, кто смотритъ на учениковъ, какъ на святыню. Онъ долженъ быть убѣжденъ, что они почитаютъ его, что они могутъ говорить съ нимъ безъ стѣсненій, какъ дома съ отцомъ и матерью. Если такія отношенія существуютъ, тогда учитель можетъ быть увѣренъ, что ученики не поймутъ его ложно и не перескажутъ дома невѣрно его слова. Именно для того, чтобы избѣгнуть этихъ превратныхъ пересказовъ, и требуется величайшая осторожность, иначе пропадетъ уваженіе къ учителю. Объясненія половой жизни абсолютно не касаются школы. Природа и родители избавляютъ отъ этого насъ, учителей. Справедливость моихъ взглядовъ доказываетъ практическая жизнь. Я часто говорилъ о половомъ вопросѣ со многими родителями и въ особенности съ матерями. Мы понимали другъ друга и взаимно поучали. Учитель никогда не долженъ дать замѣтить своимъ ученикамъ, что онъ знаетъ что-нибудь о проснувшемся у нихъ половомъ инстинктѣ; онъ также никогда не долженъ давать повода для враждебной критики или сплетенъ волненіями своей крови. Если инстинктъ пробудился, то онъ хочетъ быть удовлетворенъ, но онъ не долженъ быть удовлетворенъ. Разумный ученикъ будетъ учиться у благожелательно-серьезнаго учителя: сдерживайся и будь силенъ. Во время занятій учитель покажетъ, какъ плохое общество ставитъ человѣка въ опасное положеніе и дѣлаетъ его несчастнымъ. Его усилія будутъ направлены на укрѣпленіе силы воли. Примѣровъ достаточно въ каждой деревнѣ. И важнымъ средствомъ для развитія силы воли служитъ пробужденіе чувства и сознанія права. Первымъ одарила человѣка природа, второе развиваетъ въ немъ жизнь. Надо было бы сдѣлать каждаго ученика способнымъ поставить себѣ вопросы: что я дѣлаю? хорошо-ли то, что я хочу

сдѣлать? Каковы будутъ послѣдствія этого? Гдѣ-то говорится, что любовь сильнѣе смерти. Но «я хочу» укрощаетъ любовь тамъ, гдѣ она приноситъ вредъ, притягиваетъ ее туда, гдѣ она желательна.

На ближайшихъ каникулахъ мы обсудимъ съ тобой этотъ вопросъ устно и болѣе подробно. Быть можетъ, твоя сосѣдка, которую ты считаешь такой разумной, тоже приметъ участіе въ этомъ. Какъ была бы этому рада твоя мать!

Твои родители.

Шлеппи.

Бернъ.

О первыхъ вопросахъ.

Не только страхъ передъ объясненіями изъ нечистыхъ устъ убѣдилъ насъ въ необходимости «полового просвѣщенія». Наше чувство не позволяетъ намъ стоять передъ вопрошающими глазами нашихъ дѣтей, какъ лгунамъ и уличеннымъ грѣшникамъ, исключить изъ совмѣстной жизни такую большую и значительную часть переживаній и чувствъ. Такъ часто приходится наталкиваться на мнимую безчувственность дѣтей, которые привѣтствуютъ новаго пришельца вздергиваніемъ носа и лишь мало-по-малу признаютъ его и учатся его любить! Это зависитъ отъ боязливаго замалчиванія и затушевыванія родовъ и отъ того, что дѣтямъ не даютъ принимать участія въ такомъ событіи; за это они мстятъ своимъ презрѣніемъ.

Въ этой любви къ правдѣ выражается стремленіе принять всѣ явленія жизни и привести въ гармонію между собой—и перенести чувство этой гармоніи на дѣтей—или нѣтъ! не заглушать его въ нихъ (потому что оно есть въ нихъ); это самое цѣнное, что мы можемъ сдѣлать для нихъ.

Но какъ начать?

«Половое просвѣщеніе». Имѣешь-ли дѣло съ пяти, десяти или пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ — одинаково вымучено будетъ взять его за руку и сказать: «Поди сюда, я объясню тебѣ». Если уже въ другихъ областяхъ абстрактныя объясненія, при которыхъ надо искусственно возбуждать и поддерживать въ ребенкѣ вниманіе, являются только вспомогательнымъ и гораздо худшимъ средствомъ, чѣмъ объясненія въ непосредственной связи съ жизнью, то здѣсь недостаточность ихъ чувствуется вдвойнѣ: не только у

взрослыхъ, но часто и у дѣтей приходится преодолѣвать врожденную, унаслѣдованную поколѣніями робость передъ этимъ предметомъ, какъ будто зачатіе и рожденіе есть необходимое зло, если не нѣчто низменное и постыдное. Пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ самые передовые изъ насъ будутъ въ состояніи говорить объ этихъ вещахъ откровенно и невинно, какъ, напр., о приготовленіи и происхожденіи хлѣба.

Но есть другой путь, гораздо болѣе простой, гораздо быстрѣе приводящій къ цѣли. Не надо ломать себѣ голову надъ методомъ просвѣщенія и пригоднымъ для него возрастомъ ребенка; надо избрать отрицательный путь: перестать умалчивать, утаивать и искажать ребенку факты! Этого совершенно достаточно. Пусть воспитатель слѣдить за собой, бережется условныхъ фразъ и отговорокъ, и идетъ навстрѣчу любознательности ребенка, — она обнаруживается уже очень рано и простирается равномѣрно на всѣ области,—съ такимъ же участіемъ, какъ и въ въ другихъ случаяхъ. Тогда все сдѣлается само собой. Мой трехлѣтній сынишка знаетъ уже своего братца или сестрицу, хотя ребенокъ появится на свѣтъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; онъ слышалъ, какъ говорили объ этомъ старшія дѣти, которымъ я сообщила объ обогащеніи, предстоящемъ имъ и мнѣ, при первой-же увѣренности — не столько изъ педагогическихъ соображеній, сколько изъ жажды общенія и сочувствія, которое теперь у дѣтей можно найти гораздо скорѣе, чѣмъ у взрослыхъ. Конечно, болѣе взрослыя дѣти (5—10 лѣтнія) не довольствуются однимъ сообщеніемъ, они хотятъ знать, какъ ребенокъ попалъ въ тѣло матери и т. д. Смотря по возрасту и способностямъ, они прослѣдятъ все развитіе. Тутъ уже труднѣе отвѣчать, но и это идетъ хорошо и съ каждымъ разомъ лучше. Прежде всего они, благодаря ежедневному созерцанію, знаютъ какъ мужское, такъ и женское тѣло со всѣми органами. Они привыкли ходить нагими, поскольку это возможно, и у нихъ развито сознаніе, что всѣ органы тѣла имѣютъ право на существо-

ваніе, и ни одного изъ нихъ нельзя презирать или унижать. Они знаютъ органы растеній и развитія плодовъ изъ цвѣточной пыли и завязи; больше всего они любятъ маленькихъ дѣтей, такъ какъ имъ позволяютъ помогать при уходѣ за ними, насколько это доставляетъ имъ удовольствіе. Самую развитую изъ моихъ четырехъ дочекъ нельзя вытащить изъ комнаты роженицы, она повязываетъ большой, бѣлый передникъ и чувствуетъ себя счастливой, когда на нее возлагаютъ самыя деликатныя услуги. Мальчики меньше интересуются этимъ, поэтому въ такіе молодые годы съ ними приходится легче, зато, можетъ быть, позже придется еще труднѣе! Мой маленькій забавляется тѣмъ, что давитъ мнѣ на животъ и кричитъ: «Я давлю ребеночка!», потому что онъ слышалъ отъ дѣвочекъ, что этого нельзя дѣлать — когда-же его раздѣваютъ, онъ хлопаетъ себя по животику и говоритъ: «Мама, у меня тоже ребеночекъ!»

Но важнѣе всего — опять нѣчто, что относится и къ поясненіямъ въ другихъ областяхъ, но здѣсь особенно важно: не слѣдуетъ забѣгать впередъ.

Не слѣдуетъ разсказывать ребенку больше, чѣмъ онъ хочетъ узнать. Выражаясь точнѣе: надо отвѣчать только на его вопросъ, какъ можно яснѣе и проще. Пусть ребенокъ идетъ впереди, какъ вожатый, а воспитатель слѣдуетъ за нимъ и отвѣчаетъ— не наоборотъ. Смотря по полу, возрасту, развитію и характеру, дѣти будутъ спрашивать интенсивнѣе, подробнѣе и дольше—это какъ съ аппетитомъ, который долженъ быть удовлетворенъ по желанію индивидуума, а не по какимъ-нибудь установленнымъ принципамъ. Кормить только тогда, когда голодъ становится замѣтенъ, и переставать, какъ только онъ утоленъ. Это опять существенное облегченіе для воспитателя; у него останутся продолжительныя паузы на размышленіе и работу надъ самимъ собой, на подготовку, прежде чѣмъ онъ долженъ будетъ сдѣлать шагъ дальше. При всемъ отсутствіи предразсудковъ и свободѣ отъ

ложнаго стыда вначалѣ мнѣ было страшно, какъ я скажу то или другое, но при столкновенiи съ дѣйствительностью я скоро справилась съ этимъ, такъ какъ увидѣла, что имъ вовсе не нужны научныя сочиненiя о всѣхъ процессахъ, они хотятъ только, чтобы имъ отвѣтили на два-три вопроса, а затѣмъ они опять обращаются къ другимъ предметамъ.

Это очень милое зрѣлище, какъ младшiя дѣти слушаютъ съ открытыми ротиками, когда я говорю правду старшимъ, а черезъ нѣсколько дней опять возвращаются къ «аисту»—онъ имъ гораздо милѣе!—про котораго они узнали отъ другихъ. Но это не смущаетъ меня: они еще не хотятъ правды.

Эльфрида Стриговская.

Грацъ.

Письмо матери.

Уважаемый другъ!

Съ самаго начала изъ жизни моей дочери и изъ воспитанія малютки была изгнана ложь. Въ дѣтской, гдѣ я одновременно и госпожа, и слуга, никогда, ни въ какомъ случаѣ, не разрѣшалось «врать». Мы не сочиняли, а показывали правду. «Злой человѣкъ» съ большимъ мѣшкомъ, который забираетъ непослушныхъ дѣтей, аистъ, который услышитъ дѣтскую молитву и принесетъ маленькаго братца, если Маріанна будетъ вести себя очень, очень хорошо —ни одна изъ этихъ дѣтскихъ басенъ не терпѣлась тамъ. Мы обходились безъ нихъ, и у меня никогда не было потребности призвать ихъ на помощь. Если я не могла указывать на факты, то я и не закрывала ихъ дымкой.

Я знаю ваше сужденіе: вы склонны пожалѣть мою малютку, которая была лишена сказочнаго дѣтскаго міра. Нѣтъ, мой другъ, это не такъ. Я развѣсила на стѣнахъ хорошія картины, которыми мы любуемся съ тѣхъ поръ, какъ можемъ смотрѣть. Въ дѣтскихъ дняхъ моей Маріанны было довольно звуковъ, пѣсенъ и шопота. У цвѣтка былъ свой языкъ, и птицы разсказывали свою исторію. Воды таинственно шумѣли, проносясь мимо моей малютки, а звѣзды улыбались ей, освѣщая ея дѣтскіе дни. Весь міръ былъ для нея полонъ чудесъ, за которыми она шла, вопрошая. Но я никогда не лгала, чтобы сдѣлать какое-нибудь чудо банальностью для нея.

Теперь рѣчь идетъ объ одной вещи, одномъ вопросѣ: о тайнѣ размноженія человѣческаго рода. О двухъ вещахъ: зачатіи и рожденіи. Позвольте мнѣ напомнить общеизвѣстную истину: этой тайной и чудомъ мы должны сами быть

благоговѣйно захвачены, если хотимъ внести это, какъ чудо, въ міръ познанія нашихъ дѣтей. Кто самъ не заглядываетъ въ эти тайны изумленными глазами, глазами ребенка, кто не научился или разучился слышать шумъ скрытыхъ источниковъ, изъ которыхъ проистекаетъ чудо жизни, у того не будетъ даже элементарныхъ основаній, которыя сдѣлали-бы его способнымъ «просвѣтить» ребенка въ половомъ отношеніи. Я подразумѣваю не тѣ неопредѣленныя настроенія, которыя являются сопровождающими явленіями неяснаго самопознанія. Я подразумѣваю слѣдующее: того, передъ чѣмъ мы не стоимъ въ изумленіи, преклоненіи, трепетѣ, мы не понимаемъ. Оно не велико. Оно становится въ нашихъ рукахъ маленькимъ и гибнетъ.

Когда нашей Маріаннѣ было два года, я должна была дать жизнь моей второй дочуркѣ. Тогда я впервые заговорила съ моей старшей объ этихъ тайнахъ. Уже тогда! Когда я вечеромъ укладывала ее въ постель, когда она задумывалась надъ непонятнымъ, лежа утромъ у меня въ постели,—въ одинъ изъ этихъ часовъ я сообщила ей сначала фактъ: «У меня родится ребеночекъ.» Фактъ: я ношу въ себѣ ребенка, ея будущую сестрицу или братца. Она поняла фактъ; я помню, какъ она однажды сказала: «Мама, открой-же, тогда братецъ выйдетъ». Я разсказываю вамъ, уважаемый другъ, факты, я не фантазирую. Для нея было совершенно ясно, что мать принесла ей сестрицу, когда она появилась. Такъ же ясно, какъ тотъ фактъ, что ея игрушки—подарки отца или матери. Она никогда не думала, что та женщина, которая тогда то и дѣло ходила къ намъ въ теченіе двухъ недѣль, приноситъ дѣтей. Но она знала, что та женщина и врачъ помогали матери. Я, опять-таки, не фантазирую, разсказывая вамъ о томъ, что она говорила объ акушеркѣ: она хорошая, потому что помогала мамѣ, когда сестричка хотѣла выйти изъ маминаго тѣла на свѣтъ.

Таково было мое начало. Легкое начало, за которымъ такъ легко и просто послѣдовало все остальное, настолько легкое, что я никогда не могла говорить о трудной задачѣ,

когда мнѣ приходилось говорить съ другими матерями о половомъ просвѣщеніи. Правда, фактъ съ самаго начала стоялъ въ жизни моей Маріанны. Объ одномъ я, конечно, позаботилась: моя малютка не должна была выкладывать своего знанія передъ другими, чтобы его не отравили ей. Его не должна была касаться чужая, неделикатная, нецѣломудренная рука.

Не только въ этомъ, но и въ безчисленномъ множествѣ вещей у насъ съ нашими дѣтьми было семейное сообщество, которое мы съ самаго начала сдѣлали святыней для нихъ. Мы сдѣлали ихъ ревнивыми къ нашему общему духовному достоянію. Они знали вещи, которымъ мы въ нашемъ тихомъ кругу радовались весело и по-дѣтски, какъ самому близкому, но о которыхъ никогда, никогда не говорятъ съ другими. Мы устроили нѣчто въ родѣ франкъ-масонства. И я думаю, что это предохранило ихъ отъ разговоровъ съ чужими дѣтьми, няньками и товарищами о половыхъ отношеніяхъ. Если ихъ когда-нибудь искушали, то они—я опять говорю о фактахъ—гордо отворачивались: я знаю больше тебя; но я говорю объ этомъ только съ отцомъ и матерью.

Такъ они знаютъ, какъ прекраснѣйшую изъ нашихъ тайнъ, изъ нашихъ тихихъ, ревниво охраняемыхъ красотъ, зарожденіе, тотъ фактъ, что изъ половыхъ сношеній возникаетъ новая жизнь. Они знали, въ какомъ смыслѣ отецъ—*ихъ* отецъ. Это тоже сдѣлалось легко и просто, хотя и въ болѣе позднемъ возрастѣ. Мы *никогда* не стыдились быть нагими передъ своими дѣтьми. Какъ никогда не упускали случая показать имъ красоту нагого человѣческаго тѣла, чудо красоты, медленно развивающееся чудо.

Я могу сказать и то, что мы подготовили своихъ дочерей—сыновей мнѣ не приходилось воспитывать—къ наступающей зрѣлости ихъ тѣла. Онѣ ждали ея, и когда то, чего онѣ ждали, наступило, онѣ сказали намъ объ этомъ, какъ о счастьѣ. Имъ открылась тайна на нихъ самихъ: ихъ дѣтское тѣло готовилось стать материнскимъ лономъ.

У моихъ дочерей нѣтъ потребности «знать», потому что ихъ не возбуждаютъ никакія умалчиванія. Въ ихъ жизни не замалчивалось ничто важное. Онѣ не стали знающими; онѣ были ими всегда. Онѣ видѣли фактъ, какъ только научились видѣть. И я согласна съ моимъ мужемъ въ томъ, что это преступленіе, обманъ и воровство не сообщать важнѣйшихъ изъ всѣхъ тайнъ въ самомъ началѣ дѣтской жизни. И это послѣднее кажется мнѣ настолько-же, если не еще болѣе важнымъ: мы должны дать нашимъ дѣтямъ возможность сростись съ этими тайнами, мало-помалу, все съ большей радостью, все съ большимъ изумленіемъ. Тогда, если мы дали имъ эту возможность, эти чудеса сохранятъ нѣчто отъ цѣломудреннаго утренняго свѣта и утренней росы, которая лежитъ на томъ, что мы съ изумленіемъ находимъ въ чистой юности.

Сердечно преданная Анна—Марія.

Пасторъ Эрнстъ Клейнъ.

Вейсенбургъ.

О половомъ просвѣщеніи юношества.

Создайте намъ матерей.
(Наполеонъ).

Тотъ, кто живетъ среди дѣтей, наблюдаетъ и любитъ ихъ, тотъ знаетъ, какъ часто мы оставляемъ молодыя, покрытыя зародышами души безъ поддержки въ опасностяхъ, которыя подстерегаютъ ихъ во мракѣ безсознательнаго, и знаетъ ихъ мечтательную, молящую тоску по правдѣ и красотѣ жизни. Ребенокъ еще такъ безпомощно отданъ во власть пылкихъ желаній, которыя обвѣваютъ всѣ жизненные инстинкты человѣка, которыя и въ ребенкѣ вспыхиваютъ очень рано и грозятъ пресѣчь жизнь, которую они должны были развивать и обезпечить. А мы, взрослые, съ мудрыми лицами стоимъ вокругъ маленькаго, наивно-привлекательнаго борца, радуемся силѣ и непосредственности его импульсовъ и даемъ ему все, чего жаждетъ его горячее сердечко, пока его воля не сталкивается съ нашей. Только тогда большей частью начинается то, что мы называемъ «воспитаніемъ». И это «воспитаніе», эти отношенія между взрослыми и ребенкомъ слишкомъ часто оказываются борьбой двухъ силъ въ очень неравныхъ, ожесточающихъ условіяхъ, грубые инстинкты которой едва прикрываются истертой тканью нашей воспитательской мудрости. Если-бы любовь, материнская любовь, не оставляла въ дѣтской жизни своего сіяющаго божественнаго слѣда, зрѣлище этой борьбы было-бы печально, а результаты его опустошительны. Иногда нашу душу охватываетъ ужасъ передъ тѣмъ, что мы взваливаемъ на нашихъ дѣтей до того времени, пока придетъ ихъ день.

Но ни въ одной области мы не считаемся такъ безпощадно только со своими собственными удобствами, какъ въ обла-

сти половой жизни и ея тайнъ. Такъ какъ здѣсь, пожалуй, ни одинъ знающій не узналъ истины невинно, то мы прячемся передъ дѣтскимъ взоромъ, въ которомъ блистаетъ глазъ Божій. Каждый изъ насъ видитъ пыль на своихъ башмакахъ и пятна страсти на своемъ платьѣ, когда ему приходится вести ребенка къ знанію тайны жизни. Въ страхѣ мы и воздвигли между собой и этой задачей прекрасный сказочный міръ съ его яркой дымкой.

Но задача ли это? Не надо ли предоставить этотъ жизненный вопросъ самой жизни?

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ со всѣмъ міровоззрѣніемъ человѣка. Обѣ большія группы всегда будутъ отталкиваться другъ отъ друга и никогда не смогутъ перейти черезъ раздѣляющую ихъ пропасть: люди стремленія, которые требуютъ нравственнаго отчета и чувствуютъ себя отвѣтственными въ своей жизни передъ Высшимъ, будь это ихъ Богъ, или назови они это своимъ идеаломъ, категорическимъ императивомъ, благомъ человѣчества, ихъ семьи—и люди, высшая жизненная цѣль которыхъ — пользоваться жизнью, которые цѣпляются со своими радостями и страданіями за маленькій круговоротъ своей земной жизни. Имъ тоже знакомъ практически вопросъ о просвѣщеніи дѣтей. Послѣдній выводъ ихъ мудрости заключается въ томъ, что, конечно, надо защищать юношество отъ злоупотребленій и вооружить его противъ нихъ, но взрослый человѣкъ отвѣтственъ только передъ самимъ собой и воленъ распоряжаться своимъ тѣломъ и своей жизнью. Ихъ чисто практическій интересъ къ этому вопросу не долженъ интересовать насъ здѣсь.

Мы причисляемъ себя къ людямъ, которые дышатъ воздухомъ вѣчности и ясно видятъ передъ собой цѣль, къ которой они стремятся и передъ которой отвѣтственны за себя и за своихъ дѣтей. Съ другой стороны мы рѣшительно отвергаемъ и болѣзненно-эстетическое отрицаніе міра, которое видитъ въ отклоненіи отъ природы истинное спасеніе, торжество духа надъ плотью, и хотѣло бы спасти дѣтей

для неба еще прежде, чѣмъ они испытаютъ полное земное счастье и земную борьбу.

Мы хотимъ помочь нашимъ дѣтямъ выйти изъ мрака на свѣтъ, къ сильному человѣчеству, отражающему образъ Божій.

Какъ охотно ихъ долго держали въ блаженной весенней порѣ, которая не знаетъ ничего о добрѣ и злѣ и утопаетъ въ радостяхъ бьющей ключемъ жизни! Не надо нарушать возможно дольше дѣтскаго ликованія. Но увы! по закону наслѣдственности опасность сидитъ у нихъ въ крови и въ трепещущихъ, гибкихъ нервахъ. Они являются на свѣтъ уже отягощенные импульсами, которые могутъ сыграть и съ невинными дѣтьми такую штуку, которая обрушится, какъ разрушительная молнія и градъ, на всю его будущую жизнь. Покой безсознательности окутываетъ ихъ лишь какъ подвижной туманъ, который можетъ разорвать каждая случайная искра. Къ тому же, въ нашей современной жизни съ ея знаніями, могучими средствами и свободой ихъ окружаетъ атмосфера, полная впечатлѣній, которыхъ мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ разсчитать и которымъ очень мало можемъ воспрепятствовать; эта атмосфера такъ заряжена опаснымъ напряженіемъ, что остается только одно средство обезопасить здоровье дѣтей—укрѣпить въ нихъ волю къ жизни сознательно привитыми импульсами тамъ, гдѣ врожденные импульсы природной жизни все больше разлагаются и извращаются.

Но это должны дѣлать самыя чистыя руки. Снять эту дымку съ глазъ ребенка должны были бы руки матери! Но здѣсь начинается новое затрудненіе. Что за поколѣніе женщинъ могло вырости подъ давленіемъ двойственной морали? Не то, какая мать нужна будущему ребенку, а то, какая жена «нужна» мужчинѣ для забавы и наслажденія—вотъ что слишкомъ долго и основательно служило масштабомъ воспитанія женщинъ. Въ тихихъ, счастливыхъ уголкахъ семейной жизни, какъ и подъ суровымъ бичемъ жизненной нужды, тамъ и сямъ сохранился еще чудесный

цвѣтокъ истинной женщины. Общественные нравы и система воспитанія благопріятствовали развитію безпокойнаго, неудовлетвореннаго, эгоистически-тщеславнаго и жаднаго къ наслажденіямъ, несвободнаго и немыслящаго поколѣнія дѣвушекъ, думающаго только о томъ, чтобы не усложнить чѣмъ-нибудь удобнаго теченія своей жизни и «пристроиться». «Невинность» имъ предписываетъ еще желаніе опытнаго мужского міра; онѣ должны вступить въ бракъ невинными, т. е. незнающими, часто даже не пережившими сильной любви. Можетъ ли женщина, становящаяся матерью безсознательно, въ вихрѣ ужаса, или въ нечистомъ знаніи, въ скрытомъ желаніи,—стать подходящей руководительницей своихъ дѣтей на пути отъ незнанія къ знанію? Часто съ перваго же момента материнства загрязненная на всю жизнь? Правда, въ материнствѣ лежитъ даже для такихъ несчастныхъ сильная возможность спасенія. Но половая область останется для нихъ на всю жизнь скользкой почвой, на которой онѣ въ своемъ смятеніи не осмѣлятся никогда двигаться свободно и спокойно. Поэтому, какъ ни неотложно рѣшеніе нашего вопроса, необходимо ясно сознать: истинное, чистое просвѣщеніе дѣтей можетъ совершиться только тогда, когда будетъ воспитана свободно и широко мыслящая мать, которая знаетъ, чего хочетъ, и хочетъ того, чего должна хотѣть. Пока-же количество такихъ матерей должно быть дополнено учительницами съ материнской душой, которымъ любовь изощрила взглядъ и сдѣлала мягкими руки для руководства дѣтьми. Рядомъ съ ними надо поставить женщинъ и мужчинъ—врачей, учителей, отцовъ, всѣхъ тѣхъ, кто можетъ не опускать глазъ передъ дѣтскимъ взоромъ. Мы живемъ въ тревожное время,—когда каждый, кто способенъ работать, долженъ спѣшить на помощь.

Самымъ важнымъ требованіемъ мнѣ представляется слѣдующее: объясненія никогда не должны быть чисто теоретическими, они должны быть тѣсно связаны съ жизнью, пережиты. Дать ребенку съ чистой душой неожиданно

теоретическiй урокъ изъ области половой жизни, гдѣ картины и слова такъ и вливаются въ беззащитную душу— это не возвращенiе къ природѣ, а пощечина въ лицо природѣ. Такъ поступали въ свое время просвѣтители со своими сѣрыми теорiями о природѣ, которые умѣли только топтать ногами важнѣйшiй законъ природы, всепроникающiй законъ развитiя. Счастье, что въ настоящемъ незнанiи ребенку данъ такой могучiй панцырь, которымъ онъ безсознательно стряхиваетъ многiя нелѣпости, которыя навязываемъ ему мы, взрослые. Теорiя полнаго, абсолютнаго знанiя, которую горячо защищаютъ многiя идеально настроенныя женщины, является естественной реакцiей противъ нездоровой и ложной стыдливости, завладѣвшей воспитанiемъ. Но и эту реакцiю надо преодолѣть, чтобы придти къ истинной, здоровой, спокойной природѣ.

Это просвѣщенiе должно быть гармонически подготовленнымъ самой жизнью. Съ самаго рожденiя ребенокъ долженъ, во-первыхъ, питать спокойное почтенiе къ женщинѣ, къ материнству, которое сильно отличается какъ отъ внѣшней любезности, такъ и отъ преувеличенно-мечтательнаго представленiя о женщинѣ. Когда душа его пробудится, онъ долженъ очутиться въ этой чистой и естественной атмосферѣ.

Во-вторыхъ, онъ долженъ быть воспитанъ въ спокойномъ, естественно-заботливомъ отношенiи къ своему тѣлу, чуждомъ какъ тщеславiю, такъ и ложной стыдливости. Ко всему тѣлесному, вплоть до самыхъ наивныхъ дѣтскихъ вопросовъ, необходимо относиться съ ясной, спокойной естественностью, даже къ половымъ различiямъ, которыя ребенокъ долженъ замѣтить рано. Что пользы, если я, по совѣту врача, буду избѣгать всего возбуждающаго въ пищѣ, платьѣ, жизненныхъ привычкахъ и въ то-же время возбуждать любопытство ребенка бросающейся въ глаза стыдливостью и искуственно-тщательнымъ прикрыванiемъ тѣла? Таинственное влечетъ за собой прежде всего любопытство, а оно скоро переходитъ въ возбужденiе инстинкта, ко-

торый долженъ еще долго дремать, и котораго нельзя будить.

Въ-третьихъ, городскiя дѣти тоже непремѣнно должны находиться въ общенiи съ природой, они должны чувствовать себя окруженными ею, звеньями великой цѣпи. Если деревья и цвѣты будутъ жить для ребенка, если онъ научится уважать и понимать жизнь въ животномъ, то уже готова почва, чтобы мальчику или дѣвочкѣ, освоившимся съ прекрасными тайнами жизни, открыть безъ потрясенiй и дальнѣйшiя ступени, всегда въ по возможности многосторонней связи съ жизнью всей природы.

Для этого нужна только любящая и твердая рука, спокойное, обдуманное руководство, и переходъ къ знанiю будетъ совершенъ безъ опасности для равновѣсiя души, безъ отравленiя дѣтской фантазiи. Можетъ даже удаться сохранить при этомъ всю безмятежность дѣтской натуры, тѣмъ легче, чѣмъ меньше было возбужденiя еще неокрѣпшихъ инстинктовъ. Тогда для ребенка дѣло заключается, дѣйствительно, только въ знанiи, такомъ-же, какъ и многiя другiя, лишь окруженномъ священной серьезностью, которая должна въ такiе моменты проникать все существо руководителя, и которую здоровый ребенокъ понимаетъ и безъ подчеркиванiя. Такiя объясненiя совершаются лучше всего съ глазу на глазъ. Но даже когда я, побуждаемая пониманiемъ опасности, рѣшалась въ классѣ дѣвочекъ-подростковъ сказать нѣсколько серьезныхъ словъ изъ этой области, я всегда въ отвѣтъ находила только довѣрiе и радость, что ихъ удостаиваютъ такимъ общенiемъ мыслей, и облегченiе, что съ нихъ снимаютъ проклятiе тайнаго знанiя. Я никогда не обсуждала-бы въ классѣ, а тѣмъ болѣе демонстрировала картинами, передъ дѣвочками тайны размноженiя, которыя уже приводятъ въ трепетъ ихъ юныя тѣла. Это лучше объяснить имъ на остальной природѣ подъ щадящимъ покровомъ изученiя бiологiи. Но я спокойно рѣшилась бы ввести дѣвочку или юношу, безразлично, въ отдѣльномъ разговорѣ, съ глазу на глазъ, туда, гдѣ можно

уловить бiенiе ихъ пульса, излить на нихъ спокойствiе и вмѣстѣ съ ними проникнуться чувствомъ: «Сними свою обувь, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, священно».

Инстинктъ жизни.

1. Если вы лѣтомъ пойдете въ поле, вы увидите, что надъ цвѣтущими колосьями по теплому вѣтру носится взадъ и впередъ тонкая бѣловатая пыль; вы стоите подъ сладко благоухающей цвѣтущей липой и слышите хлопотливое жужанiе пчелъ, спѣшащихъ отъ цвѣтка къ цвѣтку. Вспомните, что вы учили на урокахъ ботаники: въ этой блаженной лѣтней суетѣ совершается тайна оплодотворенiя.

Посмотрите на птицу въ гнѣздѣ, какъ она забываетъ все, что было для нея раньше самымъ важнымъ: свободу, движенiе, пищу, враговъ! Она пренебрегаетъ своей собственной жизнью, чтобы пробудить дремлющую въ яйцахъ. Когда эта жизнь наконецъ просыпается, но еще такъ слаба и безпомощна, что предоставленная самой себѣ должна была-бы погибнуть,—тогда мать продолжаетъ посвящать себя всю этой новой жизни, она питаетъ, грѣетъ и охраняетъ ее и, если нужно, отдаетъ за нее свою собственную жизнь. Ласточки возвращаются въ горящiе дома, гдѣ сидятъ ихъ птенцы, другiя птицы отвлекаютъ вниманiе охотниковъ и собакъ отъ своихъ птенцовъ прямо на себя. Мы видимъ, какъ могучiй инстинктъ заставляетъ мать будить и охранять новую жизнь за счетъ своей.

Тотъ-же могучiй инстинктъ, заставляющiй производить новую жизнь и забывать о своей ради нея, наполняетъ и управляетъ и жизнью человѣчества. Когда человѣкъ достигъ зрѣлости, его естественная жизнь достигла высшаго пункта, теперь онъ долженъ служить роду, а самъ долженъ затѣмъ придти въ упадокъ. (Рюккертъ. Умирающiй цвѣтокъ!) Опредѣленныя клѣтки въ немъ съ сильнѣйшимъ напряженiемъ достигаютъ независимости, онѣ уже не служатъ собствен-

ному организму, а становятся способны къ развитiю новой жизни. Когда ожидающее въ самомъ тяжеломъ отрицательномъ напряженiи яичко соединяется съ стремящимся въ положительномъ напряженiи сѣменемъ, возникаетъ искра жизни, оплодотворенiе совершилось. Этотъ священный процессъ у человѣка, которому предназначено высоко подняться надъ естественною жизнью къ «разумной свободѣ Господнихъ дѣтей», но который въ этой свободѣ можетъ и пасть неизмѣримо ниже чистой безсознательности естественной жизни, у человѣка этотъ процессъ охраняется ангеломъ съ огненнымъ мечомъ: стыдливостью, которая огненнымъ кольцомъ окружаетъ души обоихъ половъ. Поэтому не дѣлайте никогда этихъ священныхъ вещей, которыхъ мы только что должны были коснуться, чтобы научиться немного понимать происхожденiе жизни, предметомъ нечистыхъ мыслей, и смотрите на каждое лишнее слово о нихъ, какъ на оскорбленiе вашей матери и вашей дѣвичьей чести, которое вы наносите самимъ себѣ.

Въ женскомъ тѣлѣ начинается таинственное движенiе и жизнь, какъ въ пчелиномъ ульѣ. Всѣ клѣтки посылаютъ черезъ кровь свои лучшiя силы молодому яйцу, какъ пчелы скорѣй умрутъ съ голоду, чѣмъ дадутъ погибнуть своей молодой королевѣ. Изъ соковъ матери начинаетъ развиваться новое существо, пока оно, сдѣлавшись достаточно самостоятельнымъ для жизни, не родится на свѣтъ.

Тогда и самое жалкое животное охраняетъ материнская любовь, пока оно не перестаетъ нуждаться въ ней. Мы знаемъ, что человѣческая материнская любовь возвышается надъ инстинктомъ и продолжается до смерти. «Забудетъ-ли женщина грудное дитя свое и не пожалѣетъ сына чрева своего?» (Исаiя 49, 15).

2. Стремленiе созрѣвшаго индивидуума сохранить жизнь рода есть только высшiй пунктъ жизненнаго инстинкта, какъ любовь есть расширенiе чувства своего «я», и оно все снова пробуждаетъ этотъ инстинктъ въ новомъ индивидуумѣ. Гдѣ начинается этотъ послѣднiй? Растущее яйцо

мало-по-малу разбухаетъ, образуется безформенная масса, остается центральный пунктъ, изъ котораго и развивается жизнь, непрерывно возбуждаемая и толкаемая теплой, струяшейся материнской кровью, и—начинаетъ биться сердечко. Жизненная энергія растетъ, въ развивающихся органахъ накопляется напряженіе, и это напряженіе разряжается судорожными толчками, движеніями: такъ называемыми самопроизвольными движеніями, которыя сопровождаютъ человѣка до смерти, напр., потягиваніе, зѣвота, дрожь и т. д. Значитъ, эти первыя жизненныя ощущенія переходятъ сейчасъ-же въ движеніе, ими маленькое, развивающееся «я» соприкасается съ «не я», эти ощущенія извнѣ тоже вызываютъ движенія и должны сопровождаться неясными ощущеніями удовольствія или неудовольствія. На простѣйшей зародышевой ступени начинается кругообращеніе потока сознанія въ ощущеніяхъ, чувствахъ, реакціи, зародившееся въ тотъ моментъ, когда искра жизни, называемая также «волей къ жизни», сдѣлала яйцо способнымъ стремиться навстрѣчу индивидуальной жизни.

«И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его». (кн. Моисея 1, 27).

Въ обѣихъ могучихъ вѣтвяхъ жизненнаго инстинкта мы должны видѣть послѣднюю причину всѣхъ жизненныхъ явленій,—глубже человѣческое познаніе не можетъ проникнуть. Онѣ возбуждаютъ воспріятіе ощущеній и представленій, на ихъ основѣ вспыхиваютъ чувства, отъ нихъ явно отдѣляются всѣ инстинкты, которые очищаются и поднимаются ввысь къ сознательному хотѣнію и поступкамъ и къ благородной свободѣ.

Марія Мартинъ.

Берлинъ.

Дитя колокольчика.

На-дняхъ мнѣ попала въ руки тетрадь для естественно-историческихъ упражненій одной изъ моихъ племянницъ; ея содержаніе съ уничтожающей ясностью показало мнѣ все духовное убожество «высшихъ» школъ для дѣвочекъ. Въ книжечкѣ на каждой страницѣ былъ отпечатанъ остовъ нормальнаго растенія: названіе, по-нѣмецки и по-латыни; классъ, разрядъ, семейство, корень, стебель, листья; цвѣтокъ, плодъ, мѣсто произрастанія и т. д. И подъ каждой изъ этихъ главныхъ рубрикъ имѣлись,—нѣтъ, имѣются (эти тетради употребляются въ берлинскихъ школахъ и теперь, въ 1908 г.!)—опредѣленія, которыя просто зачеркиваются, если не подходятъ къ описываемому растенію. Такимъ образомъ ученицъ «высшей» столичной школы посвящаютъ въ чудесныя тайны природы, заставляя ихъ подчеркивать или вычеркивать, а потомъ подчеркнутое заучивать наизусть. Тамъ и сямъ прилагается гербаріумъ, т. е. попросту говоря, надорванные и съежившіеся трупы растеній разглаживаются и засушиваются между газетами, а затѣмъ наклеиваются на простую писчую бумагу, снабжаются этикетками, размѣщаются, провѣряются и исправляются...

Если получившую такое «образованіе» ученицу высшей школы спросить о какомъ-нибудь изъ самыхъ извѣстныхъ растеній, объ его жизненныхъ условіяхъ и привычкахъ, то можно биться объ закладъ, что она не сможетъ сказать ни слова. Она даже не умѣетъ разобраться въ своей книжечкѣ съ остовами, а приложенное къ ней собраніе мумій остается для нея ничего не говорящимъ мертвымъ полемъ, если снять надписи на могилахъ. О половой жизни растенія, этомъ

важнѣйшемъ процессѣ въ природѣ, которымъ добросовѣстные и чистые педагоги дожны были-бы воспользоваться для объясненія священнаго значенія соотвѣтствующихъ человѣческихъ органовъ, ученица высшей школы не узнаетъ рѣшительно ничего. Объ этомъ она узнаетъ въ пансіонѣ отъ испорченныхъ подругъ. Или-же отъ прислуги...

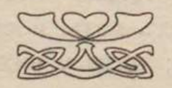
И все-таки даже у духовно изуродованныхъ преступно-недостаточнымъ преподаваніемъ, душевно-убогихъ, благодаря ложному домашнему воспитанію, ученицъ «высшей» школы въ первые годы ихъ ученія есть пониманіе и интересъ къ жизни растеній и животныхъ. Мои юныя родственницы сіяли отъ радости и интереса, когда я въ одно прекрасное лѣтнее воскресенье показалъ имъ цвѣтокъ колокольчика и указалъ, какая гармонія существуетъ между всѣми его частями, какъ корень питаетъ стебель, какъ вѣнчикъ, словно небесно-голубое дѣвичье платье, окутываетъ святыню двуполыхъ внутреннихъ частей, какъ и почему въ этомъ случаѣ пестикъ превосходитъ вышиной тычинки, какъ платье блекнетъ и снимается, когда подъ сердцемъ матери-цвѣтка, защищенное остроконечнымъ покровомъ зеленой чашечки, въ своемъ домикѣ-завязи образуется дитя. И когда я затѣмъ разсказалъ имъ, какъ птицы передъ рожденіемъ покрываютъ своихъ дѣтей крѣпкой скорлупой, чтобы облегчить имъ переходъ изъ теплаго лона матери въ суровый внѣшній міръ; когда я указалъ имъ, какъ красивый самецъ поддерживаетъ и защищаетъ свою скромную по внѣшности, добросовѣстную самку; когда онѣ услышали, какъ у людей мать изъ божественной предосторожности охраняетъ и носитъ ребенка у своего любящаго сердца въ священной колыбели своего собственнаго тѣла, тогда ихъ охватилъ радостный трепетъ благоговѣнія и любви; тогда только онѣ ясно поняли, кѣмъ и чѣмъ является для нихъ мать, и чѣмъ работающій и борющійся сильный отецъ; тогда у нихъ открылись глаза на неприкосновенность, чистоту, возвышенность и вѣчность божественнаго храма ихъ собственнаго тѣла; тогда онѣ съ

радостью почувствовали, какъ близка имъ не только голубая дама луговъ, не только скромная самка зяблика на деревѣ яблони, но и каждый комъ земли, потому что изъ нея исходитъ вся эта прекрасная, священная жизнь, и каждая звѣзда на небѣ, потому что и она, какъ наша мать-земля, зарождаетъ или, какъ нашъ отецъ-солнце, будитъ жизнь. «Это былъ», какъ единодушно объявили счастливыя дѣвушки, «нашъ первый урокъ естественной исторіи и въ то-же время наше первое животрепещущее богослуженіе!»—Для меня-же этотъ часъ былъ актомъ творчества...

Тѣмъ родителямъ, которые задумываются надъ вопросомъ, въ какомъ возрастѣ слѣдуетъ открыть ребенку правду, я скажу, что это должно произойти какъ можно раньше, уже въ тотъ періодъ, когда дѣти вообще начинаютъ спрашивать. Чѣмъ раньше раздается самый священный изъ всѣхъ человѣческихъ вопросовъ, тѣмъ чище можетъ быть отвѣтъ на него, тѣмъ проще и невиннѣе этотъ отвѣтъ будетъ воспринятъ, тѣмъ меньше будетъ опасность, что школьныя подруги или служанки загрязнятъ что-нибудь. Такъ какъ нашъ мальчикъ самъ не спрашивалъ, то я въ присутствіи матери самъ просвѣтилъ его, когда его сестричка въ первый разъ зашевелилась въ лонѣ матери; а маленькая Анна-Лиза уже въ три года знала, что она «жила въ мамочкѣ»; потому что она сама «видѣла себя въ глазахъ мамочки». Конечно, она думаетъ,—какой глубокій смыслъ лежитъ въ этомъ!—что и мамочка живетъ въ ней,—пусть только мама посмотритъ въ глаза Анны-Лизы!..

Вильгельмъ Шванеръ.

Берлинъ—Шлахтензее.



Половой вопросъ въ преподаванiи и въ книгахъ для юношества *).

Въ одинъ прекрасный день въ городкѣ произошло событiе, заставившее говорить и дѣвочекъ на сѣновалѣ.

Iетта Энгеръ стала невѣстой.

Iетта Энгеръ только недавно окончила школу фрау Каръ; дѣвочки смотрѣли на нее почти какъ на ровестницу. И подумайте!—она стала невѣстой.

Невѣстой по всей формѣ. Каждый вечеръ она гуляла со своимъ женихомъ по главной улицѣ и нисколько не боялась, что кто-нибудь ее увидитъ.

«Да, да! Она, навѣрно, уже цѣловала его!» сказала однажды утромъ Гина по дорогѣ въ школу.

«Пфуй, ты съ ума сошла?» перебила ее Эбба, «не станутъ-же они цѣловаться, прежде чѣмъ не поженятся?»

«Господи, какая ты глупая, Эбба», сказала Фанни, «они для того и стали женихомъ и невѣстой, чтобы цѣловаться цѣлый день».

«О, Господи, да ты помѣшалась? Ахъ, я умерла-бы со стыда; подумай только!—цѣловать чужого мужчину!»

«Ба, это еще ничего», сказала Фанни компетентнымъ тономъ; нѣтъ, вотъ когда они поженятся, тогда они будутъ дѣлать еще и не то».

«Ты съ ума сошла? Что-же они будутъ дѣлать?»

Фанни встрѣтила выразительный взглядъ Гины и вдругъ спряталась въ свою скорлупу. «Этого я не скажу».

---

*) Мы беремъ этотъ отрывокъ для пополненiя нашего сборника изъ романа „У мамы“.

Эбба взволновалась. Опять отъ нея что-то скрываютъ. Она попробовала пойти окольнымъ путемъ.

«Кто-же разсказалъ тебѣ объ этомъ?»

Фанни не вылѣзала изъ своей скорлупы.—«Этого я тоже не скажу».

«Ахъ, ты гадкая!» сказала Эбба; но интересъ ея не уменьшался, и она опять попробовала окольный путь. «А, что тамъ, ты ничего не знаешь!»

«Это не правда?—я этого не знаю, Гина?» аппеллировала Фанни.

Гина кивнула головой.

«О, это нехорошо съ вашей стороны», опять начала Эбба, «у васъ всегда секреты отъ меня! Пфуй! Я больше совсѣмъ не буду разговаривать съ вами».

«Чѣмъ-же я виновата?» спросила Гина. «Я тутъ не причемъ! это Фанни важничаетъ, противная».

«Развѣ ты не говорила мнѣ, Гина, чтобы я не разсказывала никому?»

«Ты-же понимаешь, что я не думала Эббу; вѣдь она такая-же большая, какъ и мы».

«Что тамъ, ты можешь спокойно сказать мнѣ», поощряла Эбба. «Нѣтъ, нѣтъ, на улицѣ это непріятно, здѣсь такъ свѣтло».

«Не можешь-ли ты послѣ обѣда придти съ Гиной ко мнѣ? Тогда мы пойдемъ на сѣновалъ!»

«Ну, да.—Хорошо, на сѣновалѣ».

Послѣ обѣда онѣ встрѣтились на сѣновалѣ; имъ было не по себѣ. Онѣ забились въ самый отдаленный уголъ, гдѣ было такъ темно, что онѣ совершенно не видѣли другъ друга.

Онѣ оживленно разговаривали о всевозможныхъ вещахъ, которыя ихъ совершенно не интересовали; смѣялись искусственнымъ смѣхомъ и очень долго усаживались. Наконецъ онѣ усѣлись. Онѣ сидѣли такъ близко другъ къ другу, что каждая могла почти слышать біеніе сердца другой. Тогда онѣ притихли. Вся эта исторія показалась имъ вдругъ такъ страшно непріятной.

Въ особенности это казалось Фанни. Правда, ей очень хотѣлось разсказать; но, Боже, какъ это было непріятно. Ужъ лучше она не разскажетъ ничего.

Въ углу сдѣлалось буквально жарко. Онѣ тяжело дышали, всѣмъ такъ хотѣлось говорить объ этомъ; но начать было ужасно непріятно.

Наконецъ Эбба не выдержала.

«Теперь я увѣрена, что вы хотите одурачить меня», сказала она, «или, можетъ быть, нѣтъ?»

Два необыкновенно удивленныхъ голоса воскликнули одновременно: «Одурачить тебя? Какъ это?»

«Развѣ ты не помнишь, что ты должна была разсказать, Фанни,—то, что знаетъ и Гина?»

«Ахъ, да! Но ты должна обѣщать, что никому не разскажешь».

«Ей Богу!» побожилась Эбба, протягивая рику.

И Фанни, незамѣтно поддерживаемая Гиной, начала шопотомъ разсказывать исторіи людской въ Вигѣ.

«Пфуй!» восклицали дѣвочки каждый разъ, когда встрѣчалось что-нибудь особенно рискованное; «Охъ, я умираю!» «охъ не говори этого!» Но когда одна исторія кончалась, онѣ сейчасъ-же требовали другой, а Эбба не успокаивалась, пока ей не объясняли всего.

Фанни сказала все, что знала, а Гина помогала ей. Фанни составила себѣ о нѣкоторыхъ вещахъ ложныя представленія; Гина исправила ихъ. Такимъ образомъ многое было ново и для Фанни. Чѣмъ больше онѣ понимали, тѣмъ больше это ужасало ихъ, и тѣмъ горячѣе становился ихъ интересъ. Какъ только это было возможно, какъ это собственно происходило? Онѣ шептались все съ большимъ увлеченіемъ, когда слова были слишкомъ грубы, онѣ помогали себѣ намеками, жестами, первыми буквами опаснаго слова. Скоро Эбба знала все, что и другія, и ахъ!—пфуй!—какъ можно дѣлать подобныя вещи!—И онѣ шептались и стонали и такъ и горѣли.

«Фу, я умерла-бы со стыда!»—Ахъ, если-бы кто-нибудь—пфуй! Подумайте только, если бы кто нибудь сдѣлалъ это съ одной изъ насъ!»—«Что ты!»—«Я умерла-бы со стыда!»—«Уфъ, пфуй, нѣтъ, никогда въ жизни!»—

Съ этихъ поръ часто случалось, что три дѣвочки сидѣли, прижавшись другъ къ другу, въ самомъ темномъ углу темнаго сѣновала и углублялись въ исторіи людской.

Это было такъ своеобразно интересно. Это было нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что обыкновенно называли разговоромъ.

Онѣ договаривались до возбужденія, до того, что горѣли, дрожали, пылали, какъ въ жару. Онѣ забывали все: время, ужинъ, мать, отца: имъ было безразлично, если бранили ихъ, когда онѣ приходили домой смущенныя и полныя стыда, съ нечистой совѣстью.

Очень многаго онѣ не понимали, и все было такъ ужасно гадко. Какъ только, напр., возможно имѣть дѣтей? Подумайте только, такихъ большихъ дѣтей, гораздо большихъ, чѣмъ наши куклы; какъ это собственно происходитъ? Онѣ старались представить себѣ это, но это было и оставалось непонятнымъ.

И почему только у женатыхъ людей бываютъ дѣти? Вѣдь мы знаемъ, что дѣтей создаетъ Богъ, для чего-же тогда сначала жениться? Правда, у горничной Андреасеновъ родился ребенокъ, хотя она не замужемъ, но всѣ говорятъ, что отецъ ребенка Андреасенъ.—Что это собственно значитъ—быть отцомъ ребенка; и какъ Андреасенъ могъ быть отцомъ ребенка горничной, если онъ въ то-же время былъ женатъ на своей женѣ?

Ужасъ, до чего все это было непонятно; одно было страннѣе другого, и ни въ чемъ нельзя было найти связи.

Ихъ мысли отражались на ихъ играхъ. Отъ помолвки и свадьбы онѣ перешли къ родамъ, онѣ подкладывали себѣ что нибудь подъ платье и были беременны. Затѣмъ приходила акушерка и врачъ и послѣ продолжительныхъ болей рождалась кукла. Странно некрасивыя вещи изобрѣтали

онѣ въ полутьмѣ сѣновала, и ихъ фантазіи мучили ихъ, какъ злыя чары.

Все остальное становилось все несноснѣе и скучнѣе, и уроки были длинны, какъ вѣчность. Даже на урокахъ фрау Каръ онѣ были вялы и разсѣяны.

Арне Гарборгъ.

Что я въ одинъ прекрасный день сказала своей семнадцатилѣтней дочери.

Анна была некрасива, но умна и симпатична. Больше всего я любила въ ней ея чистый, открытый характеръ. Въ веселомъ обществѣ она оживлялась и любила шутки и словесныя перестрѣлки. Если-же ей встрѣчались любители серьезныхъ бесѣдъ, то она со свойственнымъ молодежи пыломъ принималась за рѣшеніе трудныхъ проблемъ и міровыхъ загадокъ.

Передъ однимъ у Анны былъ инстинктивный, неопредѣленный страхъ—передъ любовью. Она ничего не знала о ея тяжелыхъ, сладкихъ тайнахъ, она боялась въ ней только могучаго рока, который можетъ принести счастье, но и горе и муки. Страна блаженствъ любви была ей совершенно неизвѣстна. Она знала только, что въ этой сказочной странѣ расцвѣтаютъ дѣти, и, казалось, это знаніе манило ее иногда къ дверямъ волшебнаго царства. Тогда въ неясной дали возставали мягкіе, сладостные звуки и очаровательныя картины и наполняли душу предчувствіемъ и ожиданіемъ. Но дѣвушка никогда не говорила объ этомъ. Она усердно работала, здоровая и сильная.

Она мало бывала на балахъ и вечерахъ. Но когда бывала, всегда находились мужчины, охотно бесѣдовавшіе съ ней о веселыхъ и серьезныхъ вещахъ. Среди нихъ я скоро замѣтила одного учителя. Филологъ по образованію, д-ръ Бернъ своимъ поэтическимъ талантомъ и самостоятельнымъ мышленіемъ выдвинулся изъ среды своихъ товарищей. Свѣтскія манеры располагали къ нему сердца женщинъ. Аннѣ д-ръ Бернъ тоже нравился. Она охотно принимала его ухаживанія и наслаждалась сверкающимъ огнемъ оживленныхъ бесѣдъ.

На одномъ школьномъ балу я опять съ тревогой замѣтила это. Я не питала довѣрія къ нему, онъ

казался мнѣ легкомысленнымъ, свѣтскимъ человѣкомъ, отлично приспособленнымъ къ тому, чтобы отравлять чистыя дѣвичьи души. На слѣдующее утро послѣ бала Анна была подавлена и глубоко разстроена. Я замѣтила это уже при возвращенiи домой, такъ-же какъ и то, что она отказала д-ру Берну въ послѣднемъ танцѣ. Но матери не должны быть любопытны. Поэтому я ждала.

«Мама, ты любила танцовать въ молодости?» вдругъ заговорила Анна.

«Не всегда, но очень часто это доставляло мнѣ большое удовольствiе».

«Да, это правда, это не всегда прiятно, но...»—она остановилась. «Знаешь, когда не только ноги танцуютъ, нѣтъ, когда ты совсѣмъ забываешь о нихъ, когда ты просто чему-то радуешься и въ этой радости движешься свободно и легко, когда музыка грезитъ вмѣстѣ съ тобой и когда ты танцуешь съ тѣмъ... кто...» Анна покраснѣла и замолчала.

«Кто тебѣ нравится, не правда-ли?» докончила я.

«Да, пожалуй. Но какъ позорно, когда онъ не чувствуетъ такъ, какъ мы, когда онъ понимаетъ все иначе—тогда все сразу обрывается. Тогда я съ досадой пробуждаюсь».

«Тебѣ уже приходилось такъ пробуждаться? Разскажи-же мнѣ объ этомъ».

«Это въ сущности очень просто, я могу спокойно разсказать тебѣ, мама. Вчера вечеромъ я четыре танца танцовала съ д-ромъ Берномъ, ты, вѣроятно, замѣтила это? Это было чудесно! Все вокругъ меня переливалось яркими красками и радостно звучало. Мнѣ казалось, что я одна во всемъ мiрѣ, и все-таки я знала: надо мной бодрствуютъ чьи-то глаза, меня поддерживаетъ сильная рука. Эту радость далъ мнѣ д-ръ Бернъ, я замѣтила это, когда онъ пригласилъ меня. Но потомъ все измѣнилось. Во время вальса онъ держалъ меня такъ странно-крѣпко, пожималъ мою руку и—ахъ, мнѣ не хочется говорить объ этомъ, это было такъ гадко, такъ отвратительно: среди моей чудесной радости—онъ прижалъ меня къ себѣ и посмотрѣлъ

на меня, какъ мнѣ показалось, нагло. Я вырвалась и больше не танцовала съ нимъ. Мама, онъ скверный человѣкъ, а вѣдь онъ былъ такимъ милымъ раньше. Почему онъ такъ измѣнился? Теперь всѣ эти прекрасные часы отравлены для меня, я не хочу больше даже вспоминать о нихъ. Мнѣ стыдно. Мама, скажи мнѣ только одно: всѣ мужчины такіе? Сначала гордые и такіе, что чувствуешь къ нимъ довѣріе, начинаешь любить ихъ, а потомъ вдругъ— низкіе и грубые? Скажи мнѣ правду, мама! Папа вѣдь не былъ такимъ въ молодости? Вѣдь ты тогда не могла-бы выйти за него замужъ!»

«Иди сюда, Анна, сядь рядомъ со мной! Ты честно спрашиваешь меня, и я хочу отвѣтить тебѣ такъ же честно. Я скажу тебѣ все, что знаю. Я могу сказать тебѣ хорошее, мое дорогое дитя: не всѣ мужчины «такіе»! Твой отецъ никогда не былъ «такимъ».

Анна сидѣла въ уголкѣ возлѣ меня и ждала терпѣливо, закрывъ глаза.

«Анна, ты уже не ребенокъ, ты уже женщина тѣломъ и душой. Въ тебѣ и вокругъ тебя совершаются чудеса. Много радости и силы, чистой и серьезной, но и необузданной и опасной, открывается передъ тобой; иди храбро въ этотъ новый міръ. Ты еще не знаешь пути къ нему. Ты не знаешь даже цѣли, къ которой хотѣла бы стремиться. Но у человѣка должна быть цѣль, для достиженія которой онъ работаетъ; какъ ты ни молода, ты тоже должна скоро начать искать ее, Анна! Папа и я поможемъ тебѣ, потому что найти свою цѣль часто бываетъ трудно. Но ты навѣрно найдешь ее, если серьезно захочешь.

Прежде всего, Анна, упражняй свои силы; онѣ есть у тебя. Укрѣпи ту силу, которая развивается лучше всего, которая больше всего обѣщаетъ радости тебѣ и другимъ. Ты хорошо понимаешь и горячо чувствуешь все прекрасное въ жизни и искусствѣ,—ты знаешь, что я понимаю подъ этимъ. Въ этой великой, обширной области найди себѣ маленькое поле, которое ты сможешь обрабатывать въ потѣ своего лица,

чтобы оно принесло тебѣ благословеніе и плоды. Это звучитъ сурово, дитя мое, и почти мрачно. Но не пугайся, вѣдь ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я, что работа приноситъ здоровье и радость, если только она соотвѣтствуетъ натурѣ человѣка. Ты видишь это на своихъ родителяхъ. Надо только найти свое настоящее мѣсто въ большой обширной мастерской. И въ этомъ, повторяю еще разъ, мы постараемся помочь тебѣ.

Анна, то призваніе, которое ты дѣвушкой добровольно изберешь и которому будешь служить, составитъ половину твоей жизни. У многихъ женщинъ оно должно постепенно заполнить всю жизнь: всѣ чувства, всѣ силы могутъ жить и творить только въ этой области. Ты знаешь, что я подразумѣваю незамужнихъ женщинъ, которыя ищутъ и находятъ свою жизненую цѣль въ такъ называемомъ «призваніи». Это часто мужественные, возвышенные, сильные характеры, которые послѣ суровыхъ испытаній всякаго рода ведутъ одиноко борьбу за существованіе. Ты слышала о женскомъ движеніи, не правда-ли? Чего оно собственно хочетъ, что означаетъ и куда ведетъ, ты еще не можешь хорошенько понять. Едва-ли кто-нибудь можетъ понять это вполнѣ уже теперь. Достаточно, что кипитъ горячая борьба, что чистые и нечистые элементы сталкиваются въ водоворотѣ. Вспомни міровую исторію: революціи и реформаціи всегда приносятъ съ собой такія столкновенія, обнаруживаютъ свѣтлыя и мутныя теченія, и долгъ каждаго ясно мыслящаго и серьезно стремящагося человѣка познать сущность, содержаніе этихъ теченій и ихъ цѣль, чтобы на основаніи этого отдать свои собственныя силы на служеніе дѣлу, признанному правымъ. Въ этой борьбѣ, дитя мое, ты тоже со временемъ найдешь свое мѣсто. Эта борьба можетъ быть священной, и благословенна та женщина, которая посвящаетъ ей свою жизнь.

Я сказала, что эта дѣятельность можетъ быть названа одной половиной женской жизни; другая, Анна, опредѣляется однимъ словомъ: любовь. Любовь къ мужчинѣ дѣлаетъ насъ

супругами и матерями. По моему глубочайшему убѣжденію, говорю тебѣ это прямо, это и есть истинное и прекраснѣйшее призваніе женщины. Мнѣ грустно слышать, когда женщины сами отрицаютъ это; мнѣ это даже непонятно. Я считаю совершенно неестественными и превратными гордыя утвержденія молодыхъ дѣвушекъ: Я не хочу выходить замужъ! Я не хочу быть рабыней, хочу остаться свободной, не хочу подчиняться мужчинѣ. Я хочу учиться, заботиться о себѣ сама, имѣть тѣ-же права и обязанности, что и мужчина. Будь осторожна, дитя, когда говоришь съ такими созданіями! Это или болтуньи, или-же необузданныя натуры, которыя не умѣютъ и не хотятъ отличить нравственнаго и пристойнаго отъ безнравственнаго и условнаго, которыя только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ дѣлаютъ счастливыми себя и другихъ, и изъ которыхъ очень рѣдко что-нибудь выходитъ. Здоровая и нормальная дѣвушка, несомнѣнно, чувствуетъ въ глубинѣ сердца: если я встрѣчу человѣка, котораго смогу полюбить и который полюбитъ меня, я буду любить его всей душой. Я останусь съ нимъ и буду его женой— у насъ будутъ дѣти, я раздѣлю съ нимъ это счастье. Такой союзъ поистинѣ высшее счастье, Анна. Никто не можетъ добиться его, наоборотъ, чѣмъ ревностнѣе гонимся мы за нимъ, тѣмъ дальше оно часто ускользаетъ отъ насъ. Я думаю, что такая мечта жила недавно и въ твоемъ сердцѣ, Анна. Я знаю весну въ юномъ человѣческомъ сердцѣ, я знаю, что она не всегда приноситъ цвѣты и переходитъ въ лѣто. Ты теперь начинаешь предчувствовать эту суровую истину. Но не теряй мужества, держи голову попрежнему высоко. Ты не сдѣлала ничего дурного, дитя мое, ты была еще полуребенкомъ, который, не зная того, близко подошелъ къ великому, могучему чуду любви. Дай мнѣ теперь свою руку, Анна, я хочу указать тебѣ немного дальше дорогу къ любви; оттуда ты должна будешь найти и найдешь ее сама, если этого захочетъ судьба. Разсказывать мнѣ дальше? О любви?»

«Да, мама, говори!»

И съ робостью въ душѣ я продолжала:

«Я говорила о чудѣ любви. Это выраженіе не совсѣмъ подходитъ, развѣ только въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о чудесахъ природы. Любовь между мужчиной и женщиной—самое естественное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое прекрасное въ человѣческой жизни. Мои слова слишкомъ бѣдны, чтобы сдѣлать тебѣ вполнѣ яснымъ ея священно-земной характеръ. Это, быть можетъ, когда-нибудь откроетъ тебѣ сама жизнь. Любовь священна и вмѣстѣ съ тѣмъ она земная, сказала я. Священна, потому что съ того момента, какъ ты полюбила мужчину, онъ участвуетъ во всемъ, что ты дѣлаешь и думаешь. Твои стремленія и работа, надежды и опасенія связаны съ нимъ, его образъ не оставляетъ тебя ни днемъ, ни ночью. Все твое существо принадлежитъ ему, получаетъ пищу отъ него и проникается имъ. Ты нераздѣльно связана со своимъ возлюбленымъ. Ты видишь, Анна, что маленькія веселыя ухаживанія, флирты и какъ тамъ называются всѣ эти милыя вещи, не имѣютъ ничего общаго съ любовью, о которой я говорю. Я, конечно, не хочу отнять ихъ у васъ, дѣти, все это, дѣйствительно, весело и очень мило. Но никто не смѣетъ смѣшивать влюбленность въ красивые темные глаза, красивую бороду, въ изящнаго танцора или собесѣдника съ любовью. Это милыя, пестрыя декораціи, за которыми ты большей частью найдешь при внимательномъ осмотрѣ пустыя стѣны, скучное ничто или оскорбительную грубость, пошлую чувственность. Анна, ты понимаешь?»

Отвѣтомъ мнѣ было тихое рукопожатіе.

«Любовь, которая въ радостномъ достоинствѣ готова на всякую жертву для любимаго человѣка, не декорація, она—сама правда. Она должна быть готова къ жертвамъ, потому что она требуетъ жертвъ. Анна, она потребуетъ отъ тебя самаго цѣннаго—тебя самое, все твое существо. Не только душа принадлежитъ возлюбленному, тѣло тоже принадлежитъ ему. И это и есть земная любовь. Ты знаешь, что мужчина и женщина созданы природой различно. Каждый изъ нихъ долженъ исполнить предназначенную ему приро-

дой цѣль. Въ этомъ отношенiи у человѣка все устроено такъ-же, какъ у животнаго и у растенiя. Ты учила объ этомъ въ школѣ. Мужскiя и женскiя растенiя и животныя оплодотворяютъ другъ друга, чтобы продолжать свой родъ. Инстинктъ въ опредѣленное время толкаетъ животное, любовь направляетъ въ свободно избранный часъ человѣка. Пойми меня вѣрно, Анна, не инстинктъ и похоть должны соединять мужчину и женщину, но свободное, твердое рѣшенiе. Сѣмя мужчины вливается въ тѣло женщины, оплодотворяетъ ждущее тамъ яйцо и совершаетъ этимъ чудо зарожденiя».

«Мама, развѣ все это должно быть?»

«Да, дитя, природа хочетъ этого, и это хорошо. Это священный творческiй часъ, который облагораживаетъ двухъ людей, дѣлая ихъ отцомъ и матерью, который вызываетъ къ жизни зародившееся въ любви существо. И къ нему длинной цѣпью примыкаютъ недѣли, мѣсяцы, годы, въ которые растутъ хрупкiя дѣтскiя жизни, требующiя охраны и ухода и этимъ неразрывно связывающiя родителей вѣчно новыми заботами и радостями.»

«Да, ласкать и лелѣять своего ребенка! Я не могу представить себѣ ничего болѣе прекраснаго!»

«Анна, самое глубокое часто остается невысказаннымъ. Слова слишкомъ грубы, чтобы сдѣлать понятнымъ тонкiя, неуловимыя чувства. До сихъ поръ я говорила объ этомъ только съ твоимъ отцомъ. Но я рѣшаюсь говорить объ этомъ, дочь моя, и съ тобой. Ты вступаешь въ далекую, чуждую страну, и жизнь подступаетъ къ тебѣ въ тысячѣ формъ, красокъ и образовъ со своими опасностями, радостями, блаженствомъ и страданiями. Истинная женщина стремится къ любви, и это желанiе часто заставляетъ ее видѣть образы и отношенiя, существующiя только въ воображенiи, въ надеждѣ, но не въ дѣйствительности. Я хотѣла-бы вооружить тебя для борьбы съ этими иллюзiями. Знай, что любовь, бракъ и рожденiе дѣтей—вершина человѣческаго счастья, что никакая школа не сможетъ образо-

вать болѣе сознательнаго, сильнаго и радостнаго человѣчества, чѣмъ они. Анна, вспомни о нашемъ миломъ, уютномъ домѣ, вспомни о своемъ отцѣ! Но знай также, дитя мое, что многія семьи становятся могилой счастливыхъ надеждъ, благовѣйныхъ желаній такъ-же, какъ и пустыхъ призраковъ, оттого что не прочная любовь соединила души и тѣла, но животный инстинктъ или легкомысліе и непониманіе приковали другъ къ другу двухъ людей къ горю для нихъ самихъ и ихъ дѣтей.

Если судьба когда-нибудь столкнетъ тебя съ человѣкомъ, которому ты въ ясной увѣренности счастливой близости будешь готова отдать душу и тѣло, не дай бурному ликованію заглушить внутренній голосъ, который и тогда будетъ кричать тебѣ: останься вѣрной лучшему въ тебѣ, облагородь и часъ высшаго наслажденія красотой. Когда любовь горячѣе всего—она и прекраснѣе и святѣе всего. Забудься лишь для того, чтобы пробудиться опять полной гордости. Не отъ стыда, а только отъ радости должна ты краснѣть при воспоминаніи объ этомъ часѣ.

Тонко чувствующій мужчина пойметъ и будетъ уважать твои чувства. Онъ никогда не будетъ видѣть въ тебѣ свою служанку, онъ будетъ видѣть и любить въ тебѣ свою подругу, мать своихъ дѣтей. Тихимъ голосомъ и мягкой рукой любящая жена ведетъ бурнаго мужа къ ясности и гармоніи. Дитя, любовь женщины должна быть изящна и гармонична!»

Я замолчала. Анна устремила на меня свои темные, сверкающіе глаза. Мало-по-малу въ нихъ засвѣтилось радостное сіяніе. Она вскочила, сжала мои руки и сказала:

«Если Богъ захочетъ, я буду такой женой, какую ты мнѣ только что нарисовала. Я могу любить, я чувствую это. Но если Богъ пошлетъ мнѣ другую жизнь, я буду стараться всѣми силами прожить ее мужественно и честно».

Эльза Силландъ.

Дрезденъ-Блазевицъ.

О родительскомъ долгѣ.

Сдѣлавшійся въ послѣднее время жгучимъ вопросъ полового воспитанія дѣтей и трудности, которыя встрѣчаетъ рѣшеніе этого вопроса, ярко изображаютъ современное состояніе нашей нравственности.

Если бы наша современная государственная и семейная жизнь покоилась на чистой моральной основѣ, вопросъ объ ознакомленіи дѣтей съ половыми отношеніями частью совсѣмъ отпалъ-бы, частью же рѣшился бы самымъ простымъ образомъ. Но теперь совершенно невозможно приступить къ рѣшенію этого вопроса, не разсмотрѣвъ предварительно состояніе нравственности въ семьѣ, такъ какъ именно здѣсь находятся элементы, изъ которой должно исходить рѣшеніе этого вопроса.

Какой пользы можно, напримѣръ, ожидать отъ разъясненія полового вопроса оканчивающимъ школу, слѣдовательно, ученикамъ народныхъ школъ въ 15—16 лѣтъ, ученикамъ средней школы въ 16—20 лѣтъ, если они привыкли уже въ семьѣ думать и чувствовать чисто и нравственно. Это разъясненіе при уходѣ изъ школы можетъ, самое большее, послужить къ тому, чтобы предостеречь дѣтей отъ грозящихъ имъ въ половомъ отношеніи опасностей.

Половое воспитаніе возможно только на основѣ общаго нравственнаго воспитанія, въ которомъ, естественно, наибольшее участіе принимаетъ семья.

Такъ какъ большая часть дѣтей рождается и воспитывается въ бракѣ, то этотъ фактъ заставляетъ насъ прежде всего разсмотрѣть нашу современную брачную жизнь, каковы люди, вступающіе въ бракъ, насколько ихъ воспитаніе дѣлаетъ ихъ пригодными для брака и для воспитанія дѣтей.

Разсмотримъ поэтому ребенка и его воспитаніе. Первый факторъ, который принимается въ соображеніе родителями очень рано, это забота, чтобы ребенокъ могъ занять самое лучшее положеніе, какое только возможно. Конечно, само по себѣ очень похвальное и почтенное стремленіе. Жаль только, что это стремленіе въ своемъ осуществленіи и послѣдствіяхъ такъ часто влечетъ за собой все то зло, которое дѣлаетъ юное существо непригоднымъ для развитія въ немъ истинно-человѣческихъ качествъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для брака. Прежде всего развивается язва всего человѣчества, самолюбіе, эгоизмъ, первые цвѣты которыхъ—честолюбіе и карьеризмъ. Я всегда находилъ: чѣмъ больше честолюбія, тѣмъ меньше чувства чести. Ребенокъ снабжается обильно положительными знаніями, но онъ остается бѣднякомъ въ области чувства, потому что не получаетъ яснаго пониманія, яснаго представленія о нравственной чистотѣ. Затѣмъ, родители заботятся о томъ, чтобы ребенокъ отъ времени до времени попадалъ въ общество, чтобы онъ научился держать себя въ немъ. Такимъ образомъ родители прививаютъ ему съ самаго дѣтства заботы о пользѣ, о преуспѣяніи своего «я». Достаточно когда-нибудь понаблюдать за молодыми людьми. Какъ часто они пользуются преимуществами, которыя даютъ имъ ихъ большія знанія и ихъ положеніе. Какъ нагло и высокомѣрно обращаются они со слугами и вообще съ людьми, которые, какъ они знаютъ, не могутъ защищаться. Какъ безстыдно они часто ведутъ себя въ общественныхъ мѣстахъ, какія гадости позволяютъ себѣ по отношенію къ кельнершамъ, какія пошлости приходится тамъ слышать. Зато какую пустую, безсмысленную любезность выказываютъ они дѣвушкамъ, родители которыхъ занимаютъ хорошее положеніе! Какъ гнусно и трусливо все это!

Такое воспитаніе влечетъ за собой очень раннее пробужденіе полового инстинкта. Нерѣдко случается, что такъ воспитанный юноша, едва окончивъ школу, уже посѣщаетъ публичныхъ женщинъ. Другой плодъ такого воспитанія—

раннія любовныя связи, которыя—и это очень характерно для этого воспитанія—понимаются обоими полами только какъ нѣчто мимолетное. Затѣмъ юношу ждетъ еще военная служба, которая не способствуетъ развитію нравственныхъ устоевъ.

Послѣ того, какъ молодой человѣкъ провелъ свои лучшіе годы между стремленіемъ къ выгодѣ и удовлетвореніемъ своей чувственности, послѣ того, какъ онъ добился «положенія», онъ начинаетъ подумывать о женитьбѣ. Теперь онъ нѣчто и «можетъ и требовать кое-чего». Да, онъ, дѣйствительно, подготовленъ во всѣхъ отношеніяхъ къ современному браку—послѣ того, какъ у него мимоходомъ было достаточно связей, чтобы знать, что любовь только иллюзія, и что бракъ долженъ имѣть «реальную основу»! Теперь дѣло его жизни должно быть увѣнчано хорошей партіей. И ему не трудно достигнуть своей цѣли, потому что онъ находитъ достаточно обезпеченныхъ дѣвушекъ, думающихъ и разсчитывающихъ точно такъ-же, какъ онъ.

Бракъ, который заключается только изъ разсчета на обоюдную выгоду—развѣ это не самый низкій бракъ, какой только можно себѣ представить? Имѣютъ-ли такіе «супруги» право впослѣдствіи жаловаться, если они обманываютъ и измѣняютъ другъ другу? Не смотря на это, они въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ жить вмѣстѣ, такъ какъ разстаться имъ невыгодно. И они становятся родителями новаго поколѣнія. И рождаютъ дѣтей, которыя опять прежде всего предрасположены и пріучаются къ честолюбію, себялюбію, къ жаждѣ наслажденій. Конечно, то, что я описалъ, встрѣчается не всегда, это только плодъ эгоизма въ его высшемъ развитіи. Но гдѣ воспитаніе совершается по указанному выше образцу, тамъ можно ждать такихъ плодовъ. Если мы хотимъ итти впередъ, то воспитаніе должно быть направлено на то, чтобы молодежь не смотрѣла на необходимое *между прочимъ* практическое стремленіе, какъ на *главную цѣль жизни*, оно должно стремиться поставить преграду развитію эгоизма, карье-

ризма. Оно должно стараться вернуть молодежь опять къ великимъ истинамъ, которые заключаются въ произведеніяхъ искусства. Надо, чтобы молодежь признавала эти истины, какъ таковыя, а не называла ихъ со старческой, высокомѣрной улыбкой непрактичными идеалами. Такое воспитаніе является вмѣстѣ съ тѣмъ поистинѣ практичнымъ, такъ какъ только оно способно сдѣлать человѣка истинно полезнымъ для общества и, слѣдовательно, пригоднымъ для любви и брака.

Только тамъ, гдѣ духовное и физическое влеченіе другъ къ другу одинаково велики, существуетъ та любовь, которая можетъ вести къ браку. Ни дружба, ни чувственность одни не даютъ права на это.

Это духовное и физическое наслажденіе испытывается молодыми супругами обыкновенно въ теченіе медового мѣсяца—какъ характерно для нашего пониманія брака одно это слово! Обѣ стороны тогда еще находятъ другъ въ другѣ то, что надѣялись найти. Затѣмъ наступаетъ отрезвленіе.

Въ бракѣ, которыя дѣйствительно является бракомъ, вопросъ полового воспитанія ребенка разрѣшается сравнительно легко.

Это воспитаніе должно начаться не въ послѣднемъ школьномъ году, а съ перваго-же дня жизни. Ребенокъ долженъ научиться смотрѣть на половыя отношенія, какъ на нѣчто простое, совершенно естественное, съ перваго пробужденія въ немъ разума.

Прежде всего необходимо изгнать тамъ, гдѣ представится къ этомъ случай, напр., при рожденіи брата или сестры, сказку объ аистѣ. Ребенку надо сказать, что у матери родился ребенокъ, а передъ рожденіемъ, что у матери родится ребенокъ. Объ этомъ надо говорить, какъ о чемъ-то естественномъ, простомъ и въ то-же время какъ о чемъ-то прекрасномъ и серьезномъ. Не слѣдуетъ скрывать, что зачатіе у человѣка въ физическомъ отношеніи подобно зачатію у животныхъ, но надо указать, что у человѣка оно должно

быть вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ процессомъ, ибо мы, люди, духовно стоимъ несравненно выше животныхъ. Мы—«подобіе Бога», но мы спускаемся до уровня животныхъ, если животное владѣетъ нами.—Все это само собой приводитъ къ любви и браку. Съ гибельнымъ вліяніемъ плохой компаніи, съ которымъ надо всегда считаться, можно бороться только стараніемъ закалить ребенка всѣмъ воспитаніемъ въ родительскомъ домѣ.

Значительную помощь въ нравственномъ воспитаніи человѣка въ этомъ отношеніи оказываютъ благородныя творенія искусства, прежде всего античныя произведенія, такъ какъ они учатъ понимать красоту тѣла. До сихъ поръ это сознавали только въ немногихъ кругахъ. Но основу полового воспитанія надо видѣть въ общемъ моральномъ воспитаніи.

Мартинъ Феддерсенъ, художникъ.

Альтона-Оттензенъ.

Богъ въ любви.

Брамины смотрѣли на зачатіе, какъ на религіозный актъ, и этимъ были ближе всего къ нашей цѣли: святыня жизни была здѣсь предметомъ благоговѣйнаго почитанія!

Меня практическій опытъ тоже привелъ къ выводу, что разъяснять половыя отношенія надо въ религіозномъ смыслѣ.

Намъ нужно понятіе, которое въ томъ-же смыслѣ, какъ зачатіе, концентрировало-бы въ одномъ моментѣ всю силу, все знаніе и всѣ чувства человѣка, соединяло-бы въ одно цѣлое всю жизнь.

Я даю этому понятію собирательное имя, которое ему дали всѣ народы: «Богъ».

Не метафизическій Богъ, не церковный Богъ, а логическое собирательное понятіе, въ которомъ находитъ мѣсто все истинное. Ребенокъ заключаетъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, переноситъ на этого «Бога» все удивленіе, которое внушаетъ ему наука, всю любовь, которую испытываетъ его маленькое сердечко, и учится понимать себя самого, какъ эманацію «Бога». «Богъ» теперь грѣющій солнечный лучъ, потомъ сладкое яблоко, завтра весна, а послѣзавтра игрушечная лошадь, всегда-же — доминирующее собирательное понятіе для временныхъ интересовъ ребенка. Съ годами и развитіемъ мыслительныхъ способностей это понятіе Бога тоже развивается во все болѣе чистую абстракцію, не вступая однако въ коллизію съ наукой. Мои дѣти, не смущаемыя никакимъ религіознымъ вліяніемъ, употребляютъ это понятіе безъ всякаго мистическаго волненія, и когда я позднѣе (я для этого выбираю первое время зрѣлости, когда ребенокъ становится задумчивымъ, и душа его находится въ

ожиданіи) проведу ихъ въ формѣ исторіи религій черезъ всѣ вѣроисповѣданія, они спокойно узнаютъ своего «Бога» во всѣхъ причудливыхъ образахъ народной фантазіи.

Связующее звено между «я» и «Богомъ» мои дѣти скоро научились видѣть въ любви. Окруженныя только прекрасными впечатлѣніями, они смотрятъ на весь міръ съ искренней радостью; они видятъ во мнѣ обильный источникъ «сказокъ», въ матери такой же источникъ пищи и всѣхъ благъ жизни, въ братьяхъ и сестрахъ товарищей игръ, въ своихъ зайцахъ и птицахъ—питомцевъ, въ лугѣ, лѣсѣ и ручьяхъ—неисчерпаемый родникъ наслажденія и впечатлѣній. Какъ легко при такихъ условіяхъ радость жизни отождествляется съ любовью! Какъ лукаво констатируютъ они на основаніи ежедневныхъ наблюденій, что папа любитъ маму; и даже абстракціи входятъ въ ихъ сознаніе, какъ любовь къ предмету. И эта радостная любовь должна расти съ дѣтьми, пока въ болѣе зрѣлые годы она не приметъ половой окраски и не сольется со святыней рожденія.

Въ одинъ чудесный осенній вечеръ я сидѣлъ со своей женой и двумя старшими дѣтьми на полуостровѣ сиренъ въ Капри; на небѣ сіяли звѣзды, и надъ Faraglioni всходилъ великолѣпный, багровый дискъ луны, свѣтъ которой отражало, сверкая, слегка волнующееся море. Дѣти не уставали восхищаться окружавшей ихъ красотой; подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія они ярко сознали «Бога», которому я училъ ихъ. «Еслибы я могла хоть разъ увидѣть его», съ энтузіазмомъ воскликнула старшая дѣвочка; тогда я рѣшилъ воспользоваться этимъ торжественнымъ часомъ, чтобы заронить въ ихъ души глубокое предчувствіе. «Ты хочешь видѣть его», сказалъ я, «это возможно; если вы будете хорошо вести себя, пока не вырастете, тогда и для васъ наступитъ это время», и, прижимая къ себѣ жену, я торжественно сказалъ: «Когда мужъ и жена очень, очень любятъ другъ друга, тогда они видятъ «Бога»! — «Ты уже видѣлъ его?» вскричалъ мальчикъ, задыхаясь отъ волненія. «Да», отвѣтилъ я; «мы видѣли его уже трижды, мама и я! Иначе васъ

двухъ не было-бы на свѣтѣ!»—«Меня?» спросила дѣвочка, пораженная этимъ заключеніемъ. «Тебя», сказалъ я, «и твоего брата тоже, ибо, когда родители видятъ Бога, тогда рождается ребенокъ». «Но вѣдь вы видѣли его три раза»,—тихо сказала дѣвочка, глядя на меня вопросительно и ожидающе, «гдѣ-же»... она запнулась; тогда я взялъ ее за руку и привлекъ къ себѣ: «Здѣсь, смотри, въ тѣлѣ у матери; тамъ онъ покоится и растетъ, пока мѣсяцъ не успѣетъ девять разъ взойти и опять скрыться; тогда онъ будетъ достаточно силенъ, чтобы появиться на свѣтъ». — Дѣти съ благоговѣніемъ смотрѣли на насъ; луна озаряла насъ своимъ сіяніемъ, и въ этомъ сіяніи мы казались имъ преображенными. Молча шли они домой, молча дали уложить себя въ кроватки, и прошло много недѣль, прежде чѣмъ они опять спросили насъ о «третьемъ».

Любовь, какъ предпосылка зачатія является моментомъ, который необходимо особенно сильно подчеркивать при ознакомленіи дѣтей съ половыми отношеніями; Это моментъ, который долженъ укрѣпиться въ дѣтяхъ такъ, чтобы они впослѣдствіи, достигнувъ зрѣлости, въ первомъ пробужденіи любви къ другому полу сейчасъ-же съ величайшей серьезностью увидѣли стремленіе къ материнству. Только это серьезное отношеніе можетъ предохранить ихъ отъ искаженія могучаго весенняго инстинкта.

Если мы хотимъ, чтобы ребенокъ получилъ вѣрное представленіе о значеніи зачатія, онъ долженъ во всемъ, что онъ переживаетъ, чему учится и что чувствуетъ, видѣть обѣтованіе зачатія, какъ самаго высшаго, что онъ можетъ пережить; поэтому необходимо собирательное понятіе «Бога», съ которымъ можно было-бы связать это обѣтованіе, характеризуя зачатіе, какъ «созерцаніе», т. е. познаніе Бога.

«Когда мужъ и жена истинно любятъ другъ друга, они видятъ Бога, и познаніе Бога пробуждаетъ въ тѣлѣ матери новаго человѣка къ жизни».

Такова основная формула моего разъясненія половыхъ отношеній дѣтямъ, составленная изъ понятій, которыя доступны малюткамъ съ 5—6-ти лѣтняго возраста; ея будетъ достаточно, пока дѣти (въ пору половой зрѣлости) не созрѣютъ для изученія анатоміи.

Пауль фонъ Шпаунъ.

Гратвейнъ.

Оглавленіе.

Краткій Каталогъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

и

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ОСВОБОЖДЕНІЕ".

С.-Петербургъ. Невскій просп., д. № 92.

Телефонъ № 48 — 48.

I. Изданія склада:

„У ИСТОЧНИКА ЖИЗНИ".

Настольная книга по половому воспитанію. Переводъ **А. Полоцкой,** съ предисловіемъ проф. **А. П. Нечаева** и вступительной статьей женщины врача **Л. В. Писаревой.** Ц. 1 р. 75 коп.

Германъ Зудерманъ.

„ПѢСНЯ ПѢСНЕЙ".

Въ 2-хъ частяхъ. 32 печатн. лист. Ц. 1 р. 50 к. (Въ теченіе одного мѣсяца книга разошлась въ Германіи въ количествѣ 58 т. экз.).

Есть писатели, каждое новое произведеніе которыхъ читающая публика всего міра встрѣчаетъ съ искреннимъ энтузіазмомъ. Такимъ писателемъ является Германъ Зудерманъ, давно признанный художникъ слова и мысли.

Его произведеніе **„Пѣсня пѣсней"** „Die Hohe Lied" — произвело грандіозное впечатлѣніе въ Германіи и, переведенное почти на всѣ языки Европы, всюду встрѣчается критикой, какъ одно изъ наиболѣе удачныхъ произведеній талантливаго писателя.

Бельше. Что такое монизмъ? Ц. 30 к.

Проф. Черни. Врачъ, какъ воспитатель ребенка. Переводъ съ нѣмец. д-ра Гордона. Ц. 50 к.

Э. Геккель Происхожденіе человѣка. Пер. съ 10-го нѣм. изд. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Петръ Пильскій. Проблема пола въ соврем. русск. литературѣ. Ц. 80 к.

А. И. Купринъ. Дѣтскіе разсказы. Обложка Билибина. Рисунки въ текстѣ Де-Пальдо. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

А. Каменскій. Студенческая любовь. Повѣсть. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Б. Шоу. Апостолъ сатаны. Пер. подъ редакціей К. Чуковскаго. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Ф. Ведекиндъ. Артистъ. Пер. съ нѣмецк. Л. Василевскаго. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Викторъ Маргеритъ. Проститутка. Романъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1908. Ц. 1 р. 60 к.

Изъ отзывовъ заграничной печати:

...Къ циклу книгъ, посвященныхъ животрепещущимъ вопросамъ современной человѣческой жизни, имѣющихъ полное право именоваться человѣческими документами, мы должны отнести романъ Виктора Маргерита—«Проститутка». Проституція, какъ одно изъ самыхъ жестокихъ послѣдствій капиталистическаго строя, превращающее людей въ „живой товаръ" и лежащее тяжелымъ гнетомъ на душѣ каждаго, кто таитъ въ себѣ хотя бы мельчайшую искру вѣры въ высокое и гордое назначеніе человѣка, должна быть выставлена передъ культурнымъ міромъ во всей своей отвратительной наготѣ, дабы голоса, защищающіе ее, какъ необходимость, замолкли въ стыдѣ и смущеніи. Такую полную и красочную обрисовку многострадальной жизни тѣхъ, кто захваченъ въ бездну проституціи, какъ высшаго, такъ и низшаго ранга, представляетъ собою романъ Виктора—„Проститутка". Авторъ, самъ глубоко скорбящій о людяхъ, выхваченныхъ изъ среды людей, заставляетъ читателя вмѣстѣ съ нимъ проникаться глубокою скорбью при ознакомленіи съ кошмарною жизнью проститутокъ, загубленныхъ и тысячами поглощаемыхъ современнымъ буржуазнымъ обществомъ. Не говоря объ общечеловѣческомъ содержаніи этого романа, необходимо указать на его высокую цѣнность, какъ изящнаго произведенія исскуства, гдѣ на каждомъ словѣ чувствуется талантливый беллетристъ, художникъ жизни.

П. Альтенбергъ. Сказки жизни. Перев. съ нѣм. Р. Марковичъ, съ предисловіемъ А. Горнфельда. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Послѣднее произведеніе молодого „модерниста" Вѣнской школы вызвало такой же глубокій интересъ къ этой яркой индивидуальности, какъ и его первыя вещи „Wie ich es sehe" и „Was der Tag mir zuträgr—

...„Кто хочетъ узнать „нормальнаго" европейскаго интеллигента, долженъ прочитать Альтенберга"—говоритъ извѣстный русскій критикъ. „Только художники и дѣти видятъ жизнь такую, какъ она есть", говоритъ видный нѣмецкій писатель Гуго-фонъ-Гофманcталь и прибавляетъ, что Альтенбергъ видитъ ее именно такъ: онъ видитъ ее всю, и въ своихъ тонкихъ, словно паутина, разсказахъ передаетъ ее всю,—смѣшную, но въ то же время поэтичную и трогательную, простую и сложную—и всегда яркую и глубокую, какъ душа поэта.

Эльза Асеньева. Дневникъ эмансипированной женщины. Переводъ съ 15-го нѣм. изд. Р. Марковичъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Отзывы русской печати:

„Дневники" охотно читаются нашей публикой. Это несомнѣнно не только мода и стадная подражательность,—причина этого явленія лежитъ много глубже. Современный человѣкъ постигъ, что, при безумно наростающемъ количествѣ цѣнностей культуры,—первымъ, самымъ дорогимъ и цѣннымъ продуктомъ ея является душа самого культурнаго человѣка со

всей ея сложностью. Поэтому современный человѣкъ цѣнитъ „человѣческіе документы“, въ которыхъ онъ видитъ частицу себя—своей сложной культурной души.

„Дневникъ эмансипированной женщины“—не только книга, умно и тонко написанная,—она болѣе того: она рѣдкая и трогательная по искренности исповѣдь женской души,—души современной женщины, стоящей на верхнихъ ступеняхъ современной культуры.

Она ищетъ гармоніи между безсознательными инстинктами души и Высшимъ Разумомъ, страдаетъ и извивается въ поискахъ правдивой, красивой и гармоничной жизни.—Этой трагической борьбой полна вся книга—исповѣдь современной женской души.

Габріель Рейтеръ. Проблема брака. Пер. Р. Марковичъ. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Какой сознательный человѣкъ не интересуется вопросомъ брака?

Это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и волнующихъ вопросовъ современности. Представляя собою краеугольный камень всего зданія современнаго общества, онъ своими трещинами ясно показываетъ, какъ шатается и готово рухнуть все зданіе; поэтому вопросами брака интересуется не только ученый, реформаторъ, философъ, государственный человѣкъ,—его страстно обсуждаетъ, надъ нимъ мучительно задумывается каждый мыслящій человѣкъ,—каждый отецъ семейства, каждая женщина. Современный бракъ—это открытая кровоточащая язва. Сжато, ясно и почти исчерпывающе полно даетъ извѣстная романистка Габріель Рейтеръ въ своей маленькой книжкѣ не только исторію вопроса, но и полный анализъ его—ставитъ діагнозъ болѣзни, прописываетъ лекарство. Эти мысли женщины, умной и талантливой писательницы, о самомъ больномъ вопросѣ современной жизни—глубоко поучительны для всякаго интересующагося проблемой брака.

Гофмансталь-Гюго. Сказка 672-й ночи. Перев. съ нѣмецкаго О. Норвежскаго. Спб. 1907. Ц. 60 к.

А. Шницлеръ. Хороводъ. Пер. съ нѣм. О. Норвежскаго. Спб. 1908. Ц. 60 к.

А. Додель. Моисей или Дарвинъ. Ц. 25 к. (распрод.).

Д. Штраусъ. Миѳическая Исторія Іисуса. Переводъ съ 18-го нѣмецк. изданія. Спб. 1907. Ц. 1 р.

» Чудеса Христа. III изд. Ц. 40 к.

П. Прудонъ. Анархія. Ц. 75 к.

» Государство и общество. 1908. Ц. 75 к.

Форель, Августъ. Проф. **Половой вопросъ.** Переводѣ съ послѣдняго изданія. Предисловіе проф. и академика **В. Бехтерева.** Цѣна за оба тома 2 р. 50 к.

Половой вопросъ является однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, въ правильной постановкѣ и научномъ разрѣшеніи котораго особенно нуждается современное общество, и поэтому появленіе капитальнаго труда проф. Августа Фореля въ этой области является особенно цѣннымъ. Половой вопросъ проф. А. Фореля выходитъ уже 3-имъ изданіемъ и разошелся въ количествѣ 40.000 экз.; оно имѣетъ ту особенную цѣнность,

что снабжено крупной вступительной статьею академика Вл. Мих. Бехтерева, одного изъ нашихъ самыхъ видныхъ ученыхъ въ области медицины. Статья акад. Бехтерева оказываетъ большую помощь читателю въ установленіи правильнаго взгляда на разностороннее значеніе и общественную пользу труда проф. А. Фореля.

А-скій. Что такое анархизмъ? Со статьей В. Черткова. Ц. 40 к.

А. Форель. Гигіена брака. Ц. 1 р.

Людвигъ Кульчицкій. Исторія русскаго революціоннаго движенія. Перев. съ рукописи, написанной авторомъ спеціально для русскаго изданія. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Марсель Прево. Собр. соч. Томъ перв. Муки Ада. Ц. 1 р.

Марсель Прево. Томъ второй. Любовь женщины. Ц. 1 р.

» » Куколка. Ц. 50 к.

Сара Бернаръ. Адріенна Лекуврёръ. Ц. 75 к.

А. И. Свирскій. Томъ перв., разсказы. Ц. 1 р. 25 к.

Издательство „Освобожденіе" выпустило первый томъ разсказовъ А. И. Свирскаго, одного изъ талантливыхъ нашихъ беллетристовъ. Къ числу самыхъ симпатичныхъ качествъ дарованія А. И. Свирскаго надо отнести удивительную простоту и безыскусственность. Это честный талантъ, который сознаетъ свою силу, не переоцѣниваетъ ея дѣйствительнаго размѣра, знаетъ себя и не пускается ни на какія уловки, не бьетъ на излюбленную въ наше изломанное время „психологію", не выдумываетъ небывалыхъ диковинныхъ эмоцій. Теперь, когда у насъ „психологами" хоть прудъ пруди, а бытовиковъ такъ мало, Свирскій особенно выдѣляется, какъ писатель быта: эта сторона выгодно преобладаетъ въ его разсказахъ, искреннихъ, невычурныхъ, сердечныхъ. *„Новая Русь" № 126.*

Леонидъ Билинскій. Обнаженія. Разсказы. Ц. 80 к.

Молль. Половая жизнь ребенка. Ц. 1 р. 25 к.

Учебныя пособія:

Уголовное право. Сокращенный курсъ. Сост. по курсамъ проф. Фойницкаго, Таганцева, Сергѣевскаго и др. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Государственное право. Конспектъ, состав. по курс. проф. Чечерина, Градовскаго, Коркунова и др. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

М. М. и **М. С.** Переводъ цитатъ изъ «Догмы римскаго права проф. Гримма». Ц. 75 к.

Владиміровъ. Переводъ цитатъ изъ «Исторіи римскаго права проф. І. Покровскаго». Ц. 30 к.

Конспектъ по неорганической химіи. Сост. по программѣ высшихъ учебныхъ заведеній по Менделѣеву, Рихтеру и др. Ц. 1 р. 25 к.

№ 25—26. **Семенъ Юшкевичъ**. Голодъ.
№ 29. **А. И. Купринъ**. Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

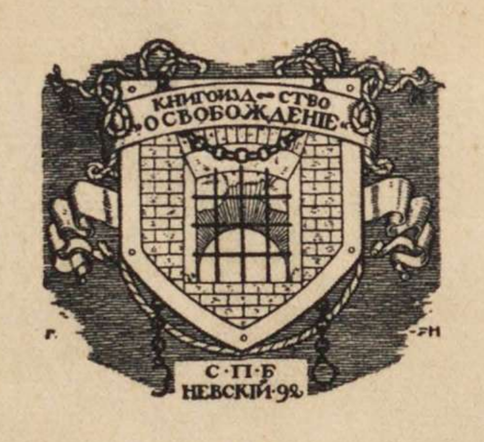
Леонидъ Андреевъ. Христіане. На рѣкѣ.
Д. Айзманъ. Немножко въ сторону.
Н. Телешевъ. Сухая бѣда.
Тимковскій. Акваріумъ.
Н. Телешевъ. Черною ночью. Противъ обычая.
Ив. Бунинъ. Астма.
А. Серафимовичъ. Преступленіе.
Анатоль Каменскій. На дачѣ.
» » Ничего не было.
» » Бѣлая ночь.
А. Вербицкая. Пробужденіе.
» Счастіе.
» Репетиторъ.
Евг. Чириковъ. Бѣлая ворона.
» » Царь природы.

Любовь къ книгѣ становится достояніемъ всѣхъ, а между тѣмъ лучшія произведенія современной русской литературы, печатаясь въ журналахъ или сборникахъ, недоступны по своимъ высокимъ цѣнамъ для широкихъ слоевъ читающей публики. Наша цѣль—предоставить всякому, кто любитъ книгу, возможность пріобрѣсти ее. Если роскошные альманахи предназначены для избранныхъ читателей, то наше скромное изданіе мы стремимся предоставить всѣмъ тѣмъ, кто ищетъ живого слова въ твореніяхъ нашихъ лучшихъ писателей.

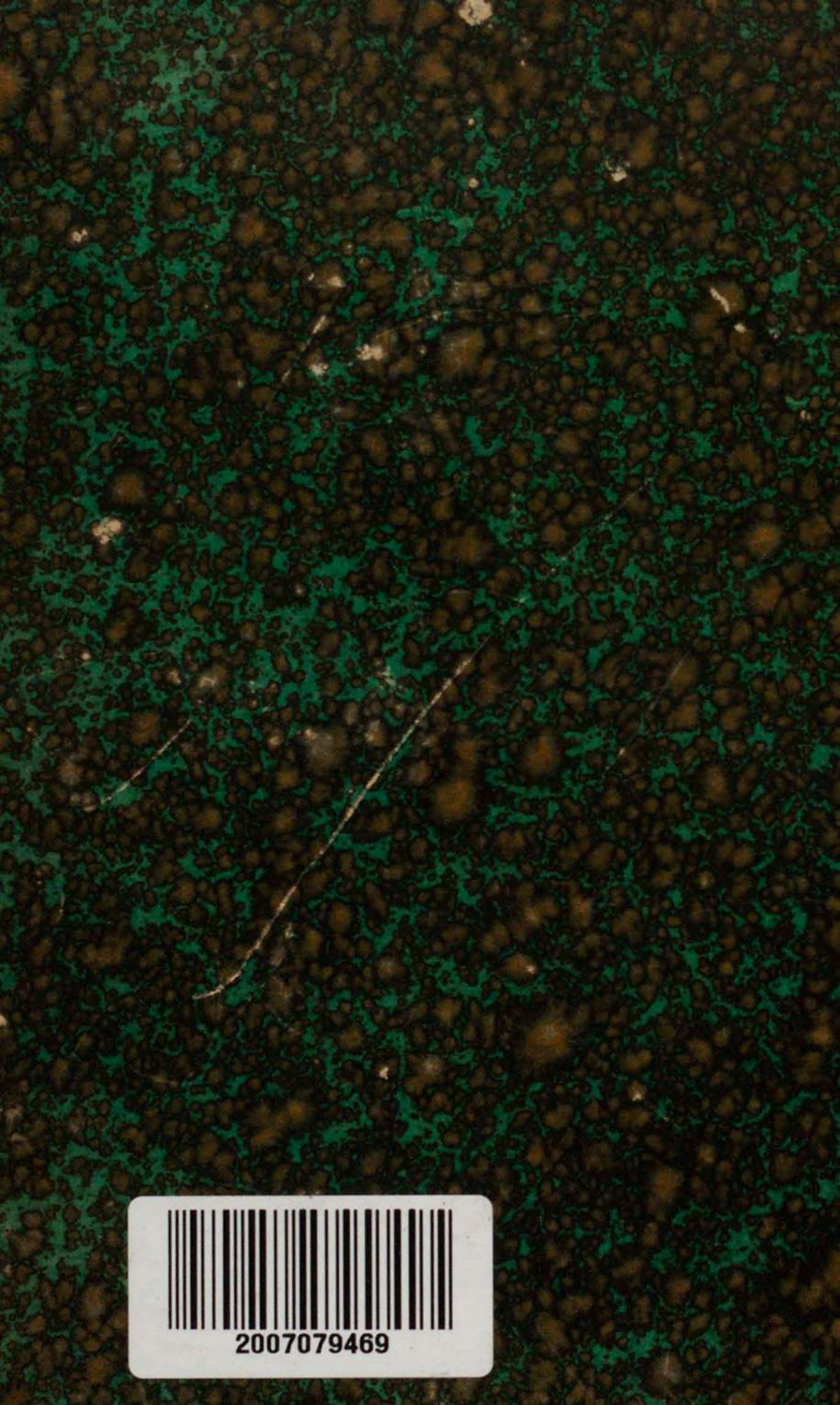
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ОСВОБОЖДЕНІЕ"

приступило къ изданію серіи книжекъ подъ общимъ названіемъ «Современная русская литература». Принимая во вниманіе, что выпуски эти предназначены для широкихъ круговъ читающей публики, а, главнымъ образомъ, для рабочихъ и крестьянъ, цѣна каждой книжки, содержащей отдѣльный разсказъ, низка—10 коп. Книжки изящно изданы, съ приложеніемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ портретовъ авторовъ.



Цѣна 1 р. 75 к.


2007079469